

Министерство образования и науки Украины
Государственное высшее учебное заведение
«Донбасский государственный педагогический университет»
Горловский институт иностранных языков

На правах рукописи

Дьячок Наталья Васильевна

УДК 81'373.611:811.161.1

**УНИВЕРБАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНО-
СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ**

10.02.02 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант
Брицын Виктор Михайлович,
доктор филологических наук,
профессор

Артемовск – 2015

Содержание

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	с. 8
ВВЕДЕНИЕ	с. 10
ГЛАВА I. ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ УНИВЕРБАЦИИ	с. 25
1.1. История изучения универбов	с. 25
1.2. История возникновения универбов в русском языке	с. 50
1.3. Причины возникновения универбов в русском языке	с. 65
1.4. Семантическая конденсация как причина процесса универбации.....	с. 70
1.5. Номинатаема как основная единица языка	с. 75
1.6. Семантические и формальные границы номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 111
Выводы к первой главе	с. 119
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ НОМИНАТЕМ ТИПА «СЛОВСОЧЕТАНИЕ + ЭЛЛИПТИЧЕСКИЙ УНИВЕРБ»	с. 124
2.1. Средства формирования вербальных реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 124
2.2. Фразеологичность вербальных и поливербальных реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 152
2.2.1. Фразеологичность словосочетаний-реализаций номинатем исследуемого типа	с. 152
2.2.2. Фразеологичность универбов-реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 158
2.3. Основные понятия номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 168
2.3.1. Принципы разграничения понятий «словообразовательная перифраза», «словообразовательное значение» и «базовое словосочетание»	с. 168
2.3.2. Принципы классификации универбальных значений .	с. 173

2.3.3. Понятие мотивационной базы для номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 178
2.4. О родовой соотнесенности универбов с исходными словосочетаниями	с. 184
2.5. Параметры лексикализации универбов	с. 192
2.5.1. Процессы деривации и лексикализации	с. 192
2.5.2. Трансформация мотивированности в рамках номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 201
2.5.3. Механизм лексикализации универбов	с. 208
2.5.4. Особенности лексикализации вербальных реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 213
2.5.5. Генетический аспект исследования доминантности ...	с. 219
2.6. Явления деэтимологизации и реэтимологизации номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 222
2.7. Квазиунивербы в русском языке	с. 233
2.8. Лексикологические особенности вербальных реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 238
2.8.1. Полисемия	с. 238
2.8.2. Особенности омонимии номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 241
2.8.3. Синонимия и антонимия реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 250
2.9. Дублеты, варианты и вариации номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 252
2.9.1. Параметры определения дублетов, вариантов и вариаций номинатем	с. 252
2.9.2. Деривационные и реляционные потенции вербальных дублетов номинатем	с. 256
Выводы ко второй главе	с. 260
ГЛАВА III. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССЫ УНИВЕРБОВ	с. 265

3.1. Параметры ономаσιологической модели для вербальных реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»	с. 265
3.2. Понятие об ономаσιологическом классе универбов. Типология ономаσιологических базисов и признаков	с. 272
3.3. Лексико-семантические и тематические группы	с. 299
3.4. Типология ономаσιологических моделей универбов	с. 305
3.4.1. Субстантивные номинатемы	с. 306
3.4.1.1. Названия субъектов	с. 306
3.4.1.2. Названия объектов	с. 327
3.4.1.3. Названия действий и состояний	с. 369
3.4.2. Глагольные номинатемы	с. 373
3.4.2.1. Названия действий	с. 374
Выводы к третьей главе	с. 376
ГЛАВА IV. ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ УНИВЕРБОВ.....	с. 381
4.1. Параметры классификации моделей универбализации	с. 381
4.2. Модели универбализации словосочетаний (на базе зависимого компонента)	с. 405
4.2.1. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1	с. 405
4.2.2. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Прил1 + Сущ1	с. 411
4.2.3. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1 + Сущ2	с. 412
4.2.4. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1 + Сущ2 + Сущ2	с. 414
4.2.5. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1 + Прил2 + Сущ2	с. 415

4.2.6. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1 + Предл + Сущ2	с. 416
4.2.7. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1 + Предл + Сущ6	с. 416
4.2.8. Модели универбализации на базе конструкции Прич1 + Предл + Сущ4 + Сущ1	с. 417
4.2.9. Модели универбализации на базе конструкции Нар + Прич1 + Сущ1	с. 417
4.2.10. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Сущ2	с. 418
4.2.11. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Сущ2 + Сущ2	с. 420
4.2.12. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Сущ5	с. 422
4.2.13. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Сущ2	с. 423
4.2.14. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + 1Сущ2 + 2Сущ2	с. 423
4.2.15. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Прил2 + Сущ2	с. 424
4.2.16. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Прил2 + Сущ2 + Сущ2	с. 427
4.2.17. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Сущ3	с. 428
4.2.18. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Сущ6 + Прил2 + Сущ2	с. 428
4.2.19. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Прил6 + Сущ6	с. 429
4.2.20. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Прил3 + Сущ3	с. 430

4.2.21. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Прил5 + Сущ5	с. 432
4.2.22. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Прич1 + Прил5 + Сущ5	с. 432
4.2.23. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Числ-Прил2	с. 433
4.2.24. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Числ-Прил2 + Сущ2	с. 434
4.2.25. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Сущ5 + Предл + Числ-Сущ4 + 1Сущ2 + 2Сущ2	с. 435
4.2.26. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Числ-Сущ1	с. 436
4.2.27. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Прил5	с. 437
4.2.28. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Сущ4	с. 438
4.2.29. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Предл + Сущ4	с. 440
4.2.30. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Прил4 + Сущ4	с. 440
4.2.31. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Сущ5	с. 441
4.2.32. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Предл + Сущ6	с. 444
4.2.33. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Предл + Сущ6 + Сущ2	с. 446
4.2.34. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Межд	с. 446
4.3. Модели универбализации словосочетаний (на базе главного компонента)	с. 447

4.3.1. Модели универбализации на базе конструкции Числ1 + Сущ2	с. 447
4.3.2. Модели универбализации на базе конструкции Числ1 + Сущ2 + Сущ2	с. 448
Выводы к четвертой главе	с. 449
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	с. 453
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	с. 461
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	с. 519

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Прил1ед – имя прилагательное в форме именительного падежа единственного числа;

Прил1мн – имя прилагательное в форме именительного падежа множественного числа;

Прил2ед – имя прилагательное в форме родительного падежа единственного числа;

Прил2мн – имя прилагательное в форме родительного падежа множественного числа;

Сущ1ед – имя существительное в форме именительного падежа единственного числа;

Сущ1мн – имя существительное в форме именительного падежа множественного числа;

Сущ2ед – имя существительное в форме родительного падежа единственного числа;

Сущ2мн – имя существительное в форме родительного падежа множественного числа;

Сущ5ед – имя существительное в форме творительного падежа единственного числа;

Сущ6ед – имя существительное в форме предложного падежа единственного числа;

Прич1ед – причастие в форме именительного падежа единственного числа;

Прич-Прил1ед – причастие-прилагательное в форме именительного падежа единственного числа;

Инф – инфинитив;

Предл – предлог;

оснПрил – основа имени прилагательного;

оснСущ – основа имени существительного;

- оснПрич** – основа причастия;
- суфСущ** – суффикс существительного;
- суфГл** – суффикс глагола;
- наращ.** – наращение;
- усеч.** – усечение;
- черед.** – чередование;
- ЛСГ** – лексико-семантическая группа;
- ЛСГОЕ** – лексико-семантическая группа одноструктурных единиц.

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой работе теоретическому анализу подвергается процесс универбации как явление речевой номинации и универбы как итоговые единицы этого процесса.

А. В. Исаченко обозначил термином «универбация» утрату формальной и семантической расчлененности наименования, то есть явления словосложения, сращения, эллиптического пропуска одного из элементов комплексного наименования (эллипсис зависимого компонента словосочетания, эллипсис главного компонента словосочетания), аффиксальной деривации, нулевой суффиксации, различных типов аббревиации [162, с. 339]. В исследованиях более позднего периода значение указанного термина сводится к обозначению такого типа трансформации словосочетания в слово, в результате которой в структуру производного слова входит основа только одного из компонентов словосочетания; таким образом, дериват-универб формально мотивируется одним словом, а семантически – всем исходным словосочетанием (*многотиражная газета – многотиражка*) [306]. А. В. Исаченко такой тип универбации обозначил термином «аффиксальная деривация» (*прогрессивная зарплата – прогрессивка, кожаная куртка – кожанка, брать в жены – жениться*), подразумевая под ней и нулевую деривацию (*противогазовая маска – противогаз*).

В широком смысле универбацию трактуют как проявление синтетизма в словообразовании, т.е. как репрезентацию одним словом значения, реализуемого в аналитической конструкции сочетанием слов. Ср. *широкоплечий* и *широкий в плечах*, *барабанить* и *бить в барабан*, *столик* и *маленький стол*, *библиотекарша* и *женщина-библиотекарь* и т.п. Также в данном понимании универбация определяется как образование слова на базе словосочетания, с которым оно имеет тождественное значение. При таком рассмотрении в разряд универбации следует отнести аббревиацию, субстантивацию, суффиксацию (в том числе и нулевую) и т.д.

И. А. Устименко объясняет универбацию как практически любой акт появления нового слова на базе поливербальной синтаксической единицы – словосочетания [477, с. 21]. Представители современного языкознания стремятся унифицировать существующие виды преобразования словосочетаний в слова и обозначить их общим термином – конденсация [276; 212] (в терминологии В. И. Теркулова – универбализация [445; 446]).

В узком смысле универбацией называют образование слова на базе одного из компонентов исходно многокомпонентного наименования: *неотложка* – *неотложная помощь*, *короткометражка* – *короткометражный фильм*, *молодежка* – *молодежная газета* и т.п. Для обозначения данного явления используются и другие термины. Авторы монографии «Русская разговорная речь», например, относят подобные образования к явлениям семантического стяжения, или семантической конденсации, понимая под этим процессы, связанные с утратой семантической расчлененности комплексных наименований, состоящих из двух или более лексем [150, с. 408]: *вечёрка* – *вечерняя газета*, *подсобка* – *подсобное помещение* и т.п. В. Н. Немченко образование производных слов в результате эллипсиса производящего словосочетания с одновременной суффиксацией называет стяжением [285, с. 241]: *читалка* – *читальный зал* и т.д. При таком понимании универбация представляет собой сжатие мотивирующего словосочетания, в том числе и фразеологизма, сопровождающееся включением. Таким образом, суффиксальная универбация является частью общего процесса универбации. Данное явление обязательно характеризуется наличием в языке двух формально связанных номинативных единиц с общей семантикой: расчлененной (аналитической) и нерасчлененной (синтетической). В результате универбации появляется единица, обозначаемая терминами *универб* или *универбат*.

Термин *универбаты* используется в работе Т. Д. Соколовской «Нормативные сокращения в современном русском языке». Им обозначаются моновербальные производные от исходного атрибута (чаще всего с помощью

суффикса *-к(а)*) единицы, сохраняющие стилевое соответствие сфере своего возникновения (разговорной речи) и реализующие синонимические отношения с производящими сочетаниями слов [402, с. 83]: *двухкопеечная монета – двушка, пятиэтажный дом – пятиэтажка, «Комсомольская правда» – «Комсомолка», маршрутное такси – маршрутка, платёжная ведомость – платёжка, раскладная кровать – раскладушка.*

Н. С. Валгина трактует вышеуказанное явление как свертывание наименований. Она говорит о том, что подобные образования «возникают на базе словосочетаний прилагательного и существительного и являются яркой иллюстрацией процесса компрессии: на месте двухсловного сочетания образуется одно слово с тем же значением, при этом используется очень продуктивный суффикс *-к(а)*» [45, с. 79].

Н. А. Янко-Триницкая называет универбы (универбаты) словами с включением, определяя включение как «расширение значения номинативной единицы, которое осуществляется за счет семантики другой номинативной единицы, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения» [534, с. 18]. Эту идею поддерживают и другие исследователи [499], считая, что включаемым может быть как значение определяющего слова в словосочетании, так и значение определяемого.

Таким образом, традиционно исследователи квалифицируют единицы типа *генералка (генеральная репетиция), прогрессивка (прогрессивная зарплата), зачетка (зачетная книжка), генеральша (жена генерала)* либо как результат компрессивного словообразования (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, Н. Я. Янко-Триницкая), либо считают результатом вторичной номинации (А. А. Брагина), либо рассматривают как реализацию закона утраты формальной и семантической расчлененности наименования (Е. Н. Сидоренко), либо называют суффиксальными универбами (Л. И. Осипова), либо определяют как частный случай лексической конденсации (Л. В. Копоть). Но все лингвисты едины в одном: перед нами явление деривационного характера, хотя абсолютное совпадение

семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения совсем не деривационные, не те, которые обуславливают возникновение новых номинативных единиц.

Часто пишут о том, что «между исходным словосочетанием и его конденсатом существуют отношения производности» [392, с. 88], то есть внешней мотивированности. Но если исходить из того, что внешняя мотивированность понимается обычно как «отношение между двумя номинатами, значение одной из которых (производной) формируется значением другой (производящей), но не совпадает с ним» [445, с. 78], можно констатировать, что в перечисленных выше примерах между производящей и производной единицами не существует отношений внешней словообразовательной мотивации. Это подтверждается следующим:

1) значение слова в данном случае не определяется через значение словосочетания, а абсолютно совпадает с ним (*мобильный телефон* и *мобильник*, *карта пополнения счета* и *пополняшка*, *жена прокурора* и *прокурорша*);

2) при модификации подобного типа не происходит и грамматических изменений (наблюдается грамматическое – родовое – тождество главного слова исходного словосочетания и соответствующего ему универба: *мобильный телефон* – *мобильник*, *кожаная куртка* – *кожанка*; случаи типа *мобильный телефон* – *мобилка*, *мобила*, *кожаный плащ* – *кожанка*, *пальто из дубленой кожи* – *дубленка*, *капитальный ремонт* – *капиталка* будут рассмотрены нами как особые случаи универбальной аналогии).

Таким образом, можно утверждать, что между словосочетанием и его словесным эквивалентом здесь реализуются словообразовательные, но не внешние, деривационные, а внутренние, межглоссовые мотивационные отношения.

В связи с этим естественно желание обозначить одним термином указанный процесс и те единицы, которые в результате этого процесса

возникли. Вслед за В. И. Теркуловым нам представляется целесообразным рассматривать каждый такой дериват как **универбализованный эквивалент словосочетания**, то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию», а данную словесную интерпретацию – как возникшую благодаря процессу **эллиптической универбации**. Каждую конкретную исследуемую нами единицу мы определяем как **номинатему типа «словосочетание + эллиптический универб»**. Она входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является единицей, семантически тождественной словосочетанию.

Под номинатемой понимается некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (глоссах, вариантах), причем в данном конкретном случае дублетами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, например, *коммунальная квартира* и *коммуналка*, *дочь царя* и *царевна*, *настойка валерианы* и *валерьянка* и т.д.

Так, возникший универб является наряду со словосочетанием **дублетом номинатемы**, включающей в свой состав оба эти компонента. «Само же преобразование словосочетания в слово должно быть определено не как деривация и не как лексикализация, предполагающая **семантическое саморазвитие** речевой реализации исходной номинатемы и распад ее актуального тождества» [445, с. 68], а как универбализация, которая характеризуется не изменением, а сохранением семантики словосочетания в новообразовании – слове.

Предложенная В. И. Теркуловым концепция не определяет того, какая из реально фиксируемых в речи структурных единиц является основной для языка. Она снимает противоречия в атрибуции разных структурных единиц путем выведения родовой, языковой единицы, системная значимость которой предполагает возможность любой структурной речевой реализации

выразителя моделируемого тождественного значения. Такая единица и является основой номинативности – номинатемой.

Таким образом, под универбом нами понимается семантически и грамматически тождественное исходному словосочетанию слово, стилистически отличающееся от этого словосочетания чертами разговорности, сленговости либо стилистически совпадающее с ним, являющееся наряду со словосочетанием дублетом одной номинатемы.

Лингвисты отмечают возникновение большого количества суффиксальных универбов, мотивированных двучленным словосочетанием или же, согласно принятой нами терминологии, слов, тождественных исходному словосочетанию (вербальных эквивалентов словосочетаний, вербальных реализаций номинатем типа «словосочетание + универб») в XX веке, особенно в последние его десятилетия [28; 292; 245; 145; 72; 132].

Существует три основные причины появления новых имен, слов и выражений вообще и универбатов в частности. Во-первых, компрессия в словообразовании объясняется действием закона экономии речевых средств, особенно сильно проявляющегося в разговорной речи. Во-вторых, она мотивируется возникновением новых явлений, нуждающихся в обозначении, например, *узкие джинсы – узкачи, планшетный компьютер – планшет* и т.п. В-третьих, могут иметься причины для изменения имени уже существующего явления. Причинами таких изменений могут быть факторы из области политики, экономики, престижа, коммуникации и т.п., например, *оффшорные зоны – оффшоры, Шенгенская виза – Шенгенка*. Кроме того, Р. И. Гафарова утверждает, что явление универбации свидетельствует не только об экономии речевых усилий, но и о «стремлении языка к «словности», о тенденции к синтетизму или, по крайней мере, к уравниванию аналитизма и синтетизма» [72, с. 10].

Исследование универбов производится нами в нескольких направлениях:

1) семантико-структурном, «целями которого являются систематизация и типологизация номинативных единиц, типов номинации; анализ взаимодействия семантического и номинативного аспектов языка; интерпретация ономазиологических структур в проекции на мотивирующую базу» [359, с. 22];

2) функциональном, которое «изучает, как используются в речи номинативные единицы с точки зрения изменения их соотношенности с миром слов, понятий и вещей» [359, с. 23]. Данный исследовательский подход характеризуется изучением механизмов вторичного означивания слов в речи, тексте (Ю. Д. Апресян, В. П. Даниленко, Ф. С. Бацевич). Вторичное означивание проявляется двояко: в создании новых смыслов у старой формы и в формировании новой формы для обозначения уже существующего понятийного содержания. Изучение процессов вторичного означивания основывается на теоретических положениях функциональной ономотологии (В. Матезиус), транспозиции Женевской школы (Ш. Балли, Х. Фрей), французской функциональной лингвистики (А. Мартине, Г. Гийом), исследованиях Казанской и Харьковской лингвистических школ (И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Потебня).

Гипотезой нашего исследования является то, что слово представляет собой только одну из субстантных речевых модификаций структурной по своей природе основной языковой номинативной единицы, называемой (согласно терминологии В. И. Теркулова) номинатемой, способной, с одной стороны, реализоваться в речи не только в слове, но и в надсловных субстанциях, а с другой – иметь в качестве своей доминантной речевой модификации любое номинативное образование. Это позволяет предположить, что исследуемые единицы – универбы – могут представлять два номинативных типа: а) универбы как доминантные реализации словесных номинатем; б) универбы как дублетные речевые модификации (глоссы) надсловных (коллокативных) номинатем.

Актуальность выбранной тематики определяется следующим:

1) номинатема как базовая единица языка представляет собой модельный объект для анализа в рамках общей теории современной номинации, поскольку она является достаточно новой, открытой для исследования номинативной категорией;

2) появление в речи большого количества универбов требует их всестороннего изучения, которое заключается в отождествлении этих единиц на соответствующем уровне, построении моделей их воспроизведения и утверждения в речи и в языке, организации их типологии;

3) возникла необходимость комплексного исследования универбов именно как номинативной сущности;

4) определение номинативного статуса различных групп универбов, в свою очередь, поможет установить актуальные модели и тактики универбальной номинации в русском языке; это важно потому, что исследуемые единицы в нем являются одной из многочисленных групп инноваций;

5) ономаσιологическое описание моделей продуцирования и функционирования универбов актуально и для современных прикладных наук с лингвистической доминантой – компьютерной лингвистики, теории перевода, систематики машинного перевода, поскольку установление особенностей речевой номинации и выявление механизмов лексической конденсации позволит разработать тактики адекватной замены комплексных номинативных единиц моновербальными в процессе создания компьютерных языков, сделать более точной практику перевода, как в машинной, так и в традиционной его разновидностях.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертация «Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономаσιологическое описание» выполнена в рамках темы «Развитие словарного состава русского языка: словообразование и заимствование» кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных

языков ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет» (№ внутренней регистрации 250709F21520).

Цель исследования заключается в определении номинативного статуса и разработке моделей структурного и ономаσιологического описания универбов русского языка, возникших как вербальные эквиваленты словосочетаний и вследствие этого функционально и семантически им тождественных, например, *молотилка* (= *молотильная машина*), *асфальтировать* (= *укладывать асфальт*), *горловчанин* (= *житель Горловки*).

Для достижения указанной цели предполагается решить следующие **задачи**:

- 1) установить возможные типы мотивации языковых и речевых единиц;
- 2) определить параметры различия универбализации как процесса создания вербального дублета номинатемы-словосочетания, с одной стороны, и лексикализации и деривации как процессов создания новых номинатем – с другой;
- 3) определить место универбализационного формо- и словообразования среди смежных явлений;
- 4) установить параметры ономаσιологической классификации универбов русского языка;
- 5) выявить систему возможных моновербальных реализаций номинатем-словосочетаний как результатов эллиптической универбализации;
- 6) разработать методику описания моделей образования универбов;
- 7) описать ономаσιологические классы универбов.

Объектом изучения является процесс универбации в русском языке, рассматриваемый с ономаσιологической и структурно-семантической точек зрения.

Предмет исследования – универбы русского языка как вербальные реализации номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб», типология их номинативных статусов и механизмов образования.

Материалом исследования являются универбы различной этимологии, прежде всего, вербальные модификации номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб», выбранные из словарных статей, текстов произведений современных авторов, текстов средств массовой информации.

Источниками анализируемого материала послужили:

- 1) Большой энциклопедический словарь : [под ред. А. М. Прохорова]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 863 с.;
- 2) Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка / А. А. Зализняк. – М. : Русский язык, 1977. – 880 с.;
- 3) Кудрявцева Л. А. Обратный деривационный словарь русских новообразований / Л. А. Кудрявцева. – К. : ИСДО, 1993. – 156 с.;
- 4) Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов : [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – 20-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1988. – 750 с.;
- 5) Скляревская Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка / Г. Н. Скляревская. – М. : ЭКСМО, 2004. – 445 с.;
- 6) Скляревская Г. Н. Толковый словарь современного русского языка : языковые изменения конца XX столетия / Г. Н. Скляревская. – М. : АСТ, 2005. – 894 с.;
- 7) Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) : в 10-ти томах / [Глав. ред. Р. И. Аванесов]. – Т.3. – М. : Русский язык, 1990. – 512 с.;
- 8) Словарь русского языка : В 4-х т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999.;
- 9) Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. – М.-Л. : Наука, Ленингр. отд., 1948-1966;
- 10) периодические издания (Бизнес за рубежом, Газета по-киевски, Комсомольская правда в Украине, Аргументы и факты, Литературная газета, Сегодня, Труд) и т.д.

Методологическая основа и методы исследования. Основным методом исследования явился **структурный**, способствующий описанию различных аспектов универбопостроения. В работе **применены** следующие **методики и приемы исследования**. Для определения границ и форм модифицирования номинатемы **использовалась методика дистрибутивного анализа**. Выделение лексико-семантических групп и подгрупп универбов **осуществлялось посредством анализа словарных дефиниций**. Для реконструкции ономаσιологической структуры исследуемых единиц и выявления особенностей соотнесенности их элементов с номинируемыми явлениями **применялась методика ономаσιологического анализа** в терминах ономаσιологических структур, которые включают ономаσιологический базис и ономаσιологический признак. Для уточнения как базиса, так и признака использовались **методики трансформационного и компонентного анализа**. При построении моделей универбализации доминирующим был **прием формализации**.

Научная новизна работы обусловлена представленным в ней моделированием процессов универбализации, номинализации, лексикализации, лексической универбации (деривации), квазиунивербации для вербальных модификаций типа «словосочетание + эллиптический универб» и одноструктурных единиц. Впервые предложены дефиниции квазиунивербов как дериватов, образованных от простых слов, структурно аналогичных универбам, и квазисловосочетаний как псевдообразований, развившихся на базе квазиунивербов. Определяется и описывается процесс номинализации как особая разновидность универбализации. Вырабатываются критерии типологического анализа омонимии универбов различной этимологии.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие современной теории номинации. В нем впервые предложена классификация универбов с точки зрения их структурно-семантического и ономаσιологического статуса. Впервые процессы

образования универбов в результате преобразования словосочетаний в слова без изменения значения трактуются как процессы образования универбализационных дублетов этих словосочетаний без нарушения актуального тождества номинативных единиц, в состав которых они входят. Это утверждение основывается, во-первых, на определении базовой языковой номинативной сущности как **номинатемы**, то есть языковой единицы, которая объединяет разноструктурные, но формально взаимосвязанные речевые единицы – слово, сочетание слов, словосочетание и т.п. – на основе их лексико-грамматико-семантического (номинативного) тождества, реализованного как семантическая идентичность или семантическая вариативность, а во-вторых, на различении явлений внешней мотивации (мотивации одной номинатемой другой) и внутренней мотивации (мотивации номинатемой ее речевых модификаций – глосс) языковых единиц. Для универбов, в связи с этим, предполагается разграничение следующих процессов:

- 1) деривации – образования новых номинатем путем сочленения форм и семантик исходного словосочетания и словообразовательного форманта (внешняя мотивация);
- 2) лексикализации – семантического саморазвития исходной единицы, ведущего к распаду ее тождества (внешняя мотивация);
- 3) универбализации – формального преобразования словосочетания в его вербальный эквивалент (внутренняя мотивация);
- 4) номинализации – процесса превращения некоторого элемента или сочетания элементов (словосочетания) в устойчивый элемент языка, функционирующий в качестве эквивалента отдельного слова; в данном случае отношения между исходной и финальной единицами не изменяются (внутренняя мотивация).

В работе осуществлено описание по указанным методам номинатем русского языка, состоящих из словосочетаний и эллиптических универбов.

Практическое значение результатов исследования состоит в возможности использования его результатов в вузовских курсах, посвященных

проблемам синхронного и диахронного словообразования, ономазиологии, семантики, лексикологии. Разработанные модели трансформации словосочетаний в универбы могут быть использованы в системах машинного перевода, а также при создании и усовершенствовании языков программирования.

Личный вклад соискателя заключается в том, что все результаты исследования получены самостоятельно; все научные работы, кроме одной статьи, написаны без соавторов.

Апробация результатов диссертации, положений и выводов осуществлялась в виде тезисов, докладов и аннотаций научных и научно-практических конференций: XII Международной научной конференции «Русистика и современность» (Одесса, 2009); Международной конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики» (Бердянск, 2009); III Международной научно-практической конференции «Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения» (Севастополь, 2009); Международной научно-практической конференции «Украино-русское двуязычие – залог стабильности и процветания регионов Украины» (Луганск, 2010); Научно-практической конференции «Слобожанська бесіда – 4, 5. Новожитній інтерферентний ареал: минуле й сучасне» (Луганск, 2010, 2011); Международной научной конференции «Язык как система и деятельность – 2» (Ростов-на-Дону, Россия, 2010); Международной научно-практической конференции «Восточнославянская филология: от Нестора до наших дней» (Горловка, 2010, 2012, 2013); Международной конференции «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (Днепропетровск, 2007, 2009, 2011); XX Международной научной конференции им. проф. Сергея Бураго «Язык и культура» (Киев, 2011); II Международной научной конференции «Семантика и прагматика языковых единиц в антропоцентрической парадигме» (Симферополь, 2011); Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в школе и в ВУЗе: проблемы изучения и преподавания» (Горловка, 2009, 2010; Горловка-Юрьевка, 2012);

Международной заочной научно-практической конференции «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Новосибирск, 2012); VI Международной научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация: язык – культура – личность» (Острог, 2010, 2012); Международной научной конференции «XII Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения академика И. И. Срезневского» (Харьков, 2012); II Международной научной конференции «Современные направления преподавания гуманитарных дисциплин в средних и высших учебных заведениях: язык, литература, история» (Горловка, 2012); X Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (Владимир, Россия, 2013); Международной научной конференции «Русистика сегодня: интра- и экстралингвистические проблемы» (Херсон, 2009, 2013); Международной научно-практической конференции «Методология историография языкознания» (Славянск, 2013); Международной научной конференции «XVIII Славянские чтения» (Даугавпилс, Латвия, 2013); Международной научной конференции «Русистика XXI столетия: направления, идеи, проблемы» (Донецк, 2013); IV Всеукраинской научно-практической конференции «Сучасні лінгвістичні парадигми» (Горловка, 2013); Международной научной интернет-конференции, посвященной памяти профессора Е. С. Отина (Артемовск, 2015); Межкафедрального научно-практического интернет-семинара «Сучасні лінгвістичні парадигми» (Артемовск, 2015). Кроме того, апробацией исследования были выступления с докладами на отчетных научных конференциях профессорско-преподавательского состава Горловского института иностранных языков ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет» (2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013).

Публикации. Основные положения диссертационного исследования изложены в 46 работах автора, среди которых – монография «Универбация в русском языке: принципы структурно-семантического и ономаσιологического описания» (19,95 п. л., Горловка, 2014), 32 статьи в

изданиях, утверждённых ВАК (ДАК) Украины как специализированные. Теоретические положения диссертации изложено также в других изданиях, материалах и тезисах конференций в Украине, России, Беларуси, Казахстане, Словении, Латвии.

Структура и объем диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, общих выводов, списков использованной литературы (566 позиций), использованных источников иллюстративного материала (80 позиций), а также приложения (отдельным томом). Общий объем диссертационной работы – 522 страницы; объем основного текста диссертации – 460 страниц.

ГЛАВА I. ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ УНИВЕРБАЦИИ

1.1. История изучения универблов

Принято считать, что «в русском языке конца XX – начала XXI века компрессивные способы словообразования все больше активизируются, что связано с активным проникновением в книжно-литературный язык разговорных и разговорно-просторечных элементов» [38, с. 82]. Среди способов компрессивного словообразования в первую очередь следует назвать явление универбации (от лат. *universalis* – «общий» и *verbum* – «слово»). Термин этот еще не устоялся в теории словообразования, следствием чего являются разные подходы к его определению.

Научный интерес к образованиям типа *молотилка* (*молотильная машина*), *Хитровка* (*Хитров рынок*), *малолитражка* (*малолитражный автомобиль*), *приемник* (*приемное отделение*) и процессу их возникновения проявился в начале XX века и до сих пор не иссяк. Можно обозначить следующие периоды изучения универбации и универбатов как ее результативных единиц.

1. Первая половина XX века (Я. Розвадовский 1921; А. А. Шахматов 1925). На этом этапе только намечались подходы к исследованию словных образований, семантически тождественных словосочетаниям.

2. Вторая половина XX века (А. В. Исаченко 1958; Н. А. Янко-Триницкая 1964; М. Докулил 1968; А. Бартошевич 1973; В. В. Виноградов 1977; В. В. Лопатин 1978; И. М. Полякова 1972; Л. Н. Мурзин 1979; Е. А. Земская 1981; Е. Калишан 1981, 1986). Данный этап характеризуется общетеоретическим подходом к универбации.

3. Конец XX – начало XXI века (Л. И. Осипова 1991, 1994, 1999, 2004; А. А. Лучик 2000, 2001, 2003, 2006; Н. С. Валгина 2001; М. А. Ярмашевич 2003; И. А. Устименко 2004; В. И. Теркулов 2006, 2007, 2008, 2010; Л. В. Копоть 2005; Р. И. Гафарова 2009). Для данного этапа

характерно комплексное исследование универбации, заключающееся в детальном изучении моделей (универбализационных моделей – Н. Д.) образований с наиболее продуктивными суффиксами, углублении вопросов стилистического расслоения суффиксальных универбов, акцентировании внимания на многокомпонентности исходных словосочетаний, составлении словарей суффиксальных универбов.

Термин *универбация* «впервые был употреблен К. Бругманном в 1904 для обозначения звуковых единиц, возникших на основе словосочетаний, внешне цельноформленных, но не обладающих содержательной изолированностью» [Цит. по 526, с. 133].

Польский лингвист Я. Розвадовский в контексте компрессивного словообразования выдвинул теорию об «исконной двучленности возникающих понятий всякого наименования» [562]. Ученый считал, что вновь возникающие понятия одними своими признаками связываются с уже существующими понятиями, другими от них отличаются, поэтому языковой знак тоже состоит из двух компонентов – идентифицирующего и дифференцирующего. Теория Я. Розвадовского оказалась близка теории А. А. Шахматова, который понимал указанное явление в широком смысле и определил его как эллипс: «Эллипс – это не одноактное явление, а результат эволюционного развития языка. Связан с явлением антиципации, когда по фрагменту лексического состава <...> единицы предвосхищается значение целого» [514].

Для обозначения исследуемого явления А. В. Исаченко впервые использовал термин «семантическая конденсация» [162]. А. В. Исаченко также ввел в научный обиход под термином «универбация» понятие утраты формальной и семантической расчлененности наименования [162, с. 339]. Он обозначил данным термином следующие явления:

- 1) словосложение (*прямолинейный, водовоз*);
- 2) сращение (*накануне, долгоиграющий*);

3) эллиптический пропуск одного из элементов комплексного наименования:

а) эллипсис означаемого члена, то есть субстантивация (*рабочий, военный, передовая*);

б) эллипсис означающего члена (*газовая плита – плита, патефонная пластинка – пластинка*);

4) аффиксальную деривацию (*молотильная машина – молотилка, прогрессивная зарплата – прогрессивка*);

5) нулевую суффиксацию (*противогазовая маска – противогаз*);

б) различные типы сложносокращенных слов (*медработник, ПАЗ, НИИ, мопед*).

В. В. Виноградов отмечал, что «словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативной категории речи сообщения. Но оно относится также так же, как слово, и к области «номинативных» средств языка, средств обозначения» [60, с. 141]. Этим лингвист подчеркнул существование в русском языке номинаций, образовавшихся на базе устойчивых словосочетаний. «Составные наименования могут иметь разговорно-просторечные эквиваленты в форме одного слова <...>: *вечерняя газета – вечерка, ночлежный дом – ночлежка, Погодинская улица – Погодинка*» [60, с. 156].

Н. М. Шанский называет универбацию *стяжением* или *сжатием*, указывая на то, что «способ стяжения сочетания «прилагательное + существительное» посредством суффикса -к(а) в слово, в результате которого функции опорного слова исходного оборота берет на себя названный суффикс, был продуктивным давно... Однако в советскую эпоху деривационная активность суффикса -к(а) стала особенно яркой» [508].

В. С. Верещагина, в свою очередь, называет рассматриваемое явление *семантической конденсацией*, трактуя ее как «процесс, при котором один из элементов номинации, состоящий по происхождению из двух элементов,

утрачивает свою самостоятельность, в связи с чем происходит объединение этих элементов в единое целое» [52, с. 8].

Е. А. Земская, М. В. Китайгородская и Е. Н. Ширяев рассматривают универбацию как способ словообразования, реализующийся в разговорной речи (считая разговорную речь особой языковой системой, противопоставленной в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку), который действует только при производстве существительных: «В РР (разговорной речи – Н. Д.) действуют все те способы словообразования, что и в КЛЯ (классическом литературном языке – Н. Д.). <...> Кроме того, в РР имеются специфические по сравнению с КЛЯ способы словообразования: универбация и усечение основ» [150, с. 82].

Сущность *компрессивного словообразования*, по мнению лингвистов, заключается в «построении слов, которые представляют собой разного рода сокращения имеющихся в языке номинативных единиц – слов и словосочетаний» [150, с. 87].

Под компрессией вообще «можно понимать уменьшение числа значимых единиц в пределах большей единицы, т. е. примерно то, что Т. Гивон называет синтактизацией. <...> Таким образом, уменьшается число дискретных единиц в пределах слова. Возникают флективно-фузионные процессы, следствием которых является «склеивание» единиц плана содержания, ранее передававшихся разными знаками. В частности, речь идет об уменьшении единиц в пределах синтаксических конструкций...» [292, с. 19].

В рамках указанного понятия Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев используют для обозначения исследуемого нами явления термины *суффиксация*, *усечение* и *универбация*. Они отмечают: «Если производное слово семантически соотносимо со словосочетанием, то оно как бы втягивает в себя его семантику, конденсируя и семантику, и форму словосочетания. Этот подвид компрессии осуществляется разными

способами словообразования: с у ф ф и к с а ц и е й – *маршрутка* (маршрутное такси); <...> у с е ч е н и е м – *декрет* (декретный отпуск)» [150, с. 87]. И еще: «Универбацией принято называть способ образования слова на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносительно с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием» [150, с. 82].

В другой работе «Словообразование и текст» Е. А. Земская, не употребляя термин *универбация*, говорит о тождественном по сути явлении, рассматривая его в контексте словообразования. «Деятельностный характер словообразования обнаруживается в речевом акте», например, в создании «в процессе речевого акта **производного от данного в предтексте <...> словосочетания** (выделено нами – Н. Д.)» [151, с. 18].

Создание универбализованных единиц она определяет как создание текстовых номинаций. Наиболее часто в этом случае порождаются имена лиц. «Имя лица может быть получено в результате свертывания конструкции как с глаголом, так и с прилагательным» [151, с. 19]: *конфетница – любительница конфет, сосочник – ребенок с соской, канюка – кто канючит, канючащий человек.*

Порождение слова в речевом акте, по мнению Е. А. Земской, происходит не только в результате свертывания именной конструкции. Наблюдается также обратное явление – порождение глагола в результате свертывания глагольной конструкции с целью динамического изображения ситуации, например: *кричать ура – уракать, говорить да – дакать, быть настырным – настырничать, быть скромным – скромничать, быть трусливым – трусливничать* и т.п. «Этот тип порождения производного слова более редкий и осуществляется чаще как шутка, острота, результат которой – неузвальное слово» [151, с. 20].

Кроме того, Е. А. Земская считает, что при формировании текстовых номинаций говорящий создает некую номинацию, часто неузвальную, чтобы

дать название предмету или лицу, которые не имеют имени, и благодаря этому отнести получившуюся номинативную единицу к какому-то разряду, например: *обезьянник – место для обезьян, грачовник – место грачей* и т.п.

В. В. Лопатин, предпочитая термин *универбация*, пишет, что приведенный термин наиболее точно отражает сущность «этого весьма активного в современном русском словообразовании явления» [236, с. 72]. Вместе с тем лингвист не считает универбацию отдельным способом словообразования. Он говорит о том, что универбация сопровождает такие способы словообразования, как суффиксация, субстантивация, сложение, аббревиация. Мы же считаем, что универбация – самостоятельное явление, которое нельзя квалифицировать как сопутствующее указанным способам словообразования. Напротив, оно объединяет собственные специфические характеристики с имитацией словообразовательного акта, оформленного аффиксацией.

И. И. Ильина уверена, что указанное явление «следует рассматривать в рамках всей словообразовательной системы для определения того, является ли универбация особым способом словообразования» [161, с. 81]. Также, определяя исследуемое явление, лингвист однозначно считает его «развивающимся способом словообразования, характерным для разговорной речи. С помощью этого способа создаются слова, усиленные семантической интенсивностью, а это прямо отвечает задачам разговорной речи, естественному стремлению говорящего к ее интенсификации, поэтому отрицание семантической конденсации как способа словообразования нам представляется нецелесообразным» [161, с. 81]. На наш взгляд, здесь необходимы некоторые уточнения. Универбацию нельзя назвать способом словообразования, поскольку сущность того или иного способа словообразования можно выразить схемами: **слово X → слово X1**, **словосочетание XY → слово X1**, сущность универбации – такой схемой: **словосочетание XY – слово X1** либо **словосочетание XY = слово X1**. Универбация – особое явление, актуальное для современной разговорной

речи. Оно базируется на понятии семантического и грамматического тождества реализаций номинатемы – слова и словосочетания; именно поэтому в схемах, отражающих явление универбации, между двумя ее компонентами ставится тире или знак равенства, например: *хлебозвозка – хлебозвозная машина, генералить – делать генеральную уборку, фотополимер – фотополимерная пломба, кисломолочка – кисломолочная продукция* и т.п.

Так или иначе, со временем значение вышеуказанного термина было сужено до определенного типа преобразования словосочетания в слово, при котором «в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват (универб) по форме соотносится с одним словом, а по смыслу – со всем мотивирующим словосочетанием (*многотиражная газета – многотиражка*)» [306].

Л. В. Копоть пишет: «Универбация характеризуется конденсацией семантики в одном слове, утратой формальной расчлененности в процессе возникновения однолексемной дефиниции из предшествующего ей словосочетания. Усечение атрибутивных словосочетаний способствует появлению универбов. При типичной для словосочетаний редукции определяемого компонента с предметным значением несокращенная часть «вбирает» в себя семантику всего прототипа» [193, с. 65].

Таким образом, из классификации А. В. Исаченко к универбации в новом значении можно отнести только так называемую аффиксальную деривацию (типа *прогрессивная зарплата – прогрессивка, кожаная куртка – кожанка, брать в жены – жениться*) и нулевую деривацию (типа *противогазовая маска – противогаз, богатый человек – богач*). Отметим, что нам термин «нулевая деривация» кажется неудачным. Данный термин стоит в одном ряду с некорректными терминами «нулевая аффиксация» и «нулевой аффикс».

Не вызывает сомнений то, что существительное *противогаз* соотнесено имитацией морфологической деривации со словосочетанием *противогазовая маска*. Этот способ реализации номинатемы с доминантой-словосочетанием

является сходным с традиционным бессуффиксным способом морфологического словопроизводства (Н. М. Шанский, З. А. Потиха). Нулевая суффиксация неоднократно рассматривалась в синхронном аспекте. Этого нельзя сказать, например, об историческом или ахроническом аспектах данной проблемы.

«Нулевые словообразовательные средства, способ нулевой суффиксации не были искони присущи системе славянского словообразования» [291, с. 38]. Слова указанного выше типа формировались «на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов *ї, ѓ, ѣ, а (> ъ, ѣ)*» [508, с. 286], именно поэтому подобные образования имели в своей структуре иногда приставочную, корневую, суффиксальную и флективную морфемы: *рокъ* (**rǫkǫs*), *порокъ* (**pǫrǫkǫs*), *урокъ* (**ǫrǫkǫs*) и т.д. Вслед за Г. А. Николаевым мы полностью разделяем мнение А. В. Десницкой, считавшей, что многие из подобных образований «могут быть сравнительно нового происхождения. Но как тип, это словообразование имеет очень большую древность, соответствуя аналогичным построениям древнегреческого и санскритского языков и уходя своими корнями в далекие эпохи выработки категории имени и глагола» [113, с. 14].

Термины, отражающие понятия нулевой аффиксации и нулевой морфемы, представляются не очень удачными не только в историческом, но и в синхронном аспекте.

Как обычно утверждается, нулевая морфема, или нулевой аффикс, – «отсутствие аффикса в какой-либо форме, противопоставляемое положительно выраженным аффиксам в других формах той же парадигмы» [341, с. 213].

Изначальное противоречие заложено в самом термине, в котором атрибут «нулевой» по своему исконному значению абсолютно синонимичен определению «отсутствующий». Другими словами, термин «нулевой аффикс (морфема)» по семантике составляющих компонентов идентичен термину

«отсутствующий аффикс (морфема)». Однако в этом случае трудно определить, что же обозначает термин: материально не выраженную субстанцию или отсутствие всякой субстанции.

В. И. Теркулов считает также, что данное понятие противоречит самой природе знака. Как известно, знак – это «материально-идеальное образование..., репрезентирующее предмет, свойство, отношение к действительности» [228, с. 67]. Это предполагает, «что план выражения знака является элементом, субституирующим реальность, причем эта способность к субституции и есть сущность знака. Если же у знака нет плана выражения, то отсутствует и способность к субституции, а, следовательно – отсутствует и сам знак» [436, с. 353-354].

Однако существует мнение, что оправдать отсутствие плана выражения у знака можно за счет констатации того, что знак данного типа находится на периферии системы. При этом существование нулевых аффиксов обосновывается не столько внутренними закономерностями существования системы, сколько необходимостью заполнения парадигматических лакун: «Под нулевой суффиксацией понимается нами показательное отсутствие формального знака при наличии четкой соотнесенности с производящей основой в системе родственных суффиксальных образований» [12, с. 64]. Выражаясь иными словами, например, у слова *синхрон* выделяют нулевой суффикс только потому, что материально выраженный суффикс есть в других тождественных, синонимичных или близких по значению данному универбу единицах, например, *синхронный перевод* – *синхрон* и *синхронный перевод* – *синхронка*.

Как известно, система – это «объединение некоторого разнообразия в единое и чётко расчленённое целое, элементы которого по отношению к целому и другим частям занимают соответствующие им места» [493]. В. И. Теркулов в связи с этим утверждает, что «если какой-то факт системы противоречит нашему представлению о ней, виновата в этом не она, а именно наше представление. В этом случае нужно хотя бы попытаться

поискать другой подход к определению статуса этого «внесистемного» факта в системе» [440].

В нашем случае можно предложить другой способ трактовки понятий «аффикс» вообще и «нулевой аффикс», в частности для универбов – реализаций номинатем с доминантой-словосочетанием. Если мы называем универб вербальной реализацией номинатемы, то есть фактически ее глоссой, а процесс универбации понимаем как процесс, связанный не с внешней, а с внутренней мотивированностью, то формирование каждого отдельного универба можно считать формообразованием, а морфему, при помощи которой универб формируется, – формообразующим аффиксом, лишь имитирующим словообразовательный процесс.

Таким образом, являясь абстрактной единицей, морфема существует всегда, воплощаясь в материально выраженных алломорфах.

С другой стороны, Ч. Филлмор в рамках работы «Дело о падеже» (1967 г.), говоря о специфике падежных форм, замечает: «Многие из недавних и не таких уж недавних работ убедили нас в том, насколько существенны грамматические признаки, которые даже при отсутствии очевидных «морфемных» реализаций, безусловно, существуют в действительности, проявляясь в сочетаемостных ограничениях и в трансформационных возможностях лингвистических единиц» [492, с. 174]. Этот вывод становится возможным только в том случае, если синтаксис в грамматике конкретного языка занимает ведущие позиции: «В тех грамматиках, где синтаксису отводится центральное место, формы слов определяются в соответствии с синтаксическими понятиями, а не каким-либо иным образом» [492, с. 176]. Данные высказывания также позволяют предположить, что отсутствие морфемной реализации – по Филлмору – не означает отсутствия семантической либо грамматической формы содержания морфемной субстанции. Например, в русск. *Дом заслонил лес – Лес заслонил собою дом*, где синтаксическая позиция существительных *дом* и *лес* определяет грамматические значения этих существительных. Это в

очередной раз приводит к мысли, что термины «нулевая аффиксация», «нулевой аффикс (морфема)» нельзя считать убедительными.

В продолжение затронутой темы позволим себе еще одно замечание. Оно касается определения статуса существительных типа *асфальт* (*асфальтовая дорога*), *стационар* (*стационарное отделение*), *синхрон* (*синхронный перевод*), *плацкарт* (*плацкартный вагон*) и т.п. В данном случае вполне оправданным является вопрос о том, что перед нами: результат метонимии или универбации – имитации материально невыраженной аффиксации (суффиксации)? Мы считаем, что существительные типа *стационар* или *асфальт* являются универбами и результатами имитации материально невыраженной суффиксации, поскольку наряду с ними в речи используются словосочетания *стационарное отделение* и *асфальтовая дорога* с тождественными им значениями (ср. также *фотополимер* – *фотополимерная пломба*, *автомат* – *автоматическая коробка передач*, *авторитет* – *авторитетная личность*, *акрил* – *акриловая краска*). У слова же (номинатемы – Н. Д.), новое значение которого возникло в результате метонимического переноса, нет равноправного по значению и употреблению словосочетания.

Так, в широком понимании универбация представляется проявлением синтетизма в словообразовании, т.е. выражением «одним словом (простым, производным или сложным) комплекса значений, выражаемых в аналитических конструкциях сочетаниями слов» [228, с. 451]. Ср. *широкоплечий* и *широкий в плечах*, *барабанить* и *бить в барабан*, *стол* и *маленький стол*, *библиотекаря* и *женщина-библиотекарь* и т.п. Также в широком понимании универбация определяется как «образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично» [351, с. 577]. При таком подходе явление универбации включает образование сложных слов, или композитостроение (*зерносклад*, *телебашня*, *автомашина*), аббревиацию (*пединститут*, *соцстрах*, *вуз*, *дом*), эллиптическую субстантивацию (*сборная*, *позывные*, *выходной*), суффиксацию, в том числе и нулевую

(*демисезон, марафон, огнеупор*). И. А. Устименко считает, что универбация – это «практически любой акт возникновения нового слова на базе синтаксически объективированного идеального содержания безотносительно к способу доработки идеального содержания и пути конструирования материальной оболочки нового слова» [477, с. 21].

Современное языкознание стремится объединить существующие виды преобразования словосочетаний в слова одним термином – конденсация (по терминологии В. И. Теркулова – универбализация). В. А. Москович [276] при этом разделяет конденсацию (универбализацию) на два подтипа:

1) семантическую конденсацию (универбализацию), которая понимается как «включение значения (план содержания) одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента» [276, с. 78; 212, с. 123], например: *пятилетнее обучение – пятилетка* (универбация), *первый секретарь – первый* (эллипсис в сторону зависимого слова), *повышенное давление – давление* (эллипсис в сторону главного слова);

2) лексическую конденсацию (универбализацию), которая определяется как стяжение компонентов словосочетания в сложное слово, например: *автомобильный сервис – автосервис* (аббревиатура), *широкий в плечах – широкоплечий* (бахувриха), *с ума сшедший – сумасшедший* (юкстапозит), *возить воду – водовоз* (дериват), *искатель золота – золотоискатель* (комполит).

В. И. Теркулов замечает: «Общая тенденция современного языкознания заключается в том, чтобы объявить указанные процессы (процессы трансформации словосочетания в слово – Н. Д.) деривационными, то есть приводящими к образованию новых номинативных единиц» [444, с. 144].

Так, С. Д. Кацнельсон предлагал рассматривать их как синтаксическую деривацию, когда между лексическими компонентами значения синтаксически прозрачна, что предполагает избавление от избыточных компонентов [176, с. 108].

Эта идея в большинстве случаев не оспаривается. Ученые говорят именно о синтагматической обусловленности конденсации (универбализации), «разнообразные виды которой образуются по определенным синтагматическим деривационным моделям» [212, с. 105].

В узком понимании универбация – это «образование слова на базе наименования, представляющего собой сочетание слов» [237, с. 74-75]. На наш взгляд, даже при рассмотрении данного явления как деривационного, вышеуказанное определение нечетко: оно может быть приложимо и к широкому пониманию. Универбацией можно назвать процесс, имитирующий словообразовательный акт, ведущий к возникновению универба на базе главного или зависимого слова словосочетания определенной сложности с тождественным лексическим значением: *неотложка – неотложная помощь, короткометражка – короткометражный фильм, молодежка – молодежная газета, пятерня – пять пальцев, двойня – двое одновременно родившихся детей* и т.п. В этом значении используются и другие термины. Авторы монографии «Русская разговорная речь» относят подобные образования к явлениям семантического стяжения, или семантической конденсации, понимая под этим процессы, связанные с утратой семантической расчлененности комплексных наименований, состоящих из двух или более лексем [150, с. 408]: *вечёрка – вечерняя газета, подсобка – подсобное помещение* и т.п. В. Н. Немченко образование производных слов в результате эллипсиса производящего словосочетания с одновременной суффиксацией называет стяжением [285, с. 241]: *читалка – читальный зал* и т.п. При таком понимании универбация представляет собой «сжатие мотивирующего словосочетания, в том числе и фразеологизма, сопровождающееся включением семантики в исходном варианте, полученном в результате аффиксальной деривации, то есть суффиксальная универбация является частью общего процесса универбации» [72, с. 11]. Данное явление обязательно должно сопровождаться наличием в языке двух форм

обозначения одной и той же – общей для них – семантики: расчлененной (аналитической) и нерасчлененной (синтетической).

Так или иначе, универбация «представляет собой системное явление, воспринимаемое всеми носителями языка, ибо в противном случае универбаты были бы непонятны носителям данного языка» [161, с. 85].

Термин *универбаты* используется в книге Т. Д. Соколовской «Нормативные сокращения в современном русском языке». Под ними понимаются «однословные наименования, производные от опорного атрибута с помощью наиболее употребительного суффикса *-к(а)*, сохраняющие стилевую связь со сферой своего появления (с разговорной речью), а также синонимическую связь с производящими сложными наименованиями» [402, с. 83]. Последние легко могут быть «свернуты» в существительные на *-к(а)*, *-ушк(а)* т. п.: *двухкопеечная монета – двушка*, *девятиэтажный дом – девятиэтажка*, *«Комсомольская правда» – «Комсомолка»*, *маршрутное такси – маршрутка*, *платёжная ведомость – платёжка*, *раскладная кровать – раскладушка*.

Говоря о том, что в науке не упорядочена сама терминология и в связи с этим наряду с термином «универбат» могут использоваться синонимичные ему «конденсат», «компрессив», Л. В. Копоть предлагает следующее определение таких единиц: «лексемы, возникшие на базе словосочетания путем сжатия его компонентов до опорнозначимого со сгущением /конденсацией/ семантики развернутого наименования» [193, с. 18]. Она также утверждает, что универбы возникают в непринужденной разговорной речи, активно употребляются в ней и лишь спустя определенное время немногие из них кодифицируются.

Н. С. Валгина трактует вышеуказанное явление как свертывание наименований – «результат активного сегодня семантико-синтаксического способа словообразования» [45, с. 79]. Языковед говорит о том, что подобные образования возникают «на базе словосочетаний прилагательного и существительного и являются яркой иллюстрацией процесса компрессии: на

месте двухсловного образуется одно слово с тем же значением, при этом используется очень продуктивный в данном случае суффикс *-к-а* [45, с. 79]. Это явление обусловлено потребностью экономии речевых усилий.

В данном случае сущность процесса деривации Н. С. Валгина видит в трансформации модели словосочетания «прилагательное + существительное» в краткое наименование – имя существительное. Общим «объединяющим компонентом нового наименования оказывается суффикс *-к-а* (выделено нами – Н. Д.), а значение образованного слова ориентируется на первую часть словообразующего словосочетания – на основу прилагательного, хотя это новое слово несет в себе в скрытой форме сумму значений сочетающихся слов» [45, с. 81].

Необходимо отметить, что Н. С. Валгина, как и большинство ученых, занимающихся исследованием универбации, говорят об этом явлении как о языковом, понимая его как способ словообразования. В то же время исследователи видят синонимичность (или тождество) значений словосочетания и универба. Это выглядит достаточно парадоксально. Забегая вперед, заметим, что тождество значений двух единиц говорит не об отношениях производности между ними, а об отношениях дублетности. Это означает, что конкретное значение может воплощаться как в форме словосочетания, так и в словесной (вербальной) форме. Таким образом, перед нами образец реляционных (а не деривационных) отношений между универбом и соответствующим словосочетанием.

Следует также внести коррективы в традиционное мнение о единственно возможном использовании суффикса *-к-* при «образовании» универбов. По нашему мнению, формальная репрезентация суффикса не имеет существенного значения, поскольку один из главных параметров идентификации универба – тождество его семантики и семантики определенного словосочетания. Существуют примеры универбов, в морфемной структуре которых не может быть суффикса *-к-* по определению:

укладывать асфальт – асфальтировать, жена капитана – капитанша, дочь царя – царевна и т.п.

Наконец, так называемое базовое словосочетание структурно может быть представлено более чем двумя словами – прилагательным и существительным; определяющим критерием эквивалентного универбу словосочетания является его двукомпонентность иного характера. Речь идет об атрибутивной части, которая может состоять из нескольких слов, и субъектной части, выражаемой, как правило, существительным: *газета (какая?) Вечерняя Москва – вечерка*. Кроме того, атрибутивная часть словосочетания может быть выражена существительным в косвенном падеже, а не прилагательным: *настойка (какая?) валерианы – валерьянка*.

Считаем, указанные характеристики необходимы для разностороннего и наиболее объективного исследования универбов.

Н. А. Янко-Триницкая называет универбы (универбаты) словами с включением, определяя включение как «расширение значения слова, которое осуществляется за счет семантики другого слова, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения. Устанавливается включение путем сопоставления значения слова с синонимическим словосочетанием, в которое кроме данного слова (или его основы) входит еще и другое слово» [534, с. 18]. Эту идею поддерживают и другие исследователи, считающие, что «включаемым может быть как значение определяющего слова в словосочетании, так и значение определяемого» [499, с. 149]. И далее: «Чаще всего создаваемые на базе «существительное + прилагательное» универбаты для своего плана выражения используют «оболочку» прилагательного, а базой их плана содержания является семантика производящего существительного, значение же прилагательного «включается», расширяя семный состав» [499, с. 149].

Мы, в свою очередь, убеждены, что процесс включения не предопределяет расширение семантики. Здесь некорректно говорить о каком-либо изменении объема значения универба относительно соответствующего

словосочетания, поскольку значение конкретного универба всегда тождественно значению эквивалентного сочетания слов.

В. В. Лопатин считает, что вряд ли можно отнести к разряду универбов образования типа *обниматься – обнимать друг друга, бодаться – бодать кого-либо, длинный – значительной длины*, рассматриваемые Н. А. Янко-Триницкой как включения, так как «большинство мотивированных слов представляет собой продукт некоторого сжатия, концентрации смысла, который может быть выражен более развернутыми средствами – с помощью сочетания ряда слов» [236, с. 73]. Думаем, тут необходимы некоторые уточнения.

Во-первых, Н. А. Янко-Триницкая утверждает, что «включение как поглощение одним словом значения другого слова <...> может иметь место и при словообразовании...» [534, с. 24]. Это утверждение означает, что один процесс сопровождает другой, а не совпадает с ним, не тождественен ему. Следовательно, включение может лишь выступать одной из характеристик исследуемых универбов.

Во-вторых, критерием определения универба является наличие соответствующего тождественного по значению словосочетания, функционирующего в речи наряду с ним.

Р. И. Гафарова отмечает: «Полемику в лингвистике вызвал тезис о соотношении включенного значения и словообразовательного форманта» [72, с. 12]. Наиболее общее правило определения данной проблемы предложил А. В. Исаченко: «включенное существительное не находит формального выражения в структуре универба, что в плане выражения отмечается «эллиптический пропуск»» [162, с. 349].

Ученые говорят об отношении включенных при универбации компонентов к формантной части значения мотивированного слова, разграничивая для данных случаев формантную часть лексического значения и значение форманта, свойственное ему как элементу системы языка [471, с. 73]. Многие считают, что «значение родового наименования

определяется не значением форманта -к-, а исключительно соотносительностью с соответствующим исходным наименованием и может быть классифицировано как «включенное», но не формантное» [212, с. 166]. В некоторых работах утверждается, что при аффиксальной деривации с включением включенное значение ни коим образом не связано со словообразовательным формантом и не зависит от него [498, с. 29], а также то, что «суффикс в словах-конденсатах не называет включенный предмет, а лишь указывает на него, подобно местоимению» [467, с. 77]; подчеркивается, что при суффиксальной универбации протекает процесс поглощения «одним словом значения другого слова без отдельного морфемного выражения этого значения в структуре слова <...>, когда аффиксами выражается только какое-то весьма общее словообразовательное значение, а конкретное, частное значение, приобретенное словом в результате включения значения другого слова, остается невыраженным структурно» [536, с. 18]; повествуется о корреляции включенного значения в универбе со значением словообразовательного аффикса [72, с. 13].

Приведенные мнения о соотношении включенного значения и словообразовательного форманта, безусловно, очень интересны; их формирование объединяется общим принципом – словообразовательным: каждый конкретный универб в данных случаях рассматривается как результат деривационного процесса.

В связи с этим позволим себе некоторую конкретизацию механизмов исследуемого явления, подчеркивая при этом факт рассмотрения нами универбов как вербальных эквивалентов соответствующих им словосочетаний.

Во-первых, формальным выражением имени существительного в универбе является суффикс, имитирующий словообразовательное средство как часть словообразовательного форманта или словообразовательный формант в целом. В данном случае каждый конкретный суффикс, выделяемый в структуре универба, мы квалифицируем как

глоссообразующий, реляционный, который, в свою очередь, является частью глоссообразующего форманта или совпадает с этим формантом.

Во-вторых, можно предположить, что любой суффикс универба синкретичен, потому что он выполняет глоссообразующую функцию и одновременно выражает значение конкретного включенного существительного, а также имитирует общее значение предметности, подобное словообразовательному значению. Вместе с тем так называемое «включенное» значение представляется достаточно конкретным, поскольку универб является вариантом только одного конкретного словосочетания.

Итак, традиционно ученые либо относят образования типа *генералка* (*генеральная репетиция*), *прогрессивка* (*прогрессивная зарплата*), *зачетка* (*зачетная книжка*), *генеральша* (*жена генерала*) к компрессивному словообразованию (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, Н. Я. Янко-Триницкая), либо считают их результатом вторичной номинации (А. А. Брагина), либо рассматривают их как проявление «общего закона утраты формальной и семантической расчлененности наименования» [376, с. 42], либо называют суффиксальными универбами (Л. И. Осипова), либо определяют их как один из случаев «лексической конденсации» [212, с. 121]. И. Г. Милославский, например, видит в данной ситуации процесс синтеза словосочетания в производное слово: «...в ряде случаев семантические структуры словообразовательного и синтаксического наименований при различии собственно языковых значений совпадают» [266, с. 53]. Кроме того, исследуемое явление, результатом которого являются вышеуказанные образования, называют семантическим стяжением, семантической компрессией, свертыванием наименований.

Так или иначе, практически все лингвисты, когда-либо занимавшиеся этой проблемой, едины в одном: перед нами явление деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения отнюдь не

словообразовательные, например: *зачетная книжка* и *зачетка*, *бытовое помещение* и *бытовка*, *место для ожидания* – *ожидалка*, *жилица*, *подселенная в одной квартире к кому-то, жившему здесь раньше* – *подселенка*, *детеныш кенгуру* – *кенгуренок*, *детеныш тюленя* – *тюлененок*, *делать массаж* – *массажировать*, *укладывать асфальт* – *асфальтировать*, и т.п.

Довольно часто утверждают, что «между исходным словосочетанием и его конденсатом существуют отношения производности» [392, с. 88], то есть внешней мотивированности. Но если взять за основу то, что внешняя мотивированность трактуется обычно как «отношение между двумя номинатами, значение одной из которых (производной) формируется значением другой (производящей), но не совпадает с ним» [445, с. 78], мы можем констатировать: в перечисленных выше примерах между производящей и производной единицами не существует отношений внешней словообразовательной мотивации. Это подтверждается следующим:

1) значение слова в данном случае не определяется через значение словосочетания, а абсолютно совпадает с ним (*мобильный телефон* и *мобильник*, *карта пополнения счета* и *пополняшка*, *жена прокурора* и *прокурорша*);

2) при модификации подобного типа не происходит и грамматических изменений (наблюдается грамматическое – родовое – тождество главного слова исходного словосочетания и соответствующего ему универба: *мобильный телефон* – *мобильник*, *кожаная куртка* – *кожанка*; случаи типа *мобильный телефон* – *мобилка*, *мобила*, *кожаный плащ* – *кожанка*, *пальто из дубленой кожи* – *дубленка*, *капитальный ремонт* – *капиталка* будут рассмотрены нами как особые случаи универбальной аналогии несколько позже).

Таким образом, можно утверждать, что между словосочетанием и его словесным эквивалентом здесь «реализуются словообразовательные, но не

внешние, деривационные, а внутренние, межглоссовые мотивационные отношения» [445, с. 79].

В пользу вышесказанного свидетельствуют следующие мнения лингвистов. Например, Е. Н. Сидоренко считает, что универбализация – это «не словообразовательный прием и не словообразовательное средство языка, а выражение тенденции к устранению разногласия между единством значения и расчлененностью формы лексической единицы, которое использует разные словообразовательные приемы» [376, с. 44]. Е. С. Кубрякова отмечает: «Каждый акт словообразования – акт номинации, но не каждый акт номинации – акт словообразования в буквальном смысле этого слова» [201, с. 23-24]. В. И. Теркулов, в свою очередь, резюмирует: «Процесс замены словосочетания словом здесь должен трактоваться не как деривация, не как формирование новой номинации, а как усовершенствование старой, как акт замены расчлененного наименования, утратившего статус аналитического лексико-семантического варианта номинатемы-слова и ставшего самостоятельной номинатемой-словосочетанием, универбализованным наименованием, наименованием, равным слову и являющимся дублетом (дублетной модификацией) указанного словосочетания в пределах тождества номинатемы» [445, с. 81].

Следует разграничивать понятия тождественности и «совпадения» (И. Г. Милославский), то есть синонимичности, значений словосочетаний и соответствующих им слов. Тождество значения, как правило, предполагает наличие вариантов конкретного знака, в нашем случае – номинатемы: «необходимым условием варьирования, актуализации, обновления и т.д. является тождество языкового знака» [212, с. 26]. Номинатема как языковой знак характеризуется планом содержания и планом выражения. Варьированию, как правило, подвергается план выражения. План содержания должен сохраняться, иначе мы будем иметь дело не с дублетами номинатемы (*мобильный телефон – мобилка, Тимирязевская академия – тимирязевка*), а с различными единицами, например словосочетанием и синонимичным ему

словом (*маленький дом – домик, самый лучший – наилучший*). Тождество номинатемы при ее вариативности, следовательно, обеспечивается относительной стабильностью целостного значения, в некоторой степени фразеологичного. Синонимичность (совпадение) значений не является характеристикой тождества конкретной языковой единицы, так как характеризуется избыточностью. Именно это свойство – избыточность значения – обуславливает возникновение в языке новой единицы, а ни в коем случае не варианта уже существующей.

В связи с этим естественно желание найти единый терминологический эквивалент приведенному процессу и тем единицам, которые в результате этого процесса возникли. Вслед за В. И. Теркуловым нам представляется целесообразным рассматривать каждый такой дериват как **универбализованный (вербализованный) эквивалент словосочетания**, «то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию» [443, с. 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу **эллиптической универбации**. В целом же каждую конкретную исследуемую нами единицу мы определяем как **номинатему типа «словосочетание + эллиптический универб»**. Она входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является единицей, семантически тождественной словосочетанию. Номинатема вообще – это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (глоссах, дублетах), причем в данном конкретном случае дублетами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, например, *коммунальная квартира* и *коммуналка*, *дочь царя* и *царевна*, *настойка валерианы* и *валерьянка* и т.д.

Так, получившийся универб является наряду со словосочетанием **дублетом номинатемы**, включающей в свой состав оба эти компонента.

«Само же преобразование словосочетания в слово должно быть определено не как деривация и не как лексикализация, предполагающая **семантическое саморазвитие** речевой реализации исходной номинатемы и распад ее актуального тождества, а как универбализация, которая характеризуется не изменением, а сохранением семантики словосочетания в получившемся слове» [445, с. 68].

Предложенная В. И. Теркуловым концепция не определяет того, какая из реально отмечаемых в речи структурных единиц является основной для языка. Она в определенной степени «снимает противоречия в атрибуции разных структурных единиц путем выведения родовой, языковой единицы, системная значимость которой предполагает возможность любой структурной речевой реализации выразителя моделируемого тождественного значения. Такая единица и является основой номинативности – номинатемой» [443, с. 135].

Данной точке зрения близка теория А. А. Лучик, которая исследовала природу и статус эквивалентов слова в языке. Несколько переиначив ее слова, но ни в коем случае не изменяя их сути, мы можем отметить, что пока не появляются заметные семантические сдвиги, можно говорить лишь об изменении статуса словосочетаний, стремящихся к универбализации. Под изменением статуса реализации конкретной номинатемы нами понимается явление моновербальности / поливербальности, соответствующее выражению номинатемы словом / сочетанием слов.

Немаловажно заметить, что если функциональные изменения реализаций исследуемых номинатем «свидетельствуют о динамичности языковых явлений на синхроническом уровне, то изменения семантических качеств являются фактами диахронии» [245, с. 99].

Таким образом, под **универбом** нами понимается семантически и грамматически тождественное определенному словосочетанию слово, могущее стилистически отличаться от этого самого (эквивалентного) словосочетания наличием черт разговорности, сленговости либо

стилистически совпадать с ним, являющееся наряду со словосочетанием дублетом одной номинатемы.

Исследователи отмечают, что «суффиксальная универбация – явление стилистически неоднородное: часть производных принадлежит разговорной речи и публицистическому стилю, часть – профессионально-технической и жаргонной лексике» [72, с. 29-30].

Именно в рамках разговорной речи продуктивной считается «нулевая суффиксация с усечением производящей основы: фанатичный поклонник – *фанат*, стационарное отделение – *стационар*» [479, с. 73], «продуктивность в просторечии при создании суффиксальных универбов получил непродуктивный суффикс *-ух(а)*: *групповуха, бытовуха, порнуха*» [61], «стилистически нейтральны суффиксальные универбы с суффиксом *-ак*: *молодняк, холостяк*, однако новообразования принадлежат устной ненормативной речи: *верняк* ← верное дело, *медляк* ← медленная музыка» [72, с. 30]. Но, прежде всего, признак разговорности присущ суффиксу *-к(а)* и производным от него суффиксам *-ашк(а)*, *-ушк(а)*. Оттенком разговорности также обладает ряд существительных, имеющих в своем составе суффикс *-ик*: *заочник* – студент заочного отделения, *грудник* – грудной ребенок, *глазник* – глазной врач и т.п. В суффиксах *-ак*, *-ач*, *-ух(а)*, *-щин(а)* заключена сниженная коннотация, результатом чего является жаргонная окраска универбов, например: *левак* – левая работа, *строгач* – строгий выговор, *выкидуха* – выкидной нож, *неуставщина* – неуставные отношения и т.п.

По этому поводу И. И. Ильина пишет: «Не всякое слово можно считать универбом, хотя большинство мотивированных слов есть продукт некоторого сжатия смысла, который можно выразить описательно» [161, с. 82]. В. В. Лопатин, подтверждая сказанное, считает результатом универбации – универбатом «только такое мотивированное слово, наряду с которым имеется синонимическое (тождественное по значению – Н. Д.) словосочетание (с мотивирующим словом в его составе), носящее характер устойчивой языковой (в нашем понимании – речевой – Н. Д.) номинации.

Такие словосочетания являются, как правило, официальными названиями соответствующих понятий, в то время как слова-универбаты – названиями неофициальными и часто стилистически сниженными или употребительными только в профессиональной речи» [236, с. 73].

Позволим себе не согласиться с мнением лингвиста относительно стилистической принадлежности универбов. Ведь наряду со стилистически сниженными вербальными реализациями определенных номинатом (*моби́ла* – *мобильный телефон*, *газирова́нка* – *газированная вода*, *ма́теринка* – *материнская плата* и т.п.) существуют и стилистически тождественные словосочетаниям универбы (*противога́з* – *противогазовая маска*, *асфальти́ровать* – *укладыва́ть асфальт* и т.п.), которые употребляются с последними в одной и той же стилевой плоскости. Такое стилистическое тождество чаще всего сопровождается явление номинализации, которое будет описано в одном из последующих подразделов.

Следует отметить, что универбам свойственна «полифункциональность, проявляющаяся в переходе производных из разговорной, разговорно-профессиональной речи в кодифицированную» [72, с. 30]. Исследуемый пласт универбов в современном русском языке имеет «несомненную тенденцию к вытеснению своих «полных» фразеологических эквивалентов. Некоторые из таких эквивалентов теперь уже трудно представить даже в «официальной» речи» [15, с. 266].

Р. И. Гафарова резюмирует: «Судьба универбов в русском языке различна: а) многие вошли в кодифицированный литературный язык (*откры́тка*, *варе́жки*, *перча́тки*; примеры наши – Н. Д.); б) другие вышли из употребления, превратившись в историзмы (*кере́нка*, *учре́дилка*, *ко́нка*); в) третьи являются достоянием разговорной речи (*за́четка*, *ма́ршрутка*, *чита́лка*, *ку́рсовик*, *титу́льник*)» [72, с. 33]. Мы считаем, что нужно к вышеприведенным добавить еще один тип универбов, представители которого, являясь также достоянием разговорной речи, принадлежат языковой системе (*бра́ть в жены́* – *жениться́*, *укладыва́ть асфальт* –

асфальтировать, местность за рекой – заречье, командировочное удостоверение – командировка, грузовая машина – грузовик).

Мы считаем, что все эти единицы вполне обоснованно можно рассматривать как универбы при условии описания критериев их разграничения.

1.2. История возникновения универбов в русском языке

Универбацию, как правило, рассматривают в рамках семантико-синтаксического способа словообразования и относят к «новейшим продуктивным способам <...> как разновидности компрессивной дериватологии» [145, с. 117]. С утверждением о новизне этого процесса согласиться сложно, поскольку явление универбации отмечается и в древнерусском языке: *белка – белая веверица* (общее название пушных зверьков – белки, горностая, соболя – в древнерусском языке); *копейка – копейная денга; варежки – варяжские рукавицы; перстатницы – перстатые рукавицы, ратник – ратный человек* [165, с. 53-54]. Например: *и риби и масло [и си]р[и] а [то п]раз[к]а [-г· го]д(о) ----[даи] то а ми тоби ѿгїне ѿфоносе кланѣсме а даро веда:еше ·г· куници ·г· годо а поцне прошати жени или синови жени ·г· бели а сину **белка*** (Берестяная грамота 406 (1360-1380)) – *Козари имаху на Полангъх и на Стъвергъх и на Влтичгъхъ. имаху по **бългъ и въвериць** ѿ дыма* (Пов. вр. л. 6367) [410, т. I, ч. 2, с. 478]; *Инии же молвяху, яко простии людии суть, пуще Половецъ; Юрьи же Домамеричъ молвяхе: **ратници** суть и добраа вои* (Сузд. л. 6731 г. (по Ак. сп.); [410, т. III, ч. 1, с. 108] – *Азь же святитель есмь, а не **ратнии челоуцькь*** (Грамм. митр. Кипр. иг. Серг. и Θεод. 1378 г.) [410, т. III, ч. 1, с. 107]; *Тое же осени хлѣбъ былъ дорогъ, четвертка по 9 денегъ, а овса четвертка по 4 денги, а жита по 6 **копѣекъ*** (Псков. П л. 7007 г.) [410, т. I, ч. 2, с. 1282] – *А при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ бысть знамя на денгах: князь великии на конгъ, а имгя мечь въ руцѣ; а князь великии Иванъ Васильевичъ учини знамя на денгахъ: князь великии на конгъ, а имгя копье в руцѣ и оттолгъ прозваша **денги***

копейныя (Соф. вр. 7043 г.) [410, т. I, ч. 2, с. 1279]. А. В. Зеленин отмечает, что в этих соответствиях видны «прототипические модели универбации, однако именно в XX в. сформировались те словообразовательные модели, которые пополнили русский язык сотнями и тысячами производных слов» [145, с. 118].

Можно выделить этапы (периоды) развития явления универбации в истории русского языка.

1. Древнерусский период.
2. Старорусский период.
3. Период становления и развития русского языка эпохи формирования русской нации XVII-XVIII веков.
4. Период становления и развития русского языка 30-90-х годов XIX века.
5. Период развития русского языка конца XIX века – начала XX века.
6. Советский период развития русского языка 20-80-х годов XX века.
7. Постсоветский период развития русского языка конца XX – начала XXI века.

В XVI-XVII веках, по свидетельству литературных источников, существовали слова, напоминающие вербализованные эквиваленты словосочетаний. Значение главного слова такого словосочетания воплощалось в значении суффикса универба. Естественно, что такие образования исследователями того периода развития русского языка называются дериватами.

Материалы деловых бумаг и публицистических произведений XV-XVI веков позволяют предположить наличие следующих классов универбов.

1. Универбы-существительные мужского рода с суффиксом *-еу*. Данный суффикс является рефлексом праиндоевропейского суффикса *-ik* и фонетическим результатом III (прогрессивной, переменной) палатализации заднеязычных. В XVI веке он был многозначен, но только некоторые его значения могут свидетельствовать о том, что он использовался в составе

исторического универба, имевшего в свое время эквивалентное словосочетание с тождественным значением. Это «названия лиц по месту жительства» (*крымец – житель Крыма, аглинец – житель Англии*); «названия лиц по характерным признакам» (*беглец – беглый человек, скупец – скупой человек*); значение уменьшительности (*сыновец – маленький сын*). В. Н. Рогова отмечает, что «активнее в тот период был суффикс, выступающий в первом значении» [338, с. 28]. Например: *И там его взял с собою **крымец** в кошевники* (Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 4-я. 1551–1556 гг.; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Сентября 4 пришел великого государя Ивана Васильевича всеа Руси **посланникъ изъ Крыма** Василеи Беречинскои* (Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича (1553-1555); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Се бо брату твоему Михалку еще нѣсть десятаго дни, отнелѣже к Богу отиде, **сыновец** же ваш на кровопролитие готовится, – противу же благодѣяния твоего главу твою улавляет* (Из Степенной книги царского родословия. Из шестой ступени. О преславном великом князе Владимирском и всеа Руси Всеволоде Георгиевиче... (1560-1563); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *От сего убо Азона остася **сын** нѣкий **мал**, Азонъ именовъ, муж силенъ, и храбръ, и отрокъ зѣло красенъ, зѣломудръ, щедръ, доброрѣченъ и милостивъ, и во всякой лѣпотѣ обычаев свѣтель* (Из Троянской истории (1500-1600); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

2. Универбы-существительные мужского рода с суффиксами *-ик* и *-ник*. Данный класс вполне обоснованно можно было бы объединить с предыдущим на основании этимологического тождества суффикса. «Часть анализируемых существительных образованы при помощи суффикса *-ик* от прилагательного и причастия» [338, с. 28]: *бедник* (*бедный человек*), *безмолвник* (*безмолвный человек*), *наемник* (*наемный работник*), *праведник* (*праведный человек*), *осужденник* (*осужденный преступник*); «некоторые –

от глагола путем присоединения суффикса *-ник* <...>, а также суффикса *-льник*» [338, с. 28], хотя, на наш взгляд, в данном случае очевиден исторический факт образования данных существительных не от глаголов, а от причастий или прилагательных, в основе которых уже есть суффикс *-н* или *-(ль)н-*, а – точнее – от словосочетаний, основы зависимых членов которых стали основами универбов-существительных: *блудник* (*блудный человек*), *грешник* (*грешный человек*), *наследник* (*наследный потомок*), *начальник* (*начальный «главный» человек*) и т.п. Например: *И рече праведник: «Понеже убо смирихся, и спасе мя Господь»* (Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского (1417-1418); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Егда же приспѣ на поле, нарицаемое Сенарь, в земли, зовемой Авсидийстей, идѣже праведный и богатый Иевъ жилъ бяше, и ту Александръ станомъ своимъ стал, силныи же воиски по тому полю падоша* (Александрия (1400-1500); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Там бедный житель в своих отеческих местех* (А. Лызлов. Скифская история (1692); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Приидоша в село мое плясовые медвѣди з бубьнами и з домрами, и я, грешник, по Х[рист]ѣ ревнуя, изгнах их, и хари и бубны изломал на поле един у многих, и медвѣдей двух великих отнял: одново ушибъ, и паки ожилъ, а другога отпустил в поле* (протопоп Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672-1675); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Бе же грамота писана сице: «Во имя святыя и живоначальныя троица яз, грешный и смиренный Кипреян митрополит, смотрих, яко постиже мя старость, впадох бо в частыя и различныя недуги, ими же ныне и одержим есмь* (Пискаревский летописец (1600-1650); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Кто будет был блудник возлюби целомудрие, еже есть чистота телесная, и кроме жены своя со иными не блудите* (Бельский летописец (1630-1635); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *а ко отцу духовному прибегни со исповеданием того*

греха, дабы **блудный бес** не сотворил в тебе жилища (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему... (1718-1725); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

3. Универбы-существительные мужского рода с суффиксом *-ок*. Этот суффикс со значением названия лиц (*инок – иной человек, потомок – родственник, живущий потом, предок – родственник, живущий перед младшим поколением* и т.д.) также является одним из фонетических вариантов суффикса *-ик*. В. Н. Рогова пишет о суффиксе *-ок(-ек)*, обозначавшем лиц, то, что он в общеславянском языке участвовал в образовании слов, некоторые из которых сохранились до настоящего времени. Затем в восточнославянских и южнославянских языках он стал менее продуктивным, а в западнославянских – наоборот – более продуктивным. «И в русском языке XVI в., где данный словообразовательный тип был, очевидно, непродуктивным, а в деловом языке XVII в. не отмечается, такие слова, как *потомок, предок*, возможно, появились в результате взаимоотношений с польским языком» [338, с. 31]. Например: *Тѣмъже и вѣмъ тогда и прежде иночьскаго житиа **инок** познавашеся* (Житие Кирилла Белозерского (1400-1500); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Се яз, князь Федор Андреевичъ, дал есмь святой Троице в Сергиев монастырь игумену Никону, или по сем кто **иной игумен** будет у святой Троици, дал есмь в Стародубе в старишом пути в своей вотчине в Олехсинском стану озеро Смехро* (Вторая данная кн. Фед. Андреевича [Стародубского] Троицкого м-ря иг. Никону на озера Смехро и Боровое (1392-1427); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

4. Универбы-существительные мужского рода с суффиксом *-ич-*, который был малоупотребителен в русском языке XVI века. Данный суффикс является рефлексом праиндоевропейского суффикса *-ik-*; таким образом, он этимологически родственен суффиксу *-ик*, например, *попович* (сын попа), *царевич* (сын царя), *королевич* (сын короля): *А на то послуси: Афанасей*

Тутолмин, да Семен Остафьев сын Урывков, да Федько Ивашов, да Якуш Давыдов сын Савина, да Кирилко попович, да Яким попович, да Фофаник Овсяников сын (Купчая грамота А. Афанасьева на земли Васильевскую Голямова и Зарецкую, в Переяславском, проданные ему А. И. Никитиным и Г. Мелешкиным. (1449-1451); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *А грамоту писал Семен попов сын Андреев* (Данная грамота Юрья Юрьевича митрополиту Киприану на починки Березницы и Трегизово, в Ростовском у. (1390-1406); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Да хочет, государь, ехати на государя нашего имя служити со мною ж вместе Крым Гирей царевич Устемирев сын царевичев, внук же Муртозе царю* (Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 4-я. 1551–1556 гг.; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *А Сафагиреев царев сын Утемеш Кирей царь за отца своего грубость ныне у нас на Москве* (Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 4-я. 1551–1556 гг.; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

5. Универбы-глаголы с суффиксами *-ова-* и, как указывает В. Н. Рогова, *-ствова-*, хотя последний, на наш взгляд, является составным суффиксом существительного (*-ств-*) и глагола (*-ова-*): *милосердовати* (быть милосердным), *доброхотствовати* (обладать доброхотством), *малодушествовати* (обладать малодушеством). Например: *Сей в начале царства своего, хотением властельства возбужденный, дабы мог без препятія царствовать, братию своих родных побити повеле; и властелство свое крепко в Российских странах разшири; о чем Стрийковский пишет* (А. Лызлов. Скифская история (1692); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Тъм же въ всякомъ языцѣ и людехъ треба есть быти царем и началникомъ, иже подобаютъ имѣти подобие гуслей игреца Давида в себѣ* (Федор Карпов. Послание митрополиту Даниилу (1522-1539); Национальный корпус русского языка,

www.ruskorpora.ru); *Они же отвѣщааша: «аще не восхотѣ богъ, да княжить отецъ нашъ, а тебѣ и сами не хотим»* (Московский лицевой свод (1560-1570); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *имя томоу вѣры, что быти князю Василью великим князем новгородским и псковским; как приидуть наши посадники и з бояре и ты слоужи; да того много томилося со владыкою, да владыки велѣли зборовати Генадью* (Псковская 1-я летопись. Погодинский список. Продолжение Погодинского списка (1464-1547); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

В. Н. Рогова резюмирует, что «словообразовательная система русского языка XVI в. в своих основных чертах совпадает с современной: в языке XVI в. мы находим словообразовательные модели, сохранившие в большинстве своем степень активности и распространенности в современном русском языке» [338, с. 76].

В языке XVIII – начала XIX века «словообразовательный тип с суфф. -анин (-ане) был наиболее активным средством образования слов данной семантики» [384, с. 119]. Здесь имеется в виду значение лиц, относящихся к кому-то или чему-то, например, к географическому наименованию, названию учреждения и т.д. Но в то же время на рубеже веков начинается «активное словообразование имен существительных с суфф. -(ов)ец, обозначающих лиц по месту жительства или рождения, причем образуются и новые слова, и дубликаты к уже существующим словам с суфф. -анин (-ане)» [384, с. 119-120]: *карфагеняне – карфагенцы (жители Карфагена), ионяне – ионийцы, сирияне – сирийцы (жители Сирии)*. Напомним, что данный суффикс с указанным значением был продуктивен еще в XVI веке. Например: *Карфагеняне странствовали повсюда сами для покупки излишних товаров у чужестранных народов и для продажи оных паки другим, имевшим в них нужду* (Н. И. Новиков. О торговле вообще (1783); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Ганнон знал тогда, что делал, когда в договорах с римлянами, кои дали приметить свое намерение о купечестве,*

объявил им, что **карфагенцы** терпеть того не будут, если римляне будут омыwać свои руки в море Сицилийском (Д. И. Фонвизин. Торгующее дворянство (1766); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – «Эге, лазутчики летят!» – глядя в небо, говорили **жители Карфагена** (Надоело воевать! // «Трамвай», 1990; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); **Египтяне, Сирияне и Диарбекцы** также черны, или очень смуглы (неизвестный. Отрывки, содержащие некоторые любопытные подробности о Турции и Египте // «Вестник Европы», 1804; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); **Отслужат** свою обедню армяне, пойдут за ними латины, на месте святе в бездушные органы играют, а за ними пойдут **сирийцы** да копты, молятся нелепо, козлогласуют, потом пойдут по-своему служить арабы, а сами все в шапках и чуть не голы, пляшут, беснуются вокруг Христова гроба (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871-1874); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – **Что-нибудь из двух: или нам только кажется, что проституция – зло, и мы преувеличиваем, или же, если проституция в самом деле такое зло, как принято думать, то эти мои милые приятели такие же рабовладельцы, насильники и убийцы, как те жители Сирии и Каира, которых рисуют в «Ниве»** (А. П. Чехов. Припадок (1889); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

Ю. С. Сорокин, анализируя лексику русского языка 30-90-х годов XIX века, не отмечает случаев трансформации словосочетаний с прилагательным и развития на его основе универба на *-к(а)* [407, с. 219]. А. В. Зеленин отмечает, что «уже в 40-е годы XIX века в петербургском театральном лексиконе бытовали разговорные номинации *Мариинка* (Мариинский оперный театр), *Александринка* (Александринский драматический театр)» [145, с. 119]. В профессиональном просторечии (арго) использовалось слово «*кредитка* «общество взаимного кредита» (у Чехова), в городском просторечии – презрительно-ироническое *квартишка* «квартильный надзиратель» (у Достоевского)» [145, с. 119]. Например: *спрашиваю я у*

Стены. – Александринка, – отвечает он. – Это куда гостинодворцы ездят? (П.Д. Боборыкин. Жертва вечерняя (1868); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Столоначальники опять идут в Александринский театр и опять не могут понять, по какой же книжке публично изнывают в стенах его* (М. Е. Салтыков-Щедрин. А. Большаков. Перемелется – мука будет. Комедия в пяти действиях И. В. Самарина (1868); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

Другой источник (Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века) фиксирует возникновение глагольных образований именно в первой половине XIX века, которые, по нашему мнению, являются универбами: *аристократничать – казаться аристократом, педантствовать – быть педантом, роскошествовать – жить в роскоши, ловеласничать – поступать, вести себя как ловелас, быть ловеласом.* Например: *Впрочем, и вообще надобно сказать, что этот грех романистов поучать и педантствовать, не довольствуясь своим высоким призванием поэта, унаследованный ими испокон веку, и в наше время не перестает оказывать свою силу в так называемых тенденциях* (Ф. И. Буслаев. Из работы «Значение романа в наше время» (1877); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Вовсе не надо **быть педантом**, чтобы с некоторым недоумением остановиться перед этими невозможными «не только, а только», «только сознает, но сознает не путем сознания» и т. п.* (Н. К. Михайловский. Десница и шуйца Льва Толстого (1878); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Предупреждаю, что Клинков, который остается с вами, будет унижать нас и ловеласничать с вами* (А. Т. Аверченко. Подходцев и двое других (1917); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Кто же в наше время решится **быть Ловеласом**; что ли?* (А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Со времен же Екатерины II в ближайших ко дворцу улицах все начали тесниться, жителей прибавляться, сады и дворы заменяться домами, а дома возвышаться выше и выше, – и*

вот Невский проспект пошел и богатеть, и хорошеть, и роскошествовать уже не по годам, а по дням (Е. И. Расторгуев. Прогулки по Невскому проспекту (1846); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Нынче у всех принято жить в роскоши* (А. Н. Островский. Доходное место (1857); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

С конца XIX – начала XX века отмечается активное развитие, по крайней мере, существительных на *-к(а)*, которые воспринимались в качестве «разговорных дублетов атрибутивных и некоторых других типов словосочетаний» [225, с. 189-191].

В. А. Гиляровский в цикле очерков «Москва и москвичи», описывая Москву 80-90-х годов XIX века, приводит некоторые примеры универбов на *-к(а)*: *толкучка – толкучий рынок, обжорка – обжорный ряд, мебелирашки – мебелированные комнаты, Хитровка – Хитров рынок*. Например: *Даже такие места народного скопления, как Толкучка, Сухаревский торг, Хитров рынок, Сенная площадь* (неизвестный. Разные известия (1905.01.30) // «Русское слово», 1905); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Московская жизнь. Толкучка Градоначальник предложил городской управе запретить торговлю подержанным платьем на Толкучем рынке* (неизвестный. Московская жизнь. Толкучка (1909.12.24) // «Голос Москвы», 1909); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Мрачное зрелище представляла собой Хитровка в прошлом столетии* (В. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926-1934); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Хитров рынок почему-то в моем воображении рисовался Лондоном, которого я никогда не видел* (В. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926-1934); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Только обжорка недвижима – бабы поднимают сзади подола и окутывают голову...* (В. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926-1934); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Обжорный ряд с рассвета до полуночи был полон рабочего народа: кто впроголодь обедал в «дырках», а кто наскоро, прямо*

на улице, у торговок из глиняных корчаг – осердьем и тухлой колбасой (В. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926-1934); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

Следует отметить, что «на протяжении XIX в. и особенно в языке нашего времени, когда появилась большая потребность в словах данного типа (названий лиц по месту жительства или рождения – Н. Д.), суфф. *-(ов)ец* окончательно утверждается в этой семантической группе слов, образуя имена лиц от основ заимствованных и отечественных географических имен» [384, с. 120]: *мельбурнцы* (жители Мельбурна), *гватемальцы* (жители Гватемалы), *нигерийцы* (жители Нигерии), *суданцы* (жители Судана); *джамбульцы* (жители Джамбула), *днепродзержинцы* (жители Днепродзержинска), *оленегорцы* (жители Оленегорска). Например: ***мельбурнцы*** клеветают, называя его вешалкой, у них самих мост самый дрянной из всех мостов (Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – ***Пол Стоддарт – уроженец Мельбурна***, и руководство Гран При решило, что негоже лишать местную публику удовольствия наблюдать за двумя автомобилями «своей» команды (Леонид Ситник. Гран При Австралии: куда уводят мечты (2001) // «Формула», 2001.04.15; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); ***Вообще, в лагере трудятся и суданцы, и французы, и немцы, и вьетнамцы*** (Михаил Казовский. Вкус настоящей жизни // «Юность», 1971; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – ***Сорок процентов урожая отбирают у населения Судана английские колонизаторы за пользование водой, посредством ирригационной системы они контролируют все сельское хозяйство Египта*** (Могучая поступь коммунизма // «Наука и жизнь», 1952; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

Суффиксы *-анин (-ане)* также остаются продуктивными с единственной поправкой: в ряде случаев наряду с каждым из указанных суффиксов используется интерфикс *-ч-*: *тамбовцы – тамбовчане* (жители Тамбова),

кемеровцы – кемеровчане (жители Кемерово), тернопольцы – тернопольчане (жители Тернополя), тираспольцы – тираспольчане (жители Тирасполя) и т.п. Этот суффикс *-(ч)анин-* окончательно закрепил за собой значение «житель определенной местности или населенного пункта». Например: *Когда генерала Евневича однажды спросили о том, как все это будут делить между собой кишиневцы и тираспольцы, он ответил...* (Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 1 (1999); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Улетали мои тираспольчане. И любимую собаку увозили* (Павел Сиркес. Труба исхода (1990-1999); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Вице-премьер правительства РФ Вадим Густов, посетивший Молдову весной 1999 года, договорился о вывозе из Приднестровья 13 эшелонов российского вооружения и военно-технического имущества без участия официальных представителей Тирасполя, что являлось грубейшим нарушением Меморандума от 8 мая 1997 года* (Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 1 (1999); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *А донца – среди них ни одного, но расчёт, что тамбовцы не отличают донского говора* (А. И. Солженицын. Эго (1994); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Когда бы дорогу в Тамбов вам объясняли сами тамбовчане, получилось бы примерно следующее: поедете сначала прямо, потом сделаете поворот и там уже спросите* (Андрей Орлов и др. Мальчик хочет в Тамбов (1997) // «Столица», 1997.06.17; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *К ним присоединялись ожидавшие гостей у городских застав жители Тамбова* (Юбилейные торжества на Тамбовской земле (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.09.27; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

Коллектив авторов книги «Словообразование современного русского литературного языка» (1968) считает, что растущая «продуктивность имен лиц на *-(ов)ец-* со значением членов коллектива (типа *калибровцы – рабочие завода «Калибр», мхатовцы – артисты МХАТ, горьковцы – рабочие завода*

им. А. М. Горького и т.п.) породила омонимичные ряды образований: *горьковцы* – рабочие завода, воспитанники колонии им. А. М. Горького, жители города Горького, *свердловцы* – рабочие завода, слушатели академии, жители города» [384, с. 120]. Поэтому для выделения класса названий жителей определенных населенных пунктов снова используется однозначный суффикс *-анин*.

В годы революции и постреволюционный период XX века возникают образования, обусловленные общественной потребностью в словах со значением членов групп, коллективов, организаций. «Внутриязыковым фактором, способствующим активному образованию слов с суфф. *-(ов)ец*, можно считать легкость соединения основ разной структуры с этим суффиксом благодаря интерфиксальному элементу *-ов-*» [384, с. 121]. Как правило, словосочетания, соответствующие данным словам, которые, по нашему мнению, являются универбами, содержат имена собственные. А. М. Селищев отмечал следующие: *корниловцы* (последователи Корнилова), *махновцы* (последователи Махно), *капелевцы* (сподвижники Капеля), *петлюровцы* (последователи Петлюры), *врангелевцы* (сподвижники Врангеля). Вместе с тем, это и такие образования, как *баррикадовцы* (участники боевых действий на баррикадах), *уралмашевцы* (рабочие завода «Уралмаш»), *автоприборовцы* (рабочие завода «Автоприбор»), *электросиловцы* (рабочие завода «Электросила»), *динамовцы* (рабочие завода / игроки «Динамо») и т.п. Например: **Корниловцы** сохранили адамову голову на кокардах, погонах и шевронах (А. Алексеев. Героизм обреченных (2003) // «Спецназ России», 2003.04.15; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – День был наполнен слухами: «в Луге идут бои», «на станции Дно взорван железнодорожный мост», «солдаты Корнилова выгружаются на Николаевском вокзале» и т.п. (А. Алексеев. «Вперед, заре навстречу!» // «Наука и жизнь», 2009; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); После расстрела ряда крупнейших коммерсантов и криминальных авторитетов **уралмашевцы** становятся самой мощной

группировкой на Урале (Михаил Юрьев. Каменщик в чужой огород (2003) // «Вслух о...», 2003.04.30; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Его именем названа сейчас улица заводского городка, в котором живут рабочие Уралмаша* (Б. Петров. Сильные духом // «Советский экран», 1967; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

Также в языке «послеоктябрьской эпохи по социальным причинам стали непродуктивны и постепенно утратились некоторые немногочисленные группы с суфф. *-щик*, который имел в этих группах определенные частные оттенки значения» [384, с. 125]. Это имена существительные с общим словообразовательным значением «владелец торгового или промышленного заведения». Например: *амбарщик* (владелец амбаров), *кабатчик* (хозяин кабака), *чайханищик* (владелец /или продавец/ чайханы), *магазинщик* (владелец магазинов), *бакалейщик* (владелец бакалеи), *галантерейщик* (владелец галантереи), *заводчик* (владелец заводов), *конезаводчик* (владелец, руководитель конезавода), *сахарозаводчик* (владелец сахарозавода) и т.п. Однако следует заметить, что некоторые из приведенных универбов вновь стали актуальными уже в конце XX – начале XXI века в связи с появлением в обществе понятий частной собственности и предпринимательства. Например: *Это – молодой галантерейщик, – объяснили мне. – Он с братом здесь всего четыре года, а уже два раза в Чикаго за товаром ездил* (В. В. Маяковский. Мое открытие Америки (1925-1926); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Это был довольно богатый человек; владелец галантерейного магазина, расположенного наискось от кино «Капиталий»* (Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок (1931); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Кабатчик, ослепший от рыхлости и осторожности, сопел* (И. Э. Бабель. Мой первый гонорар (1922-1928); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Дочь хозяина кабака (служанка) красивая такая, что без нее гости не пьют, не едят* (А. П. Платонов.

Записные книжки (1928-1944); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

Экстралингвистические причины повлияли на вытеснение из активного употребления универбов-существительных с общим значением «лицо, владеющее средством передвижения». Например: *паромщик* (*Чем только не пришлось заниматься в эвакуации – лесоповал, строительство овощехранилища, паромщик, электрик, помощник машиниста на поселковой электростанции* – РИА Новости, 2006.06.21; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *владелец парома* (*Выяснилось: сорокалетний Александр Новиков (для всех – Сашка, а для мальчишек – дядя Саша) не просто паромщик, но владелец парома* – Василий Песков. Калитвянский паром // Комсомольская правда, 2002.09.27; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *фаэтонщик* (*Нам попался фаэтонщик, Пропеченный, как изюм, Словно дьявола погонщик, Односложен и угрюм* – О. Э. Мандельштам. Фаэтонщик (1931.06.12); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *владелец фаэтона* (*княжна полюбила меня, – думал он, – и сделалась бы женой моей... я стал бы владельцем и этого фаэтона, и этой четверки...богат... муж красавицы... известный литератор...* – А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) и т.п.

В 20-е годы XX века возникают в разговорной речи и «проникают в литературный язык немало слов с суфф. *-щик (-чик)* – очень актуальных для того времени имен лиц, названных по учреждению, организации (фактически соответствующие тому или иному словосочетанию – Н. Д.)» [384, с. 124]. Например: *аппаратчик* (*Жертва, материя, конечно, страдала по всей правде, но соответствия ей в духе не было, потому что там рядом с жрецом-простаком был и смехун, из этого смеха потом вышел «нэпман» и «аппаратчик»* (М. М. Пришвин. Дневники (1924); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *работник государственного аппарата* (*Известно, что работник государственного аппарата в глазах граждан*

выступает как носитель правопорядка (В. Найденов. Важное направление нравственного воспитания // «Человек и закон», 1979; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *орготдельщик* (*Вот она, цветет перед нами твоя душа, великий орготдельщик* (И. И. Катаев. Сердце (1928); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *сотрудник орготдела* (Дмитрий Абраменков, бывший *сотрудник орготдела ЦК КПСС* (И. Ивойлова. Какой памятник поставим Ельцину? // Труд-7, 2007.08.22; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *сельсоветчик* (*Так выколачивали признание в участии в террористической кулацкой банде из шести десятков крестьян деревни, где был убит сельсоветчик* (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *член сельсовета* (*Его поддерживал член сельсовета Игошкин, молодой, недавно отделившийся от отца паренек* (А. П. Гайдар. Дальние страны (1931); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

Наконец, ученые отмечают возникновение в XX веке, особенно в последние его десятилетия, большого количества суффиксальных универбов, мотивированных двучленным словосочетанием или же, согласно принятой нами терминологии, слов, тождественных исходному словосочетанию (вербальных эквивалентов словосочетаний, вербальных реализаций номинатом типа «словосочетание + универб»).

1.3. Причины возникновения универбов в русском языке

Существует, по крайней мере, пять основных причин возникновения универбов.

1. Действие общеязыковой тенденции экономии речевых средств (economy of speech – термин О. Есперсена), особенно сильно проявляющееся в разговорной речи.

2. Частная тенденция сближения книжной и разговорной стихий и проникновения разговорно-просторечных элементов в литературное употребление [145, с. 118].

3. Возникновение новых явлений, нуждающихся в именах.

4. Возникновение причин для изменения имени уже существующего явления. За такими изменениями имен могут стоять факторы из области политики, экономики, престижа, коммуникации и т.п.» [28, с. 105].

5. Экстралингвистические обстоятельства, заключающиеся в резком ускорении «темпа жизни в наше время, что в структурном плане получает свое выражение в процессах устранения названий с расчлененной формой и универбации, т.е. сжатия в слово номинативных словосочетаний целостной семантики и частого употребления» [509, с. 158].

Следует, на наш взгляд, шире представить тенденцию экономии языковых средств. О. А. Жарина говорит о том, что «проецирование когнитивных знаний на язык (соответствующие языковые единицы) характеризуется значительным редуцированием речевых усилий» [132, с. 165]. Она считает причиной этого, прежде всего, предтекстовые когнитивно-мыслительные операции, «реализация которых обусловлена свойством человеческого мышления оставлять без эксплицитного выражения те знания о реальном мире, которые находятся в фонде общечеловеческих знаний или знаний, образующих концептосферу того или иного народа, а также знаний, восстановление которых в случае коммуникативной нужды возможно посредством операций логического вывода» [132, с. 165]. В рамках теории дискурса Т. А. ван Дейк писал: «...при наличии последовательности пропозиций необходимо опустить те пропозиции, которые не служат условием интерпретации» [110, с. 69].

Кроме того, «явление универбации свидетельствует не только об экономии речевых усилий, но и о стремлении языка к «словности», о

тенденции к синтетизму или, по крайней мере, к уравниванию аналитизма и синтетизма» [72, с. 10].

Т. М. Николаева, например, выделяет два положения, характеризующие причины языкового развития вообще.

1. Тенденция к передаче все большего числа информации в единицу времени осуществляется в языках двумя способами: а) компрессией, б) суперсегментацией.

2. В языках, эволюционировавших в большей степени, сформулированная тенденция реализуется в большей степени [292, с. 16].

А. А. Лучик объясняет зависимость возникновения, например, эквивалентов слова действием двух противоположных сил (тенденций). С одной стороны, это тенденции, которые вынуждают систему эволюционировать, а с другой – тенденции, которые сдерживают изменения. Она считает, что «в результате действия противоположных тенденций в любом естественном языке создается многообразие форм, которые (по крайней мере, определенный отрезок времени своего существования – Н. Д.) не принадлежат ни к одной из его структурных категорий. Такие элементы преимущественно считаются единицами переходных уровней языковой системы» [245, с. 95].

При этом оценочная сторона вопроса, по мнению лингвиста, (хорошо ли для нас то, что мы передаем и получаем все более редуцированную, компрессированную информацию, или нет) не затрагивается.

Язык может, не нарушая перцептивных законов, обуславливающих определенные возможности компрессии, «двигаться в сторону передачи большего объема информации в единицу времени путем модификации речевых единиц, т.е. слов и их компонентов», – считает Т. М. Николаева [292, с. 17]. Также она уверена, что воплощение указанной тенденции развития в содержательной плоскости является симметричным, или даже параллельным, развитию фонетического аспекта. В этом случае также можно говорить о компрессии.

По наблюдениям лексикографов, для семантического развития словарного состава русского литературного языка последних десятилетий характерна внутриязыковая обусловленность (70 %) при сравнительно небольшом количестве семантических инноваций, призванных обозначить нечто новое.

Но, на наш взгляд, существуют еще причины, способствующие активному образованию и широкому распространению вербальных эквивалентов словосочетаний номинатом исследуемого типа.

Японские лингвисты еще в середине прошлого века обратили внимание на значимость воздействия, которое оказывает массовая коммуникация (т.е. средства массовой информации) на общество. Они пришли к выводу, что наряду с экономическим и социальным существованием человека можно говорить о его языковом существовании. В данном случае речь идет о «личных или общественно-групповых оценках разнообразных речевых явлений» [110, с. 9]. Например, *открытка* (*открытое письмо*) в начале XX века воспринималось «препротивным созданием одесского наречия», а в 20-е годы того же века утратило налет просторечности и «теперь его употребляют все» (А. Г. Горнфельд). Сравним: *Я только что вернулся из командировки и прочел ваше **открытое письмо*** (В. Г. Короленко. Сорочинская трагедия (по данным судебного расследования) (1907); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Наконец, на двенадцатый день пришла **открытка**, в которой сын писал, что принят на казенный счет, просил родительского благословенья, чистых рубах и немного денег* (И. Е. Вольнов (И. Е. Владимиров). Повесть о днях моей жизни (1912); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

Вместе с тем, не следует забывать, что при лексико-семантическом анализе слова необходимо учитывать такие компоненты, присущие каждому слову, как референтное значение, ассоциативный компонент и эмотивный аспект. По нашему мнению, у большинства вербализованных словосочетаний

на первый план выступает ассоциативный компонент при сохранении референтного значения, свойственного мотивирующему словосочетанию.

В 70-80-е годы XX века, как утверждает Л. И. Осипова, наблюдается бурный рост универбов с суффиксом *-к-* и широкое использование их в языке прессы. «Это не случайно, если принять во внимание положение о языковом существовании человека и социально-психологическую обстановку того времени. Во многих словах возникла своеобразная энантиосемия, взаимоотталкивание референциальной функции и ассоциативного компонента, лексического значения производящей основы и разговорно-просторечной окраски суффикса *-к-*» [304, с. 64]. Ср.: *нетленка* – *нетленное производство*, *глобалка* – *глобальное производство*, *Всемирка* – многотомное издание «*Всемирная литература*». К данной семантической группе можно отнести также универбы с суффиксом *-ш-*: *генеральша* – *жена генерала*, *прокурорша* – *жена прокурора*. Например: *Это рассказ о плодах одиночества! Это нетленка! Она тут же каким-то карандашиком черкнула на пачке сигарет – «нетленка»* (Василий Аксенов. *Таинственная страсть* (2007); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *И я жутко завидовала: сама-то я никак не надеялась за год написать нетленное производство, которое напечатают везде или хоть где-нибудь* (Т. Набатникова. *День рождения кошки* (2001); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru); *Генеральша* *крыла их почем зря, умело применяя ненормативную лексику, но была вынуждена повторять впечатляющую пантомиму...* (Фонд 'ФОБОС'. *Танец умирающей моли* // Труд-7, 2004.04.01; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – *Жена генерала* *была дивной поварихой* (Л. Лопато. *Волшебное зеркало воспоминаний* (2002-2003); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru).

Универбы указанного типа являются не просто разговорными эквивалентами двусловных наименований, «сжатой характеристикой» или «словами-квалификаторами», отмечает Л. И. Осипова. Она считает, что их

роль и значение выходят за рамки чисто лингвистического анализа: подобные дериваты появлялись и продолжают возникать в результате межстилевого противоречия, вызванного социальными факторами (выбор во множестве случаев элементов разговорной речи вместо разного рода официальных наименований и т.п.).

Вышеизложенное свидетельствует о том, что, во-первых, универбы являются потенциальными альтернативными формами номинатем исследуемого типа (потенциальными номинатами с доминантой-словом) и, во-вторых, служат их речевыми реализациями. В связи с этим было бы некорректным считать универбы (универбаты) результатом деривационного процесса, а процесс их возникновения – деривационным.

1.4. Семантическая конденсация как причина процесса универбации

Итак, мы указали на ряд причин возникновения универбов рассматриваемого типа в русском языке.

В первую очередь, существенным фактором, способствующим росту активности процессов универбации, является вполне оправданное стремление к экономии средств выражения и облегчения таким образом процесса коммуникации. В данном случае мы имеем дело с синтагматической экономией, которая приводит к сокращению развернутой линейной структуры наименований и замещению их более короткими и более удобными в процессе общения обозначениями. Это сокращение представляется тем более возможным, что универбации подвергаются, как правило, только более или менее устойчивые и притом же достаточно частотные сочетания слов.

Активизация процессов универбации обусловлена также и некоторыми внутрilingвистическими факторами. Считается, что универбация представляет частный случай проявления одной из общих тенденций в развитии языка, а именно тенденции к регулярности внутриязыковых

отношений, к выработке языкового автоматизма. Кроме того, эта активизация вызвана также действием одного из основных законов развития лексики – стремлением к преодолению внутреннего противоречия между расчлененностью формы наименования и единством его значения.

Наряду с названными экстра- и внутрилингвистическими причинами, способствующими развитию процессов универбации, существенную роль играет также и психологический фактор – фактор саморегуляции количества морфем и слогов в слове в пределах, оптимальных для оперативной памяти человека. Как известно, емкость оперативной памяти человека накладывает ограничения как на количество морфем в слове, то есть на его глубину, так и на количество слогов в нем, то есть на его длину. Например, большинство слов современного русского языка состоит из 2 – 5 морфем и из 2 – 5 слогов, из чего можно сделать вывод, что эти параметры определяют оптимальный для оперативной памяти морфолого-фонетический объем слов в русском языке. Морфолого-фонетическая структура универбов соответствует как раз оптимальной структуре слов русского языка. Например, универбы *генеральша* (*жена генерала*), *игольница* (*подушечка для иголок*) состоят из 3-х морфем, 4-х слогов; универбы *дальняк* (*дальний свет*), *слепец* (*слепой человек*), *студак* (*студенческий билет*) – из 3-х морфем и 2-х слогов; универбы *ажурки* (*ажурные чулки*), *зачетка* (*зачетная книжка*) – из 3-х морфем и 3-х слогов.

Еще одной причиной появления в речи универбов может стать семантическая конденсация. Так, с точки зрения предложенного подхода мы попытаемся определить, сопровождается ли формообразование (универбация) данного типа упомянутым явлением.

Семантическая конденсация и универбация – понятия тесно связанные между собой, но далеко не тождественные. «Понятие универбации мы закрепляем за планом выражения, трактуя ее как превращение составного наименования в единое, омосемичное ему, слово – без учета возможных семантических преобразований, которые могут явиться результатом

подобного превращения» [167, с. 96]. Семантическую конденсацию Е. Калишан понимает «как семантический результат изменения внешней стороны сверхсловного наименования, как семантический результат превращения этого наименования в цельную лексему. Этим результатом является концентрация значения аналитического наименования в слове, представляющем определенную часть формально-смысловой структуры данного наименования» [167, с. 96-97], а также как «явление поглощения одним словом значения целого словосочетания» [166, с. 44].

Процесс семантической конденсации определяется разными учеными как *сгущение* (Я. Розвадовский), *консолидация* (Н. Арутюнова), *сжатие* (В. Виноградов), *стяжение* (Н. Шведова, Д. Шмелев), *опрошение* (Н. Прокопович), *включение* (Н. Янко-Триницкая, К. Горбачевич). Но наиболее распространенным термином в языковедческой литературе является все же термин *семантическая конденсация* (А. Исаченко, Е. Калишан), а слова, созданные в результате этого процесса, принято называть *семантическими конденсатами*.

Е. Калишан считает, что «наиболее активным способом семантической конденсации является суффиксальная деривация (напомним, что под суффиксальной деривацией ученый понимает в данном случае не явление словообразования, а факт формообразования, так мы понимаем возникновение словесной реализации номинатемы «словосочетание + универб» – Н. Д.)» [166, с. 44]. В таких случаях отмечается, прежде всего, универбация привычных, часто употребляемых сочетаний, функционирующих в качестве номинативных единиц. При этом самым распространенным типом является трансформация в одну лексему адъективно-субстантивных сочетаний, например: *электрический поезд – электричка, маршрутное такси – маршрутка, промокательная бумага – промокашка, грудной ребенок – грудник, сезонный рабочий – сезонник*. В подобного рода преобразованиях пропускается опорное слово словосочетания, и «значение всего двучленного наименования стягивается,

конденсируется в оставшемся слове, выступающем распространяющим, атрибутивным членом данного наименования. Эта транспозиция словосочетания в слово осуществляется словообразовательным путем – путем присоединения к усеченной основе определяющего прилагательного того или иного суффикса, вследствие чего само прилагательное подвергается особому рода субстантивации» [166, с. 44].

Наряду с вышеуказанными существительными в современном русском языке распространены также суффиксальные существительные, дублирующие более развернутые по форме, например трехчленные сочетания лексем, выступающие в номинативной функции; сравним: *студент заочного отделения – заочник, работник бумажной промышленности – бумажник, сотрудник особого отдела – особист*, где смысл каждого словосочетания конденсируется в соответствующем прилагательном, представляющем часть составного определения к опорному слову словосочетания.

В случаях замены суффиксальными производными описательных названий каких-либо предметов мысли особого внимания заслуживает вопрос о роли суффиксов в формировании семантики этих производных.

Согласно мнению некоторых исследователей (такую точку зрения представляет, например, В. Максимов), при включении значений опускаемых компонентов составного наименования в семантику сохраняющегося компонента тот или иной суффикс определяет лишь общее классифицирующее значение, то есть значение части речи, соответствующее частеречной принадлежности опускаемого существительного как стержневого слова развернутого наименования. При «семантической конденсации, сопровождаемой так называемой суффиксальной деривацией, роль суффикса ограничивается лишь формальным закреплением за производным **словом** значения, передаваемого производящими словами» [250, с. 77]. На наш взгляд, это утверждение верно, если речь идет не об универбах, а о собственно дериватах. Именно наличием / отсутствием

явления семантической конденсации различаются омонимичные образования – дериваты и словесные формы соответствующих номинатем, например: *бумажный* – *бумажник* (словообразовательная пара, второй элемент которой является дериватом); *работник бумажной промышленности* – *бумажник* (формы номинатемы типа «словосочетание + универб»).

Таким образом, семантическая конденсация может быть оценена как возможная причина процесса универбации, проявляющаяся в том, что в результате интеграции составного наименования в слово определенный отрезок смысла этого наименования не получает своего отражения в морфологической структуре универба и существует в нем в свернутом виде, считает Е. Калишан.

Например, по мнению исследователя, в морфологической структуре существительного *противогаз* значение «маска» не указано (ср. *противогаз* < *противогазовая маска*), но это значение составляет часть значения универба *противогаз*; в морфологической структуре универба *десятилетка* (< *десятилетняя школа*) значение «школа» в явном виде не представлено, хотя оно и содержится в семантической структуре данного слова.

На наш взгляд, это утверждение абсолютно верно, если оно касается номинатем типа «словосочетание + эллиптема» (*жвачное животное* – *жвачное*, *сборная команда* – *сборная*, *высокая температура* – *температура*, *граммофонная пластинка* – *пластинка*), но не номинатем типа «словосочетание + универб» (*лесопильный завод* – *лесопилка*, *маршрутное такси* – *маршрутка*). Речь о семантической конденсации может идти также в том случае, когда имеет место процесс суффиксальной деривации и его результат – новое самостоятельное слово (*лапа* – *лапка*, *бумажный* – *бумажник*, где суффикс является всего лишь традиционным носителем словообразовательного значения производного слова; соответственно, это значение заключено (конденсируется) в суффиксе).

По поводу особенностей словесных воплощений номинатем типа «словосочетание + универб» необходимо отметить следующее. При

рассмотрении универба как словесной формы конкретной номинатемы, функционирующей наравне с соответствующим словосочетанием, семантическая конденсация как явление отсутствует, поскольку каждая морфема в структуре универба отвечает значению каждого элемента соответствующего ему словосочетания. Например, в морфологической структуре существительного *лесопилка*, являющегося формой словосочетания *лесопильный завод*, значение «завод» представлено суффиксом *-к-*, а значение «лесопильный», соответственно, основой *лесопил-*; в морфологической структуре универба *молотилка* (*молотилка* – *молотильная машина*) значение «машина» сосредоточено в суффиксе *-к-*, значение «молотильный» – в основе *молотил-*; в морфологической структуре суффиксального субстантивата *сезонник* (*сезонник* – *сезонный рабочий*) значение «рабочий» выражает суффикс *-ик-*, значение «сезонный» выражает основа *сезон-* и т.д.

Таким образом, с семантической конденсацией мы сталкиваемся тогда, когда, во-первых, в результате редукции элементов расчлененного наименования в новой, цельнооформленной единице (эллиптеме или производном слове) сохраняется от данного наименования хотя бы одно слово (*выходной день* – *выходной*, *вавилонское столпотворение* – *столпотворение*), основа (*маленький дом* – *домик*, *мелкий снег* – *снежок*); во-вторых, когда по крайней мере один из компонентов морфологической структуры расчлененного наименования, несущих вещественное значение (слово, основа или корень), не получает даже минимального отражения в формальной структуре однословной номинации, чего нельзя сказать о словесном эквиваленте словосочетания в рамках номинатемы «словосочетание + универб».

1.5. Номинатема как основная единица языка

Как справедливо отметила Е. Н. Сидоренко, «учитывая достижения предшественников, представленные преимущественно в семасиологическом

аспекте, наука о языке более пятидесяти лет назад стала активно использовать ономаσιологический аспект исследования, направленный от значения к средствам его выражения» [378, с. 46].

Вопрос об идентификации единиц языка остается одним из основополагающих в области лингвистического описания. С ним непосредственно сопряжен «вопрос об иерархии лингвистического описания» [6, с. 66].

Свое видение проблемы основной единицы номинации высказывали Ш. Балли [Общая лингвистика и вопросы французского языка, 1955], В. А. Звегинцев [Семасиология, 1957], Л. Блумфилд [Ряд постулатов для науки о языке, 1960], В. М. Жирмунский [О границах слова, 1961], И. А. Бодуэн де Куртенэ [Язык и языки, 1963], А. Мартине [Основы общей лингвистики, 1963], Й. Вахек [Лингвистический словарь пражской школы, 1964], С. Д. Кацнельсон [Содержание слова, значение и обозначение, 1965], Ф. де Соссюр [Курс общей лингвистики, 1977], Ж. Вандриес [Язык. Лингвистическое введение в историю, 2004], А. Фрей [Соссюр против Соссюра? Статьи разных лет, 2006] и др. Предполагается два пути её решения.

Первый В. М. Алпатов условно назвал словоцентрическим. «Он основан на том, – замечает ученый, – что главной единицей языка считается слово и анализ начинается с выделения слов, от которых и происходит переход к выделению как более кратких (морфем), так и более протяженных (словосочетаний, иногда и предложений) единиц языка» [6, с. 66].

С начала XX века появляется принципиально новый подход к выделению единиц языка. Его основоположником считают И. А. Бодуэна де Куртенэ, который в своей работе «Язык и языки» предложил выделение единиц языка на примере членения русского предложения *на то щука в море, чтобы карась не дремал*. Сущность подхода заключалась в последовательном выделении более мелких единиц из более крупных. Производилось два независимых друг от друга членения этого предложения:

интонационно-фонетическое и морфологическое. При морфологическом членении приведенного в качестве примера сложного предложения выделялось сначала два простых, потом они, в свою очередь, членились на простые синтаксические единицы – семасиологически-морфологические слова (*на то, щука, в море, чтоб ... не дремал, карась*), наконец, производилось членение на морфемы (*на-, -т-, -о, щук-, в-, мор-, -е* и т.д.) [35, т. 2, с. 78].

Несколько позже сущность несловоцентрического подхода сформулировал Л. Блумфилд, обозначивший в качестве основных единиц языка единицы, названные им формами. При этом минимальной формой в его концепции считалась морфема. Далее последовательно выделялись слово, словосочетание и предложение.

«При несловоцентрическом подходе, – констатирует В. М. Алпатов, – слово уже не занимает того места, как в словоцентрических концепциях» [6, с. 67]. В данном случае исследователь избирает путь от более протяженных единиц к более кратким или от наиболее кратких к сложным по своей структуре и семантике. При этом слово не считается первичной и главной единицей, оно находится в одном ряду с другими единицами языка и может даже не выделяться вообще.

Проявлением несловоцентрического подхода является и представление о номинативности словосочетаний, которую можно декларировать тезисом А. П. Загнитко: «основная функция словосочетания – номинативная» [135, с. 53]. При этом «комбинация слов и словосочетание репрезентируют уже соединение некоторых отдельных значений-сигнификатов, в результате чего образуется новая номинативная единица, идентификация и понимание которой зиждется на адекватном воспроизведении некоторого реального единства предметов, явлений и их свойств (сочетание предмета и признака, сочетание предметов, сочетание действий и т.д.)» [531, с. 123].

Такое же понимание словосочетания еще раньше было сформулировано В. В. Виноградовым: ученый определял его как

номинативную единицу, целостную по смыслу; как единое, хотя и расчлененное наименование.

С другой стороны, как отмечал А. И. Моисеев, «если номинацию понимать так, как она обычно понимается – как наименование предметов и явлений» [270, с. 56], следует принимать во внимание в качестве инструмента названия именно слово, а такой способ названия следует считать словоцентрическим.

В. М. Алпатов считает, что словоцентрический подход основан на «интуитивной очевидности понятия слова, которое носители европейских флективных языков (возможно, и некоторых других) воспринимают как непосредственную данность (что не исключает существования отдельных спорных случаев)» [6, с. 69]. Данный подход преобладал в русистике, по крайней мере, до середины-конца XX века. Основанием для этого являются не собственно лингвистические, а психолингвистические факторы.

По мнению В. И. Теркулова, к принципам словоцентрического подхода следует относиться критически, поскольку 1) словоцентрические теории «не могут определить слово как целостную единицу – каждый раз, говоря о слове, мы должны уточнять, какое слово имеется в виду – фонетическое, лексическое, морфологическое; при этом даже такой подход не снимает противоречий <...> – и при определении уровневых слов существуют периферийные зоны, для которых трудно установить, что же перед нами, слово или другая единица»; 2) эти теории также не могут «определить слово и как языковую универсалию, так как оно часто имеет разные параметры существования в разных языках» [447, с. 55].

Несловоцентрический подход представляется универсальным и поэтому имеет преимущества перед словоцентрическим подходом. Об этом говорит В. М. Алпатов: «... наряду с психологически адекватными моделями должны строиться и модели, которые могли бы описывать языки мира на единых основаниях. Подобные модели необходимы для <...> выявления универсальных свойств языка. Для этих целей, которыми не исчерпывается

языкознание, несловоцентрические модели <...> удобнее словоцентрических» [6, с. 62].

Теория номинации связана прежде всего «с выяснением того, как соотносятся между собой понятийные формы мышления, каким образом создаются, закрепляются и распределяются наименования за разными фрагментами объективной реальности» [328, с. 176].

Термин **номинация** в современном языкознании употребляется довольно часто, однако содержание его неоднозначно. С одной стороны, он может обозначать как процесс создания, закрепления и распределения наименования за разными фрагментами действительности, так и значимую языковую единицу, образованную в процессе называния. С другой стороны, у разных исследователей зачастую не совпадает толкование терминов **первичная** и **вторичная номинация**.

Так, А. А. Уфимцева, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак под первичной номинацией понимают языковое означивание посредством **слов и словосочетаний** (выделено нами – Н. Д.), а под вторичной – языковое при помощи предложений. Например, А. А. Уфимцева пишет: «...строго разграничиваются два вида означивания языковых элементов – первичное (слова и словосочетания) и вторичное (фразы, предложения); знаки первичного и вторичного означивания противостоят друг другу как две стороны диалектического целого – языка, соотносясь как виртуальное и актуализированное, как кодифицированное, всеобщее и некодифицированное, индивидуальное, воспроизводимое и создаваемое» [481, с. 4].

Отнесение слов и словосочетаний к первичной, предложений – ко вторичной номинации базируется на теории означивания Э. Бенвениста, который трактовал условия означивания как набор средств языкового выражения той или иной семиологической значимости и факта вхождения данного знака в ту или иную систему и определенного осмысления знака в этой системе. Под семиотическим Э. Бенвенист понимает способ

означивания, который присущ языковому знаку и придает ему статус целостной единицы: «знак существует в том случае, если опознается как означивающее всей совокупностью членов языкового коллектива и если у каждого вызывает в общем одинаковые ассоциации и одинаковые представления» [24, с. 139]. Отличительную особенность двух способов, действующих в разных сферах (семиологического в номинативной сфере и семантического в сфере предикации) Э. Бенвенист определяет так: «Семиотическое (знак) должно быть узно, семантическое (речь) должно быть понято» [24, с. 139].

От отличительных признаков указанных способов, от определения первичной и вторичной номинации зависит определение и описание номинативных средств языка. Д. Н. Шмелев считает, что номинативные единицы формируются в языке не только в результате целеполагающей языкотворческой деятельности человека, но и как следствие различных формальных и семантических трансформаций имеющегося языкового материала, скрытых от глаз непосредственных носителей языка и не осознаваемых ими [522, с. 46]. В свою очередь, описание номинативных средств языка требует дифференциации явлений первичной и вторичной номинации. В данном случае под первичной (**языковой**) номинацией понимается акт присвоения имени предмету, еще не имеющему своего языкового обозначения, например *зачетная книжка* «документ для фиксирования зачетов и экзаменов». Сущность вторичной номинации здесь заключается в назывании нового предмета старым именем, например *эстрадный олимп* «ряд наиболее популярных артистов», *челнок* «мелкий торговец, ввозящий товар из-за рубежа или вывозящий его за границу с последующей реализацией на местных рынках». Мы считаем, что вышеизложенное раскрывает проблему квалификации типов номинации, при которой называние предмета, уже имеющего имя, осуществляется посредством присвоения ему нового имени, например *зачетка* (*зачетная книжка*) «документ для фиксирования зачетов и экзаменов». Данный тип

номинации может быть квалифицирован, на наш взгляд, как первичная **речевая** номинация.

Акт номинации вообще, отмечает М. А. Попова, «состоит в фиксации избранных явлений действительности посредством языковых знаков. <...> В процессе наименования действует стремление к мотивировке выбора того или иного звукового комплекса для обозначения явления действительности» [328, с. 178].

А. А. Уфимцева полагает, что язык как система «воспроизводится и воспринимается в речи на основе одних и тех же референтных связей языковых знаков в результате отождествления последних по их форме и значению» [481, с. 13]. В связи с этим она считает типичными представителями номинативных знаков **«полнозначные слова** (выделено нами – Н. Д.); к этому же семиологическому классу знаков первичного означивания относят и **словосочетания, выступающие в языке в качестве расчлененной номинации, эквивалентной слову** (выделено нами – Н. Д.), т.е. выполняющей функцию наименования единичного предмета или класса предметов» [481, с. 13-14].

Кроме того, интересны мысли лингвиста о слове и его формальных воплощениях. А. А. Уфимцева считает, что слово должно рассматриваться в двух его статусах, то есть как «слово-лексема, как виртуальный, нерасчлененный знак, единица лексематического уровня, и лексико-семантический вариант слова, манифестируемый свободным словосочетанием, как относительно-расчлененный знак, единица лексико-семантической системы» [481, с. 4].

Целесообразно привести здесь также предположения А. М. Архангельской относительно механизма номинации в общем его виде. Она пишет, что данный механизм представляет собой ментально-языковые операции, которые присутствуют в мыслительной и языковой творческой деятельности номинатора (того, кто производит акт номинации), те внутренние процессы, которые актуализируются и определяют протекание

процесса номинации и обуславливают его результат. Такими основными операциями А. М. Архангельская считает «1) определение номинатором (тем, кто называет – Н. Д.) идеального содержания номината (того, кому / чему присваивается имя – Н. Д.) в совокупности его признаков как представителя класса, о котором номинатор имеет определенную сумму знаний; 2) поиск мотивационного признака (признаков) и подходящей формы его выражения, способной включить номинант (имя объекта, подвергшегося номинации – Н. Д.) в языковую систему; 3) поиск классификационного значения, которое подчеркивало бы специфику производного номинанта относительно исходного, и формы его выражения; 4) поиск трансформационного значения, которое подчеркивало бы семантическую специфику производного номинанта относительно исходной (исходных) формы» [14, с. 24].

По нашему мнению, данный механизм номинации тем ценен и интересен, что может быть применим к обоим подходам (словоцентрическому и несловоцентрическому), то есть из его формулировки не следует, что номинат воплощается только в слове или только в словосочетании (в терминологической системе А. М. Архангельской – в номинанте определенной структурной сложности).

Также автор этой идеи отмечает, что, понимая акт номинации как явление осознанное, а не спонтанное, можно сделать предположение относительно выбора имени, наиболее подходящего в данном акте именования: это имя должно быть определенным образом мотивировано.

Для русского языка определяется пять типов ономазиологических единиц, выражающих языковые смыслы: 1) слово; 2) предложно-падежная форма; 3) словосочетание особого типа, семантически эквивалентное слову; 4) лексия («составное слово»); 5) фразовый номинант, выраженный придаточной частью сложноподчиненного предложения с синтаксическим артиклем или без него [378, с. 44]. В контексте данного исследования необходимо подробно рассмотреть некоторые из них.

Слово Е. Н. Сидоренко называет синтетической ономаσιологической единицей, остальные указанные ономаσιологические единицы она считает расчлененными.

Слово (выделено нами – Н. Д.) в данном случае считается основной единицей именованя. В качестве номинативной субстанции оно есть в каждом языке и квалифицируется как одна из основных языковых универсалий. «Не случайно поэтому слово оказалось в центре внимания языковедов; оно изучается в лексике, словообразовании, морфологии и даже в синтаксисе. В связи с этим современную лингвистику вполне справедливо называют словоцентрической», – пишет Е. Н. Сидоренко [378, с. 44].

Также ученым констатируется, что кроме слова в качестве средства именованя выступают единицы, структурно более сложные по сравнению со словом, призванные выражать разные языковые смыслы. К данным средствам она относит предложно-падежную форму, лексию, словосочетание особого типа, эквивалентное по значению слову, а также фразовый номинант. Это так называемые типы *расчлененных ономаσιологических единиц*.

Словосочетания, эквивалентные словным ономаσιологическим единицам Е. Н. Сидоренко квалифицирует как один из типов расчлененных единиц именованя. Примерами единиц данного типа, по мнению лингвиста могут служить следующие: *житель Крыма = крымчанин, мостовая улица = мостовая, оказать содействие = содействовать*. «В некоторых случаях эквивалент может отсутствовать, но сочетание слов должно передавать одно понятие: *железная дорога = железка*» [378, с. 46]. Мы считаем, что констатация отсутствия эквивалента приведенного словосочетания и эквивалентов других словосочетаний подобного типа основана автором на понимании языковой природы этих эквивалентов. Иными словами, если развить трактовку Е. Н. Сидоренко, непременным условием существования эквивалентов соответствующих словосочетаний является лексикализация (в принятой нами терминологии – Н. Д.) этих самых эквивалентов. Мы же, в свою очередь, допускаем наличие речевого эквивалента словосочетания

железная дорога – железка, считая, что данная пара *словосочетание – слово* в полной мере представляет тип расчлененных единиц именования.

Е. Н. Сидоренко, оправдывая необходимость существования данного типа расчлененных наименований, отмечает: «Факты более чем тысячелетнего развития русского языка дают основание говорить об усложнении формы выражения мысли, что получило соответствующее отображение в средствах представления объективной действительности в языке, а позже вызвало необходимость рассматривать в лингвистике всю систему сложившихся ономаσιологических средств» [378, с. 46]. Однако нельзя не заметить некоего закона компенсации языковых / речевых средств: проявлением последнего как раз и является процесс универбации.

О вышеуказанных единицах Е. Н. Сидоренко пишет: «В лингвистической литературе по отношению к рассматриваемому явлению используется большое количество терминов, синонимичных или смежных по содержанию: универбация, универбализация, семантическая конденсация, семантическая компрессия, сгущение, сжатие, включение, сокращение, эллиптизация, конкретизация, сорбция, синтаксическое сжатие и др.». А также: «Данные словосочетания в теории языковых смыслов представляют интерес с точки зрения их семантической энергетики, способности конкурировать со словными единицами именования» [378, с. 46].

Фразовые номинанты (по терминологии В. Н. Мигирина, Н. И. Пельтихиной, и др.) также относятся к ономаσιологическим номинативным единицам расчлененного типа. Данные единицы в других терминологических системах определяются как синтаксические номинанты (согласно терминологии М. В. Федоровой, А. А. Бурова, З. Д. Поповой), предципирующая форма, выступающая в качестве компонента номинативного ряда (В. М. Никитевич).

Е. Н. Сидоренко абсолютно справедливо отмечает: «Проблема структурных типов номинации возникла в связи с выходом лингвистики за пределы изучения слова, то есть в связи с освобождением исследователя из

плена словоцентризма. Но она в наибольшей степени связана с **различием между языком и речью** (выделено нами – Н. Д.)» [378, с. 46].

При традиционном словоцентрическом подходе именно слово (лексема) считается основной структурно-семантической единицей языка, которая «соотносится с предметами, процессами, явлениями действительности, их признаками и отношениями между ними, свободно воспроизводится в речи и служит для организации высказываний» [196, с. 437], понятие которой «нужно, очевидно, определять относительно конкретного языка или группы родственных языков» [63, с. 14]. Слово во всех его реализациях трактуется как «основная номинативная и когнитивная единица языка, которая служит для именованя и сообщения знаний о предметах, признаках, процессах и отношениях реальной действительности» [422, с. 121]. «Представление о *слове* как **основной единице наименования явлений реального мира** (выделено нами – Н. Д.) складывается в коммуникативно-когнитивной деятельности носителей языка» [328, с. 174].

Дать научное определение слову достаточно сложно, поскольку слова разнообразны по структурно-грамматическим и семантическим признакам. Объем понятия слова, содержание этого понятия исторически менялись.

В. В. Виноградов отмечал: «Проблема слова в языкознании еще не может считаться всесторонне освещенной. <...> Структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка» [57, с. 13]. Ф. де Соссюр относительно проблемы слова писал: «До сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными» [408, с. 111]. Видимо, по этой причине «Лингвисты избегают давать определение слова или исчерпывающее описание его структуры, охотно ограничивая свою задачу указанием лишь некоторых внешних (преимущественно фонетических) или внутренних (грамматических или лексико-семантических) признаков слова» [57, с. 13].

А. И. Смирницкий, например, утверждает, что «слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка

(например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово» [389, с. 11]. Однако, с другой стороны, ученый отмечает: «Различные образования могут быть словами в разной степени, т.е. в разной мере обладать «качеством слова»: как их выделимость, так и их цельность могут быть неодинаковы, хотя и достигать того минимума, который необходим, чтобы данные образования все же выступали как слова» [390, с. 187-188]. Данное высказывание наводит на мысль о необходимости выделения критериев определения границ слова (или номинатемы), главным из которых, на наш взгляд, является структурно-семантический.

А. М. Пешковский говорит о слове как о живом психологическом факте, который «может, даже вопреки действительности, представляться как первосущность» [320, с. 94].

Е. Д. Поливанов дает такое определение слова: «Словом называется настолько самостоятельный в смысловом отношении и логически законченный **отрезок речи** (выделено нами – Н. Д.), что он оказывается способным изолироваться в качестве единственного состава произносительной фразы...» [322].

В. М. Жирмунский утверждает, что «слово есть кратчайшая единица языка, самостоятельная по своему значению и форме» [133, с. 12], не уточняя при этом, что значит «самостоятельная по форме».

Л. В. Щерба рассуждает: «Что такое слово? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого собственно следует, что понятия «слово вообще» не существует» [529]. Мы же считаем, опираясь на данные лингвистической универсологии, что существует некая номинативная субстанция, присущая всем языкам или, по крайней мере, большинству из них.

В. В. Виноградов наиболее полно, поэтому довольно пространно, определяет сущность слова: «Слово – это предельный (то есть уже более не

разложимый на грамматически отдельные и в то же время лексически целостные единицы речи) языковой «символ», который, во-первых, служит для некоторой социальной среды обозначением (номинативным знаком) того или иного содержания, эмоции, отношения – словом, какого-нибудь «предмета» в мире действительности, в мире материальной культуры или социальной идеологии и психологии, нередко выражая оценку, отношение этой социальной среды к действительности и, тем самым, присущее этой социальной среде понимание и восприятие действительности; во-вторых, является или может быть вмещилищем нескольких значений, общих для всего данного коллектива и в своей связи воплощающих принципы сочетания идей, эмоций и «вещей» (процессов, признаков и т.п.) в быте и мировоззрении этого коллектива и, в-третьих, наконец, представляет собой структурно-речевое единство, образующее речь, высказывание, сообщение или выделяемое из речи как один из соотносительных с другими из ее членов и, в свою очередь, расчленимое на фонемы и морфемы и вступающее в синтаксические сцепления по законам грамматики данного языка» [57, с. 110-111].

Ю. А. Гвоздарев выделил из данной дефиниции основные признаки слова как единицы языка, дополняя ими перечень признаков, представленных Ю. Д. Апресяном, Н. Д. Арутюновой, М. И. Фоминой. Согласно ей слово характеризуется как единица:

- 1) целостная, предельная, семантически и грамматически неразложимая единица;
- 2) которая служит номинативным знаком социальной среды;
- 3) является вмещилищем значений;
- 4) образует речь;
- 5) вступает в синтаксические сцепления (отношения);
- 6) обладает – тоже по В. В. Виноградову – непроницаемостью, то есть невозможностью вставить внутрь слова какой-то компонент [73, с. 16].

О. М. Соколов, обобщая дефиниции предшественников, дает определение слову: «слово – это семантически целостная, грамматически цельнооформленная, воспроизводимая коммуникативная единица языка, способная к функциональному лексическому и грамматическому варьированию в диапазоне, не нарушающем его тождественности» [400, с. 30].

Вместе с тем он считает, что существуют определенные трудности относительно выделимости слова в речевом акте. Эти затруднения связаны «отчасти с условностью и неопределенностью термина «слово». С одной стороны, под словом понимается единица речи, а с другой – единица языка» [400, с. 23]. Понятия *единица речи* и *единица языка* не совпадают, по мнению О. М. Соколова: когда выделяется единица информации в тексте, то имеется в виду вариант, то есть одна из возможных реализаций слова, определяемая с учетом интонации, паузы в произношении, пробела при написании, смысловой значимости, грамматических признаков.

С позиций языка как системы проблема выделимости слова приобретает иной ракурс. В данном случае, согласно А. И. Смирницкому, ее удобно разделить на две части: проблему отдельности слова и проблему тождества.

Критерием определения отдельности слова, как считал А. И. Смирницкий, является смысловая законченность, присущая слову, его грамматическая оформленность, которой не обладают морфемы и словосочетания.

Что же касается тождества слова, то одним из первых, кто в российском языкознании акцентировал внимание на этой проблеме, был В. В. Виноградов. В работе «О формах слова» он детально проанализировал концепцию А. А. Потебни, считавшего все грамматические формы слова, а также все реализации его значений самостоятельными единицами. Мысль В. В. Виноградова о тождестве слова в дальнейшем поддержали А. С. Смирницкий, О. С. Ахманова и др.

Е. А. Селиванова предлагает понимание лексемы как абстрактной единицы «лексического уровня системы языка в совокупности всех лексико-семантических вариантов, которая характеризуется формально-грамматическим и семантическим единством» [363, с. 322].

Термин *лексема* был введен в отечественный научный обиход А. М. Пешковским в 1918 году. Учёный утверждал, что необходимо «различать два образа: один, возникающий у нас при произнесении отдельного слова, и другой – при произнесении того или иного словосочетания с этим словом. Весьма вероятно, что первый есть лишь отвлечение от бесчисленного количества вторых» [320, с. 93].

О. М. Соколов пишет: «лексема – это определенный фонетико-орфографический комплекс, соотнесенный с семантической и орфографической парадигмой, т.е. комплексом вариантов, не разрушающих данное тождество» [400, с. 31].

Указанный термин в украинистике употребляется преимущественно в одном значении: «абстрагированная единица лексического уровня системы языка в совокупности всех лексико-семантических вариантов, которая характеризуется формально-грамматическим и семантическим единством» [363, с. 322]. В зарубежном же языкознании он имеет и другие значения, которые обусловлены традициями той или иной лингвистической школы. Так, лексемой считается: 1) абстрактная единица словарного состава языка в противовес слову как реализации лексемы в речи (французская лингвистика) (А. Мартине); 2) полнозначный элемент в отличие от служебного (например – морфемы); 3) какая-либо словарная единица (в том числе и устойчивое словосочетание) (У. Вайнрих).

В терминологической системе, например, Ю. С. Маслова термин *лексема* синонимичен термину *госсема*. Лингвист называет этими терминами некую абстрактную номинативную единицу конкретного языка. Ее абстрактность он показывает на примере текста – начала стихотворения А. С. Пушкина (*Ворон к ворону летит, Ворон ворону кричит...*). Выделяя

семь слов в данном отрывке, Ю. С. Маслов говорит о «речевых словах» или отдельных «словоупотреблениях», о конкретных экземплярах слов в тексте. Выделяя пять слов (*ворон, к, ворону, летит, кричит*), ученый говорит о переходе от речи к языку, так как происходит отвлечение от отдельных экземпляров. Иначе говоря, он считает не конкретные экземпляры, а некие абстрактные единицы, так называемые **словоформы**. Словоформу автор идеи называет абстракцией «первой степени». Выделяя четыре слова, языковед говорит об абстракции «второй степени» и считает две разные словоформы *ворон* и *ворону* одной единицей, то есть говорит о слове *ворон*, абстрагируясь от его грамматических видоизменений – отдельных словоформ. «Слово, понимаемое в этом смысле, – пишет Ю. С. Маслов, – называют «лексемой» или «глоссемой». Мы воспользуемся последним термином. Г л о с с е м а (разрядка автора – Н. Д.), таким образом, есть слово как абстрактная единица в системе данного языка» [258, с. 10].

Наряду с этим, лингвист предлагает такое определение слова: «слово – минимальная относительно самостоятельная значащая единица языка; относительная самостоятельность слова – большая, чем у морфемы – последовательнее всего проявляется в отсутствии у него жесткой линейной связи с соседними словами (при наличии, как правило, жесткой связи между частями слова), а, кроме того, еще и в способности многих (хотя и не всех) слов функционировать в качестве минимального (однословного) предложения, либо в качестве члена предложения» [258, с. 111].

В. В. Виноградов несколько позже предлагает рассматривать отмеченную А. М. Пешковским двойственность слова через различие двух понятий и двух терминов – **слова** и **лексемы** – «то есть лексической единицы языка, как системы форм и функций, осознаваемой на фоне структуры языка в целом, или формы слова и слова» [59, с. 37].

Данное различие в другой терминологической системе соотносится с различием двух статусов слова – «статуса слов названий, или **слов-ономатем**, и статуса синтаксических слов, функционирующих в

предложениях, или **слов-синтагм**» [217, с. 30]. Первые соответствуют номинатамам, то есть абстрактным единицам языка, вторые – глоссам, то есть текстовым репрезентантам абстрактных единиц.

По мнению П. С. Кузнецова, одной из возможных базовых языковых номинативных сущностей является слово-ономатема; эту единицу можно определить только через данную нам в эмпирических ощущениях ее речевую реализацию. Также он утверждает, что языковая единица практически тождественна речевой и совпадает с ней в протяженности [214, с. 76].

Слово-ономатема понимается как «теоретический» «знак, имеющий самостоятельное содержание, которое может быть осмыслено вне контекста, независимо от функционирования в составе предложений. Это обобщенная виртуальная единица лексической системы, главной функцией которой является номинация» [217, с. 31]. В свою очередь, слово-синтагма понимается как «конкретное проявление словесной формы данного слова (в нашем контексте – ономатемы – Н. Д.) в определенном морфологическом составе» [231, с. 44]. В этом случае, по мнению В. И. Теркулова, речь идет о репрезентации слова-ономатемы в речи в виде глоссы. «Таким образом, – пишет он, – слово-синтагма (глосса) – это явление речи, конкретная речевая единица с конкретизированной системой значений и созначений и соответствующей им формой выражения, а слово-ономатема – это языковая сущность, представляющая собой совокупность таких глосс, объединенных по определенным признакам» [447, с. 32]. Такое противопоставление слова-ономатемы и слова-синтагмы является образцом противопоставления языковой и речевой номинации.

В. И. Теркулов подчеркивает, что «противопоставление языковой и речевой номинации – это, в первую очередь, и есть противопоставление языковой (инвариантной) и речевой (вариантной) единиц и установление механизма реализации первой во второй. В этой ситуации, следовательно, уместно **синкретичное** использование термина «номинация», дающее

возможность объединить процесс и результат в единый статико-динамический комплекс» [447, с. 33].

Чаще всего считают, будто «языковая номинация – это *создание* новых номинативных единиц, а речевая – это *использование* уже готовых единиц в процессе ситуативного означивания» [68, с. 248-257]. Данное предположение основывается на динамической трактовке явления номинации.

В. И. Теркулов, анализируя мнения предшественников, пишет: «Откуда же берутся эти «готовые» единицы, которые реализуются в речи, каков их статус в номинативной системе языка? По В. Г. Гаку, они не могут быть ни языковыми номинациями, поскольку не создаются, а уже существуют в системе, ни речевыми номинациями, поскольку именно их язык использует в речи не в целом, а только в той или иной модификации. Вполне очевидно, что они существуют **до** номинативной ситуации и реализуются в ней не целиком, а лишь в каком-либо из своих конкретных воплощений» [447, с. 33-34] и далее – «В работах некоторых ученых [208; 265; 355; 393] процесс и явление означивания стали рассматриваться с коммуникативной точки зрения, что привело к некоторому уточнению понятия языковой номинации. Е. С. Кубрякова уже не ограничивает её только процессом создания новых номинативных единиц, но и указывает на существование номинативных сущностей в языке как инвариантов обозначения. По мнению ученого, под номинацией следует понимать «речемыслеительный процесс, направленный **либо на выбор существующего** (выделено автором – Н. Д.) в языке готового обозначения для именуемого явления, либо на создание подходящего названия для него» [208, с. 42]. В этом случае обозначенная нами как инвариантная единица – слово *вечер* – является именно языковой номинативной сущностью, а глосса *вечера* – одним из ее речевых воплощений. Номинация «как процесс» при такой трактовке есть выбор из возможных модификаций языковой номинативной единицы для реализации интенций конкретной ситуации именованного. В связи с этим релевантной можно считать дифференциацию видов номинации, предложенную

Н. П. Тропиной. Она пишет: «Деление номинаций на языковые и речевые <...> ориентировано, в первую очередь, на разграничение знака виртуального и знака актуального, на разграничение процессов виртуального и актуального означивания» [460, с. 57]. Е. А. Селиванова считает, что «фиксация знаком предмета происходит в конкретных актуализированных знаках, в речи. Виртуальный знак в лексической системе фиксирует нечто иное» [359, с. 57]. В. И. Теркулов завершает предыдущие высказывания следующим образом: «Именно виртуальным знаком следует считать то, что традиционная лингвистика называет словом-ономатемой, то есть языковым лексическим инвариантом номинации, который, собственно, и «фиксирует виртуальный знак», а актуальным (актуализированным) – словом-синтагмой, в котором осуществляется конкретный акт номинации, определяемый потенциями слова-ономатемы» [447, с. 34].

Лексическое слово, как утверждает Л. А. Новиков, – это «совокупность всех его грамматических форм во всех его имеющихся значениях... Совокупность формально тождественных и внутренне взаимосвязанных лексико-семантических вариантов, т.е. конкретных, непосредственно воспринимаемых реализаций его в тексте» [295, с. 113]. Однако, по мнению В. И. Теркулова, «именно для лексического слова и существует проблема в отграничении от рядоположенных номинативных единиц» [444, с. 33].

В. И. Теркулов [444, с. 35], отчасти опираясь на существующие теории, отрицающие абсолютное главенство слова в системе языка, пишет:

1) слово как комплексная единица языка не существует – каждый раз, говоря о слове, следует уточнять, о каком слове идет речь – фонетическом, лексическом, морфологическом; при этом даже такой подход не снимает противоречий и трудных мест – и при определении уровневых слов существуют периферийные зоны, для которых трудно установить, что же перед нами, слово или другая единица, например: *длинней бы* (фонетическое, морфологическое), *длинный* (лексическое), *самый длинный* (морфологическое);

2) слово как языковая единица (в смысле применения этого термина в одной дефиниции для всех языков мира) не существует, поскольку оно имеет разные параметры существования как в разных грамматических типах языков, так и в однотипных родственных языках, например: русск. *мальчик*, англ. *a boy, the boy*;

3) слово не имеет единой трактовки не только в смежных науках, но и в разных направлениях одной и той же науки – языкознании, поскольку, например, парадигма когнитивной лингвистики предполагает такой подход к слову (слово с позиций лингвокогнитивного подхода является языковым средством, вербализирующим концепт [326, с. 4], а с позиций семиотики – знаком мысли [408]), который неприемлем, например, для теории речевых актов и наоборот (слово с позиций теории речевых актов понимается как средство достижения коммуникативной цели).

Кроме того, лингвист утверждает, что слово является такой единицей, определение которой в целом не представляется возможным. С другой стороны, он отмечает направленность на идею номинации теорий, авторы которых гипотетически видят надсловные единицы номинативной базой языка.

Ф. Н. Финк (1909), создавая собственную типологическую классификацию языков, показал, что человеческая речь складывается из двух процедур: 1) анализа ситуации, то есть ее расчленения на компоненты и 2) синтеза посредством языка. Например, двухкомпонентная ситуация «деятель и действие» передается в китайском языке почленно: каждый компонент выражен отдельным словом (*ta* «он», *lai* «приходит»); в турецком языке в подобном случае было бы употреблено одно слово *geliyor*, включающее оба элемента ситуации, в английском *he is coming* слов оказывается больше, чем элементов ситуации. Ф. Н. Финк, опираясь на вышесказанный принцип, выделил восемь языковых типов, не исключая возможности обнаружения дополнительных типов.

Анализируя достижения ученого, В. Н. Ярцева замечает: «... данная классификация также идет от допущения определенности слова. Но что такое слово? Является ли инкорпорированный комплекс, подобный <...> *tyukligitoə'epdalat*, одним словом? И можно ли считать вспомогательный элемент *is* в английской форме *is coming* самостоятельным словом? Между учеными нет единодушия в этом вопросе» [543, с. 14-15].

А. Мартине и другие представители французской школы функциональной лингвистики в рамках концепции двойного членения языка в качестве одной из основных значимых единиц выделяют монему. **Монемы**, по мнению лингвиста, являясь единицами первого членения, представляют собой минимальные знаки. Как и любой другой знак, монема квалифицируется как двусторонняя единица, значение которой выступает в качестве одной из ее сторон, идентичной означаемому, тогда как означающее проявляется в звуковом облике, представляющем другую сторону знака и состоящем из единиц второго членения – фонем.

Сущность данной концепции заключается в том, что в каждой словоформе можно произвести членение на означаемое (первое членение), то есть на монемы – линейные единицы, обладающие смыслом, и означающее (второе членение), то есть на фонемы – минимальные единицы, лишенные смысла. Например, в словоформе *идем* содержится две монемы: *ид-* – монема со значением некоторого действия и *-ем* – монема, обозначающая говорящего вместе с еще одним или несколькими лицами; монема *ид-* состоит из двух фонем, монема *-ем* также состоит из двух фонем, замена одной из этих фонем другой влечет за собой образование совсем другой монемы (например, *-им: едим*).

Г. Г. Белоногов, занимавшийся разработкой системы машинного перевода, говорит о том, что, вопреки традиционному пониманию, слово в естественных языках вовсе не является основной смысловой единицей. Профессор пишет: «Основной единицей смысла является понятие. Понятий очень много: <...> в естественном языке их сотни миллионов. Тогда как

разных слов всего около одного миллиона. Поэтому большинство понятий выражаются словосочетаниями, причем смысл этих сочетаний, как правило, несводим или не полностью сводим к сумме составляющих их слов. Вот почему, с нашей точки зрения, основными единицами при переводе должны быть не отдельные слова, а словосочетания, выражающие понятия, наименования понятий, отношения между понятиями и фразеологические элементы, отражающие типовые ситуации» [164, с. 143].

В. М. Жирмунский в докладе «О границах слова» (Ленинград, 1960), прочитанном на дискуссии о морфологической структуре слова, отмечал: «Если мы не хотим отрицать реальных языковых фактов во имя метафизических определений и основанных на них теорий, мы должны <...> признать возможность существования стойких словосочетаний рядом со слитными (сложными) словесными единицами как форм одного и того же слова» [133, с. 7]. И еще: «Границы между словосочетанием (формообразованием) и словообразованием являются зыбкими и при синхронном рассмотрении. Вопрос этот имеет не только классификационно-терминологическое значение: от его решения зависит установление грамматической границы слова, т.е. того, какие грамматические категории следует рассматривать как формы одного слова (словоизменение или формообразование), какие – как самостоятельные слова» [133, с. 8].

Анализируя вышеизложенное, В. И. Теркулов замечает: «Мы не склонны считать, что слова в языке не существует. Правда, для нас недостаточно ставшего уже трюизмом рассказа Э. Сэпира о том, что даже у «наивного индейца, совершенно непривычного к понятию написанного слова, никогда не чувствуется серьезного затруднения при диктовке ученому лингвисту текста на родном языке слово за словом» [427, с. 27]. Данное утверждение, ставшее индульгенцией для сторонников словоцентрических теорий, не выдерживает никакой критики» [444, с. 41]. В пользу этих выводов В. И. Теркулов приводит следующие аргументы. «Во-первых, вряд ли авторитетным может быть упоминание какого-то абстрактного индейца,

который спокойно делит свою речь на слова. Насколько был чист эксперимент, проводившийся Э. Сэпиром? Насколько был подготовлен этот самый индеец к членению своей речи? Во-вторых, как известно, для инкорпорирующих языков индейцев «характерно объединение целого предложения в одно большое сложное слово. При этом грамматические показатели оформляют не отдельные слова, но все слово-предложение в целом» [Мусорин 2004, с. 20]» [444, с. 41]. Кроме того, лингвист отмечает: «Вряд ли для индейца, как и для любого представителя не индейской, но не менее развитой языковой культуры составит труд разделить речь на **предложения**. А вот со словами проблема существует даже для людей, которые в школе обучались орфографии родного языка» [444, с. 41]. В. И. Теркулов также обоснованно считает, что «написание слова, то есть уже упомянутого нами «промежутка между двумя пробелами», абсолютно адекватно наговариванию индейцем слов Э. Сэпиру. При этом в качестве аксиомы мы принимаем положение: **промежуток между двумя пробелами эквивалентен для носителя языка слову** (выделено нами – Н. Д.)» [444, с. 41]. Однако, как показывают примеры слитного, полуслитного и дефисного написаний (*сним, пятьдесятпять, нежнолюбимый* и т.д.), у носителей русского языка есть серьезные проблемы с вычленением слов из «потока письма».

Поддерживая сторонников семантических теорий выделения базовой номинативной единицы, В. И. Теркулов считает, что «для определения границ слова-синтагмы да и вообще для определения рамок речевой номинации доминантным должен быть тот принцип, использование которого очевидно вытекает из ее природы» [444, с. 41]. Слово в его парадигматической и синтагматической реализациях – это, как известно, «основная номинативная и когнитивная единица языка, которая служит для **именования и сообщения знаний о предметах, признаках, процессах и отношениях реальной действительности**» [422, с. 121]. В связи с этим лингвист утверждает: «... в основе дискретизации слова или, точнее, речевой

номинативной единицы в речевом потоке и, кстати, в языке, должны были бы быть **семантические принципы** (выделено нами – Н. Д.), которые, на удивление сторонников словоцентрических теорий, в реальности не работают» [444, с. 42]. Это отмечалось уже В. М. Жирмунским: «семантическое единство слова (то есть его смысловая цельность и самостоятельность) обязательно для всякого слова и представляется основой цельности и самостоятельности формальной, однако, взятое само по себе, оно еще недостаточно» [133, с. 3].

Также В. И. Теркулов говорит о том, что в традиционной лингвистике все-таки прослеживается тенденция к выделению словосочетаний и других единиц, наряду со словами, как обладающих семантической, а значит и номинативной целостностью. Таким образом, он приходит к выводу о слове как «не столько базовой, сколько формальной разновидности номинативных единиц» [444, с. 45].

Современные исследования в области неологии также отмечают то, что принадлежность и слов и, наряду с ними, фразеологизмов как словосочетаний определенной степени семантической спаянности к равноправным единицам номинации: выявляются разнообразные отношения внутри различных лексико-фразеологических групп, составляющих номинативную систему языка. «Все слова и фразеологические единицы (далее ФЕ) русского языка входят в его номинативную систему, и нет таких слов и ФЕ, которые находились бы вне ее, воспринимались отдельно, изолированно. <...> Слово и фразеологическая единица являются важнейшими номинативными единицами языка, которые служат для именованя предмета и сообщения информации о предметах, признаках, процессах и отношениях – явлениях реальной действительности» [328, с. 174].

М. А. Попова пишет: «В определенной номинативной параллели к слову находится *фразеологическая единица*» [328, с. 175]. Вслед за В. Н. Телией, она полагает, что «ядерную зону фразеологического фонда

составляют идиомы, но и все остальные УСК необходимо исследовать с позиций неологии, потому что это живой процесс образования неоднословных терминов, неоднословных называний: *стартовая площадка, посадочная полоса, космический челнок* и др.» [433; 328, с. 175].

Следовательно, базовыми разновидностями номинативных единиц можно считать результаты речевой номинации (слова-синтагмы, глоссы простые и комплексные, модификации соответствующих номинатом – в разных терминологических системах), а базовой единицей языковой номинации – номинатему (согласно терминологии В. И. Теркулова).

Аналогично мыслит В. М. Никитевич. Он, например, утверждает, что «слово не является единственным средством номинации» [287; с. 16]. Ученый указывает на очевидность существования других номинативных эквивалентов, в качестве которых могут выступать «означающие разной структуры». Каждую из таких единиц ученый именует *номемой* и считает, что любая речевая номинативная синтагма является отражением ее языкового эквивалента, тем самым стирая различие между языковой и речевой номинацией.

Несмотря на то, что взгляды В. М. Никитевича более, чем другие, соответствуют данной лингвальной действительности, существенным недостатком в этом случае представляется неверная трактовка отношений между упомянутыми эквивалентами. Например, ученый видит образец словообразовательных отношений в случае *синий – синеть* и *синий – становится синим*, где глагол *синеть* и словосочетание *становиться синим* рассматриваются как эквиваленты. В. И. Теркулов по этому поводу пишет: «Нам трудно определить, насколько возможна такая явно эмпирическая трактовка? Мы можем без сомнения утверждать только то, что действительно такие единицы в речи выполняют номинативную функцию. Но насколько справедливо утверждение о том, что они имеют и узкую языковую автономность? Возможно, на уровне языка границы между ними стираются? Поэтому мы и считаем, что выделение основной номинативной

единицы языка необходимо осуществить абстрагировавшись от конкретных разновидностей номинации, найдя связь между структурой языковой и речевой номинации. А это возможно <...> только на основе определения языковой в узком лингвистическом смысле этого слова единицы, путем критического анализа понятия слова-ономатемы (а точнее – номинатемы). Осознавая же необходимость интегрированного термина для обозначения единиц речевой номинации, мы можем предложить <...> термин **глосса** как обозначение любой из таких сущностей» [444, с. 46].

Так или иначе, определение основной единицы языка (или основной номинативной единицы) представляет собой выделение единицы, сосредоточивающей в себе основную – номинативную – функцию. В. И. Теркулов пишет: «Основная номинативная единица всегда находится на границе между собою и не собою. Она может быть и словом, и словосочетанием, и сочетанием слов. Поэтому мы и считаем слово, сочетание слов и словосочетание лишь структурными разновидностями единицы более высокого порядка, которую мы <...> называем номинатемой» [443, с. 129].

В наши дни остается актуальной проблема **тождества** основной (согласно традиционному мнению большинства лингвистов – Н. Д.) единицы языка. Наиболее рациональное решение данной проблемы было предложено А. И. Смирницким. Разные словоформы понимаются им как варианты одного слова при условии наличия и общей корневой части и лексико-семантической общности.

Важно определить, что же может объединять варианты слов и, в зависимости от этого, какие типы вариантов можно выделить.

Согласно мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, в зависимости от характера дифференциальных черт между словоформами существуют следующие типы вариантов слова.

1. Фонетические (*матрас – матрац, калоша – галоша, шкаф – шкап, ноль – нуль*).

2. Словообразовательные (*табурет – табуретка, диалектный – диалектальный, подсолнух – подсолнечник*).

3. Формообразовательные (*поезжай – езжай, выбрось – выброси, теноры – тенора*).

4. Словоизменительные (*смелый – смелого – смелому – смелые; иду – идешь – идет – идут*).

5. Лексико-семантические варианты слова, отражающие его многозначность (*каша «продукт питания», «хлопотное дело», «путаница, мешанина»*).

«Тождество слова при наличии разных ЛСВ (лексико-семантических вариантов – Н. Д.) поддерживается тождеством его лексемы» [327, с. 238].

6. Стилистические (*чело – лоб, щеки – ланиты, голос – глас, ладонь – длань, очи – глаза, автомобиль – машина, врата – ворота*).

7. Региональные (*телогрейка – теплушка, ведро – цеберка, головастик – пуголовок*).

8. Диахронические (*шелом – шлем, година – год, единожды – одиножды*).

Каждый из указанных типов имеет свою историю, связанную, в основном, с теми или иными диахроническими изменениями внутри ярусов языковой системы. Данная классификация может быть упрощена и упорядочена. В основе упорядочения может лежать, например, морфологический признак, на основании которого допустимо объединение формообразовательных и словоизменительных вариантов в одну группу, лексический принцип, который позволил бы объединить стилистические, региональные, диахронические, лексико-семантические варианты также в отдельную группу и т.д.

Лингвисты замечают: «очень разные по характеру, по соотношению друг с другом, по роли в лексической системе языка варианты слова организуются на основе общей лексемы и ее стандартных словоизменительных словоформ в одно слово» [327, с. 238].

Сущность вопроса о тождестве слова (номинатемы – согласно терминологии В. И. Теркулова) заключается в том, «каковы границы различий между отдельными употреблениями слова, за которыми оно перестает быть единым и равным самому себе, а его видоизменения приобретают характер самостоятельных слов» [519]. В. И. Теркулов подчеркивает в данном случае необходимость установления параметров языкового инварианта, направленных на объединение разных речевых единиц-глосс.

Об инварианте как о языковой единице упоминается в одном из основных требований структуралистского подхода. Согласно ему предполагается «различение языка как относительно замкнутой в себе знаковой системы инвариантных единиц и речи / речевой деятельности как среды его функционирования, как способа реализации языковых единиц в виде множества их вариантов» [425, с. 19].

Ю. С. Маслов пишет: «... слово выступает в системе языка в качестве абстрактной единицы – инварианта, и, наряду с этим, как правило, также в виде набора своих вариантов; в речи (в речевом акте и в тексте) оно реализуется в виде конкретного экземпляра, т.е. «речевого слова». Выше мы назвали инвариант слова глоссемой, а экземпляр слова в речи – глоссой» [258, с. 110].

Другое понимание слова предполагает целесообразное использование иных терминов и, в связи с этим, декларирование инварианта как *лексемы*, а речевого экземпляра как – соответственно – *лекса* (или лексы). В данном контексте сочетания типа *выйти в люди*, функционирующие наподобие слова, Ю. С. Маслов называет сложными лексемами, а их экземпляры в речи – сложными лексами.

Относительно речевых вариантов слова лингвист отмечает: «Поскольку слово единица более сложная, чем фонема, языковое варьирование этой единицы носит тоже более сложный характер» [258, с. 110].

Это варьирование может быть:

1) чисто фонетическим варьированием экспонента (ср. такие варианты как *калоша* и *галоша*);

2) связанным с различием стилей или профессиональных подязыков (*рапóрт* у моряков – *ра́порт* в остальных случаях; *алгоритм* у математиков – *алгоритм* у лингвистов);

3) связанным с фонетическими особенностями окружающего контекста (английский неопределенный артикль *a* перед словом, начинающимся с согласного, и *an* перед словом, начинающимся с гласного: *a thought* «мысль» – *an idea* «идея»);

4) варьированием морфемного состава слова (*прочесть* – *прочитать*, *лиса* – *лисица*);

5) варьированием морфемного состава слова в сочетании с той или иной стилистической дифференциацией (*картофель* – *картошка*); следует отметить, что варьирование четвертого и пятого порядка является несущественным для значения слова;

б) варьированием слова, касающимся одной только содержательной его стороны (семантические варианты многозначного слова, например, *аудитория* «учебная комната» и *аудитория* «состав слушателей»).

«Во всех этих столь разнородных случаях, – пишет Ю. С. Маслов, – мы вправе говорить о языковых вариантах соответствующего слова, о его аллоглосемах или аллолексемах (разрядка автора – Н. Д.)» [258, с. 110-111].

Отдельным классом языкового варьирования, в частности, для русского языка Ю. С. Маслов выделил грамматическое варьирование слова, то есть образование его грамматических форм, или словоформ, в том числе и аналитических (*писать*, *пишу*, *пишешь*, *писал*; *буду писать*, *писал бы*) [258, с. 110-111].

Сейчас очень распространена теория, согласно которой инвариантом считается интерпретированный как факт языка «основной вариант». Одним из признаков варьирования считают «наличие в составе колеблющихся форм

слова иерархически старшей, эмической единицы – исходной формы слова» [34, с. 11]. Однако заметим, что инвариант не может быть тождествен варианту. Его отождествление с речевой реализацией условно, по причине существования возможного ряда иных модификаций этого инварианта.

В связи с этим В. И. Теркулов пишет: «Номинативный инвариант трактуется нами как абстрактная единица, отвлеченная от своих конкретных реализаций, которая представляет собой то общее, что в той или иной степени присутствует в ряде однородных конкретных единиц, имеющих статус ее вариантов или дублетов» [444, с. 47]. Данный тезис поддерживается идеей Э. А. Воробьевой. Инвариант «не существует как отдельный объект, это не представитель класса, не эталон, не «образцовый» вариант; <...> это скорее название класса относительно однородных объектов» [64].

Инвариант всегда реализуется в своих модификациях, в связи с чем для определения его параметров необходимо определить типологию модифицирования инварианта. Данное определение во многом зависит от понятия дистрибуции.

Под дистрибуцией элементов лингвисты понимают «совокупность всех окружений, в которых они встречаются, т.е. сумму всех (различных) позиций (или употреблений) элементов относительно употреблений других элементов» [26, с. 227].

В дескриптивной лингвистике выделяются три типа отношений между двумя элементами одного и того же языкового уровня: контрастная дистрибуция, отражающая смыслоразличительные возможности элементов в одних и тех же окружениях, дополнительная дистрибуция, свободное варьирование. Эти типы отношений называются *моделями дистрибуции*.

В данном случае можно выделить два типа дистрибуции речевых реализаций конкретной единицы языка: дополнительная и свободная. Дополнительная дистрибуция – это «такое отношение единиц, когда каждая из них возможна только в своем окружении, контексте и ни в каком другом» [174, с. 33].

В условиях свободной дистрибуции (свободного варьирования) единицы определенного структурного уровня, функционируя в качестве реализаций одной и той же языковой сущности, могут иметь одинаковое окружение.

«Проекция этих типов распределения на уровень номинативной единицы позволяет определить три структурно-функциональных типа отношений между реализациями номинатемы, которые, в силу того, что термин варианты и варьирование будет использован нами в узком смысле для обозначения одной из разновидностей отношений между глоссами, мы будем называть не вариантами, а **модификациями** номинатемы» [444, с. 53].

Так, вслед за В. И. Теркуловым мы выделяем три типа модифицирования номинатемы.

1. Идентичность, под которой понимается абсолютное тождество тех или иных компонентов структуры глосс, реализуемых в идентичных или разных окружениях. Например, глосса *деревья* идентична как на семантическом, так и на фонетическом уровне в следующих предложениях: *Люди, как и деревья, разнообразны по духу: колючи, как ели, мощны, как дубы, ветрены, как березы, грустны, как плакучие ивы. – Деревья заслоняли собой горизонт.*

2. Дублетность, под которой понимается различие тех или иных компонентов глосс, не обусловленное различием их окружений, то есть различие, базирующееся на отношениях свободного модифицирования (свободного варьирования). Например, словосочетание *зачетная книжка* и универбат *зачетка* находятся в отношениях лексико-грамматической дублетности, поскольку, различаясь по определенным параметрам (звучанию, форме, структуре), могут свободно взаимозаменяться в одинаковых контекстах: *Дайте мне зачетную книжку! – Дайте мне зачетку!*

3. Вариативность, под которой понимаются различия между глоссами, обусловленные различиями контекстов, в которых употребляется слово. Иными словами, варианты лексемы находятся в отношениях дополнительной

дистрибуции, то есть не могут встречаться в одних и тех же контекстах. Например, семантическими вариантами являются глоссы лексемы *солнце* в следующих контекстах: *Солнце – небесное светило. – Ты мое солнце.*

Кроме того, основываясь на принципах типологии модифицирования номинативной единицы, В. И. Теркулов предлагает собственное определение основы тождества лексического значения слова: «Основой тождества слова является тождество его лексического значения» [443, с. 130]. Последнее имеет два типа своей реализации: 1) тождество как идентичность и 2) тождество как лексико-семантическая вариативность.

«Единицы, которые обладают обозначенным выше свойством, то есть семантическим тождеством во всех его разновидностях, подкрепленным формальной мотивированностью, то есть выводимостью одной единицы из другой на уровне формы, и будут считаться нами структурными разновидностями номинатемы» [443, с. 131].

Итак, критерии тождества исследуемого инварианта можно представить следующим образом.

1. Номинатема как единица языка способна вбирать в себя множество дифференциальных признаков, не нарушающих представления о его единстве.

2. Номинатема реально функционирует в речи в одной из своих модификаций (дублетов); поэтому модифицирование номинатемы – это форма ее существования.

3. Тождество номинатемы предполагает дублетное модифицирование, которое заключается в полной семантической идентичности противочленов. При дублетном модифицировании противочлены (дублеты) всегда совпадают как в лексическом отношении, так и в грамматическом плане (соответствию грамматического рода будет посвящен отдельный подраздел – Н. Д.).

4. Семантико-грамматическая цельнооформленность номинатемы, то есть совокупность тексто-речевых реализаций конкретной номинатемы, потенциально ей свойственных.

Вслед за В. И. Теркуловым мы выделяем номинатемы с доминантой-словом (словесной доминантой) и номинатемы с доминантой словосочетанием.

Под структурными разновидностями номинатемы со словесной доминантой понимаются все семантически тождественные единицы, отождествляемые на уровне слова, а именно:

1) собственно слово во всех контекстах, где его семантика эквивалентна ему самому (*она нарядилась в платье*, где, например, слово *платье* эквивалентно самому себе, поскольку его семантика реализуется без привлечения семантики других слов из его контекста);

2) сочетание полнозначного слова с предлогом (*платье – в платье*, поскольку в данном случае отмечается тождество семантики и первого слова и второго сочетания);

3) слово, распространенное зависимой полнозначной лексемой, выполняющей функцию семного конкретизатора (*красивое платье*, где прилагательное *красивое* выполняет функцию семного конкретизатора, то есть сужает, конкретизирует лексическое значение существительного *платье*).

В. И. Теркулов считает, что «теоретически идиоматизация того или иного сочетания – аналитического варианта номинатемы с доминантой словом может провоцировать распад тождества и создание номинатемы уже на базе сочетания слов. При этом уже многокомпонентная номинатема, то есть номинатема с доминантой словосочетанием <...> стремится воплотиться в слове как в своем номинативном пределе. Процесс преобразования аналитической глоссы номинатемы со словесной доминантой в <...> номинатему с доминантой словосочетанием видится нам в этом случае как процесс ее лексикализации» [444, с. 137].

Позволим себе некоторые комментарии по поводу вышесказанного. В данном случае представлен генетический аспект проблемы, который свидетельствует в пользу первостепенности номинатемы со словесной доминантой и в связи с этим не вызывает, по крайней мере, исторических противоречий. Здесь целесообразно было бы конкретизировать стороны подхода к категории доминантности. А именно: с точки зрения ахронии генетически первичным является словоцентрический подход, с точки зрения синхронии равнозначными представляются оба подхода – словоцентрический и несловоцентрический. Более подробно эволюцию номинатемы со словесной доминантой сквозь призму явления лексикализации мы проанализируем в одном из последующих подразделов, опираясь на концепцию В. И. Теркулова, сущность которой видится в стремлении номинатемы воплотиться в слове – в речи, то есть – при речевой номинации. В таком случае противоречия между несловоцентрическим и словоцентрическим подходами не существует. Словоцентрический подход имеет место на уровне языка. В нашем исследовании на уровне языка слова нет, равно как нет и словосочетания – есть абстрактная, инвариантная единица языка – номинатема.

Также В. И. Теркулов рассматривает факт идиоматизации как главный стимулирующий фактор для абсолютизации онтологических сем нового референта. Например, словосочетание *зачетная книжка* можно считать идиоматизированным, поскольку оно обозначает не буквально «книжку для зачетов», а «документ студента, где фиксируются результаты зачетов и экзаменов». Нарушение связи с денотативным значением слова *книжка* – «маленькая книга» – реализуется в стремлении коллокации *зачетная книжка* преобразоваться в универб *зачетка*. «В этом случае мы говорим о доминантной роли словосочетания в функционировании номинатемы *зачетная книжка*» [444, с. 138].

С одной стороны, ученый настаивает на том, что «как раз устойчивые словосочетания уже не являются формами слова, поскольку их семантика

несводима к семантике главного компонента словосочетания... А вот свободные словосочетания вполне очевидно относятся <...> к числу синтагмных разновидностей номинатем со словесной доминантой» [444, с. 138].

С другой стороны, он говорит о том, что, хотя коннотация и реализуется при переходе словосочетания во фразеологизм, что, на первый взгляд, очень напоминает процесс лексикализации, однако более подробный анализ показал, что это не так. Вместе с тем, В. И. Теркулов считает фразеологизм образным вариантом коллокации, то есть идиоматизированного словосочетания, а не свободного словосочетания. Распад же тождества номинатемы происходит в силу переакцентуации сем, а не коннотации.

Мы считаем, что не следует быть столь категоричными в утверждении относительно идиоматизированности доминантных словосочетаний соответствующих номинатем: результат идиоматизации словосочетания при определении его как доминанты какой-либо конкретной номинатемы не всегда является обязательным условием. Например, номинатемы с реализациями *кожаная куртка* – *кожанка*, *молотильная машина* – *молотилка* представлены доминантами-словосочетаниями *кожаная куртка* и *молотильная машина*, которые совсем не имеют коннотации: *кожаная куртка* – это, буквально, «куртка из кожи», а *молотильная машина* – «машина для обмолачивания». В этом случае номинатема с доминантой-словом первична. Здесь ситуация следующая: в основе универбализации лежит не коллокация, а аналитический лексико-семантический вариант, например, номинатемы *куртка*. Таким образом, мы наблюдаем результат действия несловоцентрического, понятийного подхода к определению основной речевой единицы.

Так или иначе, под структурными разновидностями номинатемы с доминантой-словосочетанием понимаются все семантически тождественные единицы, отождествляемые на уровне словосочетания, а именно:

1) идиоматизированное словосочетание, то есть коллокация, которая видится как «лексико-семантический тип словосочетания, по своей внутренней семантической структуре стоящий между свободным и фразеологическим сочетанием» [554, с. 97] (*железная руда, магнитный железняк, грудная жаба*);

2) фразеологизированное словосочетание, возникновение которого обусловило идиоматизированное словосочетание и которое представляет собой «постоянное и повторяемое употребление свободного сочетания слов не в прямом, а в обобщенном, образно-переносном значении» [512, с. 92] (*красная строка, сизифов труд, темна вода во облацех*);

3) сочетание со служебным словом (*с Красной армией*) и аналитические лексико-семантические варианты (*знаменитая красная армия*);

4) универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания – слово, возникшее в результате вербальной модификации словосочетания, тождественно словосочетанию в лексико-грамматическом аспекте, то есть демонстрирует тождество лексического, грамматического значений и синтаксической функции.

Последняя структурная разновидность номинатемы, в свою очередь, представлена следующей видовой иерархией.

1. Случаи, когда словесная интерпретация номинатемы с коллокативной доминантой «создается путем эллипсиса, сокращения сочетания слов в слово, которое по своей природе является его компонентом» [443, с. 135]:

а) эллипсис в направлении зависимого слова (*рабочий человек – рабочий, гостиная комната – гостиная*);

б) эллипсис в направлении главного слова (*электрическая плитка – плитка, детская площадка – площадка*);

в) эллиптическая универбация (*мобильный телефон – мобильник, молотильная машина – молотилка, жена генерала – генеральша, укладывать асфальт – асфальтировать*).

2. Случаи, когда «словесный дублет номинатемы с коллокативной доминантой создается путем композитной компрессии словосочетания» [443, с. 135]:

а) аббревиация (*собственный корреспондент – собкор, Горловский государственный педагогический институт иностранных языков – ГГПИИЯ*);

б) собственно формальная компрессия, при которой наблюдается простое интерпретирование коллокации как слова (*долго играющий – долгоиграющий, вяло текущий – вялотекущий*);

в) компрессионная универбация, при которой компрессия сопровождается имитацией словообразования (*широкий в плечах – широкоплечий*).

Объектом нашего исследования является лишь эллиптическая универбация как один из подтипов третьей структурной разновидности номинатемы с доминантой-словосочетанием, где семантически тождественная единица, отождествляемая на уровне словосочетания, представлена универбализованным (вербальным, словесным) эквивалентом соответствующего словосочетания.

1.6. Семантические и формальные границы номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»

Следует определить семантические рамки номинатем исследуемого типа. Напомним, что о словообразовании нельзя говорить, сопоставляя словосочетание и универб как наименования одного и того же референта – в данном случае речь может идти лишь об имитации словообразовательного акта. Отличить акт имитации деривации от акта деривации можно только на

основе определения того, что же лежит в основе деривации. Словообразовательные отношения обязательно являются мотивационными отношениями. Однако не всякое мотивационное отношение выступает и как словообразовательное. А. Н. Тихонов считает, что «словообразовательные мотивации являются лишь частью мотивационных отношений», характерных для пары «производящее – производное». «Каждое производное слово возникает в языке на базе строго определенного значения производящего слова» [453, I, с. 37-38]. Мотивация (мотивированность) рассматривается как семантическая обусловленность значения производного и сложного слов значениями их составляющих; в акте словообразования одни единицы выступают в качестве источника мотивации, а другие – результативные – рассматриваются как обусловленные мотивационные. В нашем случае факт мотивированности можно представить следующим образом:

1) $\underline{\quad 1 \quad} + 2 = \underline{\quad 3 \quad}$, где $\underline{\quad 1 \quad}$ – основа зависимого элемента исходного словосочетания, имитирующая производящую, 2 – суффикс, имитирующий словообразовательный, в который синтезировался главный элемент исходного словосочетания, 3 – основа вербализованного эквивалента исходного словосочетания, имитирующая производную. Например, *молотильная машина – молотилка*: 1 – молотильн- + 2 – -к- = 3 – *молотилк(a)*;

2) $\underline{\quad 1 \quad} + 2 = \underline{\quad 3 \quad}$, где $\underline{\quad 1 \quad}$ – основа главного элемента исходного словосочетания, имитирующая производящую, 2 – суффикс, имитирующий словообразовательный, в который синтезировался зависимый элемент исходного словосочетания, 3 – основа вербализованного эквивалента исходного словосочетания, имитирующая производную. Например, *день рождения – дняха*: 1 – ден- + 2 – -юх- = 3 – *днях(a)*.

Тем не менее, как уже было указано выше, И. Г. Милославский рассматривает факты словообразования и формообразования как идентичные явления, с той лишь разницей, что определяет их в разные классы синтактико-словообразовательных отношений. Например, как результаты

синтактико-словообразовательных отношений ему представляются такие, разные на наш взгляд, соответствия: 1) *запеть* и *начать петь*, *экс-президент* и *бывший президент*, *рощица* и *небольшая роща* и т.п., а также 2) *генеральша* и *жена генерала*, *поповна* и *дочь попа*, *читалка* и *читальный зал*, *пожарище* и *место бывшего пожара* и т.п. Мы считаем, что соответствия второго типа, в отличие от соответствий первого типа, ни в коем случае не отражают словообразовательные связи между словосочетанием и соответствующим ему словом: это синтаксические и вербальные реализации конкретных номинатов. Однако позволим себе воспользоваться рядом тех определений, которые предложил И. Г. Милославский для описания единиц исследуемого типа.

Итак, в интересующем нас случае при совпадении значений словосочетания и вербализованного элемента словообразовательная структура универба оказывается менее информативной, чем синтаксическая его источника. *Майорша* («Будешь врачом», – сказала, потрепав меня по плечу, *пожилая майорша медицинской службы* (И. Грекова. Перелом (1987); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) и *жена майора* (*К вам просится жена майора Назарова, Эмма Викторовна* (Лев Дворецкий. Шакалы (2000); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – семантически тождественные единицы, однако в словообразовательной структуре вербализованного элемента *майорша* нашли отражение только семы «майор» и «лицо женского пола». Сема, обозначающая характер семейных отношений, в словосочетании представлена слитно с семой «женский пол», а в словообразовательной структуре не представлена вообще. Не выражены эксплицитно в словообразовательной структуре вербализованной единицы «могут быть семы, реализуемые обычно не только в лексике, но и в грамматике. Например, *пожарище* (*На пожарище под дымиющимися балками и стропилами копались перемазанные золой свиньи* (Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) и *место (бывшего) пожара*

(Потом многие приходили на место пожара, вырубали лед, растапливали его и пили (Юрий Никулин. Семь долгих лет (1979); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) – семантически тождественны, однако сема «прошедшее время» в словообразовательной структуре, в отличие от синтаксической, отсутствует» [266, с. 54].

Такая семантическая «недостаточность» словообразовательной структуры вербализованного элемента также выявляется при сопоставлении широко представленных в разговорной речи вариантов соответствующих номинатом типа *читалка* (*Особенно Сергею надоела читалка, из которой он почти неделю не вылезал* (Фазиль Искандер. Морской скорпион (1977); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *столовка* (*В этот день солнце светило куда ласковей, дети выглядели ничего так, школа оказалась милой, на первом этаже столовка* (Вячеслав Солдатенко. Другие опусы... (2010); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *публичка* (*А Публичная библиотека имени М.Е.Салтыкова-Щедрина, попросту «Публичка», была и святилищем, и воротами в науку, и родным домом* (Марк Качурин, Мария Шнеерсон. Ученый совет (2003) // «Вестник США», 2003.10.29; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *Тимирязевка* (*Небезынтересно напомнить, что «Петровка», как именовалась в старой России нынешняя «Тимирязевка», готовила агрономов определенного назначения – управляющих именьями* (Елена Осликовская. Только сильным покоряется Земля // «Юность», 1965; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *загранка* (*Или мы просто привыкли: если загранка – то уж и подозрительные связи, контрабанда, валюта...* (С. Высоцкий. Крутой поворот // «Человек и закон», 1978; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru) и т.п. и *читальный зал* (*На территории курорта возник «Вокзал минеральных вод» – двухэтажное каменное здание гостиницы, ресторан, летний театр (первый в губернии), читальный зал* (Игорь Архипов. Старая Русса, или На пути к российскому Баден-Бадену (2003) // «Петербургский Час пик», 2003.09.17;

Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *столовая комната* (Подле угольной комнаты к оранжерее находился зал, вместо стены с одной стороны были громадные окна в сад; рядом с залом была столовая комната (Н. Э. Гейнце. Князь Тавриды (1898); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *публичная библиотека* (Публичная библиотека им. Ленина объявила конкурс на постройку нового здания для библиотеки (Об этом когда-то писала «Вечерка» (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.12.19; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *Тимирязевская академия* (Помимо работы по русской верховой на нашем заводе Тимирязевская академия организовала несколько племенных ферм (Елена Макарова. Русская верховая // «Русский репортер», № 18 (18), 4-11 октября 2007, 2007; Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru), *заграничная командировка* (Это была моя первая заграничная командировка (Сергей Довлатов. Компромисс (1981-1984); Национальный корпус русского языка, www.ruskorpora.ru). «Именно эта семантическая «недостаточность» дала основание исследователям видеть в производном слове (вербализованном элементе – Н. Д.) аналог фразеологической единицы, значение которой не сводится к простой сумме значений частей, составляющих эту единицу» [266, с. 54].

Нельзя не подчеркнуть, отмечает И. Г. Милославский, что эта аналогия носит ограниченный характер. Она справедлива для анализа фразеологических единств (в том смысле, как это понимал В. В. Виноградов) и производных слов (вербализованных элементов) со значением предмета или лица. Причем вербализованные элементы должны иметь своей базой или прилагательные, или существительные, с предлогом и без него, с общим значением времени, пространства, или от существительных с помощью суффиксов со значением подобия.

Очевиден тот факт, что словообразовательная структура вербализованного дублета конкретной номинатемы типа «словосочетание + универб» менее информативна, чем соответствующий ему синтаксический

дублет (словосочетание), и в этом смысле представляет собой аналог фразеологического единства.

Что же касается формальных особенностей номинатом данного типа, необходимо отметить следующее. Мотивированное наименование в виде словосочетания может, как известно, представлять три типа элементарных отношений между главным и зависимым словом: согласование, управление и примыкание. Те же наименования в форме производных слов могут представлять собой либо 1) соединение основы с суффиксом, либо 2) соединение основы с префиксом, либо 3) разные виды сложения, либо 4) субстантивацию, либо 5) те или иные комбинации предшествующих четырех типов [348, с. 41-43]. Применяя это к исследуемым нами единицам, можем отметить, что дублетами номинатом типа «словосочетание + универб» являются словосочетания, характеризующиеся отношениями согласования (*молотильная машина, прогрессивная зарплата, открытое письмо*) и управления (*жена генерала, корень валерианы, дочь царя, двое детей, пять копеек*), а также соответствующие им вербализованные элементы (универбы), характеризующиеся соединением основы с суффиксом (*молотилка, прогрессивка, открытка, генеральша, валерьянка, царевна, двойня, пятак*).

И. Г. Милославский утверждает, что только формальные ограничения управляют процессом синтеза производного слова. «Однако полученные к настоящему времени наблюдения над этим типом правил выбора <...> в большей степени касаются не самого выбора, а тех разного рода преобразований и взаимоприспособлений, которые происходят уже после того, как сам выбор сделан» [266, с. 58], то есть морфонологических изменений.

Процесс формального преобразования, взаимоприспособления характеризует не только вербализованные элементы, но и словосочетания. Особенности таких взаимоприспособлений зависят в словосочетаниях от типа связи между элементами. В частном случае – при примыкании – такая

приспособляемость может быть равна нулю (*быстрорастворимый, долгоиграющий* и т.п.).

Формальное приспособление элементов словосочетания друг к другу происходит при согласовании и беспредложном управлении (имеется в виду имитация процесса синтеза словосочетаний данных типов в соответствующие им слова). Характерной формальной чертой возникновения вербализованного **дублета** словосочетания являются различные морфонологические изменения, либо их отсутствие (*кожаный плащ – кожанка, вишневое вино – вишневка, мобильный телефон – мобильник* и т.п.).

Среди морфонологических изменений можно выделить следующие.

1. Усечение производящей основы:

а) усечение финального гласного основы (*детеныш кенгуру – кенгуренок, бокал для мартини – мартинка*);

б) усечение финального согласного основы (*анонимное письмо – анонимка, Третьяковская галерея – Третьяковка, аварийная машина – аварийка*);

в) усечение финального сочетания гласный + согласный основы (*абрикосовый ликер – абрикотин, автоблокировочное устройство – автоблокировка*).

2. Усечение производящей основы, сопровождающееся:

а) наращением сочетания «гласный + согласный» (*принудительная работа – принудилровка, очаровательный человек – очаровашка, уравнительная система – уравниловка*);

б) фонетическим чередованием согласных (*автоматическая коробка передач – автомат, работник аграрного сектора экономики – аграрий*);

в) фонетическим чередованием гласных (*абрикосовый ликер – абрикотин, житель Омска – омич*);

г) историческим чередованием согласных (*аллергический больной – аллергик, делать немецким – онемечивать*).

3. Наращение производящей основы:

а) без чередования (*зона отдыха – отдыhalка, житель Парижа – парижанин, пять пальцев – пятерня*);

б) сопровождающееся чередованием (*быть паразитом – паразитировать*).

4. Чередование согласных основы:

а) фонетическое (*боец авиадесантных войск – авиадесантник, работник автоэксплуатационной службы – автоэксплуатационник*);

б) историческое (*висячее дело – висяк, одинокий человек – одиночка, делать человеком – очеловечивать, быть патриархом – патриаршествовать*).

5. Историческое чередование гласных основы (*день рождения – днюха*).

Кроме того, следует отметить факт существования двух основных правил возникновения вербализованных дублетов конкретных словосочетаний.

1. **Производящим является зависимый элемент словосочетания, в то время как главный элемент синтезируется в словообразовательный аффикс.** Например: вербализованный элемент *подсобка* эквивалентен словосочетанию *подсобное помещение*; имитация процесса словообразования базируется на основе слова *подсобное – подсобн-*, а семантическая нагрузка слова *помещение* – «объект» – синтезировалась в суффиксе *-к-*.

2. **Производящим является главный элемент словосочетания, в то время как зависимый элемент синтезируется в словообразовательный аффикс.** Например: вербализованный элемент *тройня* эквивалентен словосочетанию *трое детей*; имитация процесса словообразования базируется на основе слова *трое – трој-*, а семантическая нагрузка слова *детей* – «группа лиц» – синтезировалась в суффиксе *-н-*.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы: 1) соответствия «словосочетание – слово» исследуемого типа являются формами абстрактной номинативной единицы, именуемой номинатемой; 2) словообразовательная

структура вербализованного **дублета** конкретной номинатемы типа «словосочетание + универб» менее информативна, чем соответствующий ему синтаксический вариант (словосочетание), и в этом смысле представляет собой аналог фразеологического единства; 3) номинатемы типа «словосочетание + универб» характеризуются целым рядом формальных и семантических особенностей, присущих только этим лексическим структурам.

Выводы к первой главе

Базовыми разновидностями номинативных единиц можно считать результаты речевой номинации (слова-синтагмы, глоссы простые и комплексные, модификации соответствующих номинатем – в разных терминологических системах), а базовой единицей языковой номинации – номинатему (согласно терминологии В. И. Теркулова).

Номинатема – это абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (глоссах, вариантах), причем в данном исследовании дублетами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, стилистически совпадающее с эквивалентным словосочетанием или отличающееся от него чертами разговорности, сленговости.

Под структурными разновидностями номинатемы с доминантой-словосочетанием понимаются все семантически тождественные единицы, отождествляемые на уровне словосочетания.

Эллиптический универб является одним из подтипов структурной разновидности номинатемы с доминантой-словосочетанием, где семантически тождественная соответствующему словосочетанию единица представлена универбализованным (вербальным, словесным) эквивалентом этого словосочетания.

Представляется целесообразным рассматривать каждую исследуемую единицу как **универбализованный (вербализованный) эквивалент**

словосочетания, то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию, а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу **эллиптической универбации**.

Мы рассматриваем номинатемы, созданные по модели «словосочетание + эллиптический универб». Они входят в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть являются единицами, семантически тождественными словосочетаниям, которые отождествляются на их уровне.

Универб определяется как семантически и грамматически тождественное исходному словосочетанию слово, отличающееся от словосочетания либо совпадающее с ним в стилистическом аспекте, являющееся наряду со словосочетанием дублетом одной номинатемы.

Номинатемы типа «словосочетание + универб» характеризуются целым рядом формальных и семантических особенностей, присущих только этим лексическим структурам.

Словообразовательная структура вербализованного дублета номинатемы типа «словосочетание + универб» является менее информативной, чем соответствующий ему синтаксический дублет (словосочетание), и в этом смысле представляет собой аналог фразеологического единства.

Словообразовательные отношения всегда являются мотивационными отношениями. Но не всякое мотивационное отношение может выступать и как словообразовательное. Мотивация представляется семантической обусловленностью значения производного слова значениями их составляющих. В словообразовательном акте одни единицы выступают в качестве источника мотивации, а другие, итоговые, рассматриваются как обусловленные мотивационные. В нашем случае факт мотивированности можно представить следующим образом:

1) $\underline{\quad 1 \quad} + 2 = \underline{\quad 3 \quad}$, где $\underline{\quad 1 \quad}$ – основа зависимого элемента исходного словосочетания, имитирующая производящую, 2 – суффикс, имитирующий словообразовательный, в который синтезировался главный элемент исходного словосочетания, 3 – основа вербализованного эквивалента исходного словосочетания, имитирующая производную;

2) $\underline{\quad 1 \quad} + 2 = \underline{\quad 3 \quad}$, где $\underline{\quad 1 \quad}$ – основа главного элемента исходного словосочетания, имитирующая производящую, 2 – суффикс, имитирующий словообразовательный, в который синтезировался зависимый элемент исходного словосочетания, 3 – основа вербализованного эквивалента исходного словосочетания, имитирующая производную.

Наименования в форме исследуемых словосочетаний реализуют два типа отношений между главным и зависимым словом: согласование и управление. Те же наименования в форме слов-дублетов представляют собой соединение основы с суффиксом.

Формальное приспособление элементов словосочетания друг к другу происходит в основном при согласовании и беспредложном управлении (имеется в виду имитация процесса синтеза словосочетаний данных типов в соответствующие им слова). Характерной формальной чертой каждого вербализованного дублета словосочетания является либо наличие различных морфонологических изменений, либо их отсутствие.

Среди морфонологических изменений, сопровождающих универбацию, можно выделить следующие: усечение производящей основы (усечение финального гласного основы, усечение финального согласного основы, усечение финального сочетания гласный + согласный основы); усечение производящей основы, сопровождающееся наращением сочетания «гласный + согласный», фонетическим чередованием согласных, фонетическим чередованием гласных, историческим чередованием согласных; наращение производящей основы без чередования и сопровождающееся чередованием;

чередование согласных основы (фонетическое, историческое); историческое чередование гласных основы.

Следует также отметить факт существования двух основных правил возникновения вербализованных дублетов конкретных словосочетаний.

1. Производящим является зависимый элемент словосочетания, в то время как главный элемент синтезируется в словообразовательный аффикс.

2. Производящим является главный элемент словосочетания, в то время как зависимый элемент синтезируется в словообразовательный аффикс.

Выделяют ряд причин возникновения исследуемых нами универбов в русском языке: 1) стремление к экономии средств выражения и облегчения таким образом процесса коммуникации (синтагматическая экономия, которая приводит к сокращению развернутой линейной структуры наименований и замещению их более короткими и более удобными в процессе общения обозначениями); 2) тенденция к регулярности внутриязыковых отношений, к выработке языкового автоматизма, стремление к преодолению внутреннего противоречия между расчлененностью формы наименования и единством его значения; 3) психологический фактор – фактор саморегуляции количества морфем и слогов в слове в пределах, оптимальных для оперативной памяти человека.

В процессе анализа исследуемого материала важным этапом является дифференциация понятий семантической конденсации и универбации. Данные понятия тесно связаны между собой, но далеко не тождественны. Наличием / отсутствием явления семантической конденсации различаются омонимичные образования – дериваты и словесные формы соответствующих номинатем.

Семантическая конденсация может быть оценена как возможная причина процесса универбации, проявляющаяся в том, что в результате интеграции составного наименования в слово определенный отрезок смысла

этого наименования не получает своего отражения в морфологической структуре универба и существует в нем в свернутом виде.

При рассмотрении универба как словесной формы конкретной номинатемы, функционирующей наравне с соответствующим словосочетанием, семантическая конденсация отсутствует, поскольку каждая морфема в структуре универба отвечает значению каждого элемента соответствующего ему словосочетания.

О семантической конденсации целесообразно говорить тогда, когда, во-первых, в результате редукции материального состава надсловного наименования в новой, цельнооформленной единице (эллипте или производном слове) сохраняется от данного наименования хотя бы одно слово или основа; во-вторых, когда хотя бы один из компонентов морфологической структуры расчлененного наименования, несущий вещественное значение (слово, основа или корень), не получает отражения в формальной структуре моновербальной единицы, чего нельзя сказать о словесном эквиваленте словосочетания в рамках номинатемы «словосочетание + универб».

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ НОМИНАТЕМ ТИПА «СЛОВСОЧЕТАНИЕ + ЭЛЛИПТИЧЕСКИЙ УНИВЕРБЬ»

2.1. Средства формирования вербальных реализаций номинатом типа «словосочетание + эллиптический универбь»

Как было сказано выше, универбация в нашей трактовке представляется имитацией словообразовательного акта. Мы также предполагаем, что универбь является вербальной формой номинатемы с доминантой-словосочетанием. В связи с этим исследуемое явление мы трактуем как реляционное по своей сути, обладающее формальными чертами словообразования. И. И. Ильина, относя универбацию к словообразовательным процессам, происходящим в разговорной речи, утверждает, что она основана «на тех же материальных ресурсах, что и словообразовательные процессы кодифицированного литературного языка. Носителями разговорной речи не придумывается каких-либо новых морфем» [161, с. 84].

В данном случае формируются универбализационные модели, подобные словообразовательным моделям, но не тождественные им. В рамках конкретной универбализационной модели в зависимости от частеречной принадлежности конкретного универба в состав последнего входит аффикс (обычно – суффикс) соответствующей части речи с включенным значением.

Универбализационная модель нами понимается как схема оформления вербальных реализаций номинатом исследуемого типа. Данная схема состоит из следующих элементов:

- 1) структура эквивалентного словосочетания;
- 2) основа зависимого слова эквивалентного словосочетания, имитирующая производящую основу;

3) универбализационный формант, включающий ядро (универбализационное средство) и периферию (дополнительные факторы, сопровождающие универбализацию);

4) часть речи эквивалентного универба.

Например, *мобильный телефон – мобилка* (*Недавно один мой знакомый, назовем его Игорь, приобрел в интернет-магазине новый **мобильный телефон** за 2000 гривен /КПвУ, 27.11.2008/ – Я снимала их на **мобилку**, с целью потом разместить эту информацию в СМИ и в социальных сетях /КПвУ, 07.02.2012/*):

1) Adj + N – *мобильный телефон*;

2) *мобильн-*;

3) ядро – суффикс *-к-*, периферия – усечение основы *мобильн-* → *мобил-*;

4) имя существительное (N) *мобилка*;

всячее дело – всяк (*Настоящего убийцу так и не нашли – **всяк** по-прежнему пылится на полке /КПвУ, 01.07.2011/*):

1) Adj + N – *всячее дело*;

2) *всяч-*;

3) ядро – материально не выраженный суффикс, периферия – чередование согласных *ч//к* в основах *всяч-/всяк-*;

4) имя существительное (N) *всяк*;

пять пальцев – пятерня (*И, складывая раздвинутые вкруговую **пять пальцев** с пятью, как полушария, складывая – и как бы с усилием разрывая, складывая – и разрывая, ответил: (А. И. Солженицын. На изломах (1996); Национальный корпус русского языка; www.ruskorpora.ru) – В рукопожатии, как лед и пламя, соединились вялая женственно-белая кисть главного и широкая, плотная, с обветренной, продубленной кожей **пятерня** Банникова (Влада Валеева. Скорая помощь (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruskorpora.ru)*):

1) Num1 + N2pl – *пять пальцев*;

- 2) *пят'*-;
- 3) ядро – суффикс *-н-*; периферия – наращение основы *пят'*- → *пятер-*;
- 4) имя существительное (N) *пятерня*;

жена прокурора – прокурорша (Как только девушка увидела, что ее снимают на камеру, заявила, что она юрист, более того – жена прокурора... /КПВУ, 29.06.2011/ – А прокурорша думает, что убийцы будут бегать по городу и кричать об этом /КПВУ, 17.11.2011/):

- 1) N1 + N2 – *жена прокурора*;
- 2) *прокурор-*;
- 3) ядро – суффикс *-ш-*;
- 4) имя существительное (N) *прокурорша*;

а) делать массаж – массажировать (В том случае, если вы захотите делать массаж с использованием ни одного масла, а нескольких, то смешайте, для начала, их /КПВУ, 12.03.2012/ – И что именно массажировать, вы тоже выбираете – болит шея, делаем массаж только воротниковой зоны /КПВУ, 02.06.2012/), б) делать массаж – массировать (Время, когда стоит начинать делать массаж лица, зависит от состояния вашей кожи и возраста /КПВУ, 23.07.2012/ – Указанные точки нужно массировать кончиками пальцев в течение минуты /КПВУ, 20.06.2012/):

- 1) а), б) V + N4 – *делать массаж*;
- 2) а), б) *массаж-*;
- 3) а), б) ядро – суффикс *-ирова-*, периферия – а) отсутствуют периферийные явления, б) усечение основы *массаж-* → *масс-*;
- 4) глагол (V) а) *массажировать*, б) *массировать* и т.д.

При полном совпадении всех структурных элементов универбализационных моделей ряда универбов, включая абсолютное совпадение универбальных значений формантов этих универбов, можно говорить об универбализационном типе. Например, универбы *толченка* (*толченая картошка*), *варенка* (*вареная колбаса*) представляют один и тот же универбализационный тип в силу абсолютного совпадения модельных

элементов, а универбы *сгущенка* (*сгущенное молоко*), *самогонка* (*самогонная водка*), *тушенка* (*тушеное мясо*), *мобилка* (*мобильный телефон*) несмотря на внешнее структурное сходство с вышеуказанными универбами, не являются универбами того же типа, более того, они также не могут сформировать общий для них самих универбализационный тип. Доказательством этому может быть следующее.

1. В структурах словосочетаний отражается либо несовпадение грамматического рода главных слов этих словосочетаний и грамматического рода соответствующих универбов (*сгущенное молоко* – *сгущенка*), либо идентичность грамматического рода (*самогонная водка* – *самогонка*), в то время как понятие определенного универбализационного типа предполагает единоструктурность словосочетаний в составе исследуемых номинатем.

2. Отмечаются различия в частеречной принадлежности зависимых слов эквивалентных словосочетаний, на базе основ которых формируются универбы, хотя основы должны принадлежать словам одной и той же части речи. Например, в словосочетании *мобильный телефон* зависимое слово *мобильный* (основа которого становится основой соответствующего универба) является прилагательным, а зависимое слово словосочетания *вареная колбаса* – *вареная* – является этимологическим причастием; такое различие недопустимо в рамках одного и того же универбаизационного типа.

3. Имеет место различие универбализационных формантов. Здесь следует напомнить, что понятие универбализационного форманта включает в себя весь набор универбализационных средств, направленных на формирование каждого конкретного универба. При формировании универбов одного и того же типа наборы средств должны совпадать как по количеству, так и по характеру. Например, универбы *варенка*, *толченка*, *сгущенка*, *мобилка* формировались посредством разных универбализационных формантов: общей частью формантов приведенных универбов является ядро – суффикс *-к-*, однако периферия каждого из формантов (усечение основы, имитирующей производящую, в случаях *сгущенное молоко* – *сгущенка*,

мобильный телефон – мобилка и отсутствие данного морфологического явления в случаях *вареная колбаса – варенка, толченая картошка – толченка*) указывает на их неидентичность.

4. Отсутствует тождество универбальных значений, сосредоточенных в ядерной части универбализационного форманта. Например, суффикс *-к-* в универбе *мобилка* имеет универбальное значение «предмет», суффикс *-к-* в *тушенка* – «продукт питания», в противовес чему омонимичный указанным суффикс в универбах *толченка* и *варенка* имеет значение «продукт [питания]».

Мы видим, что несовпадение хотя бы в одной из четырех позиций выводит каждый конкретный универб из состава определенного универбализационного типа. Таким образом, определение универбализационных типов предполагает тщательный анализ исследуемых единиц.

Следует отметить, что любое универбализационное средство обладает универбальным значением, по сути имитирующим словообразовательное значение.

В. А. Ильина, обобщив существующие мнения, касающиеся общего словообразовательного значения, дает следующее определение последнему: «Общее словообразовательное значение типа – это общее значение всех производных, образованных по одной и той же формальной схеме; все значения большей степени конкретизации являются частными словообразовательными значениями того или иного уровня обобщения» [160, с. 24]. Данное толкование словообразовательного значения, на наш взгляд, является реальным относительно универбов исследуемого типа.

С другой стороны, принцип ахронии, на основании которого наиболее реально можно представить языковые связи и отношения, предполагает определение словообразовательного значения слова, произведенного в результате единичного акта словопроизводства вне какого-либо словообразовательного типа, поскольку понятие типа – вторично по

отношению к понятию словообразовательного значения. Данное соотношение первичного и вторичного понятий позволяет определить то значение, которое заключено в аффиксе универба, как универбальное значение. Данное утверждение не означает, что мы отказываемся от понятия «словообразовательный тип». Это означает только то, что не рамки словообразовательного (универбального) типа определяют словообразовательное (универбальное) значение, а словообразовательное (универбальное) значение в комплексе с другими факторами (основа, формант) определяет словообразовательный (универбальный) тип.

Универбальное значение, как и словообразовательное, нельзя связывать только с деривационным аффиксом или только с мотивирующей частью производного – это особый тип значения не по своему содержанию как таковому, а по способу его выражения и, главное, по организации структуры этого содержания. Оно представляет собой, по мнению Е. С. Кубряковой, наложения одного категориального значения на другое, совместную встречаемость «по крайней мере двух категориальных значений в пределах одного наименования. <...> В основу классификации производных и выделения моделей должны быть положены словообразовательные (универбальные – Н. Д.) значения» [204, с. 37].

Утверждение Е. С. Кубряковой о своеобразной контаминации категориальных значений в пределах производной единицы вполне оправдано: деривационный аффикс, согласно принципу ахронии, прежде всего является «носителем» общекатегориального (или – просто – категориального) значения. «Основная функциональная нагрузка деривационного аффикса заключается в преобразовании, в перестройке уже имеющейся в языке основы и тем самым образовании новой основы другой лексической единицы» [500, с. 12].

Поскольку уровни системы (языка) взаимосвязаны, то значимые процессы, протекающие на одном из них, соответственно аналогичны процессам, протекающим на другом уровне. Так, например, в

праиндоевропейский период на уровне лексики отмечалась тенденция развития лексического значения от общего к конкретному (или конкретным): **rĕkti* ‘говорить’ – *rĕnkam* (лит. *renku*) ‘собираю, зову, собираю звуками своего голоса’; *(*s*)*kel* - ‘действовать каким-то острым орудием (рубить, расщеплять, выдалбливать, резать и т.д.)’ [308, с. 167]. Таким же образом, следовательно, шло развитие значений ряда деривационных аффиксов: *-ьba* – имена действий; некоторые из них получили значение конкретных предметов или явлений; некоторые же стали именами с общим отвлеченным значением: *bor-ьba*, *chval-ьba*, *svat-ьba*, *druž-ьba*, *sod-ьba* и т.д. [365, т. II, с. 74].

В силу подобного развития сейчас в смысловой структуре аффикса можно выделить, по крайней мере, три взаимодействующих типа значений:

- а) общекатегориальное лексико-грамматическое значение части речи,
- б) общекатегориальное значение лексического разряда, класса,
- в) индивидуальное лексическое (словообразовательное, универбальное – Н. Д.) значение, присущее только данному аффиксу [500, с. 13].

Например, в универбе *перчатка* (*перстчатая рукавица*) выделяется универбальный суффикс *-к(а)*; он выражает три типа значений: а) значение имени существительного как части речи, б) значение имени существительного женского рода (в противовес суффиксу *-ик-*, характеризующему существительное мужского рода), в) словообразовательное значение предмета по признаку.

Лексико-грамматическое значение части речи маркирует все слова, в состав которых входит ранний аффикс в качестве второго компонента деривационной структуры слова, независимо от лексических значений производящий основ, взаимодействующих с аффиксом. Транспонирующая и классифицирующая (идентифицирующая) функции аффикса связаны не с наличием / отсутствием у него этого значения, а с его дистрибутивными свойствами, с характером проявления этого типа значения.

Общекатегориальное значение лексического разряда предопределяет в пределах данной части речи более частные лексико-семантические группы

слов, и, как правило, присуще целой группе аффиксов. Так, аффиксы *-к-*, *-ик-* относят дериваты, во-первых, к классу имен существительных, во-вторых, к лексическому разряду слов, обозначающих «предмет»: *мобилка, мобильник, дробилка, молотилка*.

Индивидуальное лексическое (словообразовательное, универбальное) значение отличает данный аффикс от всех других аффиксов того же лексического (словообразовательного, универбального) разряда, образующих единицы одного универбального поля. В приведенных выше суффиксах *-к-*, *-ик-* каждый передает только ему присущий характер «предметности», а также особенности оценочного, коннотативного компонента. Индивидуальное значение аффикса непосредственно связано с коннотативным аспектом значения дериватов.

Значение многоморфемного слова в целом классически «представляет собой простую сумму значений составляющих это слово морфем» [399, с. 19].

В связи с четкостью определения тех средств, благодаря которым формируется тот или иной исследуемый универб, максимально четкой видится классификация моделей универбации, ибо в последней должно быть одновременно учтено и назначение, и состав, и структура модели. Поскольку нам представляется, что все основные приемы универбации так или иначе связаны либо с сочетанием различных универбализационных элементов, либо с преобразованием или трансформацией опорной основы, целесообразнее всего классифицировать модели универбации именно по этому признаку.

Е. С. Кубрякова в плоскости словообразования предлагает разделить все модели производных на линейные, сущность которых заключается в сложении определенных словообразовательных элементов, и нелинейные, которые не могут быть представлены в виде их цепочечного структурного аналога [201, с. 59]. Поскольку при универбации имитируются особенности деривационных процессов, можно спроецировать дифференциацию

словообразовательных моделей Е. С. Кубряковой в плоскость речевой номинации, а именно в универбализационную сферу.

К линейным моделям, по которым строятся универбы исследуемого типа, могут быть отнесены модели:

1) префиксальных образований, получающиеся в результате имитации сложения слова или основы слова с префиксом (*запеть – начать петь*);

2) суффиксальных образований, получающиеся в результате имитации сложения основ с суффиксом (*железка – железная дорога*);

3) конфиксальных образований, получающиеся в результате имитации сложения основ с префиксом суффиксом (*оцифровать – перевести в цифровой формат*);

4) постфиксальных образований, получающиеся в результате прибавления к производящей основе постфикса (*жениться – брать в жены*).

Таким образом, линейные модели формирования универбов охватывают аффиксальные образования разных типов. С морфологической точки зрения их объединяет способность члениться, с семантической точки зрения – перспектива возникновения новой лексемы и воплощение их структуры в формуле $X + Y$ (где X – основа производящего, Y – формант, прибавляемый к основе в линейной последовательности, а принцип линейности выражается знаком +). Это можно сформулировать и по-другому: модели подобных слов определяются как модели универбов, имитирующих модели производных единиц деривационного типа.

В нелинейных моделях слов имитируемый производный характер последних определяется не благодаря наличию специального (в традиционном понимании) словообразовательного признака. Это модели с так называемой имитацией невыраженной производности. Общим для них нередко является изменение в одном или нескольких фонологических компонентах основы, то есть то, что иногда называют внутренней флексией, чередованием звуков, морфонологическими изменениями и т.д.

К числу нелинейных моделей, формирующих универбы, могут быть отнесены следующие модели производных (их общей формулой является $X - Y$, где X – основа производящего, Y – формант, состоящий из нескольких средств, в том числе средств морфонологического характера, а принцип нелинейности выражается знаком \rightarrow):

1) образования, возникшие в результате фонологической трансформации корня или основы слова (*висяк – висячее дело*);

2) образования, созданные путём использования инфикса (*непромокашка – непромокаемая куртка*).

Хотя каждый из этих типов моделей интересен, мы ограничимся лишь беглым обзором отдельных – наиболее часто реализующихся и потому значимых, на наш взгляд, – моделей и их отличительных свойств. Модели аффиксальных универбов проявляют бóльшую зависимость по сравнению с обычными дериватами от конкретного аффикса (префикса или суффикса), с помощью которого создана данная модель. Префиксальные модели и модели суффиксальные, даже если они неоднозначны, обладают большей семантической определённой.

Различия между суффиксальными и префиксальными моделями наблюдается, например, в отношении их функциональной нагрузки: классифицирующую роль при универбации чаще играют суффиксы, чем префиксы. Суффиксы чаще выступают и в роли транспонирующего средства – именно с помощью суффиксов осуществляется перевод из одной части речи в другую; присоединение же префикса обычно не изменяет принадлежности слова к определённой части речи. Нередко утверждают, что суффиксы уже в силу их близости к концу слова теснее связаны с формообразованием или словоизменением, чем префиксы.

Подчеркнем также, что модели нелинейных универбов еще более индивидуальны и затрагивают обычно более ограниченные слои как словообразовательных, так и реляционных систем.

Как уже отмечалось, существует две основные универбализационные модели:

1) $\underline{\quad 1 \quad} + 2 = \underline{\quad 3 \quad}$, где $\underline{\quad 1 \quad}$ – основа зависимого элемента исходного словосочетания, имитирующая производящую, 2 – суффикс, имитирующий словообразовательный, в который синтезировался главный элемент исходного словосочетания, $\underline{\quad 3 \quad}$ – основа вербализованного эквивалента исходного словосочетания, имитирующая производную. Например, *молотильная машина – молотилка*: 1 – молотильн- + 2 – -к- = 3 – *молотилк(a)*;

2) $\underline{\quad 1 \quad} + 2 = \underline{\quad 3 \quad}$, где $\underline{\quad 1 \quad}$ – основа главного элемента исходного словосочетания, имитирующая производящую, 2 – суффикс, имитирующий словообразовательный, в который синтезировался зависимый элемент исходного словосочетания, 3 – основа вербализованного эквивалента исходного словосочетания, имитирующая производную. Например, *день рождения – дняха*: 1 – ден- + 2 – -юх- = 3 – *днях(a)*. Общие модели, как правило, реализуются в частных моделях.

В рамках частных моделей представляется целесообразным классифицировать средства формирования универбов, которые омонимичны словообразовательным средствам. Так, первая общая модель представлена следующими частными.

I. Частная модель 1 – прил. + 2 – -к- + усечение = 3 – $\underline{\quad}к(a)$.

1. Суффикс имени существительного -к(a) со значениями предмета, вещества, процесса, лица: *поливалка* (*Некоторые даже твердо решили бросить пить, потому что поливалка в это время – такое же естественное зрелище, как ледокол в экваториальных водах.* – КП 01.11.2001) – *поливальная машина* (*Поливальная машина прибывает к земле строительную пыль.* – Советский спорт 31.03.2007), *минералка* (*Ту, что идет из крана, полезной назвать нельзя, а минералки в магазинах – масса.* – КП 07.04.2011) – *минеральная вода* (*Минеральная вода Бехтемирского месторождения – одна из наиболее изученных питьевых*

минеральных вод Алтайского края. – КП 30.03.2011), генералка (Не очень правда: гораздо проще передать машину по **генералке**, а он уже продает её вам со снятием с учета. – КП 29.11.2010) – генеральная доверенность (Я купила машину по **генеральной доверенности** от второго хозяина (тоже «генералка»). – КП 24.12.2005), солдатка (Я не удивлюсь, если **солдатка** с грудничком на руках не сегодня завтра просто поселится под забором той части в Курске, где служит муж. – КП 14.05.2008) – жена солдата (**Жена солдата** Орлова Ольга Ефимовна (Акимовна). В ходе поиска родственников выяснилось, что семья солдата носит фамилию Голубевы. – КП 18.01.2011).

II. Частная модель 1 – прил. + 2 – -(ш)к- + усеч. = 3 – (ш)к(а).

2. Суффикс имени существительного -к(а) с инфиксом -ш- – -шк(а) – со значением предмета: непромокашка (Костюм-**непромокашка** - 500-800 руб.; Рюкзак - 500 - 600 руб.; Сапоги болотные - 500 руб.; Сапоги-забродни - 1100 - 1800 руб. – КП 18.07.2003) – непромокаемый костюм (Сначала удостоверьтесь, что взяли с собой шорты, кроссовки и... **непромокаемый костюм** с водными очками. – КП 21.01.2009), промокашка (Широкое распространение «**промокашка**» получила в школах, поскольку до эпохи повсеместного распространения шариковых ручек производители школьных тетрадей обычно вкладывали один листок промокательной бумаги в каждую тетрадь. – ru.wikipedia.org/wiki/) – промокательная бумага (Промокательная бумага – несклеенная и малоспрессованная бумага, состоящая практически из чистой целлюлозы. – ru.wikipedia.org/wiki/).

III. Частная модель 1 – сущ. + 2 – -(ов)к- = 3 – (ов)к(а).

3. Суффикс имени существительного -к(а) с инфиксом -ов- – -овк(а) – также со значением предмета: ветровка (Суббота выдалась в Новокузнецке довольно прохладной и пасмурной. Многие горожане, выходя на улицу, надевали **ветровки** и кофты. – КП 05.07.2011) – куртка от ветра (Без **куртки**, защищающей от ветра, дождя и вмещающей в карманах самое необходимое, делать на рыбалке нечего. – КП 08.07.2011), марлевка (В конце 70-х в моду вошла **марлевка**. – КП 14.04.2008) – платье из марли (В

советские времена, когда в магазинах ничего не было, мне мама шила сама такие **платья из марли**. – КП 23.12.2008).

IV. Частная модель 1 – прил. + 2 – -(уш)к- = 3 – -(уш)к(а).

4. Суффикс имени существительного -ушк(а) со значением предмета: меховушка (*Гигантская меховушка на плечах увеличивает и без того немаленький бюст.* – КП 05.03.2011) – меховая шуба (*То меховая шуба из искусственных долматинцев, то яркие клеши, то батистовая кружевная рубашка средневекового поэта-романтика.* – КП 19.12.2009), теплушка (*Тихвинская икона попала к американцам в обычной теплушке.* – КП 26.07.2004) – теплый вагон (*За несколько минут до взрыва его занесли с мороза в теплый вагон и пытались подключить к печке.* – КП 26.02.2009).

V. Частная модель 1 – прил. + 2 – -(уш)-к- + усеч. = 3 – -(уш)к(а).

5. Суффикс имени существительного -ушк(а) со значением предмета или объекта: раскладушка (*На почте нашлась раскладушка, на нее и положили роженицу, назвавшуюся Ольгой.* – КП 28.11.2008) – раскладная кровать (*Если там умещалась одна раскладная кровать, столик небольшой, этого уже было достаточно.* – КП 30.04.2011), психушка (*В итоге день рождения я встретила в психушке.* – КП 04.03.2011) – психиатрическая клиника (*Парадоксально, но последнее место работы депутата – областная психиатрическая клиника.* – КП 29.08.2011).

VI. Частная модель 1 – прил. + 2 – -як- = 3 – як.

6. Суффикс имени существительного -як (-ак) со значением предмета, конкретного явления или лица: скоряк (*Знаешь, сколько жизней я этими руками на скоряке спас?* – сериал «Интерны») – скорая помощь (*В пятницу, на пересечении 1-ой Магистральной улицы и 2-го Магистрального тупика произошло столкновение с участием машины «Скорой помощи».* – КП 01.10.2010), всяк (*Нашлись коллеги, которые стали над Кристиной подшучивать, мол, получила свой первый «всяк».* – КП 15.05.2011) – всячее дело (*Отец отказался, оставив всячее дело открытым.* – habrahabr-new.livejournal.com/1709454.html; 20.04.2011), сибиряк (*С живодерами*

сибиряк решил разобраться немедленно. – КП 28.03.2011) – *житель Сибири (Корреспонденты «КП» - Барнаул) решили выяснить, какие впечатления остались у жителей Сибири.* – КП 16.06.2011).

VII. Частная модель 1 – прил. + 2 – -ик- = 3 – ик.

7. Суффикс имени существительного -ик со значением предмета или лица: *мобильник (Этот **мобильник** рассчитан в первую очередь на пожилых людей.* – КП 18.02.2005) – *мобильный телефон (Пассажирам достаточно установить под крышку используемого ими **мобильного телефона** специальный NFC-модуль.* – КП 26.05.2011), *ватник (Единственное условие: вещи должны быть либо новыми, либо ношенными совсем «чуть-чуть», то есть обменять старый дедушкин **ватник** на платье.* – КП 13.05.2011) – *ватная куртка (В цехах девятой шахтинской, пятой константиновской, 10 ростовской и 12 каменск-шахтинской колоний отшивают **ватные куртки**, шапки-ушанки.* – КП 12.10.2010), *уголовник (В Гомеле **уголовник** пытался захватить городской автобус.* – КП 18.04.2008) – *уголовный преступник (Находясь в бегах, **уголовный преступник** оказался в Горно-Алтайске.* – КП 24.12.2010).

VIII. Частная модель 1 – прил. + 2 – -ыш(-иш-) = 3 – ыш/иш.

8. Суффикс имени существительного -ыш(и), -иш со значением предмета или лица: *дутьиши (Хлопчатобумажные перчатки, резиновые сапоги-**дутьиши**, мохеровый шарф, завязанный морским узлом.* – КП 27.09.2007) – *дутые сапоги (Дутые сапоги отлично смотрятся с пуховиком.* – КП 07.11.2009), *плохиш (Кстати, на эту роль также претендовал и голливудский «**плохиш**» Колин Фарелл.* – КПВУ 07.08.2012) – *плохой мальчик (Плохой мальчик из самой популярной детской программы ТВ.* – КПВУ 17.12.2012).

IX. Частная модель 1 – суц. + 2 – за- + -j- = 3 – за j.

9. Конфикс имени существительного за- + -j- со значением местонахождения за чем-либо: *заречье (Окно в природу: Дом мудрости. Окно в **заречье**.* – КПВУ 21.02.2008) – *местность за рекой (На Плоском участке*

(*местность за рекой*) совсем не было изъятий – живите где хотите. – КПВУ 21.09.2012), *Закарпатье* (Похожая погода будет на Львове и Ивано-Франковске и в *Закарпатье*. – КПВУ 13.03.2013) – *местность за Карпатами* (Тушение пожара осложняется труднодоступной горной, скалистой *местностью за Карпатами*. – КПВУ 15.09.2012).

X. Частная модель 1 – сущ. + 2 – пред- + -j- = 3 – пред j.

10. Конфикс имени существительного пред- + -j- со значением местонахождения перед чем-либо: *предгорье* (Самый теплый регион, где ожидается наиболее высокая температура- это **предгорье**, в частности Симферополь, Белогорск. – КПВУ 25.11.2012) – *местность перед горами* (Мы остановились в **долине перед горами**. – КПВУ 19.12.2012).

XI. Частная модель 1 – сущ. + 2 – при- + -j- = 3 – при j.

11. Конфикс имени существительного при- + -j- со значением местонахождения рядом с чем-либо: *Прикарпатье* (На **Прикарпатье** из-за снежной бури без света остались 25 населенных пунктов. – КПВУ 22.03.2013) – *местность рядом с Карпатами* (Для съемок была выбрана живописная **местность недалеко от Карпат**. – КПВУ 12.12.2007), *Приазовье* (В Донбассе собирают подписи о присвоении звания Героя морскому пехотинцу Константину Липилину, освобождавшему **Приазовье**. – КПВУ 20.03.2013) – *местность рядом с Азовом* (Опустели некоторые села, находящиеся **рядом с Азовом**. – КПВУ 12.07.2010).

XII. Частная модель 1 – прил. + 2 – -ух- = 3 – _____ -ух(a).

12. Суффикс имени существительного -ух(a) со значением предмета или лица: *брезентуха* (Прихрамывая, вошел молодой бородатый мужчина в **брезентухе**. – КП 29.12.1965) – *брезентовая одежда* (У нас была такая огромная **брезентовая** боевая пожарная **одежда** и огромная каска. – КПВУ 17.11.2009), *молодуха* (Но сегодня ни одна бабушка, ни одна **молодуха** не привезла горожанам ни молочка из-под коровки, ни свежих яичек. – КПВУ 01.02.2012) – *молодая женщина* («Выбивать» деньги и явился к **молодой женщине** Сергей Ярошенко. – КПВУ 13.03.2013).

XIII. Частная модель 1 – сущ. + 2 – -ш- = 3 – -ш(а).

13. Суффикс имени существительного -ш- со значением лица: *генеральша (Генеральша Татищева выводила русского белого бульдога. – КП 17.09.2009) – жена генерала (Жена генерала Лариса Гамова, которая пострадала чуть меньше, в настоящее время находится в специализированной клинике в пригороде Токио. – КП 25.05.2002).*

XIV. Частная модель 1 – прил. + 2 – - - = 3 – -.

14. Материально не выраженный суффикс имени существительного со значением предмета, явления, состояния: *демисезон (По-хорошему я бы хотел иметь возможность отдохнуть летом на море в Испании две-три недели и два раза по недельке в демисезон – ранней весной. – КП 30.05.2003) – демисезонный период (Главное требование к этому виду обуви - водонепроницаемость, а при носке в демисезонный период – еще и наличие утеплителя. – КП 15.03.2011), декрет (Странно, а почему это вообще кого-то интересует: уйдет в декрет не уйдет. – КП 04.07.2003) – декретный отпуск (Замруководителя трудовой инспекции отсудил декретный отпуск и ухаживает за внучкой. – КП 02.11.2010), безнадега (Поначалу, казалось, что безнадега, которую мы наблюдали на первых стартах наших девушек, снова будет сгущаться над стадионом. – КП 23.02.2010) – безнадежная ситуация (...с канадцами, когда наши парни после двух периодов проигрывали 0:3, но, казалось уже в безнадежной ситуации сумели найти в себе силы. – КП 08.01.2011).*

XV. Частная модель 1 – сущ. + 2 – -о(е)в/-н(а) - = 3 – -о(е)в/-
н(а).

15. Суффикс имени существительного -о(е)в/-н(а) со значением лица: *поповна (А вы, значит, молодая поповна с косой? – КП 09.04.2003) – дочь попа (Никто не знал, что она была дочкой местного попа. – АиФ 23.04.2008).*

XVI. Частная модель 1 – сущ. + 2 – -ев/-ич- = 3 – -ев/-ич.

16. Суффикс имени существительного *-ев/-ич* со значением лица: *царевич* (*Богатырь потерял руку с копьем, Иван-царевич* вновь остался без лягушки, а золотую рыбку рядом со стариком регулярно приходится реставрировать. – КПВУ 26.11.2012) – сын царя (*Родился царевич 19 октября 1582 г. и был сыном царя Иоанна Грозного.* – КП 28.05.2010).

XVII. Частная модель 1 – прил. + 2 – *-чик-(-щик-)* = 3 – *-чик-(-щик-)*.

17. Суффикс имени существительного *-чик- (-щик-)* со значением лица: *табельщик* (*Воспитатель группы продленного дня, инструктор по фитнесу, уборщица, секретарь, регистратор, медицинский табельщик, страховые агенты.* – КП 20.06.2008) – работник табельного отдела (*Работникам табельного отдела до сих пор не выплатили месячное жалованье.* – КП 03.05.2007).

XVIII. Частная модель 1 – сущ. + 2 – *-(ч)анин-* = 3 – *-(ч)анин-*.

18. Суффикс имени существительного *-(ч)анин-* со значением лица: *дончанин* (*Дончанин* получил возможность всю жизнь бесплатно ходить в музей Шолохова. – КП 30.05.2008) – житель Донецка (*Жители Донецка* отравились водой из-под крана. – КП 17.04.2011), судакчанин (*Как рассказал нам судакчанин, сотрудник предприятия «Черноморский подводник» Андрей Мирин, первую помощь пострадавшим.* – КПВУ 03.08.2012) – житель Судака (*Суд вынес приговор 24-летнему жителю Судака Сергею Балецкому, из-за которого в августе прошлого года погибла 47-летняя туристка.* – КПВУ 23.01.2013).

XIX. Частная модель 1 – сущ. + 2 – *-ец-* + черед. = 3 – *-ец-*.

19. Суффикс имени существительного *-ец-* со значением лица: *лондонец* (*Лондонец* страдает аномальной страстью к сосискам. – АиФ 27.05.2011) – житель Лондона (*Таким образом житель Лондона* пытается обратить внимание... – АиФ 23.04.2010), *петербуржец* (*Пожилый петербуржец* женился в 101 год. – АиФ 09.02.11) – житель

Петербурга (В частности, **житель Петербурга**, представившийся как клиент «Ресо-Гарантии», рассказал, что он ввел номер своего автомобиля... – АиФ 26.07.2011).

XX. Частная модель 1 – сущ. + 2 – -ец- + усечение = 3 – _____ -
ец-.

20. Суффикс имени существительного -ец- со значением лица: *черноморец, балтиец* (Среди них были: **черноморец Михаил Крук, балтиец Лев Леваданский, тихоокеанец Владислав Шницер, североморец Юрий Катаев и ваш покорный слуга Марк Кабаков.** – КП 20.12.2010) – *черноморский матрос* (И если через песни и историю мы знаем и об артиллеристах, которым Сталин дал приказ, и о том, что «Вступил на утес **черноморский матрос**», то об «электрофронте» мало кто и слышал. – Труд-7 05.05.2001), *балтийский матрос* (Рядовой Дубяга в недавнем прошлом **балтийский матрос.** – Труд-7 17.06.2006).

XXI. Частная модель 1 – сущ. + 2 – -ец- + наращение = 3 – _____ -
ец-.

21. Суффикс имени существительного -ец- со значением лица: *первенец* (На **первенца** родители обычно возлагают большую ответственность. – АиФ 25.09.2008) – *первый ребенок* (И сразу ли дадут деньги моей подруге, которая сейчас усыновляет ребёнка старше 3 лет (**первый ребёнок** у неё свой)? – АиФ 12.11.2008).

XXII. Частная модель 1 – сущ. + 2 – -ич- = 3 – _____ -
ич-.

22. Суффикс имени существительного -ич- со значением лица: *томич* (Пьяный **томич** поджег лес и стрелял по проезжающим автомобилям. – КП 17.05.2011) – *житель Томска* (На борту упавшего самолета находился **житель Томска Алексей Чернецкий.** – КП 21.06.2011), *омич* (**Омичи** и нам подтвердили, что никаких отклонений от нормы у Черепанова не было. – АиФ 17.10.2008) – *житель Омска* (Маленький **житель Омска** нуждается в срочной дорогостоящей операции. – АиФ 17 02.2010).

XXIII. Частная модель 1 – сущ. + 2 – *-ин-* = 3 – *-ин-*.

23. Суффикс имени существительного *-ин-* со значением предмета: *льдина* (*С особенной скрупулезностью описана температура «за бортом» льдины, скорость дрейфа и удаленность от полюса.* – КП 01.08.2011) – *глыба льда* (*Начались наши традиционные весенние беды – глыбы льда падают на головы россиянам.* – КП 14.03.2011).

XXIV. Частная модель 1 – прил. + 2 – *-ниц(а)* = 3 – *-ниц(а)*.

24. Суффикс имени существительного *-ниц(а)* со значением предмета: *полоскательница* (*В раздевалках должна находиться посуда с питьевой водой (графин или кулер), стаканы и полоскательница.* – КП 06.08.2008) – *полоскательная чашка* (*В ресторанах к особым блюдам из морепродуктов подают полоскательные чашки.* – КП 15.12.2008).

XXV. Частная модель 1 – прил. + 2 – *-ач* = 3 – *-ач*.

25. Суффикс имени существительного *-ач* со значением конкретного явления: *строгач* (*Новосибирскому наркоторговцу, застрелившему хоккеиста, дали 10 лет «строгача».* – КП 09.06.2011) – *строгий режим* (*Прокурор потребовала для Блинникова шесть лет строгого режима.* – КП 23.03.2011).

XXVI. Частная модель 1 – сущ. + 2 – *-онок(-енок)* = 3 – *-онок(-енок)*.

26. Суффикс имени существительного *-онок(-енок)* со значением живого существа (детеныша животного): *мышонок* (*А художник меж тем бережно выводит тоненькие усики у котенка, носик у мышонка, пушистые еловые ветки на сердечках.* – КП 29.12.2007) – *детеныши мыши* (*Посреди белого дня в Совете Ухты случился переполох: в форточку одного из кабинетов залетел детеныш летучей мыши и застрял между рамами.* – КП 01.08.2008), *страусенок* (*А яйцо, из которого вылупился страусенок, высиживал папа-страус.* – КП 26.02.2010) – *детеныш страуса* (*На днях в*

ростовском зоопарке случилось долгожданное событие – родились сразу два **детеныша страуса** эму. – КП 05.02.2010).

XXVII. Частная модель 1 – числ. + (-и/-о-) + сущ. + 2 – -ник-
= 3 – -ник.

27. Суффикс существительного -ник со значением лица: **пятиклассник** (Во время прямого эфира, проходившего 24 декабря 2001 года, президенту также дозвонился **пятиклассник** из города Усть-Кута Иркутской области. – РИА Новости, 2010.12.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **ученик пятого класса** (В декабре 2009 года **ученик пятого класса Никита Зверев** написал письмо главе государства. – РИА Новости, 2010.02.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), **первоклассник** (**Первоклассник** школы №87, проживающий в Калининском районе, ушел в школу. – Новый регион 2, 2010.12.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **ученик первого класса** (Им оказался **ученик первого класса интерната N73** для детей с психическими отклонениями. – Труд-7, 2008.07.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

XXVIII. Частная модель 1 – числ. + (-и/-ух-) + сущ. + 2 – -к- =
3 – -к-.

28. Суффикс существительного -к- со значением объекта или явления: **десятидворка** (А кто **десятидворкой** по дорожному делу руководил? (Б. Можаяев. Пенсионеры (1966); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **деревня в десять дворов** (Это была небольшая **деревня в десять дворов**. – КПВУ, 26.10.2008), **двухсменка** (**Двухсменка** не требует капитальных вложений, материальных затрат, новых помещений. (Л. Семенычева. За спину руководителя не спрячешься // «Крестьянка», 1987; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **работа в две смены** (Ежедневно на «охоту» будут выезжать 45 эвакуаторов для **работы в две смены**. – Комсомольская правда, 2005.10.21; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

XXIX. Частная модель 1 – сущ. + 2 – -ова-(-ева-) = 3 – -ова-(-ева-).

29. Суффикс переходного глагола -ова-(-ева-) со значением определенного действия: *асфальтировать* (Сегодня, несмотря на ноль градусов на столбике термометра, кировские дороги продолжают **асфальтировать**. – КП 30.09.2010) – *укладывать асфальт* (Поначалу дорожники обещали **укладывать асфальт** только по ночам. – КП 05.09.2008), *инструктировать* (Завтра на Театральной площади Ростова будут **инструктировать** милиционеров. – КП 23.07.2008) – *давать инструкции* (Будешь мыть кабинеты шефа и Натальи Ивановны, коридор, столовую, складские помещения и туалеты, – **дает инструкцию** Седа. – КП 11.05.2011).

XXX. Частная модель 1 – сущ. + 2 – -и- = 3 – -и-.

30. Суффикс непереходного глагола -и- в комплексе с постфиксом -ся со значением определенного действия: *жениться* (Решил я как-то **жениться** на известной писательнице Юлии Латыниной. – КП 20.08.2011) – *брать в жены* (Мы попытались выяснить, отчего все так происходит. Версия первая: мужчины боятся **брать в жены** звезд. – КП 29.11.2007).

XXXI. Частная модель 1 – межд. + 2 – -а- = 3 – -а-.

31. Суффикс непереходного глагола -а- со значением интенсивности действия: *уракать* (костромское **Уракать, кричать ура** – «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даль;) – *кричать ура* (По команде махать флажками и **кричать ура**?! – КП 25.08.2011); *дакать* (**дакать** ямагу там давали людям 50 гривень и давали деньги нацет закрывали всех нужна было отправить 250 голосов на суме 700 грн. – 28.10.2011; kr.ua/ajax/module.aspx) – *говорить да* (Все говорят "ДА", а я им: тогда раздевайтесь! – КП Укр. 2.03.2009).

XXXII. Частная модель 1 – прил. + 2 – -(н)ича- = 3 – -(н)ича-.

32. Суффикс непереходного глагола -(н)ича- со значением действия, выполняемого лицом, обладающего определенными чертами характера:

трусливничать (*Трусливничать* было одним из основных его качеств. – АиФ 24.02.2007) – *быть трусливым* (...**была** очень стеснительной и **трусливой**. – КП Укр 26.11.2008); *настырничать* («Да будет вам **настырничать!**» – закричал Поливанов. – ЛГ 07.07.2002) – *быть настырным* (**Был не настырным**, а настойчивым и предпочитал сам разбираться. – КП Укр. 01.10.2011).

XXXIII. Частная модель 1 – сущ. + 2 – у-; -а-(я) = 3 – у-; -а-(я).

33. Конфиг переходного глагола у-; -а-(я) со значением определенного действия: *усыновлять* (*Самарские семьи стали чаще **усыновлять** детей.* – КП 08.11.2007) – *делать сыновьями* (*Взяв из детдома троих мальчиков, Синицыны буквально **сделали их своими сыновьями.*** – КП 25.02.2006).

XXXIV. Частная модель 1 – прил. + 2 – о-; -а- = 3 – о-; -а-.

34. Конфиг переходного глагола о-; -а- со значением определенного действия, направленного на объект: *оцифровать* (*Оптимизация достигается за счет установки специальной автоматики и софта, который позволяет частично **оцифровать** актив* (Сергей Чернышев. Управление собственностью: русский стандарт (2004) // «Эксперт», 2004.12.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *перевести в цифровой формат* (*Чтобы облегчить задачу органам местного самоуправления, организация решила **перевести в цифровой формат** многие бюрократические процедуры* (EcoFolio заплатит властям Франции за переработанную бумагу // РИА Новости, 2008.09.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

XXXV. Частная модель 1 – сущ. + 2 – обес-; -и- = 3 – обес-; -и-.

35. Конфиг переходного глагола обес-; -и- со значением определенного действия, направленного на объект: *обессилить* (*Поговорим о сильных и слабых свойствах этого напитка, ибо его сила состоит в том, что он порой и слабого может сделать сильным, а его слабость как раз в том, что он и сильного может **обессилить*** (Фазиль Искандер. Путь из варяг

в греки (1990); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *лишить сил* (Но значит ли, что предупреждение Христово о смерти, стоящей за нашими плечами, должно нас испугать и **лишить сил творческих?** (митрополит Антоний (Блум). Неделя 26-я по Пятидесятнице. Притча о безумном богаче (1975-1985); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

XXXVI. Частная модель 1 – сущ. + 2 – *обес-; -и-* = 3 – *обес-; -е-*.

36. Конфикс переходного глагола *обес-; -е-* со значением определенного действия, направленного на субъект: *обессилеть* (Немцы тоже могут **обессилеть** на захваченных просторах, но и с Россией все ясно (Анатолий Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича // «Звезда», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *лишиться сил* (Она точно не даст вам **лишиться сил** и внесет разнообразие в привычное меню (Гарденис Яна // Труд-7, 2001.11.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

XXXVII. Частная модель 1 – сущ. + 2 – *-(ств)ова-* = 3 – *-(ств)ова-*.

37. Суффикс непереходного глагола *-(ств)ова-* со значением определенной функции, выполняемой лицом: *председательствовать* (Неужели призвание моей жизни состоит в том, чтобы **председательствовать** на бесчисленных и бесконечных совещаниях? (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *быть председателем* (Я понимаю, почему теперь я в кухарки пошла, не захотела дальше **быть председателем колхоза** (Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

XXXVIII. Частная модель 1 – сущ. + 2 – *-ова-* = 3 – *-ова-*.

38. Суффикс непереходного глагола *-ова-* со значением определенного действия, выполняемого лицом: *прелюбодействовать* (Но вокруг продолжали убивать друг друга, **прелюбодействовать**, воровать, лжесвидетельствовать (Олег Глушкин. Письмо для Бога (1990-1999);

Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *заниматься прелюбодейством* (Он обвинил девушек в том, что они... **занимаются прелюбодейством** (Артем Аниськин и др. Поехать на заморский курорт и... уцелеть // Комсомольская правда, 2007.03.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Вторая общая модель представлена меньшим количеством частных моделей.

I. Частная модель 1 – числ + 2 – -н- +(-ер-) = 3 – -(ер)н-.

1. Суффикс существительного -н- со значением собирательности: *пятерня* (Растопыренная Федькина **пятерня** надвигалась, тянулась к его лицу (Василий Аксенов. Коллеги (1962); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *пять пальцев* (Пять, всего-навсего по **пять пальцев** на каждой руке (Наталия Лебедева. Старая ферма // «Наука и жизнь», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

II. Частная модель 1 – числ + 2 – -н- = 3 – -н-.

2. Суффикс существительного -н- со значением собирательности: *двойня* (Иногда, примерно в 2% случаев, рождается **двойня**, но тогда один из них обречен – мать может вырастить только одного (А. Марголина. Куда исчезают каланы // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *двое детей* (Нам по 30 лет, у нас **двое детей** (Хочу работать в деревне (2003) // «Сельская новь», 2003.09.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *тройня* (Неужели та симпатичная **тройня**, что родилась сегодня утром? (С улыбкой // «Даша», 2004; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *трое детей* (У мамы **трое детей**, и я вообще считаю, что это семейный идеал (Александр Чудодеев. Расписание на завтра (2003) // «Итоги», 2003.02.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

III. Частная модель 1 – сущ + 2 – -юх- + черед.- = 3 – юх-.

3. Суффикс существительного -юх- со значением эмоциональной оценки пренебрежительности: *днюха* (У нашей Светки сегодня **днюха**,

подваливайте! (Александр МИЛКУС. Студенческая общага: китайцы, кавказцы и гастарбайтеры... // Комсомольская правда, 2004.12.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *день рождения (4 апреля, в день рождения Андрея Тарковского, здесь было ещё холодно, накануне ночью выпал снег, отчего и Волга стала совсем белой* (Иваново. Детство (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

IV. Частная модель 1 – числ + 2 – *-ушк-* = 3 – *-ушк-*.

4. Суффикс существительного *-ушк-* со значением эмоциональной оценки уменьшительности: *двушка* (*Когда я работал в Институте, – говорил Андрей Ильич, – или, скажем, в студенческие годы, пятак на метро, а то и двушка для телефона-автомата были для меня иной раз важнее, чем вся грядущая зарплата* (Андрей Белозеров. Чайка (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *две копейки* (*Меркурьев порылся в карманах. Обнаружил две копейки. Пошёл в автомат.* (Сергей Довлатов. Наши (1983); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

V. Частная модель 1 – числ + 2 – *-ешк-* = 3 – *-ешк-*.

5. Суффикс существительного *-ешк-* со значением эмоциональной оценки уменьшительности: *трешка* (*Новые бумажки были очень красивые и солидные: банановый рубль, хвойная **трешка**, морковная десятка, все с Лениным в овальном окошке* (Александр Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *три рубля* (*Он сунул ей в руку не то **три рубля**, не то пять* (И. Грекова. Перелом (1987); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

VI. Частная модель 1 – числ + 2 – *-ex-* = 3 – *-ex-*.

6. Суффикс существительного *-ex-* со значением эмоциональной оценки пренебрежительности: *треха* (*Дай **треху**, Митревна! – хриплым голосом сказала она* (Юрий Азаров. Подозреваемый (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *три рубля* (*И гордо бросил на прилавок **три рубля**...* (Сергей Довлатов. Заповедник (1983); Национальный

корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *треха* (*Вышел, а через месяц – **треха** до звонка...* (Виктор Доценко. Срок для Бешеного (1993); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *три года* (*За **три года** этот показатель запланировано увеличить до 27%* (Ирина Шеян. Потребительский рынок созрел // «Computerworld», 2004; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

VII. Частная модель 1 – числ + 2 – (еш)-ник- = 3 – (еш)-ник-.

7. Суффикс существительного (еш)-ник- со значением эмоциональной оценки пренебрежительности: *трешник* (*Дело было в том, что за каждый найденный кусок солдату платили **трешник*** (Игорь Ушаков. Записки неинтересного человека Тетрадка №1 (2003) // «Вестник США», 2003.07.09; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *три рубля* (*Дал ему **три рубля**, чтоб он пустил горячую воду* [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

VIII. Частная модель 1 – числ + 2 – -ак- = 3 – -ак-.

8. Суффикс существительного -ак- со значением эмоциональной оценки пренебрежительности: *пятак* (*Он был нумизматически стар, как тяжёлый екатерининский **пятак*** (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *пять копеек* (***Пять копеек** достаточно большие деньги, когда дома их никто не получает* (М. И. Сайтов. Островки // «Бельские Просторы», 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *пятак* (*В его присутствии все бодро говорили, что ему светит **пятак**, но стоило ему отлучиться, как все сходились на безусловной вышке* (Игорь Мартынов. Дерибрюхово (1997) // «Столица», 1997.03.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *пять лет* (*Средний срок жизни обычных пластмасс примерно **пять лет**, а самовосстанавливающийся пластик не закончит свои дни на свалке и через 20-30 лет* (Может ли пластик

восстанавливаться сам? // «Знание – сила», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

IX. Частная модель 1 – числ + 2 – -ак- + черед. = 3 – _____ -ак-.

9. Суффикс существительного -ак- со значением эмоциональной оценки пренебрежительности: *трояк* (*Два передовика производства особое расположение имели к фронтовикам, закурить давали, когда и **трояк** взаймы отслунывят от своих в горсть не вмещающихся получек* (Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *три рубля* (*А что Колосов как режиссер мог сделать, ума не приложу, ведь мы старались, и не за **три рубля**, а во имя художественной правды, которую, впрочем, каждый участник массовой понимал по-своему* (Владимир Арро. Дом прибежища // «Звезда», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

X. Частная модель 1 – числ + 2 – -к- + = 3 – _____ -к-.

10. Суффикс существительного -к- со значением эмоциональной оценки пренебрежительности: *десятка* (*Новые бумажки были очень красивые и солидные: банановый рубль, хвойная трешка, морковная **десятка**, все с Лениным в овальном окошке* (Александр Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *десять рублей* (*Паренёк попросил для себя стакан этого чая и протянул в расплату за копеечную жидкость **десять рублей*** (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

XI. Частная модель 1 – числ + 2 – -к- + (-ер-) = 3 – _____ -(ер)к-.

11. Суффикс существительного -к- со значением эмоциональной оценки пренебрежительности: *пятерка* (*Иными словами, те 39 УК, которые возникли в 2002 году, и тем паче та **пятерка**, которая увидела свет в январе-феврале этого года, не имеют никаких шансов попасть в список ПФР* (Анастасия Скогорева: «Максимум, что рискует потерять гражданин, это пятую часть пенсии» // «Газета», 2003; Национальный корпус русского

языка; www.ruscorpora.ru) – *пять рублей* (*В сумке было всего **пять рублей** и губная помада* (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *пятерка* (***Пятерка** лучших делает такие трюки, что даже одно падение чревато неприятными травмами* (Соня Бекина, Петр Тюшкевич. Мужская работа на свежем воздухе // «Русский репортер», № 15 (143), 22-29 апреля 2010, 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *пять человек* (*В лифт влезли с трудом **пять человек**, едва закрыли дверь* (Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *семерка* (*Вся-то их **семерка** полегла. Пощады не просили, бились до последнего...* (Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *семь человек* (*В женской команде, по нашему мнению, на четыре места претендуют сейчас сразу **семь человек**; и это при том, что олимпийских путёвок – всего шесть* (Андрей Митьков. Такие сладкие надежды. Итоги четвертого этапа Кубка мира (2002) // «Известия», 2002.01.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

XII. Частная модель 1 – числ + 2 – *-(юл)ик-* + = 3 – (юл)ик-.

12. Суффикс существительного *-(юл)ик-* со значением эмоциональной оценки уменьшительности: *десялик* (***Десялики** собирали в бутылку из-под шампанского – из разговора) – десять копеек* (*В детстве частенько бегал в кинотеатр «Сталь», за **десять копеек** смотрел все, что выходило на экраны* (Тамара Сергеева. Валерий Огородников: «Режиссер – это не профессия» (2003) // «Искусство кино», 2003.06.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Приведенные примеры универбов в русском языке свидетельствуют об их разнообразной морфемной структуре и частеречной принадлежности. До сих пор ученые (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев, Н. С. Валгина) видели структуру каждого конкретного универба однообразно: имя существительное с суффиксом *-к-*, реже – *-ик-* (*-ник-*), *-чик-*

(-щик-), образованное от основы прилагательного, входящего в состав словосочетания с синонимичным универбу значением. Это соответствует лишь нескольким позициям данной классификации.

2.2. Фразеологичность вербальных и поливербальных реализаций номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб»

2.2.1. Фразеологичность словосочетаний-реализаций номинатом исследуемого типа

Особенности функционирования номинатом в системе и воплощения каждой из них в речевых реализациях – словосочетаниях и эквивалентных им универбах – стали причиной исследования степени спаянности таких словосочетаний и фразеологичности морфемной структуры универбов.

Возможность замены словосочетания словом (универбом) и традиционное параллельное и равноправное функционирование слова и словосочетания рождает предположение, что исходные словосочетания имеют определенную степень спаянности, то есть фразеологичности.

Как отмечает О. С. Ахманова, основное лексическое значение слова лишено фразеологической связанности. Оно позволяет конкретному слову свободно сочетаться с другими словами согласно правилам грамматики. Данное значение несложно выделять.

Однако значение бывает и фразеологически обусловленным. Степень его фразеологической обусловленности может быть разной. Дифференциация свободных словосочетаний и фразеологических единиц основывается, как считает О. С. Ахманова, не на «идиоматичности сочетания, а на том, идет ли речь об обозначении некоего сложного «предмета» путем раздельной и непосредственной направленности на разные его стороны и признаки отдельных элементов данного сложного грамматического целого (словосочетания), или же данное грамматически раздельно оформленное словосочетание функционально эквивалентно слову

в том смысле, что на «предмет» непосредственно направляется данное сложное образование в целом» [Ахманова 1957, с. 168-169].

Так, чтобы определить, является то или иное словосочетание фразеологической единицей, О. С. Ахманова предлагает обратить внимание на характер номинации. Во фразеологической единице цельность номинации организует структурную раздельность.

Например, *белая горячка* (название заболевания) является фразеологически (семантически) связанным словосочетанием в первую очередь не потому, что это заболевание белого цвета. Это словосочетание можно считать фразеологической единицей потому, что на называемое явление данное словосочетание непосредственно направляется как целое. То есть нельзя представить белую горячку как горячку, отличную от других горячек указанным признаком; это комплексное наименование определенной болезни. Иначе говоря, характерной чертой семантической связанности слов в словосочетании является цельность номинации.

Фразеологичность, точнее, определенную степень семантической связанности элементов эквивалентных словосочетаний формируют соответствующие им универбы. Например, прилагательное *зачетная* в словосочетаниях *зачетная неделя* и *зачетная книжка* демонстрирует ограниченную валентность. Вместе с тем, большую связанность данное прилагательное обнаруживает с существительным *книжка*, поскольку словосочетание *зачетная книжка* находится в условиях чередования с универбом *зачетка*, то есть его значение синтезируется в этом универбе, давая возможность слову (универбу) употребляться вместо словосочетания и, наоборот, словосочетанию – вместо слова (универба).

Таким образом, «основным путем образования фразеологических (в нашем случае – семантически связанных словосочетаний – Н. Д.) единиц является «преобразование» обычных свободных словосочетаний в сложные «эквиваленты слов»» [15, с. 170].

При этом О. С. Ахманова указывает, что формирование сложных эквивалентов слова посредством семантического преобразования свободных словосочетаний не является односторонним процессом. Она пишет: «параллельно с образованием фразеологических единиц у входящих в их состав слов возникают новые значения, сперва «потенциальные», как бы «поглощенные» суммарным значением сложного номинативного целого, но способные актуализироваться, выделиться, приобрести способность отдельного воспроизведения» [15, с. 170].

Из сказанного выше следует, что появление сложных (фразеологических) эквивалентов слова вторично по отношению к этому самому слову. То есть слово в данном случае является первичной субстанцией, синонимичный фразеологизм – производной. Однако данный вывод нельзя применить к исследуемому нами явлению, поскольку словосочетание является первичной структурой по отношению к соответствующему универбу.

Кроме того, что явления универбации и фразеологизирования, с одной стороны, отличаются друг от друга, а с другой – находят точки соприкосновения, нужно отметить следующее.

1. Фразеологизм синонимичен соответствующему слову; семантически связанное словосочетание обладает лексическим значением, тождественным значению соответствующего универба.

2. Фразеологизм репрезентирует конкретную степень связанности (реализуемую во фразеологических сращениях, единствах, сочетаниях) между входящими в него элементами; семантически связанное словосочетание представляет проекцию, аналог той или иной степени связанности.

3. Фразеологизм вторичен по отношению к синонимичному ему слову; семантически связанное словосочетание первично по отношению к соответствующему универбу.

Особый интерес представляет тот факт, что семантически связанное словосочетание (не фразеологизм! – Н. Д.) может быть вторичным по отношению к соответствующему универбу, если этот универб является квазиунивербом, а семантически связанное словосочетание – псевдогенерирующим словосочетанием (квазисловосочетанием).

Тем не менее, анализируя словосочетания как поливербальные реализации исследуемых номинатов, определяя их как единицы той или иной степени семантической связанности, мы отмечаем конкретные лексико-грамматические характеристики слов, составляющих эти словосочетания. В то же время эти характеристики не могут быть настолько четкими, насколько они являются таковыми по отношению к собственно фразеологическим единицам.

О. С. Ахманова предлагает считать функционирование слова в составе фразеологической единицы «пределом» его лексико-фразеологического варьирования. Каждый элемент фразеологизма она называет не вариантом слова, а особой единицей – потенциальным словом. ««Потенциальное» слово – это определенный элемент внешней оболочки, участвующий в образовании всего комплекса в целом; но он как бы семантически «растворен» во фразеологической единице; определить долю его участия в общем значении фразеологической единицы невозможно» [15, с. 171].

Исследуемые нами словосочетания (по аналогии с классическими фразеологизмами) можно условно отнести лишь к двум разрядам фразеологизмов с более или менее прозрачной семантической структурой – фразеологическим единствам и фразеологическим сочетаниям (коллокациям).

К аналогам фразеологических единств – устойчивых словосочетаний, «единое, целостное значение которых метафорически мотивировано прямыми значениями составляющих их слов» [Касаткин 1991, с. 58] – относятся *газированная вода (газировка), молотильная машина (молотилка), укладывать асфальт (асфальтировать)* и т.п.

К аналогам фразеологических сочетаний – устойчивых словосочетаний, которые считаются семантически разложимыми (каждое слово в них имеет свое значение, но наряду со словами, имеющими свободные значения, в состав фразеологического сочетания входит слово с несвободным, фразеологически связанным значением (Л. Л. Касаткин)) – относятся *белая горячка (белка)*, *пустой человек (пустышка)* и т.п.

Наблюдения показывают, что собственно фразеологические единицы (сложные идиоматические эквиваленты слов – О. С. Ахманова) являются сравнительно немногочисленным классом слов. В связи с этим проблематичными в определении фразеологического статуса представляются те словосочетания, «которые занимают как бы промежуточное положение между свободными словосочетаниями и собственно фразеологическими единицами, т.е. те бесчисленные и разнообразные «лексические контексты», под влиянием которых воспроизводятся разные «лексико-фразеологические варианты» слов» [15, с. 171].

О. С. Ахманова предлагает структурную типологию таких «промежуточных» словосочетаний, которая ценна для фразеологии. Данная классификация является необходимой составляющей нашего исследования с одной небольшой поправкой, упомянутой ранее: фразеологическая единица вторична относительно синонимичного ей слова (*бездельничать – бить баклуши, плохо – спустя рукава*); семантически связанное словосочетание первично по отношению к семантически тождественному ему универбу (*пустой человек – пустышка, пустое дело – пустяк, читальный зал – читалка*).

I. Именные словосочетания. Атрибутивные словосочетания типа «прилагательное + существительное».

1. Ограничивающие, то есть такие, в которых «определение ограничивает, сужает значение определяемого» [15, с. 172]. К словосочетаниям подобного типа относится определенная часть составных терминов, причем под терминами здесь понимаются не только специальные

словосочетания, относящиеся к той или другой области знания и предполагающие возможность их определения средствами обиходного языка, но и любые составные наименования. Так, например, словосочетание *карболовое масло (карболка)* называет такой же предмет, что и отдельно взятое существительное *масло*, но возможности применения этого слова для обозначения соответствующего предмета сочетанием его с прилагательным *карболовый* сужаются, ограничиваются разновидностью того, что обозначается как *масло*.

2. Описательные, то есть такие, в которых «определение не ограничивает определяемое, а сообщает о нем нечто дополнительное» [15, с. 172]. Например, словосочетание *пустой человек (пустышка)* не является характеристикой типа (разновидности) человека, сужением или ограничением того значения, которое имеет существительное *человек*; наоборот, здесь наблюдаем внесение некоторого дополнительного элемента, в результате чего в целом получается описательное обозначение объекта, сообщение о нем дополнительных сведений, дополнительная его характеристика. Как правило, описательные словосочетания характеризуются переносным, метафорическим употреблением слов, входящих в состав данных словосочетаний.

II. Именные словосочетания. Атрибутивные словосочетания типа «существительное + существительное в роли атрибута».

Это словосочетания с определяющим словом – существительным, характеризующим принадлежность, – в форме родительного падежа, например, *корень (настойка) валерианы (валерьянка)*, *жена генерала (генеральша)*, *детеныш верблюда (верблюжонок)* и т.п.

III. Глагольные словосочетания. Словосочетания типа «глагол + прямое дополнение».

Если для именных словосочетаний основным типом семантического отношения, как считает О. С. Ахманова, является определительное, то для глагольных словосочетаний наиболее общим будет отношение прямого или

непрямого дополнения. Примерами словосочетаний типа «глагол + прямое дополнение» могут служить *делать массаж (массажировать)*, *укладывать асфальт (асфальтировать)*.

IV. Глагольные словосочетания. Словосочетания типа «глагол + не прямое дополнение» (структура с предлогом).

Эту группу составляют такие словосочетания, как *брать в жены (жениться)*, *брать в сыновья (усыновлять)*, *быть (находиться) в заблуждении (заблуждаться)* и т.п. Они, как правило, отражают результат и статус производимого действия.

V. Глагольные словосочетания. Словосочетания типа «глагол + не прямое дополнение» (беспредложная структура). Здесь можно выделить, по крайней мере, две группы словосочетаний.

1. Отражающие характерные черты лица, например: *быть педантом (педантизировать)*, *быть шалопаем (шалопайствовать)*.

2. Отражающие характер занятий, например: *заниматься практикой (практиковать)*, *заниматься шинкарством (шинкарствовать)* и т.п.

Итак, словосочетания – поливербальные реализации номинатом исследуемого типа – являются семантически связанными. Их семантическая связанность не тождественна трем типам спаянности элементов во фразеологизмах; она лишь подобна, аналогична им, поскольку исследуемые сочетания слов еще не достигли предела фразеологичности.

2.2.2. Фразеологичность универбов-реализаций номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб»

Универб как многоморфемное слово представляет интерес как с точки зрения морфемной структуры, так и с точки зрения фразеологичности (степени сочетаемости) морфем в нем.

Толкование понятия «структура слова» через понятие «форма слова» основано на близости значений терминов «структура» и «форма» (ср.: структура – строение, внутреннее устройство чего-либо, форма – вид, тип,

устройство, структура, обусловленные определенным содержанием). А. М. Пешковский формой слова называл самую возможность для слова распадаться на две части. Е. С. Кубрякова под формой слова понимает его общее свойство – выделяться из окружения и выделять в себе самом отдельные части. Она говорит о фонетической, грамматической форме и морфологической, словообразовательной и семантической структурах слова. Целесообразнее было бы, очевидно, различать в употреблении слова «структура» и «форма», закрепив за «формой» значение ‘выделяться из своего окружения’, а за «структурой» – ‘выделять в себе самом отдельные части’.

Морфологические структуры нередко также имеют бинарное строение, однако соотношение суффикса и основы репрезентирует в них разные словоформы в пределах одного и того же слова (*реку – рьци*), тогда как структурные части производного слова содержат указание на соотносительность одного слова с другим (*рукав – рукавица*).

По причине того, что любой универб является результатом имитируемого словообразовательного акта, стоит говорить об имитируемой словообразовательной структуре универба.

Словообразовательная структура (в нашей проекции – универбальная структура – Н. Д.) – это «членимость слова на элементы, непосредственно участвующие в образовании данного слова» [Пастушенков 1968, с. 58], материальное строение, состав слов, обладающих свойством выделять производящую основу и суффикс. Она характеризуется модельными качествами. Словообразовательная структура слов в такой интерпретации близка к понятию образца, предложенного Н. А. Янко-Триницкой.

А. Д. Зверев считает, что словообразовательная структура – это «формально выраженная производность слова, его «устройство», представляющее собой объединение разных по выполняемой функции частей – формантной и мотиваторной» [144, с. 23]. С помощью словообразовательной (универбальной) структуры выражается

словообразовательное (универбальное) значение. «Поэтому правильнее было бы говорить, – отмечает Н. А. Янко-Триницкая, – не означение отдельного аффикса, а означение, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова» [532, с. 9]. Бинарность формального средства обуславливает и бинарность предполагаемого значения. Все аффиксы имеют связанное значение, реализуемое лишь в единстве со значением соответствующей основы. Оба структурных элемента слова, выступая как «равноправные партнеры словообразовательной модели, оказываются компонентами взаимообусловленными и взаимозависимыми» [203, с. 23]. Только аффиксы, составляющие небольшую группу, «достаточно четко и компактно формулируют тот семантический оттенок, который вносится аффиксом в структуру мотивированного слова» [234, с. 9-10]. Это аффиксы с модификационным значением – уменьшительности, ласкательности, единичности и др. (*руч-к(а), рукав-чик*). Другие аффиксы выражают значение, входящее в качестве составной части в значение, передаваемое структурой производного слова; сравним: *косметичка* ‘предмет, сумочка для хранения косметики’, *киевлянин* ‘человек, живущий в городе Киев’.

Существует и иная точка зрения на словообразовательную структуру. Этим термином обозначают и одиночный акт словообразования, если производная основа включает суффикс и производящую основу, равную непроизводной (корню), и несколько таких актов, когда производная основа отражает ряд ступеней словообразования. А. П. Соболева отмечает, что «в отличие от распространенного понимания словообразовательной структуры слова как только соотношения производящей и производной основы, под словообразовательной структурой слова мы понимаем все деривационные шаги, необходимые для его получения» [394, с. 158].

Некоторые ученые, трактуя словообразовательную структуру производных, понимают ее то как цепочку бинарных конструкций, то как бинарную конструкцию [508, с. 6].

Очевидно, что предшествующие акты производности для словообразовательной (универбальной) структуры последней ступени деривации значения не имеют: словообразовательно (универбально) релевантны лишь форманты действующие, завершающие строение производного слова.

Поскольку язык является многоуровневой системой, то разнообразные изменения, происходящие на одном из уровней, отражаются на всех остальных уровнях. Фразеологичность словосочетаний традиционно изучается лексикологией, но фразеологичность слов, подобных производным, а именно степень сочетаемости и валентность морфем в них, вполне закономерно исследуется в рамках слово- и формообразования.

Мысль о приложении к слову идей В. В. Виноградова о типах фразеологических словосочетаний (сращений, единств и сочетаний) принадлежит М. В. Панову. Он выдвинул тезис о том, что «слова – это смысловые единства, части которых не составляют свободного сочетания» [319, с. 146]. Таким образом, среди слов представлены те же типы фразеологических единиц, что и среди словосочетаний; естественно, это возможно при условии наличия в слове более чем одной морфемы.

Например, дана основа существительного *Том(ск)-* и необходимо синтезировать форму мужского рода именительного падежа единственного числа существительного с универбальным значением «житель определенного города». Известно, что для выражения заданной формы существует несколько средств: суффикс с вышеуказанным универбальным значением -*анин-* (*житель Донецка – дончанин, житель Киева – киевлянин*), суффикс с таким же универбальным значением -*ич* (*житель Омска – омич, житель Томска – томич*), а также суффикс -*ец* (*житель Симферополя – симферополец*). Значения мужского рода единственного числа именительного падежа могут воплощаться в материально не выраженной флексии либо флексии -*а* (*друг, отец, коллег-а, юнош-а*).

Несмотря на вариативность средств выражения того или иного значения, основа *Том(ск)-*, усекаясь, сочетается только с суффиксом *-ич* и материально не выраженной флексией. В этом и заключается фразеологичность (связанность, упорядоченность) структурных элементов данного образования. Таким образом, пользуясь классификацией фразеологических единиц В. В. Виноградова, можно утверждать, что словоформа *томич* не представляет собою ни фразеологического сращения, ни фразеологического единства, но является фразеологическим сочетанием. В самом деле, соотношение между словами *внезапный* и *скоропостижный*, как показал В. В. Виноградов, есть отношения между членами свободного фразеологического сочетания. В случае типа *томич* материально не выраженная флексия, как и любая другая флексия именительного падежа единственного числа существительного, - элемент фразеологического сочетания. Ведь данная флексия соединяется не со всякой основой существительного, так же как и *скоропостижный* (в отличие от *внезапный*) соединяется не со всяким отвлеченным именем. Иногда утверждают, что выбор флексии предопределен родовой принадлежностью существительного. Однако с этим трудно согласиться: во-первых, потому, что род есть характеристика слова, а не основы; во-вторых, потому, что существительные мужского рода могут иметь в именительном падеже единственного числа не только незаполненную позицию, но и флексию *-а*. При этом выбор той или иной флексии, как представляется, не регулируется какими-либо очевидными правилами и зависимостями, так же как не регулируются очевидными правилами и зависимостями сочетаемость слова *скоропостижный* со словом *смерть* и его несочетаемость со словами *удар*, *нападение* и др.

Однако между фразеологическими сочетаниями (по В. В. Виноградову) и обсуждаемым типом многоморфемного слова существует и различие. Оно состоит в том, что фразеологическое сочетание может быть заменено свободным словосочетанием (*скоропостижная смерть* – *внезапная смерть*), а синонимичные элементы многоморфемного слова таким свойством не

обладают: универбальный суффикс *-ич* в *томич* не может быть заменен никаким другим суффиксом с соответствующим значением, материально не выраженная флексия в форме данного универба не может быть заменена никакой другой флексией с тем же значением.

Итак, многие, но не все русские многоморфемные образования являются аналогом фразеологических сочетаний. Подобным же образом обстоит дело и с суффиксальными и префиксальными образованиями. Однако И. Г. Милославский считает, что префиксальные образования в меньшей мере являются аналогами фразеологических сочетаний, чем образования суффиксальные.

Следует также подчеркнуть, что приведенные примеры не означают, что всякое многоморфемное слово представляет собой аналог фразеологического сочетания.

Наиболее близкими к фразеологическим единствам по семантической структуре являются имена существительные, реализующие словообразовательное значение подобия. Это единицы, возникшие в языке посредством дублетизации, в результате которой у слова возникает вторичное (переносное) значение. Например, *носик* (чайника), *ножка* (стула), *ручка* (двери) и т.п. Однако образований подобного типа нет среди массива отобранных нами универбов.

Есть среди универбов исследуемого типа аналоги виноградовских фразеологических сращений. Их можно усматривать среди слов, содержащих субморфы. Это, как правило, слова, пережившие процесс переразложения или опрощения, а также отражающие результат морфонологических изменений: *всячее дело* – *всяк*, где в результате прибавления материально не выраженного суффикса к основе прилагательного *всяч-* проявляется морфонологическое чередование *к // ч*; *жительница Днепропетровска* – *днепропетровчанка*, в данном случае в результате процесса переразложения произошло слияние первичных суффиксов *-чан-* и *-к-* в суффикс *-чанк-*, при этом субморфным является элемент уже производного суффикса *-ан-*; в

процессе присоединения суффикса *-чанк-* происходит усечение основы и т.п. Действительно, такие слова могут быть формально (исторически) разделены на части, однако значение слова в целом никак не соотносится с тем, что можно было бы считать значением частей.

С другой стороны, в языкознании неоднократно затрагивался вопрос об идиоматичности / фразеологичности суффиксальных универбов как единиц, производных от комплексных наименований (И. Г. Милославский, И. С. Улуханов и др.). Идиоматичность в данном случае понимается как «несводимость значения производного к сумме значений составляющих его морфем» [72, с. 22]. Р. И. Гафарова также справедливо отмечает, что «в процессе деривации семантика производных слов не складывается полностью из семантики формирующих элементов, имея, как правило, некий X – дополнительный компонент значения. Это свойство в парадигме структурной лингвистики получило название идиоматичность (фразеологичность – вставка наша – Н. Д.) слова» [72, с. 23].

И. С. Улуханов, например, приводит три источника идиоматичности традиционно мотивированных слов:

1) наличие дополнительных семантических компонентов в производном слове: *кашевар* – «тот, кто <готовит> (а не только варит), <пищу> (а не только кашу) <в воинской части, рабочей артели>»;

2) идиоматичность создается компонентами формантной части значения мотивированного слова: «лицо», «орудие», «приспособление», «помещение», «учреждение» → «нечто» («субстанция») у слов с суф. *-тель, -ун, -ак*»;

3) мотивация комплексным наименованием типа *титульный лист* (титул), *художник традиционного направления* (традиционник), *член аграрной партии* (аграрий) (примеры наши – Н. Д.) [474, с. 98].

Напомним, что при универбации, по нашему мнению, имеет место имитация словообразовательного акта, а следовательно, и имитация явления мотивации. Явление деривационной, то есть внешней, мотивации

реализуется в данном случае в явлении внутренней мотивации (или мотивированности).

Относительно образований исследуемого типа И. С. Улуханов, опираясь на традиционные представления об универбах, пишет: «Слово, мотивированное комплексным наименованием, является идиоматичным в случае, если значение этого слова включает в себя все компоненты значения этого наименования, но не включает в свой состав основ всех слов, входящих в это наименование» [474, с. 100].

Р. И. Гафарова, исследовавшая универбы русского языка, считает, что «невыводимость значения из состава компонентов производного слова связывается с двумя различными явлениями – идиоматичностью и семантической конденсацией (включением)» [72, с. 25]. При этом она утверждает, что «природа этих явлений различна, каждая из них имеет свои дифференцирующие признаки» [72, с. 25].

Ученые выделяют, по крайней мере, два основных признака идиоматичности слова. Е. С. Кубрякова пишет, что идиоматичность может быть обусловлена значением словообразовательного форманта, который имеет отвлеченное значение, но, «соединяясь с различными основами, суффикс вызывает в образуемом слове дополнительный конкретный элемент смысла» [206, с. 49]. И. Г. Милославский, в свою очередь, говорит о том, что причину идиоматичности следует искать в свойствах мотивирующего слова и производящей основы, а именно – в их многозначности. Степень идиоматичности, прежде всего, определяется использованием лексико-семантического варианта многозначного слова, связанного с его синтаксической валентностью [267].

И. А. Устименко пишет об идиоматичности как об обязательном свойстве «любого производного слова, в том числе и семантических конденсатов» [479, с. 39], и мы не можем не согласиться с этим утверждением, хотя, например, Р. И. Гафарова предлагает противоположное видение данной проблемы. Она считает, что утверждение, высказанное

И. А. Устименко, «является категоричным, поскольку не все производные слова и словосочетания обладают этим свойством» [72, с. 28].

Л. А. Кудрявцева полагает, что «имплицитность языкового выражения тесно связана с фразеологичностью (идиоматичностью) семантики слова. Фразеологичность по отношению к деривату понимается как наличие в нем невыраженных семантических компонентов, так называемой семантической надбавки» [212, с. 12].

Р. И. Гафарова, опираясь на мнение лингвистов о том, что идиоматичность всегда сопровождается асимметричностью языкового знака, констатирует: поскольку «явление идиоматичности производящей основы предполагает несоответствие некоторого количества семантических компонентов определенному количеству компонентов структуры, семантизация словообразовательной формы всегда предполагает, что часть смыслов в результате остается имплицитными, невыраженными» [72, с. 32]. Исследователь настаивает, что категория идиоматичности как мотивационный фактор появления производного слова (или слова, своей структурой имитирующего производное) позволяет рассматривать проблему невыраженного значения (или компонента значения) «в контексте формально-семантической организации языкового знака как двусторонней сущности» [72, с. 33].

Е. А. Земская, например, считает, что «каждое образование на *-ка* семантически связывается лишь с одним или несколькими вполне определенными сочетаниями прилагательного с существительным, т.е. в таких случаях имеется не просто соотносительность, а семантическая зависимость существительного на *-ка* от сочетания с прилагательным: ср. электрический (провод, бритва, чайник) и электричка (только «электрический поезд»). Таким образом, существительное на *-ка* предопределены сочетаниями прилагательных с существительными, т.е. могут существовать лишь при их наличии, тогда как прилагательные существуют независимо от образований на *-ка*» [150, с. 12-13].

Р. И. Гафарова приводит следующие примеры универбов, характеризующихся, по ее мнению, сосредоточенной в их структуре семантической идиоматичностью: *форменка – форменная одежда* (только для мальчиков, а не для военных), *сменка – сменная обувь школьников* (то есть только для учащихся), *гостевуха – гостевая книга* (то есть виртуальная книга именно в компьютере, в электронной почте), *газировка – газированная вода* (только вода, а не какая-либо другая жидкость) и т.п. Она считает идиоматичными лишь ограниченное число универбов, где имплицитность максимальна (когда в универбе «невыраженность смыслов» компонентов исходного словосочетания проявляется в наибольшей степени). Остальные универбы, характеризующиеся минимальной имплицитностью (когда в универбе «невыраженность смыслов» компонентов исходного словосочетания проявляется в наименьшей степени или вообще отсутствует), не являются, по мнению Р. И. Гафаровой, идиоматичными.

И. С. Улуханов отмечает, что «к числу неидиоматичных следует отнести, например, те существительные с суффиксом *-к(а)*, которые могут выступать в значении “предмет, имеющий признак, названный мотивирующим словом” (*дешевка, времянка*)» [472, с. 99]. Также, согласно вышеуказанным мнениям, неидиоматичными считаются универбы *газотранспортник – служащий газотранспортной сферы, кругосветка – кругосветное путешествие, малолитражка – малолитражный автомобиль*, так как в них «имплицитность минимальна, т.е. они не обладают идиоматичностью» [72, с. 35], поскольку, согласно идее Л. А. Кудрявцевой, «предикат и объект в эксплицитном виде, имплицитно выражены лишь отношения между ними» [212, с. 14].

Приведенные точки зрения относительно идиоматичности / неидиоматичности универбов интересны и, безусловно, имеют все основания для существования и развития. Однако мы думаем, что, несмотря на степень проявления имплицитности в составе того или иного универба, все универбы так или иначе являются идиоматичными. Идиоматичность (или

фразеологичность) универба априори обусловлена степенью фразеологичности того словосочетания, с которым соотносится данный конкретный универб. Сущность вопроса может состоять лишь в степени этой самой идиоматичности. К тому же, как уже отмечалось в данном параграфе, любой универб, являясь многоморфемным словом, представляет собой структурный аналог фразеологической единицы.

Итак, с точки зрения степени идиоматичности универбы как вербальные реализации номинатом исследуемого типа могут быть классифицированы следующим образом: 1) универбы с большей степенью идиоматичности; 2) универбы с меньшей степенью идиоматичности.

2.3. Основные понятия номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб»

2.3.1. Принципы разграничения понятий «словообразовательная перифраза», «словообразовательное значение» и «базовое словосочетание»

Как видно из примеров реализаций конкретных номинатом (*конка – конный трамвай, похоронка – похоронная повестка, операционка – операционное устройство, кондитерка – кондитерская фабрика*), структуры базовых словосочетаний могут восприниматься как объективаторы словообразовательных значений слов, иногда представляющие собой проекции словообразовательных перифраз (ср.: *домик – маленький дом, садик – маленький сад и королевич – сын короля, молотилка – молотильная машина*).

При выявлении словообразовательных значений, а также моделей производности конкретных слов, как правило, используются словообразовательные перифразы.

Словообразовательная перифраза – «это своего рода формула словообразовательного (деривационного) толкования, словообразовательной семантизации производных слов» [271, с. 30], которая состоит из

обобщающей части и центра перифразы (объясняющей фразы, подстановки), например, *ноша – то, что можно нести; то, что носят*. Перифрастическая трактовка вообще может быть разной степени обобщенности или, напротив, конкретизованности: *рекло – ‘то, что реклось, изречено, сказано’* (это почти только словообразовательное значение), ‘имя, данное (реченое) при крещении’ (это уже лексическое значение) [271, с. 31].

Словообразовательные перифразы обычно состоят, как можно видеть из приведенных примеров, из двух частей: из обобщенного, обычно местоименного (в примерах: *то, что*) или достаточно конкретного представления значения толкуемого слова, например *имя* (родовое понятие), и из соответствующего **характеризующего, отличительного признака** (видовое определение): *изрок – то* (родовое представление), *что изречено* (видовое определение). В родовой или видовой части перифразы используется семантически родственное слово, имеющее общий корень с толкуемым производным: в приведенных примерах это *изреклось, изречено* (в обоих случаях), употребленное в видовых частях примененных перифраз. Такое слово, будучи центром перифразы (объясняющей фразы, подстановки), и является производящим по отношению к толкуемому производному слову.

Правильно составленная перифраза позволяет установить производящее слово и направленность производности. По формальному отношению производного и производящего выявляется формант, а следовательно, и способ образования; по семантическому их соотношению – словообразовательное значение, а в итоге – и словообразовательный тип.

Общий характер словообразовательных перифраз, в частности, место, занимаемое в них производящим словом, находится в определенном соответствии с типом словообразования и словообразовательного значения производного слова – мутационным, модификационным и синтаксическим.

В перифразе мутационного словообразования производящее слово находится в ее видовой части (выражает видовой признак): *поручитель – тот* (род) (*-тель*), *кто / которому поручает* (видовой признак) (*поручи-*);

напротив, в перифразе модификационного словообразования производящее слово находится в родовой ее части (выражает родовой признак): *ручка* – *маленькая* (видовой признак) *рука* (род). В соответствии с этим в самих производных словах при мутации родовой признак выражается формантом, а видовой признак – основой: *изрок* «то (род: **-о-**), что изреклось (вид: *рек-*)»; при модификации, наоборот, родовой признак выражается основой, а видовой – формантом: *ручка* «маленькая (вид: *-к-*) рука (род: *рук-*)». И еще: 1) мутация: *оброчник* ‘оброчный (*оброchn-*) человек (*-ик*)’; *порочить* ‘уличать (*-и-ть*) в пороке (*пороч-*)’ и т.п.; 2) модификация: *рукавчик* ‘маленький (*-чик-*) рукав (*рукав-*)’ и т.п.

Словообразовательные перифразы, отражающие синтаксическую деривацию (синтаксическое словообразовательное значение), используются в толковых словарях чаще других и представлены в них в виде формул типа **действие по значению глагола или глагольной формы** (например, *речение* ‘действие по форме глагола *речи* – *реченый*’), **свойство по значению прилагательного, причастия** (например, *обреченность* ‘свойство по значению причастия *обреченный*’). Так же толкуются и относительные прилагательные в их собственно относительном, неспециализированном значении: *ручной* ‘относящийся к *руке*’, *речной* ‘относящийся к *речи*’ и т.п.

По месту и роли производящего слова перифразы синтаксической деривации подобны перифразам мутационной деривации (и отличаются от модификационных перифраз): производящее слово находится в них в видовой части, выражает видовой признак: *изречение* – ‘действие (род) *изрекающего*, того, кто *изрекает* (вид);’ то же в перифразах относительных прилагательных: *головной* – ‘относящийся (род) к *голове* (вид)’. Соответственно в производном слове родовой признак выражается формантом, видовой – основой: *относительность* ‘свойство (род: *-ость*) *относительного* (вид: *относительн-*)’ и т.п.

Сходство синтаксической деривации с мутационной и отличие её от модификационной деривации объясняется тем, что синтаксическая

производность всегда «внешняя», транспозиционная, переводящая производное слово в другую по сравнению с производящим словом часть речи, тогда как модификационное словообразование всегда «внутреннее», нетранспозиционное (идентифицирующее): производное слово здесь всегда относится к той же части речи, что и производящее слово. Переход в другую часть речи, следовательно, подобен мутации (резкий скачок) и отличается от простой модификации. Этот факт свидетельствует против утверждения, что при синтаксической деривации производное слово по значению не отличается от производящего. Таким образом, синтаксическая деривация может быть определена как обобщающая разновидность мутационной деривации.

На наш взгляд, важным является вопрос о типе словообразовательных перифраз структурных трактовок универбов типа *прогрессивка* (*прогрессивная зарплата*), *генеральша* (*жена генерала*), *валерьянка* (*настойка валерианы*) и т.д. Например, словообразовательная перифраза слова *прогрессивка* могла бы быть представлена следующим образом: **то** (род) (-к-), **что** имеет отношение к *прогрессивному* (вид) (*пргрессив-*), напоминая перифразу мутационного словообразования, если бы не тот факт, что *прогрессивка* – это не **все то**, что относится к *прогрессивному*, а именно *прогрессивная зарплата*. Именно некая связанность, фразеологичность значения данного универба дает основания говорить об особенности формаций такого типа. Иначе говоря, об идентификации понятий «словообразовательная перифраза» и «базовое словосочетание» не может быть речи.

Словообразовательное значение, как известно, содержится в деривационном форманте (представленном единичным аффиксом или комплексом словообразовательных средств) производной единицы. Это то значение, которое «прибавляется» к лексическому значению производящей основы. Например, трактовки словообразовательных значений традиционных дериватов можно представить следующим образом: *учитель* «человек

(*тель*), который учит (*учи-*)», *учение* «процесс (*ениј-*) обучения (*учи-*)», *дворик* «маленький (*-ик*) двор (*двор-*)», *ручка* «маленькая (*-к-*) рука (*руч-*)» и т.п.

Базовые словосочетания исследуемых универбов схожи с трактовками словообразовательных значений простых дериватов со словообразовательной базой-словом, но не тождественны им. Во-первых, потому что словосочетание-трактовка словообразовательного значения структурно отличается от базового словосочетания соответствующего (дублетного) универба: *генеральша* «жена (*-ш-*) генерала (*генерал-*)», *открытка* «письмо (*-к-*) открытое (*открыт-*)», *молотилка* «машина (*-к-*) молотильная (*молотил-*)», *царевич* «сын (*-в/-ич-*) царя (*цар'-*)»; главное слово базового словосочетания здесь соотносится с деривационным формантом, а зависимое – с производящей основой. Во-вторых, набор исследуемых номинатом позволяет выделить группировки дублетных универбов в соответствии со **следующими** типами именных словообразовательных значений:

1) существительные с суффиксом *-к-* с предметной семантикой, например *зачетка*, *открытка*, *визитка*, *молотилка*, *столовка*, *Третьяковка*;

2) существительные с суффиксом *-к-* с процессуальной семантикой, например *капиталка* (*капитальный ремонт*), *генералка* (*генеральная репетиция*), *непрерывка* (*непрерывное строительство*);

3) существительные с суффиксом *-ш-* со значением «супруга определенного должностного лица»: *генеральша*, *прокурорша*, *капитаниша*, *майорша*;

4) существительные с суффиксом *-к-* со значением «супруга определенного лица»: *солдатка*, *морячка*;

5) существительные с суффиксом *-е(о)в/-н(а)* со значением «дочь определенного лица»: *царевна*, *королевна*, *поповна*;

6) существительные с суффиксом *-ев/-ич* со значением «сын определенного лица»: *царевич*, *королевич*, *панич*;

7) существительные с суффиксом *-чик-* (*-щик-*) со значением «лицо по профессии»: *фрезеровщик* (*специалист по фрезеровке*);

8) существительные с суффиксом *-чик-* (*-щик-*) со значением «лицо по принадлежности к организации, учреждению»: *аппаратчик* (*работник государственного аппарата*), *сельсоветчик* (*служащий сельсовета*);

9) существительные с суффиксом *-чик-* (*-щик-*) со значением «лицо, владеющее чем-либо»: *амбарщик* (*владелец амбаров*), *магазинщик* (*владелец магазинов*), *бакалейщик* (*владелец бакалейного магазина*), *коннозаводчик* (*владелец коннозавода*) и т.д.; более подробная классификация будет предложена в следующем подразделе.

С другой стороны, история развития универбации свидетельствует о том, что словообразовательные перифразы и формулировки словообразовательных значений являются обобщающими рефлексам существовавших когда-то словосочетаний, эквивалентных конкретным универбам.

Таким образом, базовые словосочетания номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб» не тождественны трактовкам словообразовательных значений в традиционном их понимании.

2.3.2. Принципы классификации универбальных значений

При выявлении значений универбов, имитирующих словообразовательные, могут быть использованы так называемые универбальные перифразы, сущность которых близка природе словообразовательных перифраз.

Следует напомнить, что словообразовательные перифразы нами понимались как схемы словообразовательного толкования, предполагающего семантизацию производных слов, например, *зачетка – то, куда выставляют зачеты*; *молотилка – то, что молотит*; *запеть – начать петь*; *противогаз –*

то, что защищает от газа и т.п. Такие перифразы в нашем случае могут быть квалифицированы как специальные – универбальные – перифразы.

Любое перифрастическое толкование может быть разной степени обобщенности или, напротив, конкретизированности: *молотилка* – ‘то, что молотит’ (это только универбальное значение), ‘машина для обмолачивания зерна’ (это уже лексическое значение).

Универбальные перифразы обычно состоят, подобно словообразовательным перифразам, из двух частей: из обобщенного, как правило, местоименного (в примерах: *то, что*) или конкретного представления значения толкуемого слова, например *имя* (родовое понятие), и из соответствующего характеризующего, отличительного признака (видовое определение): *мобилка – нечто* (родовое представление), *что является мобильным* (видовое определение). В родовой или видовой части перифразы используется семантически подходящее слово одного корня с толкуемым производным: в приведенном примере это прилагательное *мобильный*, употребленное в видовой части указанной перифразы. Такое слово, будучи центром перифразы (объясняющей фразы, подстановки), и является имитацией производящего по отношению к толкуемому универбу, являясь зависимым элементом словосочетания, эквивалентного данному универбу.

Характер любой словообразовательной перифразы (место, занимаемое в ней производящим словом) соответствует типу словообразования и словообразовательному значению. С данной точки зрения выделяется три типа таких значений: мутационное, модификационное и синтаксическое [271, с. 31].

Напротив, характер любой универбальной перифразы (место, занимаемое в ней словом, подобным производящему слову при словообразовании) соответствует универбации и универбальному значению, которое мы в данном случае соотносим со словообразовательным значением. Таким образом, структура универбальной перифразы тождественна

структуре эквивалентного универбу словосочетания. На основании этого при универбации выделяется только мутационный тип.

Так, в перифразе мутационной универбации слово, занимающее формальную позицию производящего в словообразовании, находится в видовой части перифразы (выражает видовой признак): *семилетка – тот (род), кому семь лет* (видовой признак). Это означает, что перифраза данного типа характеризует универб, у которого родовой признак выражается формантом, а видовой признак – основой.

Мутационный тип универбального значения является одним из критериев (после семантического критерия, заключающегося в наличии тождества значений словосочетания и универба) идентификации универба как вербальной реализации номинатемы исследуемого типа.

Если по отношению к какой-либо единице, напоминающей по форме универб, можно применить перифразу модификационного или собственно синтаксического типа, то данный факт вскрывает словообразовательную производность, словообразовательную природу этой единицы. Например, в перифразе модификационного словообразования производящее слово находится в родовой ее части (выражает родовой признак): *ручка – маленькая* (видовой признак) *рука* (род). В соответствии с этим в самих производных словах при модификации родовой признак выражается основой, а видовой – формантом: *ручка* «маленькая (вид: -к-) рука (род: *рук-*)».

О перифразах синтаксического типа, применяемых в словообразовании, речь шла в предыдущем подразделе, где утверждалось сходство синтаксической деривации с мутационной и расхождение её с модификационной деривацией и где говорилось о синтаксической деривации как о более обобщающей разновидности мутационной деривации.

Хотя мутационный и синтаксический типы сближает то, что они представляют собой видо-родовую пару понятий, для универбации синтаксический тип перифраз неприемлем. Это связано с сущностью

синтаксического типа – внешней мотивированностью, что характеризует исключительно явление деривации, но ни в коем случае не универбацию.

Класс универбов исследуемого типа составляют слова двух частей речи: существительные и глаголы. Разнообразием словообразовательной семантики как раз характеризуются глаголы и имена. Объяснением этому явлению может служить первичность возникновения данных классов слов, а следовательно, более долгая, в первую очередь, словообразовательная, и универбальная история.

В пределах данной группировки универбов можно выделить ряд универбальных значений универбов-имен существительных, составляющих общий предметно-характеризующий тип (мутационная универбация). Вот основные из этих значений.

Предметно-характеризующий тип словообразовательных значений можно конкретизировать по семантическим группам универбов-имен существительных – наименования лиц, предметов.

1. Наименования лиц даются по многочисленным основаниям, или признакам, индивидуальным и социально значимым. Среди последних выделяются:

а) наименования лиц по профессии (*фрезеровщик* – специалист (-*щик*-) по фрезеровке (*фрезеров*-));

б) наименования лиц по принадлежности к организации, учреждению (*аппаратчик* – работник (-*чик*-) государственного аппарата (*аппарат*-), *сельсоветчик* – служащий (-*чик*-) сельсовета (*сельсовет*-));

в) наименования лиц, владеющих чем-либо (*амбарищик* – владелец (*щик*) амбаров (*амбар*-), *магазинщик* владелец (-*щик*) магазинов (*магазин*-), *бакалейщик* владелец (-*щик*) бакалейного магазина (*бакалей*-), *коннозаводчик* владелец (-*чик*) коннозавода (*коннозавод*-));

г) наименования лиц по семейному положению (*генеральша* – жена (*ш*) генерала (*генерал*-), *прокурорша* – жена (-*ш*-) прокурора (*прокурор*-), *капитанша* жена (-*ш*-) капитана (*капитан*-), *майорша* – жена (-*ш*-) майора

(*майор-*), *солдатка* – жена (-к-) солдата (*солдат-*), *морячка* – жена (-к-) моряка (*моряк-*);

д) наименования лиц по родственной принадлежности (*царевна* – царева (*царев-*) дочь (-н-), *поповна* – попова (*попов-*) дочь (-н-), *королевич* – королев (*королев-*) сын (-ич-), *панич* – пана (*пан-*) сын (-ич-)).

2. Наименования предметов:

а) наименования орудий, приспособлений (*ручник* – тормоз (-ик-) ручной (*ручн-*), *поливалка* – машина (-к-) поливальная (*поливал-*), *молотилка* – машина (-к-) молотильная (*молотил-*));

б) наименования документов (*зачетка* – книжка (-к-) зачетная (*зачет-*), *открытка* – письмо (-к-) открытое (*открыт-*), *визитка* – карточка (-к-) визитная (*визит-*)).

3. Наименования пространственных объектов (*столовка* – комната (-к-) столовая (*столов-*), *Третьяковка* – галерея (-к-) Третьяковская (*Третьяков-*), *пятиэтажка* – дом (-к-) пятиэтажный (*пятиэтаж-*)).

4. Наименования процессов, явлений (*капиталка* – ремонт (-к-) капитальный (*капитал-*), *генералка* – репетиция (-к-) генеральная (*генерал-*), *непрерывка* – строительство (-к-) непрерывное (*непрерыв-*)).

Универбальные значения глаголов, составляющих группу универбов исследуемого типа, как и значения существительных, представлены значениями мутационной универбации. Вот их перечень.

1. Производить действия, в которых проявляется род занятий, поведение, характер, какие-то особенности лица и т.п. (*массажировать* – делать (-ирова-) массаж (*массаж-*), *диагностировать* – производить (-ирова-) диагностику (*диагност-*)).

2. Производить действия, в которых проявляется признак производящего, являющегося объектом деятельности (дистрибутив) (*асфальтировать* – укладывать (-ирова-) асфальт (*асфальт-*)).

3. Производить действия, в которых проявляется изменение социального статуса (*жениться* – брать (-и-, -ся) в жены (-жен-), *усыновлять* – брать (у-, -я-) в сыновья (*сынов-*)).

Следует отметить сходство формулировок типов универбальных значений с названиями семантических классов и названиями классов референтов. Это связано с единым семантическим стержнем этих трех классификаций.

2.3.3. Понятие мотивационной базы для номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»

Отправной точкой в описании мотивационной базы для номинатем исследуемого типа стал факт имитации словообразовательного акта в процессе универбации. В связи с этим актуальным становится вопрос о мотивационной базе универбальных образований. Наиболее часто в литературе мотивационной базой для универбов считают двусловные атрибутивные наименования, в которых определяемый член выражен именем существительным, а определяющий – именем прилагательным. Это наиболее оптимальный и чаще всего встречающийся структурный тип универбализационной базы. «Подавляющее большинство универбизированных наименований, зафиксированных в толковых словарях..., соотносятся с двусловными адъективно-субстантивными устойчивыми словосочетаниями» [377, с. 112-113], например, *карбидная лампа* (*Карбидная лампа мерзко воняла и, кроме того, занимала одну руку.* (Ирина Ратушинская. *Одесситы* (1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *карбидка* (*Карбидка, ярко вспыхнув, залила все вокруг желто-оранжевым светом, и тогда отчетливо проступили на большой высоте причудливые контуры потолка зала, корявые тени на нем, черные отверстия «окон».* (Константин Серафимов. *Экспедиция во мрак* (1978-1996), 1994; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), *грунтовая дорога* (*Когда-то это была обычная грунтовая дорога, по*

которой в XII столетии проезжали из Владимира и Суздаля на запад, в Смоленск, и на юг, в Киев и Чернигов. (Т. Панова. Безымянные улицы древней Москвы // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *грунтовка* (*Хоть и **грунтовка**, но вполне приличная, уклоны на прямых участках не превышают шести процентов.* (Отчёт о велосипедном походе (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), *балетные туфли* (*Когда учился в училище, купить **балетные туфли** было невозможно.* (Солист Большого театра Николай Цискаридзе: «Я – домосед!» (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.07.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *балетки* (*И оказалось, что эта одежда стоит копейки: **балетки**, например, можно рублей за 300 купить.* (Курцев Андрей. В ожидании чуда // Труд-7, 2010.02.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) и т.п.

Вопрос о синтаксической форме составного наименования, способного соответствовать универбу, поднимался Е. Калишаном. По его мнению, мотивационной базой универбализованного наименования может стать любое словосочетание с субстантивным значением, независимо от способа его грамматического (синтаксического) оформления, от семантико-категориальных свойств сочетающихся лексем, от наличия или отсутствия служебных слов, а также от количества лексем, входящих в состав этого словосочетания. Число слов принципиально не ограничено, хотя наименование в целом не может выходить за рамки одного состава предложения.

Е. Н. Сидоренко считает, что «тезис о неограниченности слов, входящих в составное наименование, подвергающееся универбизации, о разнообразии синтаксической оформленности исходного наименования представляется приемлемым, но нуждается в уточнении» [377, с. 114]. При разнообразии типов составных наименований с различной синтагматической протяженностью их структура всегда двучленна. В структуре многословного наименования одного предмета мысли наблюдается соотношение родового и

видового аспектов: субстантивный компонент играет роль идентифицирующего члена, а атрибутивный – дифференцирующего. Атрибутивная часть может состоять из нескольких слов (как согласованных так и несогласованных определений). В связи с этим надо при универбации разграничивать семантический мотиватор, в качестве которого, по мнению Е. Н. Сидоренко, выступает составное наименование в целом, и формально-структурный (или непосредственный) мотиватор, находящий отражение в морфологической структуре универба. В роли последнего выступает лишь одна из составляющих атрибутивного компонента исходного наименования, ведь при наименовании вполне достаточен один признак.

Процесс преобразования многочленного составного наименования в однословное образование может быть представлен следующим образом. Один из вузов г. Днепропетровска носит наименование *Днепропетровский национальный горный университет*. В среде студентов и преподавателей этого учебного заведения получило распространение универбализованное наименование *горка*. Но наиболее употребляемым названием данного вуза является двучленное по структуре *горный университет*. Если громоздкое полное наименование используется только в официально-деловом стиле, а универбализованный его синоним несет печать разговорности и даже сленговости, то двучленное наименование является наиболее приемлемым для нейтральных стилей языка как по стилистической окраске, так и по синтагматической протяженности. Таким образом, можно предположить, что последнее явилось промежуточным звеном при переходе составного наименования в простое однословное.

Мотивационной базой универба может быть разветвленная структура, представляющая собой название какого-то определенного объекта: учреждения, предприятия, организации и т.д. «Универб, являющийся полным смысловым эквивалентом такого исходного наименования, также должен считаться именем собственным – его синонимом, причем контекстуальным» [377, с. 115]. Например, универбализованное наименование типа *Тимирязевка*

(*Тимирязевская академия*) в определенном контексте может восприниматься как эквивалент полного наименования приспособления соответствующего профиля: *Учился потом у демобилизованных фронтовиков и в МГИМО, и в Тимирязевке, и в Инязе* (Труд-7, 24.06.2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *В Тимирязевской академии есть курсы, где можно выучиться фермерскому и дачному пчеловодству* (Труд-7, 18.04.2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). В таком случае атрибутивная часть исходного наименования, как правило, включает себя, кроме непосредственного (формально-структурного) мотиватора универба, и другие определения: по месту нахождения предприятия, по имени собственному, по порядковому номеру и т.д. Здесь наблюдаем некое противоречие. С одной стороны, автор говорит о конкретном сочетании слов как о мотиваторе универба, а с другой – как о его эквиваленте. Это значит, что речь идет одновременно и о явлении словообразования, и о явлении формообразования. Безусловно, здесь необходимо сделать некоторые уточнения. Мы предполагаем, что перед нами акт формообразования, поскольку и исходное словосочетание, и соответствующее ему слово суть дублиеты (отдельные равноправные реализации) единой абстрактной единицы, которую мы, вслед за В. И. Теркуловым, называем номинатемой. Следовательно, применение терминов «мотиватор», «мотивация», «мотивационная база» относительно исследуемых универбов не вполне корректно.

Мы согласны с мнением Е. Н. Сидоренко о распространенности употребления слов данной группы в роли нарицательных наименований, обозначающих любое предприятие, выпускающее определенную продукцию. Именно такого рода общие универбализованные наименования потенциально могут фиксироваться словарями. Толкование подобных номинаций соотносит эти номинации с составными наименованиями общего значения с ограниченным числом компонентов: *ликерка* (*Ликерка переживает не лучшие времена, у многих заканчивается лицензия*). (Комсомольская правда,

2008.11.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *завод по производству ликеро-водочной продукции; ликероводочный завод (Но если в цепочке принятия решения попадет незаинтересованный чиновник, который по каким-то причинам начнет тормозить выдачу уведомлений, то ликероводочный завод будет вынужден останавливать свою работу.* (Марина Смовж. Новый способ борьбы с левой водкой (2003) // «Известия», 2003.07.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Следует заметить, что существование таких многокомпонентных словосочетаний-наименований приводит к мысли о них как о псевдогенерирующих словосочетаниях, с одной стороны, и о явлении квазиунивербации – образовании универбов по аналогии, с другой. Однако мы видим в данных примерах явление чистой универбации, поскольку многокомпонентные словосочетания, являясь официальными названиями конкретных предприятий, представляют собой составные реализации номинатом исследуемого типа, а универбы – стилистически сниженными вербальными реализациями соответствующих номинатом.

Так, появление указанных общеупотребительных образований делает универбацию не проявлением единичных случаев замены многословных наименований их однословными эквивалентами, а устойчивой тенденцией. Процесс стилевой нейтрализации таких универбов происходит очень быстро.

Как уже отмечалось, в процессе преобразования многочленного наименования в универб возможен переходный этап. Роль промежуточного звена между исходной и финальной единицами в акте универбации, если таковое действительно наблюдается, выполняет сокращенное многочленное наименование. Наиболее адекватным промежуточным звеном является двусловная (двухкомпонентная) структура, которая складывается из субстантивной части и атрибута, выраженного согласованным или несогласованным определением, состоящего из одного (*Днепропетровская детская художественная школа № 1 – художественная школа – художка*)

или двух (*Днепропетровский национальный горный университет – Днепропетровский горный университет – горка*) слов.

Необходимо отметить, что «существование сокращенного промежуточного звена при переходе номинаций более чем двусловной структуры в слово не является общим правилом. О поэтапном переходе «громоздких» многословных наименований в универб через двусловную (двухкомпонентную – Н. Д.) структуру с непосредственным (формально-структурным мотиватором) универба в виде атрибутивной части можно говорить только как о тенденции» [377, с. 116].

Особого внимания, по мнению Е. Н. Сидоренко, заслуживают случаи двойственной (неединственной) мотивации, когда универбализованное наименование соотносится с несколькими исходными составными наименованиями с общим лексическим значением, но с разной грамматической оформленностью атрибутивной части. Например, *кожанка – кожаная куртка – куртка из кожи*. Мы считаем, что неединственная мотивация (мотивированность, обусловленность) в принципе невозможна ни в области слово-, ни в области формообразования [118, с. 24-25]. Здесь можно говорить о внутренней мотивированности (не о внешней мотивированности в традиционном ее понимании) универба *кожанка* исходным словосочетанием *кожаная куртка*. Составное наименование *куртка из кожи* является грамматически более сложным дублетом исходного словосочетания, и, соответственно, дублетом универба *кожанка*.

Необходимо помнить о том, что корреляция «словосочетание – слово», по нашему мнению, не является словообразовательной парой, а представляет собой материальное выражение соответствующей номинатемы, то есть в данном случае речь идет о формообразовании. Поскольку словосочетание и универб являются речевыми реализациями одной и той же номинатемы, можем предположить, что сочетание слов типа *зачетная книжка* не может быть мотивационной базой для существительного *зачетка*; оно отражает внутреннюю форму этого существительного. Таким образом, **применение**

понятия мотивационной базы не является корректным в нашем **случае**; более целесообразными и отвечающими данным лингвистическим реалиям здесь видятся понятия эквивалентности, дублетности.

2.4. О родовой соотнесенности универбов с исходными словосочетаниями

При исследовании явления универбации часто возникает вопрос о родовом соответствии между исходными и финальными единицами, а точнее – между дублетами конкретных номинатом. М. Докулил считает возможным говорить об исследуемом явлении только в тех случаях, когда однословное наименование перенимает грамматический род опорного компонента базового (дублетного) словосочетания. Отсутствие же грамматического тождества в соотношении исходной и финальной единиц как будто лишает последнюю статуса универба [377].

С данным утверждением сложно согласиться. Определяя семантические и формальные границы номинатом типа «словосочетание + универб», мы обращали внимание на особенности универбов (как дублетов словосочетаний номинатом исследуемого типа), связанных с понятием тождества [119].

Следует разграничивать понятия тождественности и «совпадения» (И. Г. Милославский), то есть синонимичности значений словосочетаний и соответствующих им слов. Тождество значения, как правило, является свидетельством наличия дублетов конкретного знака, в нашем случае – номинатомы: «необходимым условием варьирования, актуализации, обновления и т.д. является тождество языкового знака» [212, с. 26]. Варьированию, как правило, подвергается план выражения. План содержания должен оставаться неизменным, иначе мы будем иметь дело не с дублетами номинатомы (*Тимирязевская академия – Тимирязевка, чешские туфли – чешки, магаданская шапка – магаданка, фильм, состоящий из одной части – одночастевка, комната для ожидания – ожидалка, помещение для*

обогревания – обогревалка, дистанция в десять тысяч метров – десятка), а с различными единицами, например словосочетанием и синонимичным ему словом (*маленький дом – домик, бывший президент – экс-президент*). Тождество номинатемы при ее варьировании, следовательно, обеспечивается относительной стабильностью значения, в некоторой степени фразеологичного. Синонимичность значений не является характеристикой тождества конкретной языковой единицы, так как характеризуется избыточностью значения. Именно это свойство – избыточность значения словосочетания (имеется в виду комплекс значечений слов, составляющих его) – обуславливает возникновение в языке новой единицы, а ни в коем случае не варианта уже существующей. Таким образом, главное условие идентификации универба – наличие тождества значений этого самого универба и соответствующего ему словосочетания в рамках конкретной номинатемы.

Снова возвращаясь к вопросу о соответствии грамматического рода между универбом и исходным словосочетанием, заметим, что тезис о подобном соответствии также не был поддержан и в работах других авторов. «Его абсолютизация, – свидетельствует Е. Н. Сидоренко, – не находит подтверждения и при анализе конкретного языкового материала» [377, с. 119]. Л. А. Кудрявцева, например, констатирует следующий факт: «Большая часть конденсатов с суффиксом *-к-* образованы от атрибутивных словосочетаний со стержневым словом – существительным женского рода, однако число включений в конденсат значений существительных мужского и среднего рода возросло в сравнении с предыдущим десятилетием...: *двухэтажка, многоэтажка, девятиэтажка* (дом), *водолазка* (свитер), *многосерийка* (фильм) и др.» [212, с. 126]. Она также отмечает, что «... семантическая конденсация создает такие «сильнодействующие» модели, что «иногда слово-конденсат образуется уже без оглядки на какое-либо словосочетание – по аналогии»» [212, с. 126-127]. Наблюдения Л. А. Кудрявцевой не подтверждают заключение И. П. Глотовой о

наметившейся в языке тенденции к соответствию грамматического рода универба грамматическому роду стержневого слова соответствующего ему словосочетания [79, с. 14].

Мы поддерживаем мнение о том, что «нельзя ставить решение вопроса о мотивационной связи однословного наименования и синонимичного (эквивалентного, тождественного – Н. Д.) ему двусловного образования в зависимость от совпадения их родовой принадлежности» [377, с. 119] только потому, что существует ряд соответствий типа *кожаный плащ – кожанка, дубленое пальто – дубленка, пятиэтажный дом – пятиэтажка* и т.п., свидетельствующих об обратном.

Однако для нас не представляется возможным вслед за Е. Н. Сидоренко характеризовать универбы как некие «вторичные однословные образования..., имеющие в качестве мотивирующей основы составные наименования разных родов» [377, с. 119-120], то есть как результат словообразовательного акта.

Напомним, «что процесс словообразования отсутствует при сопоставлении синтаксического и словесного наименований одной конкретной реалии; имеется лишь факт имитации такого процесса» [120, с. 106]. В первую очередь, сущность имитации акта словообразования заключается в мотивации (в данном случае – внутренней). Как было отмечено, словообразовательные отношения всегда являются мотивационными, но не всякое мотивационное отношение выступает и как словообразовательное. А. Н. Тихонов считает, что «словообразовательные мотивации являются лишь частью мотивационных отношений», характерных для пары «производящее – производное» [453, т. I, с. 37-38]. Мотивация трактуется как семантическая обусловленность значения производного (простого или сложного) слова значениями их составляющих; в акте словообразования одни единицы выступают в качестве источника мотивации, а другие – результативные – рассматриваются как обусловленные

мотивационные. Напомним, что в нашем случае факт мотивированности можно представить двумя основными схемами (см. раздел 2.1).

Так, и словосочетание, и соответствующее ему слово мы рассматриваем как дублиеты конкретной номинатемы. Данное явление может быть определено как синкретичное: перед нами факт формообразования с имитацией словообразовательного процесса.

Е. Н. Сидоренко утверждает, что «правило родового соответствия между исходными и универбизированными единицами действительно лишь в отношении некоторого набора универбов. Это касается, прежде всего, определенного способа универбизации, а именно субстантивации, при которой «правило Докулила» о родовой преемственности находит системное выражение» [377, с. 120]. С этим утверждением, на наш взгляд, сложно согласиться.

Во-первых, необходимо дать терминологическое уточнение явлению, указанному выше. Субстантивы типа *исторический, юридический, филологический* (факультет), *детская, столовая, учительская, приемная* (комната), *яровые, зерновые, озимые, колосковые, ранние* (культуры), называемые Е. Н. Сидоренко универбами, в нашем понимании таковыми не являются. О субстантивах мы можем говорить как о словах, возникших в результате морфолого-синтаксического словообразования и, следовательно, должны отказаться в данном случае от термина «универбы».

Эти дериваты можно охарактеризовать следующим образом. Существует мнение, что указанные субстантивы также входят в число конденсатов (термин Л. А. Кудрявцевой [212]; под конденсатами она понимает слова, конденсирующие значения словосочетаний, от которых они образованы) потому, что определяющим является не реальный путь образования слова, а отношения мотивированных слов при синхронном подходе к их изучению. При этом предполагается, что именно такой подход сохранит «чистоту» синхронного описания словообразования (в противном случае лингвистические наблюдения являются смешением диахронного и

синхронного планов) [233; 79]. Л. А. Кудрявцева пишет: «Мы не разделяем точку зрения названных авторов и считаем, что «модельные» субстантиваты появились в языке в результате действия закона аналогии, но не лексико-семантической конденсации. Ибо если предположить, что исходными для них были необъективированные во внешней речи словосочетания, то возникает вопрос – какие?» [212, с. 112]. Условные словосочетания *шашлычная комната,пельменная комната, вареничная комната, блинная комната, пирожковая комната* и им подобные не содержат лексического значения дериватов *шашлычная, пельменная, вареничная, блинная, пирожковая* и им подобных. В то же время трудно отрицать связь таких слов с имеющимся в языке субстантивом *столовая* в значении «предприятие общественного питания». Л. А. Кудрявцева предлагает восстановить деривационную историю последнего. Можно выделить два этапа или два деривационных шага, результатом которых явилась данная лексическая единица:

1) конденсация словосочетания *столовая комната – столовая* (в значении «особая комната с обеденным столом, в которой едят и пьют»);

2) переосмысление производной единицы-субстантива *столовая* за счет специализации исходного для данного деривационного акта лексического значения → «предприятие общественного питания».

Возникновение слов *шашлычная, пельменная, вареничная, блинная, пирожковая* объясняется аналогией с субстантивом *столовая* в суженном значении (финальной единицей двух деривационных шагов), которая заключается в подведении новых лексических единиц под один образец, одну парадигму как в формальном плане (ориентация на форму единственного числа женского рода), так и в содержательном (ориентация на общие компоненты лексического значения «предприятие общественного питания», присутствующие в содержании каждого из указанных субстантивов) [212]. Так, образование таких субстантивов происходит «в процессе аналогии, но

не лексико-семантической конденсации, поэтому вводить их в число конденсатов можно только условно» [212, с. 113].

И, наоборот, называя подобные образования универбами, следует выйти за рамки словообразования и не применять по отношению к ним термин «субстантивы». Такого рода единицы являются результатом эллиптической разновидности универбализации. В этом случае «номинатема с коллокативной доминантой создается путем эллипсиса, сокращения сочетания слов в слово, которое по своей природе является его (словосочетания – Н. Д.) компонентом» [443, с. 135]. Сюда относятся: эллиптическая универбация (*полуторатонная машина – полуторка, столярное изделие – столярка, туфли с шипами – шиповки, самолет со спаренным управлением – спарка*), эллипсис в направлении главного слова (*тротуарная плитка – плитка, электронный процессор – процессор*) и, наконец, эллипсис в направлении зависимого слова (*рядовой солдат – рядовой, пограничная застава – пограничная, орбитальная станция – орбитальная*).

Во-вторых, родовая соотнесенность между словосочетаниями и соответствующими им словами является константной исторической категорией.

Неоднозначные мнения о родовой соотнесенности базового слова словосочетания и соответствующего ему универба, можно объяснить. В системах слово- и формообразования действуют общие схемы аналогий. Поэтому вполне вероятно, что грамматический род универба соответствовал грамматическому роду главного слова дублетного словосочетания. Согласно одному из правил возникновения вербализованных дублетов конкретных словосочетаний, имитацией производящего слова «является зависимый элемент словосочетания, в то время как главный элемент синтезируется в словообразовательный аффикс» [120, с. 108] и «передает» универбу форму грамматического рода. Например: вербализованный элемент *подсобка* сейчас эквивалентен словосочетанию *подсобное помещение*; и имитация процесса

словообразования базируется на основе слова *подсобное* – *подсобн-*, а семантическая нагрузка слова *помещение* – «объект» – синтезировалась в суффиксе *-к-*. Мы предполагаем, что дублетное словосочетание исконно было другим, например *подсобная комната* (по аналогии с *кладовая комната*), а потом было заменено более употребительным *подсобное помещение*, в связи с чем можно говорить о псевдоунивербализации. Это может объяснить особенности **формирования** соответствия грамматического рода базового существительного словосочетания и универба, а также процесс его трансформации. То же видим в *кожанный плащ* – *кожанка*: *Сила Грязнов вообще развернулся во всю мощь и потребовал занавесить всё чёрным, разжечь настоящий огонь, для себя велел принести маску Бэтмена и чёрный **кожанный плащ***. (Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *В Канске прямо перед выступлением ко мне подошел работник ОГПУ, документов не предъявлялось, но кто он, было ясно: **кожанка**, кобура, прочее...* (Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997-2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); (изначально – *кожаная куртка* – *кожанка*: *На стуле висела **кожаная куртка** с идущей наискосок длинной «молнией»*. (Мария Голованивская. Противоречие по сути (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Введен новый образец куртки для боевых летчиков США. **Кожанка** для ковбоев неба*. (Юрий Безелянский. В садах любви (1993); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), *мобильный телефон* – *мобилка*: *Все галдели, и я едва расслышал, как в сумочке вдруг приглушенно, но всё равно довольно противно заликал **мобильный телефон***. (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Выбрал то, что получилось, т.к. папарацы из меня некудышный и в качестве фотика использовалась **мобилка***. (Встреча (форум) (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); (изначально – *мобильная трубка* –

*мобилка: Если у клиента есть **мобильная трубка с Wi-Fi** и компьютер с Wi-Fi, то он все равно будет получать эту услугу от кого-либо.* («Система» остается одной из самых недооцененных компаний» // РБК Daily, 2007.10.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *В продаже появится первая «**мобилка**» собственного производства.* (Комсомольская правда, 2004.01.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *лабораторное занятие – лабораторка: Мне нравилось ходить на лекции и **лабораторные занятия**.* (Владислав Волков. Дорога в звездный (1971) // «Комсомольская правда», 1971.06.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Крайне важно, что это не просто студенческие «**лабораторки**» — «сделал и забыл», а реальный технологический процесс.* (Владимир Неволин. Теорема технологии. Опыт Зеленограда // «Наука и жизнь», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); (изначально – *лабораторная работа – лабораторка: По физике – точно помню – в каждом билете была либо задача, либо **лабораторная работа**.* (Мысли про ЕГЭ (2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *А потом будет **лабораторка?*** (Русская разговорная речь: Тексты / Отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. - М.: Наука, 1978, 1971-1977; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) и т.д. В данном случае наблюдаем утрату осознания связи с исконной словообразовательной (универбализационной) базой, которая может быть перенесена в область формообразования благодаря принципу аналогии. Следует также заметить, что несоответствие грамматического рода универба и главного слова эквивалентного словосочетания проявляется в рамках явлений квазиунивербации и ретимологизации универбов.

Таким образом, можно говорить о безусловной родовой релевантности дублетов определенной номинатемы. Возникшее же впоследствии родовое несоответствие может быть объяснено, например, нечастой воспроизводимостью в речи словосочетания, эквивалентного конкретному универбу.

Кроме того, при совпадении семантик и при любой родовой соотнесенности словосочетания и вербализованного элемента словообразовательная структура универба оказывается менее информативной, чем синтаксическая. *Майорша* и *жена майора* – семантически тождественные единицы, однако в словообразовательной структуре вербализованного элемента *майорша* нашли отражение только семы «майор» и «лицо женского пола». Сема, обозначающая характер семейных отношений, в словосочетании представлена слитно с семой «женский пол», а в словообразовательной структуре не представлена вообще.

Изложенное позволяет сделать вывод, что можно говорить об этимологическом родовом соответствии дублетов номинатемы; возникшее родовое несоответствие может быть объяснено, например, нечастой воспроизводимостью в речи словосочетания, эквивалентного конкретному универбу.

2.5. Параметры лексикализации универбов

2.5.1. Процессы деривации и лексикализации

Одним из параметров описания универбов является тип процесса преобразования исходной единицы в универб.

В языкознании процессы возникновения новых слов и новых номинатем рассматриваются лексикологией и словообразованием. Словообразование изучает «механизмы» образования новых слов, лексикология – определение их принадлежности к той или иной лексической категории.

В. И. Теркулов в исследовании «Этимологические дублиеты латино-романского происхождения в русском языке» выделяет три основополагающих момента для определения отнесенности группы слов к той или иной словообразовательной (лексической) категории: генетическое состояние (исходное актуальное тождество слова-источника); тип перехода от генетического к актуальному состоянию (расщепление по тем или иным

причинам тождества слова); актуальное состояние (лексическая автономность этимологически тождественных слов).

Систему таких категорий, которую можно назвать системой категорий диахронической лексикологии, В. И. Теркулов представляет в виде двухступенчатой организации: первая ступень – ступень класса категорий, объединенных тождеством структуры генетического и актуального состояний; вторая ступень – ступень категории, объединяющей слова, идентичные по типу генетического, актуального состояний и перехода от первого ко второму, иначе говоря, определенный словообразовательный тип [435].

Первый класс объединяет категории, которые представлены группами номинативных единиц, характеризующихся общностью корня, например слова древнерусского языка *рѣчь* (имя существительное) и *речи* (глагол). Тип перехода от генетического к актуальному состоянию – видоизменение типа структурных отношений, например, стирание различий в фонетическом облике упомянутых слов, вызванное утратой особых характеристик [ê] и заменой его на [e] в русском языке. Актуальное состояние представлено группой слов, связанных новым типом отношений, например группа омонимов (омоформ) *речь* (имя существительное) – *речь* (глагол). Такие категории названы категориями **транслексикализации**, то есть видоизменения отношений между лексемами.

Второй класс составляют категории, которые представлены группами номинативных единиц, связанных определенным типом отношений, например группа слов, входящих в словосочетание *долго играющий*. Тип перехода от генетического к актуальному состоянию – стяжение группы слов в слово *долгоиграющий*. Этот класс категорий назван классом категорий **делексикализации**, то есть утраты исходными словами статуса лексемы в составе новой единицы.

Третий класс объединяет разряды, которые представлены группами номинативных единиц, генетическое состояние которых представлено

словом, например *оброк*. Тип перехода от генетического к актуальному состоянию в данном случае – образование на базе слова (*оброк*) нового слова, например *оброчный*. Актуальное состояние – группа слов, связанных общностью происхождения, например *оброк – оброчный*. Система таких категорий названа системой категорий **лексикализации**, отражающей образование новой лексемы на базе существующей.

Четвертый класс представлен группами номинативных единиц следующего типа: генетическое состояние – определенная внутрисловная организация, например исходная моносемия существительного *верх* в форме творительного падежа единственного числа (*верхом*); тип перехода – видоизменение внутрисловной структуры, например развитие на базе семемы ‘высокое положение в пространстве’ значения признака действия; актуальное состояние – новая организация слова, например синтаксическая сочетаемость наречия *верхом*: *мы долго ехали верхом*. Этот тип категорий объединяет категории **трансформации** слова.

Для процесса лексикализации, который в пределах традиционной теории словообразования определяется как класс родственных слов с производной базой «слово», в истории лингвистики было предложено несколько классификаций, базирующихся на понятии «способ словообразования».

Наиболее распространенная теория определяет это понятие через констатацию того факта, «при помощи какого средства (или средств) образовано новое слово» [147, с. 137]. На основании этого выделяют три способа словообразования с производящей базой «слово»:

1) морфологический, который представляет собой образование новых слов на базе существующих в языке основ и словообразовательных элементов и правил их соединения в словесные единицы, то есть «создание новых слов посредством сочетания морфем» [508, с. 254]: *стол – столик*, *учить – учитель*;

2) лексико-семантический, то есть «образование новых слов в результате изменения в смысловой структуре того или иного слова» [508, с. 256]: *мираж* ‘оптическое явление’; ‘нечто кажущееся’;

3) морфолого-синтаксический, под которым понимается «образование новых лексем в результате перехода слов из одного грамматического разряда в другой» [508, с. 263]: *путем* – имя существительное, слово категории состояния и предлог.

Предложенная классификация не лишена ряда недостатков, наиболее существенным из которых является то, что понятие «средство словообразования», ставшее основой для классифицирования, не определено и поэтому довольно расплывчато: «В одном случае в качестве «средства» выступает субстанция – материально выраженный аффикс (морфологический способ), в другом – процесс – изменение значения слова (лексико-семантический способ), в третьем – результат – переход слова из одной части речи в другую (морфолого-синтаксический)» [435, с. 23].

Е. А. Земская, используя традиционное определение способа (через средство) предложила новую, более рациональную классификацию, в которой выделила:

1) аффиксальные способы, которые определяются как способы словообразования, использующие при производстве новых слов словообразовательный аффикс (наличие словообразовательного средства);

2) безаффиксные способы, которые не связываются ни с каким словообразовательным средством [147, с. 172-181].

Недостатком этой модели определение безаффиксных способов «не через внутреннее содержание, а через констатацию невозможности их включения в разряд аффиксальных способов. Это чревато тем, что под одним названием могут быть объединены достаточно различные по своей природе явления» [435, с. 24].

Попытка определить сущность безаффиксного словообразования представлена в работе А. И. Моисеева, который называет способы деривации

«функцией, обобщенно-дифференцированным отражением средств словообразования» [271, с. 110]. Это позволяет ученому выделить три способа образования новых лексических единиц на базе слова:

1) аффиксацию, то есть «образование простых производных слов» при помощи словообразовательных аффиксов или грамматических аффиксов в словообразовательной функции;

2) аббревиацию, то есть «образование сокращенных слов»;

3) трансформацию, то есть «семантическое и грамматическое преобразование имеющихся в языке слов» [271, с. 111].

«Существенным недостатком приведенных теорий, – пишет В. И. Теркулов, – является то, что они имеют семасиологическую доминанту и не рассматривают получившиеся в результате словообразования единицы с точки зрения их места и значимости в номинативной системе языка. Такое положение вещей становится фактором подмены теоретической интерпретации реальных процессов означивания условными, конвенциональными, настроенными только на методологическую простоту трактовками языковых сущностей. Семасиологическое описание, на наш взгляд, нуждается в дополнительной ономасиологической верификации» [445].

Согласно концепции В. И. Теркулова, существует два основных способа словообразования: деривация и дублетизация (лексикализация).

До сих пор речь шла о процессах словообразования, исходной точкой которых (словообразовательной базой) являлось слово. По мнению Г. А. Николаева, «словообразовательная база представляет собой совокупность языковых единиц, которые используются в качестве первичных (базовых) форм для получения в процессе деривации вторичных (производных) языковых единиц» [291, с. 48].

Именно характер словообразовательной базы лежит в основе «разделения словообразовательных процессов на процессы образования простых производных, или симпликацию (на базе слов) и процессы

образования сложных слов, или композицию (на базе словосочетаний)» [291, с. 49].

Результат объединения морфематического и деривационного подходов к интерпретации композитов представлен популярной в украинском языкознании концепцией рассмотрения сложных слов в пределах трихотомии «композиция – юкстапозиция – аббревиация», предложенной еще в 1962 году А.А. Белецким [27, с. 29] и представленной в работах Л. А. Кудрявцевой [212; 213], Н. Ф. Клименко [184], Н. П. Тропиной [459; 460; 461] и др. Композицией в данной концепции считается ситуация, когда «объединяются в одно слово несколько основ в большинстве случаев с помощью соединительного гласного» [212, с. 133], например, *мясные консервы* > *мясоконсервный*, *торговать рабами* > *работорговец*; юкстапозицией считается «способ словообразования двух- или несколькокорневых производных – юкстапозитов путем объединения отдельных слов или словоформ» [470, с. 569], например, *вагон-ресторан*, *далекоидущие*; аббревиацией – «объединение в одном слове нескольких слов, которые сокращаются до корня или основы (*заготзерно*, *медсестра*), до нескольких слогов (*райком*, *ликнеп*), до отдельных букв (*вуз*, *СРСР*, *КППС*)» [184, с. 4].

Мы вслед за В. И. Теркуловым [445, с. 186-187], В. П. Григорьевым [98], О. В. Блюминой [33, с. 32] считаем, что «факты современного русского языка не дают никаких оснований для того, чтобы выделять специальный тип префиксальносложных существительных» [99, с. 77]. Без всяких сомнений можно говорить только о суффиксальном (*лесонасаждение*, образованное при помощи форманта [*ние*] от словосочетания *насаждать лес*) и безаффиксном (*водомер*, образованное от словосочетания *метать воду*) способе.

«Свойство производного слова иметь и свое собственное, и заимствованное значение одновременно мы назовем явлением двойной референции: референции к миру действительности, типичной для класса слов

вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации. Простые слова референтны только к миру действительности, производные обращены к миру действительности и миру слов» [417, с. 10].

Различие заключается в реализации этой двойной референции в исследуемых типах языковой мотивации.

При деривации референция двукомпонентна. Отношение к миру слов проявляется в производящей основе, представленной в деривате и указывающей на внешнюю, реляционную, лексическую, через производящую номинатему, обусловленность ее первоначального инвариантного значения. Например, в номинатеме *учитель* референция к миру слов реализуется через выводимость ее формы и значения из формы и значения номинатемы *учить*. Но эти формы и значения не тождественны. К первичному комплексу **форма + значение производящей единицы** в производной номинатеме прибавляется форма и значение словообразовательного форманта. Референция к миру действительности формируется за счет формантной верификации нового понятия. В этом случае схема номинации такова: **[производящая основа (форма) + значение производящего слова (содержание) → референция к миру слов] + [формант + значение форманта → уточнение референции к миру слов] → [производная единица (форма) + значение производного слова (содержание) → референция к действительности]**.

Лексикализация, в свою очередь, предполагает формальную однокомпонентность двойной референции. Она базируется на семантическом саморазвитии глосс, которое не подкреплено добавочной семантикой внешних форм. Отмечается факт обусловленности референции к миру слов в данном случае «мотивированностью семантики новой номинатемы семантикой номинатемы-источника», а референции к реальности – «наличием в обозначаемом новой номинатемой референте онтологически базовых характеристик, отличных от тех, которые стали источником для его обозначения исходной номинатемой» [445].

Так или иначе, объем понятия *лексикализация* требует уточнения. Традиционно оно обозначает «превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу» [495, с. 258]. Опираясь на данное определение, В. И. Теркулов предполагает наличие следующих разновидностей лексикализации.

1. *Словоформа / глосса – синтетическая модификация номинатемы* > *номинатема со словесной доминантой*, например: *леса* (форма им. п. мн. ч. существительного *лес – глосса*) – *строительные леса* (форма им. п. существительного *леса – номинатема*).

2. *Глосса – аналитическая модификация номинатемы* > *самостоятельная номинатема с доминантой-словосочетанием, то есть коллокация*, например: *играть роль* (*модификация номинатемы*) *на сцене театра – играть роль* (*коллокация*) *инструмента в чьих-то руках*.

3. *Словосочетание* > *слово*, например: *открытое письмо* (*словосочетание*) – *открытка* (*слово*); *валяные сапоги* (*словосочетание*) – *валенки* (*слово*).

Лингвист выделяет три способа лексикализации глоссы:

1) семантическая лексикализация, при которой осуществляется преобразование реализаций конкретной номинатемы (являющихся воплощениями разных семантических модификаций номинативного значения) в разные языковые номинативные единицы; данный способ основывается на утрате некоего промежуточного звена речевой номинации, например, *морж* «животное» = купание в холодной воде = *морж* «человек / как бы животное»;

2) грамматическая лексикализация, при которой происходит синтаксически необусловленное преобразование грамматической формы или группы грамматических форм слова в отдельную лексему, например номинатема *разводы* «узор», возникшая на базе номинатемы *развод* «результат действия по глаголу *развести*»;

2.5.2. Трансформация мотивированности в рамках номинативного типа «словосочетание + эллиптический универб»

Внимания заслуживают четыре типа связи универба с исходным словосочетанием.

1. Значение универба тождественно значению соответствующего ему словосочетания (*прогрессивная зарплата – прогрессивка, персональная пенсия – персоналка*).

2. Универб в традиционном его понимании в качестве отдельной единицы языка является лексикализованным элементом, утратившим связь с исходным словосочетанием (*валяные сапоги – валенки, открытое письмо – открытка*).

3. При тождестве значения универба и значения соответствующего ему словосочетания универб (как дублет словосочетания) стремится к самостоятельности (*укладывать асфальт – асфальтировать*).

4. Универб, возникший по аналогии с уже существующими словами подобной структуры, который не имеет соответствия (формального и семантического) среди словосочетаний – квазиуниверб (*вешать – вешалка, копать – копа(н)ка*).

Необходимо, на наш взгляд, определить особенности протекания семантических процессов при трансформации универба в лексический дериват. Одним из возможных параметров анализа таких процессов является определение характера мотивированности.

Н. П. Тропина констатирует, что понятия внутренней формы, мотивации, мотивированности «то отождествлялись, то разводились, то рассматривались как пересекающиеся разными исследователями в разных исследовательских парадигмах» [460, с. 74].

В понимании В. И. Теркулова явления мотивации и внутренней формы соотносятся как процесс и результат. «Мотивированность же является признаком, атрибутом внутренней формы. Она выступает как звено,

соединяющее мотивацию и внутреннюю форму. Внутренняя форма выступает как отражение мотивированности номинативной единицы, основанной на мотивации ее другой единицей» [445, с. 151].

Вопрос об определении параметров мотивированности, мотивации и внутренней формы рассматривался в семасиологическом аспекте в теории словообразования. Объем данных понятий зависел от того, как (широко или узко) исследователь трактует явление деривации. Таким образом, можно представить категорию мотивированности в широком и узком понимании.

В широком понимании (П. Н. Мурзин, И. С. Улуханов и др.) любое новообразование, формально выводимое из другой единицы, считается мотивированным этой единицей, и, следовательно, находится с ней в словообразовательных (деривационных) отношениях.

И. С. Улуханов понимал мотивированность как «отношение между двумя словами, обладающими следующими признаками: 1) оба слова имеют один и тот же корень; 2) значение одного из слов или полностью входит в значение другого, или полностью **тождественно** (выделено нами – Н. Д.) лексическому значению другого» [472, с. 7]. Последний тезис «полностью нивелирует различие между словообразованием и формообразованием, что, в свою очередь, приводит к нивелировке явлений новой номинации и заданного языковой системой модифицирования в пределах тождества старой номинации» [445, с. 153].

Следуя теории И. С. Улуханова, доказывает В. И. Теркулов, нужно считать, что отношения между единицами *дом* – *дома* (тождественное лексическое значение, один корень) и *дом* – *домик* (разные лексические значения, один корень) имеют одинаковый статус – статус мотивации, а следовательно, реализуют **деривационные механизмы**, с чем трудно согласиться. Очевидным является, что пара *дом* – *дома* представляет собой пару «модификантов» одной номинативной единицы *дом*, а пара *дом* – *домовой* представляет разные самостоятельные номинатемы.

В узком понимании, высказанном В. Г. Гак, отношениями мотивированности объединяют взаимообусловленные, но все же разные номинативные единицы. Согласно данному подходу, значение производного слова или вытекает из значения его частей (словообразовательной основы и форманта) и является результатом морфологической мотивации, или возникает вследствие переосмысления и считается результатом семантической мотивации.

Указанный подход строится на констатации того, что слово X мотивируется словом Y, то есть признак номинации слова X, его внутреннюю форму можно определить через семантику основы слова Y и семантику того компонента, который условно называется словообразовательным формантом. Однако в некоторых случаях у нас нет никаких оснований утверждать, что слово X образовано от слова Y, поскольку всегда есть вероятность утраты в процессе эволюции словообразовательного гнезда каких-либо промежуточных звеньев (сейчас *оброк* – *оброч-ник* вместо реального *оброк* – *оброч-н-ый* – *оброчн-ик*).

Нужно отметить, что «между мотивирующей и мотивированной номинативными единицами должны существовать различия, не могущие трактоваться как различия в пределах семантического тождества» [445, с. 154]. Недостатком узкого понимания, точнее – узкой концепции, – лингвист считает только то, что ею не определены границы возможного модифицирования одной номинативной единицы, то есть не установлены параметры тождества номинации. По этой причине в данном случае, например, не рассматриваются аналитические единицы (словосочетания и сочетания полнозначных слов со служебными).

Е. А. Селиванова отмечает, что и в широкой, и в узкой концепциях мотивация «анализировалась на грани словообразования и лексической семантики только на базе значения и формы языковых единиц» [359, с. 153], то есть семасиологически.

Она предложила новую трактовку мотивации как «сквозной лингво-когнитивной операции формирования ономаσιологической структуры номинативной единицы путем выбора мотиватора (-ов) из мотивирующей базы, сформированной исходя из структуры знаний об обозначаемом в сложной системе связей различных познавательных функций этносознания» [359, с. 153-150].

Следует отметить, что указанная модель является общей для всех номинативных единиц и может корректироваться особенностями возникновения и функционирования, в данном случае, универбов.

Так или иначе, структурный подход к определению явления мотивации предполагает объяснение того, какой статус в номинативной системе языка имеет та или иная единица, как она соотносится с представлением о тождестве номинации. По мнению В. И. Теркулова, «семасиологический подход необходимо дополнить ономаσιологическим подходом именно для того, чтобы описать явление мотивированности, мотивации с точки зрения тех механизмов, которые обеспечивают акт номинации, с точки зрения того, чем он является – формированием нового номинативного комплекса с присущим именно ему новым номинативным инвариантом или реализацией номинативного инварианта в его речевых модификациях» [445, с. 155].

Ономаσιологический подход к определению внутренней формы предложил еще в XIX в. В. фон Гумбольдт. Он трактовал внутреннюю форму как ситуацию, когда «к самому акту обозначения понятия добавляется еще особая работа духа, переводящая понятие в определенную категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятийным выражением и упомянутым модифицирующим обозначением. Но оба эти элемента лежат в совершенно различных сферах. Обозначение понятия относится к области все более объективной практики языкового сознания. Перевод понятия в определенную категорию мышления есть новый акт языкового самосознания, посредством которого единичный случай, индивидуальное слово, соотносится со всей совокупностью возможных

случаев в языке или речи» [104, с. 118-119]. В данном понимании внутренняя форма – это «поисковый образ языковой единицы в системе языка» [111, с. 98].

Нужно отметить, что во главу угла здесь ставится стремление объединить два похода: семасиологический и ономасиологический. С точки зрения ономасиолого-семасиологического подхода можно выделить два типа мотивированности – внутреннюю, речевую, «выступающую как фактор модифицирования единого номинативного инварианта – номинатемы в речи в ее глоссах», и внешнюю, языковую, «выступающую как фактор образования новых номинативных единиц» [445, с. 156].

Внутренняя мотивированность представляет собой обусловленность языковым номинативным инвариантом – номинатемой – ее речевых модификаций. Для внутренней мотивированности (мотивации) различие корня и аффиксов не является актуальным – оно настроено на внешнюю мотивацию. Основным компонентом для глоссы представляется номинатема, являющаяся носителем базового смысла. В некоторых случаях (например, применительно к исследуемому нами материалу) он может реализоваться в конкретных единицах, построенных по определенным моделям, имитирующих внешнюю мотивацию.

Следует отметить, что при речевой номинации «роль аффиксов в мотивационных процессах нивелируется – они не могут в подавляющем большинстве случаев участвовать как средство в процессе актуального означивания» [445, с. 157]. Роль факультативного маркера в данном случае исполняет зависимое слово, уточняющее базовый смысл номинативного инварианта в аналитических лексико-семантических конструкциях.

Таким образом, отношения между лексико-семантическими модификациями номинатемы типа «словосочетание + эллиптический универб» мы – на основе изложенного выше – определяем как отношения: а) лексико-семантической идентичности; б) лексико-семантической дублетности, при котором значение глоссы находится в тесной связи со

значением фразы в целом (причем связь эта определяется невозможностью изменения значения слова без изменения смысла фразы в целом).

Внешняя мотивированность понимается как деривационная мотивированность, то есть как мотивированность одной номинативной единицы (номинатемы) другой. При этом следует говорить о семантической доминанте этого явления, так как новая номинация может быть представлена соотношением нового инвариантного смысла с новой или старой формой. Утверждают, что при создании новой формы действует правило: производной номинативной единицей является номинатема, которая семантически (или синтаксически), а также формально выводится из другой номинатемы, точнее: номинатема, в значение и форму которой входят значение, а также форма (основа или ее часть) другой номинатемы, называемой мотивирующей (базой) [552, с. 307]. Внешняя мотивация – языковая, поэтому внутренняя форма выступает здесь как интегральный признак по отношению к речевому модифицированию номинатемы, поскольку все глоссы одного слова объединяет тождество внутренней формы.

Поэтапно можно выстроить иерархию мотивационных процессов и состояний развития дублетов исследуемых номинатем в самостоятельные номинатемы.

1. Внутренняя мотивированность.
2. Лексикализация + распад семантического тождества (тождества значения).
3. Трансформация внутренней мотивированности во внешнюю.
4. Внешняя мотивированность.

Заметим, что какие-либо изменения в данной цепи сделали бы невозможным утверждение в языке (лексикализацию) некой производной единицы.

Лексикализацией вообще принято считать «превращение элемента языка (выделено нами – Н. Д.) (морфемы, словоформы) или сочетания

элементов в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу» [228, с. 258]. В. И. Теркулов, развивая предыдущую мысль, пишет: «если сущность лексикализации состоит в том, что некая несамостоятельная речевая единица, исполнявшая репрезентативную роль, меняет свой статус и становится способной уже как **языковая сущность** (выделено нами – Н. Д.) реализовывать свои номинативные потенции, то именно глосса, получившая статус базы для самостоятельной номинатемы, в полной мере отвечает данному требованию как единица, которая выполняла ранее **речевую** (выделено автором) функцию, но в силу тех или иных причин преобразовалась в номинатему, то есть уже номинативную единицу **языкового** (выделено автором) уровня, имеющую свой индивидуальный набор глосс» [445, с. 162; 552, с. 307]. Полагаем, что к причинам преобразования глоссы в номинатему можно отнести цепь обозначенных выше мотивационных процессов.

В результате лексикализации возникает новая языковая единица. В связи с этим, согласно традиционному представлению, глагол *асфальтировать* (а также образования подобного типа) неправомерно считается дериватом, лексикализованной единицей, поскольку здесь не произошло распада семантического тождества словосочетания *укладывать асфальт*: это не лексикализация, а универбализация. Тождество значений универба и словосочетания демонстрируется употреблением последних в следующих контекстах: *А перед центральным входом в универ рабочие даже асфальтируют дорожки, несмотря на мороз!* (Комсомольская правда, 2007.11.13) – *Тем временем строители снова и снова укладывают асфальт, который через год придется заново ремонтировать* (Известия, 2004.06.11).

Таким образом, внутренняя мотивированность является признаком образования дублетов определенных номинатем; внешняя мотивированность является признаком образования дериватов, в том числе омонимичных вербальным дублетам соответствующих номинатем; иерархию

мотивационных процессов развития вариантов исследуемых номинатом в самостоятельные номинатемы можно выстроить поэтапно.

2.5.3. Механизм лексикализации универбов

В русском языке есть примеры дериватов, которые являются омонимичными универбам. Отличительная черта таких дериватов – их принадлежность языку, а не речи. Дериваты подобного типа отражаются в словарях (в первую очередь, толковом и словообразовательном) русского языка. Примерами могут служить: *валенки*, *открытка* и др. По нашему мнению, появление приведенных слов в языке осуществляется посредством **лексикализации**.

Вместе с распространением упомянутого термина расширяется представление о явлении, им обозначаемом. Он получает разные значения. О. С. Ахманова **лексикализацией** называет превращение отдельной формы слова (если последняя начинает употребляться в особом значении) в самостоятельное слово. Например, древняя форма повелительного наклонения глагола *речи* – *рцы* (*рьци*) получает новое значение, отличное от значения слова *речи* (*рцы* – название буквы кириллицы). Признание лексической отдельности за формой слова, имеющей особое значение, в данном случае опирается на соответствующее понимание дублетизации как способа образования новых слов.

Лексикализация, по мнению Д. Н. Шмелева, – это также «образование нового слова из его отдельных форм вследствие изменения лексического значения граматико-синтаксической функции» [521, с. 46]. Сущность данного явления тождественна сущности морфолого-синтаксического словообразования (коверсии, дублетизации). Например, *путем* (сущ., тв. п., ед. ч.) – *путем* (предл.): *На самом деле процесс служил для того, чтобы обходным **путем** доставить его в США* (Комсомольская правда, 2011.05.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Продажа осуществляется **путем** ареста, оценки и передачи имущества на торги*

(Комсомольская правда, 2011.05.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

Новое понимание термина *лексикализация* сложилось в польской науке. Лексиколог и лексикограф В. Дорошевский под ним понимал процесс «забвения» связей с родственными словами, выпадение слова из группы родственных ему слов. Эта своеобразная трактовка термина нашла отражение и в словаре польского языка (Słownik języka polskiego / Red. naczelny W. Doroszewski. – Warszawa, 1963): «Лексикализация. Преобразование слова с четким словообразовательным строением в слово, осознаваемое как целостное, выполняющее свою функцию независимо от своих этимологических составных» [563, с. 86]. Например: *крыло – крыльцо, начало – конец, обречь – оброк, плести – плот, влечь – волк* и т.п.

Базой для теории В. Дорошевского является, по нашему мнению, абсолютизация морфонологических изменений слова (точнее – морфонологическое словообразование). И именно эти изменения придают особый характер пониманию термина.

Во главу угла концепции В. Дорошевского положена теория о морфонологической структуре слова, где упорядоченное сочетание морфем представляет собой лексическую целостность независимо от происхождения его составных частей.

Определение В. Дорошевского, на наш взгляд, требует некоторых уточнений. Дело в том, что еще до «употребления» слова в языке как устойчивой единицы происходит морфонологический процесс, результатом которого является возникновение элемента (фонемы, морфемы, алломорфа), своей звуковой реализацией и морфемным строением затемняющего связи с другими однокоренными словами. Этот элемент, функционируя в слове в определенной, присущей только ему позиции, приобретает статус устойчивого элемента языка, то есть лексикализуется. Говоря об исторически производящем и производном словах, мы отмечаем, что их словообразовательные элементы, ставшие базой для транслексикализации,

были однородны: *изречь – изрок, уречь – урок, плести – плот, влечь – волк, повести – повод, вести – воздь, печь – покой* и т.д.

В данном случае характерной чертой является лексикализация элемента (изначально алломорфа) как результата морфонологического изменения. В приведенных парах слов такие изменения представлены аблаутом.

Итак, лексикализованные морфемы (изначально алломорфы) образуют новые слова, которым присваивается определенное лексическое значение и которые также должны закрепиться (и закрепляются) в языке как устойчивые единицы, но посредством особого процесса, несколько отличного от процесса лексикализации. Так как у вновь образованных слов иное звуковое оформление и нетождественные лексическим значениям производящих слов значения, то можно сделать вывод, что определенные отношения между исторически родственными словами нарушены. Например: *речи – рок, поречь – порок, наречь – нарок, узреть – позор, вить – веник* и т.д.

Подобное изменение отношений между разными лексемами в результате ряда трансформаций В. И. Теркулов назвал транслексикализацией [435, с. 5]. Данный термин точнее, чем термин *лексикализация*, отражает сущность процесса.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой [16] следующим образом толкуется значение слова *лексикализация*: «Процесс превращения некоторого элемента (морфемы, фонемы; формы слова, варианта слова) или сочетания элементов (словосочетания) в устойчивый элемент языка, функционирующий в качестве эквивалента отдельного слова» [16], причем этимологически отношения между «производящей» и «производной» единицами не изменяются. Например, слово *открытка*, образованное от универба *открытка*, утвердилось как самостоятельное в языке благодаря лексикализации дублета номинатемы с доминантой-словосочетанием *открытое письмо*; при этом этимологическое родство между производящим и производным элементами не нарушилось.

Из определения О. С. Ахмановой видно, какое значение было присвоено термину русскими лингвистами. Сущность его заключается в том, что любой лексикализованный элемент обогащает лексическую систему языка.

Так, процесс лексикализации характеризуется следующими признаками:

1) при лексикализации осуществляется распад актуального тождества исходной номинативной единицы (номинатемы), в результате чего на базе одной номинативной единицы возникают две или более;

2) в основе данного процесса лежит семантическое саморазвитие речевых реализаций исходной номинативной единицы (в нашем случае – универбов), подкрепленное либо утратой промежуточного семантического звена, либо закреплением одного из значений номинатемы за группой глосс, являющихся формальными дублетами исходной единицы.

Согласно традиционному мнению, лексикализованные единицы – слова (в том числе и универбы) – становятся принадлежащими языку и, следовательно, фиксируются словарями. Но, на наш взгляд, никакой связи между словарной статьей, явлением лексикализации и результатом универбации не существует. Связь наблюдается между дериватами, связанными внешней мотивированностью, лексикализацией, посредством которой данный дериват (универб) утверждается в языке как самостоятельная лексема (номинатема).

Употребление универбов в речи и даже фиксированность их в словарях русского языка не может все-таки поставить под сомнение отрицание явления лексикализации по отношению к результатам универбации. В связи с этим считаем целесообразным уточнить значения термина лексикализация применительно к функционированию и развитию словесных реализаций номинатем с доминантой-словосочетанием – универбов.

По-нашему мнению, *универбализация* представляет собой процесс утверждения реализации номинатемы – универба – в речи, а не в языке; это

процесс образования словесного дублета словосочетания. *Лексикализацией* назовем процесс трансформации глоссы (универба) в самостоятельную номинатему. При этом фиксированность в разнообразных словарях не будет считаться критерием определения универба как языковой единицы вообще и как деривата в частности; таким критерием считается отсутствие семантического тождества с исходным словосочетанием. Вместе с тем мы ни в коем случае не отрицаем явление лексикализации как утверждение в языке дериватов, возникших посредством внешней мотивированности. Просто оба явления служат для обогащения, в первую очередь (в случае универбализации) речи, а затем (в случае лексикализации) – и языка. Вместе с тем у этих явлений абсолютно разная природа.

Явление универбализации (универбации) мы описали схемой:

WCom

Nom

U,

где **Nom** – номинатема, **WCom** – дублет-словосочетание, **U** – универб (результат процесса универбализации). Например,

молотильная машина

номинатема

(молотильная машина)

молотилка;

малярный цех

номинатема

(малярный цех)

малярка.

Явление лексикализации может быть представлено общей схемой:

WCom

Nom

U → UL,

где **Nom** – номинатема, **WCom** – дублет-словосочетание, **U** – дублет-универб, **UL** – универб – результат лексикализации. Например,

варяжская рукавица

номинатема

(варяжская рукавица)

варезка → (фонетические изменения) *варезка*;

перстчатая рукавица

номинатема

(перстчатая рукавица)

перстчатка → (фонетич. изменения) *перчатка*.

В обоих случаях лексемы *варезка* и *перчатка* являются лексикализованными единицами. Причинами лексикализации стали: 1) утрата семантического тождества между исходным словосочетанием и лексикализованной единицей; 2) фонетические изменения, произошедшие в приведенных универбах; 3) выход из употребления словосочетания, функционирующего в определенный период времени наряду с соответствующим универбом.

Таким образом, дериваты, омонимичные универбам, появляются в языке в том числе благодаря лексикализации – процессу превращения варианта конкретной номинатемы в устойчивый элемент языка, функционирующий в качестве эквивалента отдельного слова, при этом семантические отношения между производящей и производной единицами изменяются.

2.5.4. Особенности лексикализации вербальных реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»

Понятие эквивалентности универбов и соответствующих им словосочетаний занимает ячейку в исследовании И. М. Думчака «Универбация в украинском языке» (1998). Автор пишет о том, что устойчивые словосочетания пополняют лексический запас языка только

после их лексикализации, результатом которой является преобразование словосочетания в устойчивый языковой элемент, который функционирует как эквивалент отдельного слова. Также исследователь считает, что «кроме изофункциональности слова, номинативным словосочетаниям свойственны семантическая целостность, устойчивость структуры, определенный порядок компонентов, воспроизводимость в речи», и именно поэтому «устойчивые номинативные словосочетания – это такие расчлененные комплексные названия, семантика которых переосмысливается вследствие утраты зависимым компонентом основного номинативного значения, они часто встречаются в определенной последовательности в языковой практике общества и являются настолько активными, что о них можно говорить как о воспроизводимых, а не каждый раз образуемых в речевом потоке» [116, с. 8].

Констатируя факт лексикализации, описывая ее механизм, Н. А. Янко-Триницкая, говорит о включении значений в том числе при универбации: «Пока слово с включением употребляется наряду со словосочетанием, оно имеет сниженную стилистическую окраску по сравнению с последним. Употребляясь все шире, оно оттесняет словосочетание, может становиться единственным, а потому и нейтральным обозначением данного предметного значения, и самое возникновение его на базе словосочетание забывается: *перчатка, косоворотка, землянка, открытка, пятилетка* и под.» [534, с. 29].

Мы считаем, что процесс лексикализации – утверждения конкретной единицы в языке – может полностью реализоваться лишь в том случае, если этой единицей является универб или словосочетание как вербальная или синтаксическая реализация какой-либо номинатемы, а эквивалентность универба и словосочетания исчезает при условии хотя бы минимального нарушения их семантического тождества.

Итак, любой универб возникает в речи в результате акта номинации и находится в отношениях внутренней мотивированности с номинатемой. Получая языковой статус, он отражает трансформацию мотивационных отношений: между универбом и соответствующей номинатемой реализуются

отношения внешней мотивированности. Со временем универб утверждается, соответственно, в речи благодаря универбализации, а в языке – благодаря лексикализации. Лексикализовавшись, универб теряет свой статус реализации инварианта, приобретает языковой инвариантный статус.

Сомнение по поводу результатов лексикализации / универбализации могли бы вызвать традиционные дериваты *царевна, асфальтировать, горловчанин* и т.п., которые также трактуются нами как универбы, соответствующие словосочетаниям *дочка царя, укладывать асфальт, житель Горловки*, сохраняющие тождество значений. Они отличаются от других универбализованных единиц тем, что прежде всего являются элементами нормированной, а не разговорной речи (как, например, *мобильник, мобила, пополняшка, мазанка, кожанка* и т.п.), в связи с чем традиционно считаются элементами словарного состава языка (не речи!) и в этом качестве включены в различные толковые словари.

Образования типа *судакчанин (житель Судака), кенгуренок (детеныш кенгуру), оперировать (делать операцию)* и приведенные выше можно считать синкретичными: с одной стороны, это словесные реализации определенных номинатом, результат универбализации; с другой – это единицы словарного состава языка, которые, все еще характеризуясь тождеством значения с соответствующими им словосочетаниями, стремятся к разрушению этого тождества – к лексикализации. Вопрос лексикализации данных образований является вопросом времени в комплексе с различного характера экстралингвистическими факторами.

Существует, таким образом, три группы единиц, выделяемых на основании их статуса в речи / языке.

1. Единицы, возникшие в результате лексикализации, например: *открытка, валенки, футболка, кроссовки* и т.п.

2. Единицы, возникшие в результате универбализации, например: *мазанка (мазаная хата), макаронка (макаронная фабрика), прогрессивка (прогрессивная зарплата), оборонка (оборонная промышленность)* и т.п..

3. Единицы, возникшие в результате **номинализации** (термин наш – Н. Д.), например: *киевлянин* (*житель Киева*), *медвежонок* (*детеныш медведя*), *княжна* (*дочь князя*) и т.п.

Номинализация является процессом перехода речевой единицы (гlossы, словесного дублета) в языковую единицу (номинатему). Точнее, она понимается нами как процесс превращения некоторого элемента или сочетания элементов (словосочетания) в устойчивый элемент языка, функционирующий в качестве эквивалента отдельного слова, при этом отношения между производящей и производной единицами не изменяются – остаются отношениями внутренней мотивированности.

Проследим историю возникновения и функционирования исследуемых единиц в русском языке. Их можно распределить по трем группам: 1) универбы, которые, лексикализовавшись, приобрели статус дериватов; 2) универбы как нелексикализованные реализации соответствующих номинатем (универбализованные единицы); 3) универбы как результат номинализации.

В первом случае универбы стали производящими для соответствующих дериватов; они связаны с явлением внешней мотивированности, сопровождающим процесс деривации. Схема лексикализации именно этих единиц может быть представлена следующим образом:

WCom

Nom

U → **D**,

где **Nom** – номинатема, **WCom** – ее вариант-словосочетание, **U** – ее дублет-универб, **D** – новое слово (дериват) – результат лексикализации универба.

Например:

открытое письмо

номинатема

(открытое письмо)

открытка → *открытка*

(почтовая карточка без
конверта с художественным
изображением);

туфли для кросса

номинатема

(*туфли для кросса*)

кроссовки → *кроссовки*;

В ответ пришло открытое письмо из Еревана (А. Генис. Довлатов и окрестности (1998); Национальный корпус русского языка, www.ruscorgora.ru) – Прислал открытое письмо (открытку) одному из моих знакомых живший в Лондоне Ж. Медведев, в котором писал о моей книге, – с ним каким-то образом вступили в контакт мои друзья, предпринимавшие попытки напечатать книгу (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988-1998); Национальный корпус русского языка, www.ruscorgora.ru).

Второй тип универбов представляет собой ряд речевых реализаций соответствующих номинатем, которые только появляются в речи и еще не успели «устояться». Данный тип может функционировать по такой схеме:

WCom

Nom

U,

где **Nom** – номинатема, **WCom** – ее вариант-словосочетание, **U** – ее вариант-универб.

Например:

карточка пополнения счета

номинатема

(*карточка пополнения счета*)

пополняшка;

процедура растаможивания товаров

номинатема

(процедура растаможивания товаров)

растаможка;

Длительная процедура растаможивания грузов затрудняет работу всего рынка (Давка на причале // РБК Daily, 2007.09.21; Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru) – В страну ввозятся единицы автомобилей этих марок, но их растаможка стоит сотни недорогих иномарок (Е. Выхухолева. Покупание элитного «Коня». Дорогим иномаркам приказано заезжать через один пункт пропуска (2002) // «Известия», 2002.11.12; Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru).

Третий тип исследуемых единиц представлен номинализрованными универбами. В данном случае схема номинализации может выглядеть так:

WCom

Nom

U → UN,

где **Nom** – номинатема, **WCom** – ее вариант-словосочетание, **U** – ее вариант-универб, **UN** – номинализированный универб.

Например:

укладывать асфальт

номинатема

(укладывать асфальт)

асфальтировать → асфальтировать;

житель Киева

номинатема

(житель Киева)

киевлянин → киевлянин;

В декабре они экстренно начали укладывать асфальт (А. Гамзикова. Петербургские дорожники укладывают асфальт в снег // Комсомольская правда, 2009.12.29; Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru) – Многие горожане возмущались еще тогда, когда вы начали осенью асфальтировать дорогу (А. Алексеева. На Столбах машины будут убирать

эвакуаторами // Комсомольская правда, 2008.01.30; Национальный корпус русского языка, www.ruscorgora.ru).

Таким образом, исследуемые универбы составляют три типа в зависимости от комплекса механизмов их появления в речи / языке.

2.5.5. Генетический аспект исследования доминантности

Под номинатемой со словесной доминантой В. И. Теркулов понимает все формы номинатемы, отождествляемые на уровне слова. Номинатема с доминантой-словосочетанием характеризуется отождествлением всех ее реализаций на уровне сочетания слов той или иной степени спаянности. Например: Им. п., ед. ч. *зачетная книжка* (*Для этого требуется личное заявление студента и зачетная книжка.* – Труд-7, 2008.08.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *зачетка* (*Большинство учащихся довольны такой ситуацией – учить ничего не нужно, а зачетка не страдает.* – Труд-7, 2011.02.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); Р. п., ед. ч. *зачетной книжки* (*Для поступления в некоторые вузы вообще достаточно копии зачетной книжки.* – Труд-7, 2011.01.18; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *зачетки* (*Что взять с собой на интервью в посольство США российский паспорт; оригинал зачетки; оригинал студенческого билета; копия договора с работодателем; ручку; предыдущий заграничный паспорт, если в нем есть визы.* – Комсомольская правда, 2008.04.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); В. п., мн. ч. *зачетные книжки* (*После молебна у часовни Святой великомученицы Татианы желающим студентам освятят зачетные книжки* – РИА Новости, 2010.01.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *зачетки* (*Внезапно из-за двери нам сообщают: подсовывайте зачетки под дверь, будем сдавать экзамен.* – Труд-7, 2010.12.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) и т.п.

Необходимо подчеркнуть, что структура номинатемы «настроена на доминантность слова в процессе номинации», однако «возможность рассмотрения слова, словосочетания и сочетания слов в одном ряду как равноправных представителей единой номинативной сущности – словесной номинатемы – в речи, при том, что один из этих представителей (слово-синтагма = глосса) релевантен доминантной языковой сущности (слово), позволяет предположить, что каждая из оставшихся речевых единиц также может быть релевантной доминанте номинации, то есть может, при определенных условиях, выступать как базовая структура номинатемы» [444, с. 137].

Можно предположить существование следующих разновидностей лексикализации номинатемы, базирующихся на определении данного явления В. В. Лопатиным: «превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу» [233, с. 258]:

1) словоформа / глосса (синтетическая модификация номинатемы) > номинатема со словесной доминантой, например: *Уничтожение лесов карается законом* (род. пад. мн. ч. от *лес* /глосса/) – *Монтаж лесов занял несколько недель* (род. пад. от *леса* /номинатема/);

2) глосса (аналитическая модификация номинатемы) > самостоятельная номинатема с доминантой-словосочетанием, то есть коллокация, например: *Он должен был **играть роль** Городничего (модификация номинатемы) – Ему пришлось **играть роль** парламентария в наших отношениях (коллокация);*

3) словосочетание > слово, например: ***разрядка международной напряженности** (словосочетание) – **разрядка** (слово)* [447, с. 129].

Мы предполагаем, что генетически существует два типа доминант номинатем: 1) словесная доминанта и 2) доминанта-словосочетание. По поводу доминанты второго типа следует заметить, что процесс трансформации аналитической глоссы номинатемы со словесной доминантой

в номинатему с доминантой словосочетанием представляется нам как процесс ее лексикализации. Большой интерес, безусловно, представляют номинатемы первого типа в силу продолжительности и относительной сложности истории их формирования. Процесс их становления включает два этапа и может выглядеть следующим образом.

$$\begin{array}{ccc} & \mathbf{W} & \mathbf{WCom} \\ \mathbf{Nom1} & \rightarrow & \mathbf{Nom2} \\ & \mathbf{WCom} & \mathbf{U} \rightarrow \mathbf{UL}, \end{array}$$

где **Nom1** – номинатема со словесной доминантой, **W** – слово как речевая реализация номинатемы данного типа, **WCom** – словосочетание как реализация номинатемы данного типа; **Nom2** – номинатема с доминантой-словосочетанием, **WCom** – идиоматизированное словосочетание как реализация номинатемы второго типа, **U** – универб как речевая реализация номинатемы данного типа, **UL** – лексикализированный универб.

Например:

$$\begin{array}{ccc} \text{книжка} & & \text{зачетная книжка} \\ \text{номинатема1} & \rightarrow & \text{номинатема2} \\ \text{(книжка)} & & \text{(зачетная книжка)} \\ \\ \text{интересная книжка} & & \text{зачетка} \rightarrow \text{зачетка}; \\ \text{обучение} & & \text{заочное обучение} \\ \text{номинатема1} & \rightarrow & \text{номинатема2} \\ \text{(обучение)} & & \text{(заочное обучение)} \\ \\ \text{эффективное обучение} & & \text{заочка} \rightarrow \text{заочка}. \end{array}$$

Второй тип доминант номинатем представляется следующим – традиционным для нас – образом.

$$\begin{array}{ccc} & \mathbf{WCom} & \\ \mathbf{Nom} & & \\ & \mathbf{U}, & \end{array}$$

где **Nom** – номинатема с исконной доминантой-словосочетанием, **WCom** – ее вариант-словосочетание, **U** – ее вариант-универб.

Например:

кожаная куртка
 номинатема
 (*кожаная куртка*)
кожанка → *кожанка*;
житель Одессы
 номинатема
 (*житель Одессы*)
одессит → *одессит*.

Таким образом, существует два типа категории доминантности исследуемых номинатем. Первый из них генетически восходит к номинатемам с доминантой-словом; второй является генетически первичным типом и имеет своей доминантой неидиоматизированное сочетание слов.

2.6. Явления деэтимологизации и рэтимологизации номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»

В контексте изучения универбов как вербальных реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб» актуальным становится вопрос о явлениях деэтимологизации и рэтимологизации.

Деэтимологизация как процесс утраты родственных связей между номинативными единицами возможна в случае лексикализации универбов и перехода их в разряд самостоятельных номинатем.

Результатами деэтимологизации считаются такие этимологические универбы, как *открытка*, *варежка*, *перчатка*, *валенки* и т.п.

Например, существительное *открытка*, являющееся этимологическим универбом (термин наш – Н. Д.), соотносится со словосочетанием *открытое письмо*. Пережив процесс лексикализации, спустя определенное время оно стало осознаваться как производное от прилагательного *открытый*; существительное *варежка* этимологически тождественное словосочетанию

варяжская рукавица, лексикализовавшись, стало считаться производным с деривационной точки зрения и т.д.

Таким образом, процесс деэтимологизации в данном случае можно представить схемой *номинатема1* → *универб* → (лексикализация + деэтимологизация) → *номинатема2*, которая может быть развернута в более полную:

WCom

Nom1

Word

U → лексикализация + деэтимологизация **UL > Nom2**

WCom,

где **Nom1** – номинатема с доминантой-словосочетанием; **WCom** – дублет-словосочетание; **U** – дублет-универб; **UL** – универб – результат лексикализации; **Nom2** – номинатема – результат лексикализации универба и деэтимологизации; **Word** и **WCom** – вербальная и поливербальная реализации **Nom2**. Например:

перчатная рукавица (WCom)

перчатная рукавица

(номинатема1)

перчатка (W)

перчатка (U) лексикализация + деэтимологизация перчатка (UL) >

перчатка

(номинатема2)

красная перчатка (WCom);

открытое письмо (WCom)

открытое письмо

(номинатема1)

открытка (W)

открытка (U) лексикализация + деэтимологизация открытка (UL) >
открытка
(номина тема2)
новая открытка (WCom).

В одинаковых с универбом контекстах функционирует в речи словосочетание с абсолютно тождественным значением. Именно в этом заключается принципиальное отличие универбов от других слов с тем же суффиксом; в частности, универбов-существительных типа *бытовка*, *стеганка* от существительных с суффиксом *-к(а)*, обозначающих, например, действие по глаголу (*резка*, *намотка*), лицо женского пола (*студентка*, *аспирантка*), имена с уменьшительно-ласкательным значением (*ручка*, *спинка*).

Представляя собой результат имитируемого словообразовательного процесса, универбы могут совпадать с дериватами как минимум в рамках словообразовательного типа, имитируемого или реального. Это означает, что у тех и других, кроме общего словообразовательного форманта, должна быть общая частеречная принадлежность основы производящего слова; в данном конкретном случае – это основа имени прилагательного. Например, *разбойный – разбойник*, *нарукавный – нарукавник*; *уголовный преступник – уголовник*. Существительные *разбойник*, *нарукавник* являются, в отличие от существительного *уголовник*, дериватами в традиционном понимании.

В то же время мы предполагаем, что деэтимологизованные универбы, по крайней мере, какая-то их часть, по происхождению являются лексикализованными вербальными реализациями номинатом.

Таким образом, с этимологической точки зрения все универбы можно представить тремя группами:

1) непроизводные с точки зрения синхронии, деэтимологизированные, утратившие связь с соответствующим словосочетанием (*открытка*, *варежки*, *перчатки*);

2) номинализованные, не являющиеся результатом деэтимологизации, соотносимые с зависимым словом соответствующего словосочетания (*массажировать – делать массаж, асфальтировать – укладывать асфальт, москвич – житель Москвы, горловчанин – житель Горловки*);

3) универбы, представляющиеся словесными реализациями определенных номинатом, не являющиеся результатом деэтимологизации (*скоряк – скорая помощь, пополняшка – карточка пополнения счета, зеленка – раствор бриллиантового зеленого*).

В то время как деэтимологизации подвергаются единицы языковой номинации – номинатемы (лексикализованные универбы), реэтимологизации могут быть подвержены единицы речевой номинации – универбализованные и номинализованные элементы.

В. И. Теркулов подробно описал явление реэтимологизации композитов. Реэтимологизацией в этом случае он назвал ситуацию, «когда не словосочетание мотивирует композит, а наоборот – на базе уже сформировавшегося композита возникает словосочетание» [447].

Мы же, в свою очередь, предлагаем понятие реэтимологизации универбов как вербальных воплощений номинатом. Реэтимологизация универбов представляет собой процесс «обратной мотивированности», являющейся ложной. Несмотря на это единицы, возникшие в результате реэтимологизации, функционируют в речи и в языке.

Так, реэтимологизация универбов – это результат мотивированности словосочетания универбом (*подсобка → подсобное помещение*), представленный в синхронии наоборот: как мотивированность универба вторичным, псевдогенерирующим словосочетанием (*подсобное помещение → подсобка*).

Например, универбы-омонимы *кожанка1* «предмет демисезонной одежды небольшой длины» и *кожанка2* «длинный предмет демисезонной одежды» с точки зрения синхронии (актуальной мотивированности) могут

рассматриваться как вербальные реализации конкретных номинатом наряду с поливербальными их реализациями – словосочетаниями *кожаная куртка* и *кожаный плащ*. Однако с точки зрения диахронии (реальной мотивированности) словосочетание *кожаный плащ* является псевдогенерирующим – продуктом реэтимологизации, поскольку наиболее ранним в употреблении находим словосочетание *кожаная куртка* (1855 г.) (*Оглядываюсь, чтоб узнать, откуда пахнет – и ничего не вижу: на лавке валяется только дождевая **кожаная куртка**, вероятно хозяйская.* – И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), универб *кожанка* впервые фиксируется языковым материалом в 1923 году (*Увидела его Настасья – идет в мужникой **кожанке**, – нагнала на дороге.* – И. С. Шмелев. Солнце мертвых (1923); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), словосочетание *кожаный плащ* – в 1926 году (*Затем он скинул **кожаный плащ**, фуражку и сел, вытянув ноги.* – А. С. Грин. Бегущая по волнам (1926); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Это позволяет нам предположить, что при универбации отмечается соответствие грамматического рода универба и главного слова эквивалентного словосочетания, а при реэтимологизации универбов возможно нарушение этого соответствия. Таким образом, реальная мотивированность может быть представлена так: *кожаная куртка* – *кожанка* – *кожаный плащ*. То же наблюдаем и в *служебная комната* (*Круг роскошных, соединенных между собой зал и гостиных замыкал несколько мелких **служебных комнат** без окон, представлявших собой островок, замаскированный наглухо стенами, вокруг которого располагалось круглое фойе.* – В. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926-1934); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *служебка* (*Бекишев и Толя пошли в **служебку** и составили акт...* – В. Ф. Панова. Ясный берег (1949); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *служебное помещение* (*К 1930 году между лувеньгскими соснами уже виднелись общежитие для рабочих,*

столовая, лавка, контора и ряд других служебных помещений. – Н. П. Колпакова. Терский берег (1936); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Реэтимологизация наблюдается при универбации, которая напоминает квазиунивербацию продуцированием так называемого псевдогенерирующего словосочетания.

Следует разграничить два типа псевдогенерирующих словосочетаний: квазисловосочетания и собственно псевдогенерирующие. В следующем подразделе будет описан механизм формирования таких псевдогенерирующих словосочетаний, которые разворачиваются на базе квазиунивербов (элементов, не мотивированных словосочетаниями, этимологически не являющихся универбами, а образованных по аналогии с ними). Их можно назвать квазисловосочетаниями. Второй тип составляют словосочетания, которые разворачиваются на базе универбов, являются результатами их реэтимологизации и называются собственно псевдогенерирующими.

Кроме того, реэтимологизация универбов влечет за собой реэтимологизацию номинатем. Данное явление можно представить следующим образом:

WCom1

N1

U1 реэтимологизация → **WCom2**

N2

U2,

где **Nom1** – номинатема с доминантой-словосочетанием; **WCom1** – дублет-словосочетание, являющееся поливербальной реализацией **Nom1**; **U1** – дублет-универб, являющийся вербальной реализацией **Nom1**; **WCom2** – словосочетание-результат реэтимологизации, преобразовавшееся в поливербальную реализацию **Nom2**; **Nom2** – номинатема, сформировавшаяся

путем абстракции **WCom2**; **U2** – дублет-универб, являющийся вербальной реализацией **Nom2**. Например:

подсобная комната (WCom1)

подсобная комната (N1)

подсобка (U1) рэтимологизация → подсобное помещение (WCom2)

подсобное помещение (N2)

подсобка (U2);

мобильная трубка (WCom1)

мобильная трубка (N1)

мобилка (U1) рэтимологизация → мобильный телефон (WCom2)

мобильный телефон (N2)

мобилка (U2).

Можно предположить, что появление псевдогенерирующих словосочетаний провоцирует появление ситуаций неединственной мотивации. В связи с этим нужно определить критерии разграничения мотивации реальной и мнимой, возникшей в результате рэтимологизации.

Традиционно относясь к области словообразования, мотивация (мотивированность) вообще рассматривается как семантическая обусловленность «значения производного и сложного слов значениями их составляющих; в акте словообразования одни единицы выступают в качестве источника мотивации, в связи с чем другие – результативные – рассматриваются как обусловленные мотивационные» [228, с. 467].

Приведенное определение, конечно, не противоречит понятию «неединственной мотивации», если принимать во внимание синхронный аспект словообразования. В диахронном и ахроническом аспектах сущность данного понятия воспринимается по-другому: производное слово мотивируется лишь единственным производящим. В связи с этим мы предполагаем, что мотивация изначально может быть только единственной.

Обычно используются формальные методики определения исходной единицы. Считается, что мотивирующей является та единица, которая, во-первых, вписывается в регулярную универбализационную модель, а во-вторых, имеет меньше всего отличий в формальной структуре от мотивированной. Например, слово *кожанка* считается соотносительным со словосочетанием *кожаный плащ*, а не только со словосочетанием *кожаная куртка*, поскольку отмечается формальная близость универба именно с этим словосочетанием, а также именно с такими словосочетаниями соотносительны другие подобные универбы: *дубленка* – *дубленое пальто*, *карболка* – *карболовое масло* и т.п.

Наше определение статуса исходного словосочетания базировалось на двух принципах: семантическом и грамматическом. Основанием для выделения значимости первого принципа стал тезис В. И. Теркулова: «...для определения мотивационных связей самой главной характеристикой должна быть не формальная, а семантическая взаимосвязанность исходной и конечной единиц» [445, с. 163]. Поэтому в установлении мотивационных отношений, считает ученый, главным принципом должен быть принцип семантической выводимости. Но данный принцип релевантен, скорее, внешней мотивированности (мотивации). В нашем случае – в случае внутренней мотивированности (мотивации) – принцип семантической выводимости трансформируется в принцип семантического соответствия.

Грамматический принцип базируется на соответствии грамматического рода главного слова исходного словосочетания и универба, семантически тождественного этому словосочетанию.

Лингвист предложил три базовые методики для определения характерных соответствий компонентов композитной пары (словосочетание – композит): соответствие ономаσιологической модели, соответствие значений компонентов исходного словосочетания, стилевая привязанность исходного словосочетания.

В нашем случае принцип семантико-грамматической интерпретации мотивационной связи предполагает использование четырех базовых методик определения реляционной взаимообусловленности компонентов универбальной пары (словосочетание – эллиптический универб).

1. Соответствие ономаσιологической модели.

Мы считаем универбализованной такую вербальную реализацию номинатемы, которая создана по регулярной ономаσιологической модели, то есть имеет тот же ономаσιологический базис и ономаσιологический признак, что и все другие компоненты данного ономаσιологического подкласса. Например, универб *глобалка* (*Ролан сыграл роль, точнее, большой эпизод – театрального режиссера, который ставит детский музыкальный спектакль, а мечтает о «глобалке»*). – А. Сурикова. *Любовь со второго взгляда* (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) встречается в текстах рядом со словосочетанием *глобальное произведение* (*Но говорить о глобальном произведении, по его мнению, преждевременно*). – Новый регион 2, 2007.10.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Формальная взаимосвязь указанных единиц очевидна. Но с семантической точки зрения они не являются тождественными, поскольку приведенное словосочетание не соответствует ономаσιологической модели с компонентом *произведение* [*произведение + характер его*], например, *всемирка – всемирноизвестное произведение, нетленка – нетленное произведение* и т.п. Поэтому условно производящим словосочетанием в данном случае должно быть не *глобальное произведение* или *глобальный роман*, а *глобальная работа* или *работа глобального характера*, которое соответствует ономаσιологической модели [*работа + ее характер*]. Однако данное словосочетание практически не встречается в публицистических текстах.

2. Соответствие значений компонентов исходного словосочетания значениям конструкторов универба.

Мы считаем эквивалентным универбу то словосочетание, значения компонентов которого прямо (в корне, комплексе корней) и косвенно (в суффиксе и флексии) воплощаются в морфемной структуре соответствующего универба. Например, рядом с предполагаемым квазикомпозитом *противогаз* (*Фильтрующий **противогаз** состоит из фильтрующе-поглощающей коробки 1, лицевой части 2 (маски) и соединительной трубки.* – supernicolass.narod.ru/topic457.htm) встречается словосочетание *противогазовая маска* (*При работе с едким натром необходимо применять индивидуальные меры защиты: очки, **противогазовую маску**, спецодежду.* – www.ai08.org). Значение зависимого компонента этого словосочетания сосредоточивается в корне квазиуниверба, значение главного компонента словосочетания – в суффиксе и флексии, которые в данном случае материально не выражены. Но если соответствие значения зависимого компонента исходного словосочетания значению корня (комплекса корней) данного квазиуниверба не вызывает сомнений, соответствие значения главного слова значению суффикса вообще отсутствует.

На самом деле образование универба *противогаз* происходило посредством квазиунивербации – путем заполнения прогнозируемой ономаσιологической моделью ячейки предмета-приспособления, прибора. На основе получившегося универба возникло словосочетание, главное слово которого присвоило новое нетрадиционное значение суффиксу этого самого универба. Можно предположить, что новое значение суффикса разовьется в рамках универбов подобного универбального типа. Однако словосочетание *противогазовая маска* станет источником такого развития, а не результатом.

3. Соответствие грамматического рода исходного словосочетания.

Мы считаем универбализованной такую вербальную реализацию номинатемы, которая по своему грамматическому роду совпадает с главным словом исходного словосочетания. Например, универб *противогаз*, функционируя наряду со словосочетанием *противогазовая маска*, не

демонстрирует необходимого совпадения: главный компонент словосочетания – существительное *маска* – не совпадает по форме грамматического рода с универбом *противогаз*. В связи с этим можно предположить, что универб *противогаз* соотносится со словосочетанием *прибор для защиты от газа* или *противогазовый прибор*, а аргументы, приведенные в пунктах о соответствии ономаσιологической модели и о соответствии значений компонентов исходного словосочетания, лишь усиливают это предположение.

4. Стилиевая привязанность исходного словосочетания.

Мы считаем источником для формирования универба то словосочетание, которое употребляется в том же функциональном стиле, что и универб. Например, для универба *асфальтировать* (*Вторую эстакаду в Калининграде начали асфальтировать.* – КП 06.10.2011, kaliningrad.kp.ru/online/news/992704/) в ряде текстов встречается эквивалентное словосочетание *укатывать асфальт*, употребляемое в просторечии (*Снова будем под снегом асфальт укатывать.* – Северный комсомолец 24.10.2008 (42)). С другой стороны, в литературной речи, где, по нашему мнению, и формировался данный универб, эквивалентным для него является словосочетание *укладывать асфальт* (*На ул. Шмидта начали укладывать асфальт.* – most-dnepr.info/video/41821.htm, 26.07.2011; *В Ярославле стало модным укладывать асфальт в дождь.* – автопортал76.рф/index.php/news/428-200911.html, 20.09.2011). Именно поэтому можно рассматривать последнее как источник для универба *асфальтировать*.

Кроме указанных семантико-грамматических принципов анализа целесообразно ввести еще и количественный. «Можно предположить, что исходное словосочетание должно чаще встречаться в текстах» [445, с. 164].

Малейшее нарушение данного комплексного принципа и его структурных соответствий приводит к реэтимологизации универба. А явление реэтимологизации, в свою очередь, объясняет некоторые другие

явления, так или иначе с ним связанные. Речь идет, например, о несоответствиях, наблюдаемых в грамматическом роде словосочетания и универба (*кожаный плащ – кожанка, открытое письмо – открытка, пальто из дубленой кожи – дубленка*). Это обусловлено, среди прочего, тем, что построенные по определенной существующей модели универбы спродуцировали соответствующие псевдогенерирующие словосочетания, например: 1) *кожаная куртка* → *кожанка* (универб); 2) *кожанка* (универб) → *кожаный плащ* (псевдогенерирующее словосочетание).

Таким образом, механизмы анализа ретимологизации вскрывают причины возникновения явлений омонимии, квазиунивербации в рамках исследуемых номинатем.

2.7. Квазиунивербы в русском языке

Важным является определение критериев выделения и дифференциации квазиунивербов и лексикализованных универбов. Одним из таких критериев можно считать этимологизирование. Благодаря ему становится возможным выявление словосочетания-источника для универба, лексикализовавшегося в определенный период времени, и установить отсутствие соответствующего словосочетания для квазиуниверба. Сущность этимологизирования заключается в поиске и определении исторического семантического тождества между универбом и соответствующим словосочетанием.

С этимологической точки зрения для дериватов-универбов производящими являются не словосочетания, а слова. Таким образом, каждый универб подобного типа мотивирован формой и содержанием простого слова. Мотивационные отношения между исходным словом и образованной на его базе посредством акта словообразования единицей определяются как отношения внешней мотивации (мотивированности).

Квазиунивербация – образование универбов по аналогии, точнее, включение конкретных единиц в группу универбов на основании наличия квазиунивербального параметра – развертывания на базе генетического деривата псевдогенерирующего словосочетания.

Одной из тенденций развития языка является его стремление к аналогии. В нашем случае это проявляется в желании интерпретировать любой дериват, аналогичный по структуре универбу, как универбализационный синтаксический, то есть стремление создать для него абсолютно эквивалентное по семантике и функциям словосочетание.

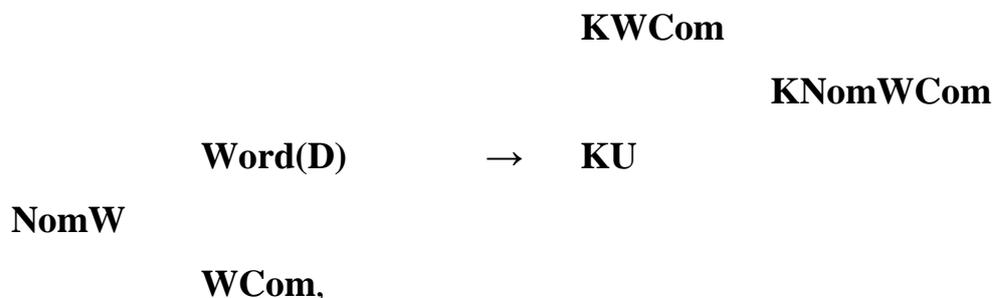
Так, при квазиунивербации может наблюдаться явление возникновения псевдогенерирующего словосочетания, которое логичнее было бы определить как квазисловосочетание, представляющее собой по сути квазидублет соответствующей номинатемы. Наличие квазисловосочетания является одной из основных характеристик существования квазиунивербов.

Например, существительное *богач*, считающееся с синхроническом аспекте образованным от прилагательного *богатый* посредством нулевой суффиксации [453, т. 1, с. 106] (с точки зрения диахронии оно является производным: это субстантивированная форма прилагательного мягкой разновидности склонения, ср. *богат* < **bogatōs*, *богач* < **bogatjōs*), можно соотнести с абсолютно тождественным ему по значению словосочетанием *богатый человек* (*Потенциально богатый человек точкой отсчета считает себя и свое мнение.* – КП 18.02.2010), но это словосочетание не может рассматриваться по отношению к данному слову как реализация номинатемы с доминантой-словосочетанием – оно квалифицируется как вторичное образование, как описательная конструкция, способная полноценно заменить слово *богач* (*Третий богач страны выдвинут в начальники Камчатки.* – КП 10.08.2005), то есть как псевдогенерирующее словосочетание; существительное *мичуринец*, образованное посредством суффикса *-ец-* от имени собственного *Мичурин* [453, т. 1, с. 613], также соотносится со словосочетанием *последователь Мичурина* (*Потому открытия сезона*

работы садовых маршрутов последователи Тимирязева и Мичурина ждут с нетерпением. – КП 11.06.2011), которое является квазисловосочетанием со значением, тождественным значению квазиуниверба *мичуринец* (*Мичуринцы и огородники привезут на ярмарку выращенные на своих участках овощи, ягоды, фрукты, а также продукцию переработки.* – КП 05.08.2011).

В связи с этим представляется возможным предположить следующие этапы развития данных образований, характеризующихся наличием / отсутствием вторичного словосочетания: 1) квазиунивербы без соответствующего квазисловосочетания; 2) квазиунивербы с соответствующим квазисловосочетанием. Потенциальные квазиунивербы, которые «застыли» на первом этапе своего развития (до возникновения соответствующего квазисловосочетания), можно квалифицировать как лексические универбы – дериваты (*однолюб, вездеход, кусторез, зажигалка, скакалка, саженец* и т.д.). Собственно квазиунивербами считаются словесные образования, развившие на основе своей семантики тождественные надсловные образования – квазисловосочетания (*гоголевед – специалист по творчеству Гоголя, врангелевцы – последователи Врангеля* и т.д.).

Как было замечено выше, каждый квазиуниверб и каждое соответствующее ему квазисловосочетание являются квазидублетами – реализациями номинатемы определенного типа. Особенности их функционирования и развития могут быть представлены следующей схемой:

где **NomW** – номинатема с доминантой-словом, **Word(D)** – слово-дериват и **WCom** – словосочетание, являющиеся реализациями данной номинатемы;

KU – квазиуниверб, **KWCom** – квазисловосочетание, **KNomWCom** – квазиноминатема с доминантой-словосочетанием, инвариант, абстрактная единица, возникшая на основе соответствующих квазиуниверба и квазисловосочетания.

Например:

последователь Стаханова (KWCom)
квазиноминатема
(последователь Стаханова)

стахановец (D) → *стахановец (KU)*

номинатема
(стахановец)

орденоносный стахановец (WCom);

специалист по изучению языка (KWCom)
квазиноминатема
(специалист по изучению языка)

языковед (D) → *языковед (KU)*

номинатема
(языковед)

известный языковед (WCom).

В контексте квазиунивербации представляют интерес вербализованные единицы с суффиксоидом *-вед-*. Современная лингвистика давно перестала рассматривать аффиксоиды данного типа как корневые морфемы, а слова, в составе которых они находятся, как сложные, или композиты.

Под аффиксоидами понимают «такие словообразовательные части слов, которые занимают промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами; это морфемы переходного типа» [453, т. 1, с. 24]. Аффиксоиды характеризуются семантической производностью от этимологически знаменательных морфем – корней. Сущность этого типа словопроизводства заключается в утрате корнем и в

целом словом, в состав которого этот корень входит, лексического значения и переосмысления его как знаменательной (самостоятельной) единицы. Иными словами, здесь отмечается разновидность морфемной деэтимологизации – декорреляция.

С точки зрения употребления аффиксоиды, как и аффиксы, являются связанными морфемами, так как за пределами конкретного слова они не могут выступать в качестве полнозначных (обладающих лексическим значением) единиц. Аффиксоиды могут быть полными синонимами аффиксам, например: *русист* (*Педагог-русист Ирина Дадашева (Махачкала, Дагестан) любит романсы и с удовольствием их исполняет...* – М. Мацкявичене. Посадить дерево и приручить пеликана // Труд-7, 2003.09.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *русовед* (*Этот же вопрос мне задавал с тревогой мой предшественник Александр Иванович Медведев, – отвечает русовед-директор, – он возглавлял нашу школу со дня ее освобождения от фашистских захватчиков.* – Р. Георгиев. Уроки русского // Труд-7, 2004.05.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). Это позволяет предположить следующую аналогию: *специалист по русскому языку – русист, русовед* → *языковед – специалист в области языка, литературовед – специалист в области литературы.*

В связи с этим можно квалифицировать образования типа *языковед* (*Языковеды пристально исследуют женские и мужские имена и фамилии.* – КП 11.05.2006), *пушкиновед* (*Известный пушкиновед Любовь Краваль доказывает, что поэт гостил в бековской усадьбе Устиновых.* – КП 27.11.2007), *искусствовед* (*Профессор, искусствовед Михаил Шишин поделился мыслями о своем восприятии творчества великого мастера Ильи Репина.* – КП 01.02.2011), *японовед* (*Поэтому теперь моя специальность по университетскому диплому – японовед.* – КП 15.07.2008) и т.п. не как композиты, имеющие в своем составе два корня, а как квазиунивербы. Они продуцируют соответствующие квазисловосочетания с тождественным

лексическим значением: *специалист в области языка* (*Известный специалист в области русского языка, проректор по научной работе ЮОГУ им. А. Тибилова Джульетта Остаева. – 25.02.2010*), *специалист по творчеству Пушкина* (*В годы борьбы с космополитизмом в Лефортове умер, находясь под следствием, известный литературовед, специалист по творчеству Пушкина и Гоголя, профессор Г.А. Гуковский. – Труд-7, 2005.06.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru*), *специалист в области искусства* (*Здесь будут готовить специалистов в области искусства – работников белгородских музеев. – КП 25.07.2011*), *специалист по Японии* (*Кстати, папа Кати Путиной в ноябре собирается с визитом в Японию. Может, возьмет и дочку – будущего специалиста по Японии. – КП 03.08.2005*).

2.8. Лексикологические особенности вербальных реализаций номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб»

2.8.1. Полисемия

Вызывает интерес вопрос о моносемии / полисемии универбов соответствующих номинатом с доминантой-словосочетанием.

Традиционно выделяются однозначные и многозначные универбы. Однозначными считаются такие, каждый из которых соотносится только с одним производящим словосочетанием, то есть наряду с ним обозначает один предмет или одно явление и выступает полным вариантом словосочетания. К таким словам относятся топонимические наименования, а также урбанонимические наименования.

Например: *Бабаевка – кондитерская фабрика им. П.А. Бабаева; Варшавка – Варшавское шоссе; Ленинка – Российская Государственная библиотека им. В.И. Ленина; Каширка – Каширское шоссе; «Комсомолка» – «Комсомольская правда»; Третьяковка – Третьяковская галерея.*

К однозначным универбам относятся и наименования, обозначающие предметы, единственные в своем роде (*лесопилка – лесопильный завод,*

неотложка – неотложная медицинская помощь на дому), или вещества (*аскорбинка* – аскорбиновая кислота, *газировка* – газированная вода, *марганцовка* – марганцовая кислота, *сгущёнка* – консервированное сгущённое молоко с сахаром).

Многочисленными словами-универбами считаются те, которые имеют несколько близких лексических значений. Например: *персоналка* 1. *Персональное дело*; 2. *Персональный компьютер*; 3. *Персональная машина*; 4. *Персональная охрана*; 5. *Персональная пенсия*; *овсянка* 1. *Овсяная крупа*; 2. *Овсяная каша* и т.п.

По мнению Л. И. Осиповой [304, с. 61-69], универб *персоналка* вступает в синонимичное отношение с пятью словосочетаниями *персональное дело*, *персональный компьютер*, *персональная машина*, *персональная охрана*, *персональная пенсия*; универб *овсянка* вступает в синонимичное отношение со словосочетаниями *овсяная крупа* и *овсяная каша*.

Напомним, что источниками для возникновения полисемии являются семантические процессы переноса значения, основывающиеся 1) на сходстве признаков или функций (метафора), 2) на смежности (метонимия), а в рамках метонимии – на переносе с целого на часть или на переносе с части на целое (синекдоха). Например, *варежка* – (варяжская) «рукавица» → *варежка* – «рот».

Следует отметить, что об однозначности / многозначности исследуемых единиц можно было бы говорить лишь в том случае, если бы универбы рассматривались нами как традиционные суффиксальные дериваты. Универб, являясь одной из форм реализации соответствующей номинатемы с доминантой-словосочетанием, не может соотноситься с несколькими словосочетаниями сразу (быть синонимичным им): он имеет значение только того словосочетания, с которым является равнозначным дублетом конкретной номинатемы. В связи с этим понятие многозначности (полисемии) нельзя расценивать как присущее универбам исследуемого типа.

О полисемии можно говорить только в том случае, если многозначность возникает у универбов, приобретших статус номинатем, то есть у лексикализованных универбов, утративших связь с базовым словосочетанием и поэтому освободившихся от ограничений семантического саморазвития. Это может быть показано следующей схемой.

WCom

Nom

U → D → D1,

где **Nom** – номинатема, **WCom** – ее вариант-словосочетание, **U** – ее дублет-универб, **D** – новое слово (дериват) – результат лексикализации универба, **D1** – дериват – с новым значением (факт полисемии). Например:

варяжская рукавица

номинатема

(варяжская рукавица)

варежка → варежка (рукавица) → варежка1 (рот).

Следует отметить, что существительное *варежка* возникло в результате универбации еще в древнерусский период [Рогова 1972, с. 28]. Об этом свидетельствуют также данные этимологии: «тверск., олонецк. *варьга*, мезенск. *варежка*, стар. *варега* (XVI ст.) <...> Связано с *варяг*, изначально «варяжская рукавица»» [488, т. 1, с. 274]. Дальнейшее фонетическое преобразование (замещение) корня *варяж-* на *вареж-* обусловлено безударной позицией [а] во втором слоге, а потому – его качественной редукцией. То же наблюдаем в *валенки* – *валяные сапоги*.

У лексикализованного универба *варежка* возникло новое метафорическое значение «рот». Например: *Перед игрой папа с коллегами толковали о делах, я, открыв «варежку», слушал – как вдруг подошел Яшин* (КПВУ, 05.02.2012).

Таким образом, представители традиционного языкознания склонны считать, что универбы, рассматриваемые как суффиксальные дериваты, могут иметь как одно, так и несколько значений. Однако, согласно нашему мнению,

универбы являются моносемичными единицами, поскольку они, будучи конкретными формами реализации номинатемы с доминантой-словосочетанием, не могут быть образованными от разных, хотя и одинаковых по форме, словосочетаний.

2.8.2. Особенности омонимии номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»

Как справедливо отмечает О. С. Ахманова, «тождество слова может не разрушаться и при наличии у него значительно расходящихся «лексико-семантических» и «лексико-фразеологических» вариантов» [15, с. 104]. Полисемией В. В. Виноградов считает тождество слова при наличии у него двух или более отчетливо различных значений. Под омонимией понимается внешнее совпадение планов выражения двух или более различных слов [57, с. 110].

Вербальные реализации конкретных номинатем – универбы – вступают в отношения омонимии, которые чаще рассматривались в контексте лексических или деривационных процессов.

Н. А. Янко-Триницкая, рассматривая процесс включения традиционно как способ словообразования, пишет: «Это настолько живой и продуктивный способ, что его не удерживает даже возникновение омонимов как со словами других образцов, так и со словами, образованными по этому же образцу, но включающими значение другого существительного» [534, с. 28]. Например: *комсомолка* – девушка, член комсомольской организации и газета «Комсомольская правда»; *пионерка* – девочка-пионер и газета «Пионерская правда»; *санитарка* – женщина-специалист и санитарная машина; *вегетарианка* – лицо женского пола и вегетарианская столовая; *испанка* – лицо женского пола определенной национальности и испанская инфлуэнца, распространенная в 1918 году; *кандидатка* – женщина-кандидатка и кандидатская диссертация; *самоходка* – самоходная пушка и самоходный комбайн; *стационарка* – стационарная школа, стационарная больница,

стационарная киноустановка; *районка* – районная поликлиника, районная больница, районная газета и т.п.

Указанные примеры демонстрируют два типа омонимии с точки зрения ее происхождения. В первом случае отношения омонимии возникают между универбом и дериватом (*санитар* → *санитарка* и *санитарная машина* – *санитарка*), во втором случае данные отношения возникают между универбами – вербальными реализациями абсолютно разных номинатом с доминантой-словосочетанием (*районная больница* – *районка* и *районная газета* – *районка*).

В. Н. Виноградова констатировала, что омонимия в большей степени присуща разговорной речи. В связи с этим наблюдаются самые различные омонимичные универбы с соответствующими омонимичными суффиксами различной конкретизации значений лица или предмета.

«Конкретизация значения связана с разнообразными предметами, реалиями, названными производящей основой в силу производимых действий» [336, с. 76]. Внимания, по мнению А. А. Раковой, заслуживают случаи типа *лучник 1* – *спортсмен, занимающийся стрельбой из лука*; *лучник 2* (др.-русс.) – *стрелок, вооруженный луком*; *лучник 3* – *изготовитель луков*.

А. С. Авакова считает, что некоторые подобные слова «возникают путем семантической деривации общелитературных слов: *лыжник*, *конник*, *лучник* (выделено нами – Н. Д.)» [3, с. 12]. А. А. Ракова имеет на этот счет иное мнение, заключающееся в квалифицировании слов *лучник 1* – *лучник 2* как разновременных омонимов.

Существует две кардинально отличных друг от друга точки зрения, касающиеся синтагматических (гипотаксис) и парадигматических (паратаксис) отношений в области слово- и формообразования.

Первая точка зрения представлена в работах Г. А. Николаева, который считает, что «один тип связей, не осложненных отношениями мотивированности, существует между словообразовательными формами как

между равноправными единицами. Такие связи, если использовать здесь синтаксическую терминологию, могут условно быть определены как «паратактические» (словообразовательный паратакисис)» [291, с. 3].

Заслуживают внимания положения, выдвинутые авторами «Исторического словообразования русского языка», касающиеся словообразовательного паратакисиса вообще. Поскольку формирование любого универба представляет собой имитацию словообразовательного акта, мы можем применить эти положения по отношению к каждому исследуемому универбу.

Так, одним из типов паратактической (парадигматической) соотнесенности одноосновных образований, оформленных при помощи разных аффиксальных морфем, являются случаи так называемой морфемной омонимии. Поскольку формирование любого универба представляет собой имитацию словообразовательного акта, мы можем применить данное положение по отношению к каждому исследуемому универбу.

К универбальным омонимам относятся образования, характеризующиеся формальным тождеством образующих основ, формально идентичными аффиксами (омоморфемами) и различающимися (омонимическими) словообразовательными значениями.

Например, омоморфемы *-ник 1* и *-ник 2* обслуживают два универбальных типа: с общим значением лица и общим значением предмета. Взаимодействие этих универбальных типов и находят свое отражение в явлении универбальной омонимии, когда при единстве универбальных связей и средств формируются универбы, относящиеся к разным универбальным типам. Например, *молочник – продавец молока* и *молочник – сосуд для молока*; *рыбник – торговец рыбой* и *рыбник – рыбный пирог*; *картошник – любитель картошки* и *картошник – участок под картошку* и т.п.

Приведенные морфемы *-ник 1* и *-ник 2* стали омонимичными в связи с распадом их многозначности. Омонимичность морфем проявляется в

универбах-омонимах, являющихся реализациями абсолютно разных номинатом. Подчеркивает омонимичность морфем, обладающих разными значениями, сочетание каждой из них с основой одного и того же зависимого слова словосочетания, тождественного конкретному универбу: *продавец молока – молоч-ник, сосуд для молока – молоч-ник*.

Более того, появление и распад полисемии морфем, возникновение омонимии начинаются с этих морфем в словесных структурах, содержащих корни определенной семантики. Именно взаимосвязь лексического значения, содержащегося в корне слова, и первичного словообразовательного значения, концентрирующегося в аффиксальной морфеме, становится причиной возникновения и развития явлений полисемии и омонимии служебных (словообразовательных) морфем.

В лингвистической литературе существует ряд взглядов на явление омонимии и на ее отграничение от полисемии. Например, В. И. Абаев в статье «О подаче омонимов в словаре» [1] подверг критике поспешное, по его мнению, утверждение о разрыве семантических связей многозначных слов. «Омонимия возникает не тогда, когда возникает впечатление разрыва семантических связей, а лишь в том случае, если этих связей никогда в истории данного языка не существовало. Нельзя хоть один случай или вид полисемии объявить омонимией без того, чтобы не создались предпосылки для путаницы... в выделении омонимов» [1, с. 40]. Здесь В. И. Абаев отстаивает диахронный подход к проблеме разграничения омонимии и полисемии.

И. П. Сусов, в свою очередь, выделяет несколько причин возникновения омонимов в языке:

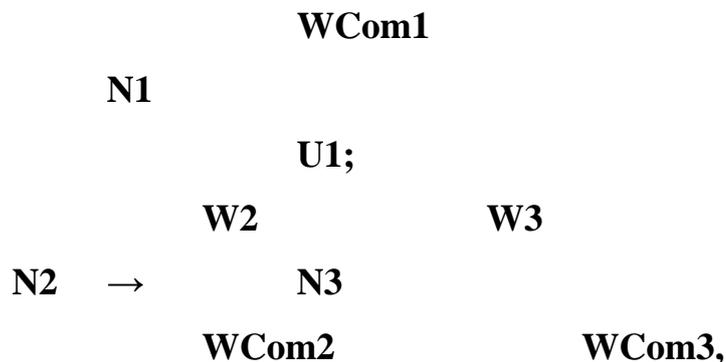
- 1) совпадение экспонентов слов, различных в прошлом по звучанию;
- 2) разные пути происхождения исконных слов;
- 3) образование омонимичных слов от одной и той же деривационной основы в разное время;

- 4) появление рядом с исконным словом заимствованного слова;
- 5) заимствования слов из разных источников;
- 6) распад полисемии слова [426, с. 121].

Поскольку омонимия – это «звуковое совпадение различных языковых единиц (ключевое слово здесь – «различных» – Н. Д.), значения которых не связаны друг с другом» [228, с. 344], можно говорить о том, что исследуемое явление изначально охватывает различные номинатемы.

Для универбализованных единиц можно выделить два пути формирования омонимов.

«Суффиксальные универбы могут вступать в омонимичные отношения со словами других словообразовательных типов, но при этом, как правило, возникает не лексическая, а словообразовательная омонимия» [306, с. 17]. Механизм формирования словообразовательной омонимии можно представить следующими схемами.

где **N1** – номинатема с доминантой-словосочетанием, **WCom1** – ее дублет-словосочетание, **U1** – ее дублет-универб; **N2** – номинатема с доминантой-словом, **W2** – ее дублет-слово, **WCom2** – ее дублет-словосочетание; **N3** – номинатема с доминантой-словом – результат явления внешней мотивации (деривации), **W3** – ее дублет-слово, **WCom3** – ее дублет-словосочетание; **U1** и **W3** являются деривационными омонимами. Например,

книга для раскрашивания

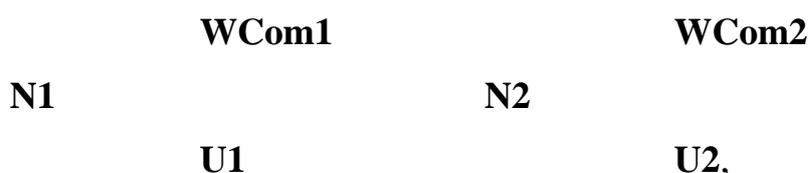
номинатема 1

(книга для раскрашивания)

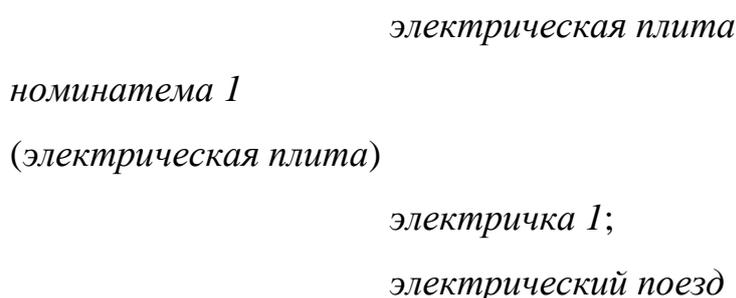
раскраска 1;

	<i>раскрашивать</i>	<i>раскраска 3</i>
<i>номинатема 2</i> (<i>раскрашивать</i>)	→	<i>номинатема 3</i> (<i>раскраска</i>)
<i>номинатема 1</i> (<i>японский автомобиль</i>)	<i>раскрашивать</i>	<i>японский автомобиль</i> <i>боевая раскраска;</i>
	<i>витраж</i>	
	<i>японец 1;</i>	
<i>Япония</i>	→	<i>японец 3</i>
<i>номинатема 2</i> (<i>Япония</i>)		<i>номинатема 3</i> (<i>японец</i>)
<i>далекая Япония</i>		<i>веселый японец.</i>

Поскольку мы говорим о суффиксальных универбах как о продукте глоссообразования, а не деривации, считаем, что подобные единицы можно квалифицировать как реляционные по аналогии с традиционными деривационными. Реляционными омонимами являются одинаково звучащие суффиксальные универбы, которые являются вариантами различных номинатем. Механизм их формирования можно представить следующей схемой.

где **N1** и **N2** – разные номинатемы, **WCom1** и **WCom2** – дублиеты-словосочетания соответствующих номинатем, **U1** и **U2** – дублиеты-универбы соответствующих номинатем. Например,

номинатема 2

(электрический поезд)

электричка 2;

наружное наблюдение

номинатема 1

(наружное наблюдение)

наружка 1;

наружная реклама

номинатема 2

(наружная реклама)

наружка 2;

пятилетний ребёнок

номинатема 1

(пятилетний ребёнок)

пятилетка 1;

пятилетний план

номинатема 2

(пятилетний план)

пятилетка 2 и т.п.

Л. И. Осипова отмечает, что «применительно к некоторым универбам можно говорить об отраженной полисемии, так как каждое значение производного (т. е. универба) опирается на свое значение производящего (ср. *вышка* – 1. Высшая мера наказания; 2. Высшая школа милиции; 3. Высшая школа экономики)» [306, с. 17]. Иными словами, второй тип исследуемых омонимов представляет собой результат распада полисемии конкретного суффиксального универба. Он может быть представлен следующей схемой.

WCom1

N1

U1

→

U2,

где **N1** – номинатема, **WCom1** – ее дублет-словосочетание, **U1** – ее дублет-универб, **U2** – универб, омонимичный первому. Например,

атомная физика

номинатема 1

(атомная физика)

атомка 1→атомка 2;

высшая мера наказания

номинатема 1

(высшая мера наказания)

вышка 1→вышка 2→вышка 3.

В данном случае следует обратиться к одному из принципов построения системы, позволяющему оценивать реальные процессы, протекающие в речи и в языке. Речь идет о принципе ахронии (панхронии) – вневременном принципе. Этот принцип позволяет реконструировать исследуемый элемент языка в соответствии с динамикой его исторического развития. Принцип ахронии позволяет вскрыть диалектику развития языка: «диалектическое взаимодействие и взаимопереход свободного и необходимого, соотношение возможного, случайного и закономерного» [249, с. 185]. В этой связи важно иметь в виду, что точки зрения синхронии и диахронии – кардинально противоположные – обычно не дают возможности объективного рассмотрения языковой реальности: любая языковая система обладает достаточной гибкостью, чтобы допускать бесконечное число связей, отношений, свойств и их комбинаций, но в то же время та же система обладает и достаточной жесткостью, чтобы «на фоне всеобщей связи элементов не допускать соотношения и связей каждого элемента с каждым или со всеми другими элементами и ограничить конкретные наборы свойств и отношений, характерных для данного класса единиц» [249, с. 185]. Принцип ахронии – феномен, учитывающий, с одной стороны, гибкость, подвижность системы, ее способность адаптироваться к различным условиям существования языка, с другой стороны, определенную строгость, жесткость

этой системы, контролирующей любое языковое движение и «отбирающей» те явления, которые соответствуют данному языковому статусу.

Так, согласно принципу ахронии, представляется возможным предположить, что каждый омоним исследуемого типа имеет своим источником конкретную номинатему, не связанную с номинатами-источниками омонимичных ему суффиксальных универбов. В связи с этим мы считаем, что описанный выше второй тип процесса возникновения омонимов на самом деле представляет собой явление реомонимизации. Образование омонимов должно протекать по схеме первого типа. Например,

атомная физика

номинатема 1

(атомная физика)

атомка 1;

атомная электростанция

номинатема 2

(атомная электростанция)

атомка 2;

высшая мера наказания

номинатема 1

(высшая мера наказания)

вышка 1;

высшая школа милиции

номинатема 2

(высшая школа милиции)

вышка 2;

высшая школа экономики

номинатема 3

(высшая школа экономики)

вышка 3.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: реляционными омонимами являются одинаково звучащие суффиксальные универбы; каждый омоним исследуемого типа имеет своим источником конкретную номинатему, не связанную с номинатами-источниками омонимичных ему суффиксальных универбов.

2.8.3. Синонимия и антонимия реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб»

М. И. Фомина отмечает: «Если анализ семантической структуры слова (номинативной единицы, номинатемы – Н. Д.) наглядно показывает степень самостоятельности его (ее – Н. Д.) значения и ее пределы, т.е. характеризует системные отношения на уровне одного слова (номинатемы – Н. Д.), то синонимия <...> является ярким и убедительным доказательством системных отношений в группе близких по значению слов (номинатем – Н. Д.)» [494, с. 94].

Выявление особенностей синонимии номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб» предполагает рассмотрение структуры конкретных номинатем заявленного типа.

Тождество или близость значений в нашем случае могут быть репрезентованы формой словосочетания как поливербальной реализацией соответствующей номинатемы либо формой универба как вербальной реализацией номинатемы с доминантой-словосочетанием. Например:

1) *пригородный район – пригородная зона*

↓

пригород

↓

= *пригород;*

2) *мобильный телефон = мобильный телефон = мобильный телефон*

↓

мобила

↓

– *мобилка*

↓

– *мобильник.*

С традиционной точки зрения очевидным является то, что в первом случае синонимами можно считать словосочетания *пригородный район* и

пригородная зона, а во втором случае – универбы *моби́ла*, *моби́лка* и *моби́льник*.

Однако с позиций теории номинации, в которой основной единицей языка является номинатема, синонимами следует считать только словосочетания типа *пригородный район* и *пригородная зона*, поскольку мы их понимаем как прототипные единицы (поливербальные дублеты) соответствующих номинатем с доминантой-словосочетанием.

Нужно заметить, что синонимичные номинатемы встречаются в рамках одного и того же ономаσιологического класса референтов, относятся к разным подклассам с идентичным характеризующим признаком.

Универбы типа *моби́ла*, *моби́лка*, *моби́льник* (*моби́льный телефон*); *отбивну́ха*, *отбивну́шка* (*отбивная котлета*); *легкову́ха*, *легкову́шка* (*легковой автомобиль*); *курсак*, *курсач* (*курсовая работа*) и т.п. не вступают в синонимические отношения: они представляют собой дублеты (глоссы, вербальные реализации) соответствующих – указанных в скобках – номинатем с доминантой-словосочетанием, поэтому не являются самостоятельными единицами, способными быть синонимами. Об их статусе подробнее будет идти речь в следующем подразделе.

Антонимия номинатем исследуемого типа проявляется как на уровне словосочетаний, дублирующих доминанты соответствующих номинатем, так и на уровне их вербальных реализаций. В основу сопоставления исследуемых антонимов, равно как и всех прочих, положен «один и тот же общий и существенный для них признак» [494, с. 139]. Например,

<i>свежий хлеб</i>	–	<i>черствый хлеб</i>
↓		↓
<i>свежак</i>	–	<i>черствяк</i> и т.п.

Таким образом, наблюдения позволяют отметить отличие проявления номинатемной синонимии от традиционного проявления данного явления, а также совпадение проявления антонимии в сфере исследуемых номинатем.

2.9. Дублеты, варианты и вариации номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб»

2.9.1. Параметры определения дублетов, вариантов и вариаций номинатом

Важными для исследования, на наш взгляд, являются параметры определения дублетов, вариантов и вариаций номинатом исследуемого типа.

Будучи основной единицей языка, номинатема осмысливается, подобно фонеме, морфеме, как абстрактный инвариант, реализующийся в речи в виде конкретных эквивалентов – в нашем случае – словосочетаний и тождественных им по значению универбов.

Сейчас очень распространена теория, согласно которой инвариант трактуется как интерпретированный как факт языка «основной вариант». Одним из признаков варьирования считают «наличие в составе колеблющихся форм слова иерархически старшей, эмической единицы – исходной формы слова» [34, с. 11]. Это вызывает, по мнению В. И. Теркулова, большие сомнения. Отождествление инварианта с той или иной речевой единицей, определяемой как основной, «нулевой», словарный и т.д. вариант, так же условно, как, например, отождествления фонемы <в> со звуком [в], поскольку в этом случае исчезает возможность интеграции в нем его речевых модификаций, имеющих другую форму выражения. Абсолютно справедливо мнение Э. А. Воробьевой: «В понятии инварианта отображены общие свойства класса объектов, образуемого вариантами. Сам инвариант не существует как отдельный объект, это не представитель класса, не эталон, не “образцовый вариант”. Инвариант – это скорее название класса относительно однородных объектов» [64]. Вряд ли можно в варианте [в] найти то общее, что позволяет объединить в фонему <в> звуки [в’], [ф], [ф’]. «Номинативный инвариант, следовательно, должен быть представлен как абстрактная единица, которая отвлечена от своих реализаций и представляет собой то общее, что в той или иной степени в них присутствует» [445, с. 68].

Варьирование номинатемы (реализация ее в соответствующих словосочетаниях дублетах, вариантах, вариациях) связано с ее употреблением в речи. Так, речевые и текстовые представители номинатемы – словосочетание и универб – по отношению друг к другу и соответствующему инварианту являются дублетами (или альтернантами). В одну номинатему объединяются ее реализации, имеющие, во-первых, тождественное лексическое значение, и, во-вторых, частичное формальное (фонетическое). Например: *дуты*, *дутыши*, *дутики*, являющиеся эквивалентами номинатемы с доминантой-словосочетанием *дутые сапоги*.

Причиной появления и функционирования дублетов номинатем представляются условия, отличные от условий возникновения, например, вариантов номинатем.

Как писал Н. А. Луценко, «идея дистрибуции как исследовательского принципа совершенно верно отразила то, что, во-первых, окружение конструктивно по отношению к единице, во-вторых, условия конструирования воспроизводимы, поэтому и могут быть приняты в качестве основы интерпретации системы» [239, с. 16].

Итак, существует два типа дистрибуции речевых реализаций одной языковой единицы: *дополнительная*, то есть «такое отношение единиц, когда каждая из них возможна только в своем окружении, контексте и ни в каком другом» [175, с. 33], и *свободная*, когда они, функционируя в качестве реализации одной и той же языковой сущности, могут иметь одинаковое окружение. Проекция этих типов распределения на уровень номинативной единицы позволяет определить три структурно-функциональных типа отношений между реализациями номинатемы, которые, в силу того, что термин варианты и варьирование используется в узком смысле – для обозначения одной из разновидностей отношений между глоссами – В. И. Теркулов предложил называть не вариантами, а **модификациями** номинатемы.

В зависимости от этого можно определить три типа модифицирования номинатемы: 1) **идентичность**, сущность которой заключается в абсолютном тождестве тех или иных компонентов структуры глосс, реализуемых в идентичных или разных окружениях; 2) **дублетность**, сущность которой заключается в различии тех или иных компонентов глосс, не обусловленном различием их окружений, то есть различие, базирующееся на отношениях свободного модифицирования (свободного варьирования); 3) **вариативность**, сущность которой заключается во внутрисловных различиях между глоссами, обусловленных различиями контекстов, в которых употребляется слово (иначе говоря, варианты лексемы находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, то есть не могут встречаться в одних и тех же контекстах).

Мы установили ранее, что в нашем случае номинатема реализуется в своих модификациях-дублетах, способных функционировать в условиях свободного варьирования, а вот о модификациях-вариантах можно говорить при условии их функционирования в контексте дополнительной дистрибуции. Хотя в определенных случаях отношения дублетности и вариативности могут совпадать. Это отмечается, например, в случаях стилистически обусловленной дополнительной дистрибуции.

Условия стилистической дополнительной дистрибуции представляют собой совокупность («класс») всех окружений (контекстов), в которых может встречаться, в данном случае, номинатема, противопоставляемых всем тем окружениям, в которых она встречаться не может, то есть место, порядок, сочетаемость и тому подобные свойства ее употребления в плане расположения отдельных частей высказывания относительно друг друга; а также взаимное исключение разных воспроизведений одной и той же номинатемы, каждый из вариантов которой встречается в такой совокупности контекстов (окружений), в которой не встречается ни один из остальных ее вариантов.

Например, употребление одной из реализаций номинатемы – словосочетания – предпочтительнее в рамках официального (газетного, книжного стиля): *На сегодняшний день существенно возросло производство **мобильных телефонов***. А другая текстовая реализация номинатемы с доминантой-словосочетанием – универб – употребляется в разговорной речи, зачастую имея сленговый статус: *Я видел **моби́лу** покруче твоей*.

Таким образом, осознаваемые нами как дублиеты речевые или текстовые реализации конкретной номинатемы в каждом отдельном стилистически маркированном контексте являются вариантами по отношению друг к другу и исходному инварианту.

В противоположность вариантам для вариаций номинатемы характерна свободная взаимная заменяемость в окружении любых реализаций (глосс) номинатемы. Вариации номинатем могут встречаться (взаимозаменяться) в одном и том же контексте, например: *Я сегодня защитила курсак / курсач / курсовик*. Решающим фактором в этом случае выступает наличие набора **сленговых** универбализованных элементов (элементов одного стилистического ряда), построенных по определенным словообразовательным моделям; стилистически и, разумеется, семантически они должны быть тождественны соответствующим словосочетаниям. Таковы, например, вербальные реализации номинатемы с доминантой-словосочетанием *курсовая работа*: *курсач* (*Не знаю, как она умудрилась защитит уже четыре „курсача“, но факт остается фактом.* – И. Моисеева. Чем плохи российские вузы и как с этим бороться // Труд-7, 2011.01.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), *курсавик* (*Студенты скачивают из сети курсовики и рефераты, молодые мамы посещают сайты для «мамочек», бездетные дамы «сидят» на форумах журнала «Космополитен» или сайтах знакомств.* – Екатеринбург // Новый регион 2, 2006.02.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Констатируя факт существования дублетов, вариантов и вариаций номинатем, наблюдаем явление лексического и стилистического замещения, которое обусловлено правилами лексической и стилистической сочетаемости тех или иных реализаций номинатем.

Таким образом, речевые представители номинатемы – словосочетание и универб одной номинатемы – по отношению друг к другу и соответствующей номинатеме являются дублетами, причем категория дублетности в данном случае считается константной.

2.9.2. Деривационные и реляционные потенции вербальных дублетов номинатем

Для данного исследования особый интерес представляют универбы, в морфемную структуру которых входят аббревиатуры: *НВПшник*, *НКВДшник*, *ДПСник* (а также – *дэпээсник*), *ЛТОшник*, *ППСник*, *фээсбэшник*, *обэжэшник*, *ФАСник* и т.д., поскольку они демонстрируют словообразовательный и формообразующий потенциал целого ряда аббревиатур. Этот потенциал обуславливает возникновение и функционирование некоторых универбов исследуемого типа.

Следует заметить, что аббревиатуры по своей природе являются образованиями, подобными универбам. Они также, как и универбы, – универбализованные (вербальные) эквиваленты соответствующих словосочетаний. Абстрактная языковая единица, вербальной реализацией которой является аббревиатура, носит название номинатемы типа «словосочетание + аббревиатура» и входит, как и универб, в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием. Словесный дублет (аббревиатура) номинатемы с коллокативной доминантой создается путем композитной компрессии словосочетания.

Представляют интерес словообразовательные пары типа *НВП* – *НВПшник*, *ДПС* – *ДПСник* и т.д. Традиционно считается, что данные слова образованы посредством суф. *-ник-* со значением лица от соответствующих

аббревиатур. Однако мы полагаем, что данная трактовка формирования указанных универбов не является единственной.

С одной стороны, мы считаем, что возможно присоединение только одного словообразовательного форманта (часто соответствующего словообразовательному средству) к производящей основе. В связи с этим мнение о существовании таких словообразовательных пар не может быть справедливым: потеряно промежуточное звено – прилагательное (*НКВД – НКВДшный – НКВДшник*).

Нам представляется, что каждое из данных слов (*НВПшник, НКВДшник, ДПСшник* и т.п.) является универбатом, имеющим соответствующий эквивалент-словосочетание, определяющий элемент которого (имя прилагательное) образован от соответствующей аббревиатуры посредством суффикса прилагательного *-н-* со значением отношения к чему-либо, а имитация словообразовательного акта производится благодаря суффиксу *-ик-*: *сотрудник ФСБ – ФСБшный сотрудник – ФСБшник*. Например: *Худющий эфэсбэшный опер со злыми глазами «от зарплаты до зарплаты» наспех протянул руку* (Комсомольская правда, 2002.08.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Эфэсбэшник резко обрывает разговор и уходит* (Комсомольская правда, 2004.08.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Желание пройти поближе к VIP-ложе, где перед матчем традиционно можно пообщаться с кем-то из футбольных авторитетов, тоже не встретило понимания у невнятного человека в сером камуфляже и с ухватками энкавэдэшного дознавателя* (Комсомольская правда, 2001.10.31; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Говорухин говорил, что мне идет китель энкавэдэшника* (Известия, 2009.10.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Данная модель является синкретичной, поскольку отражает процесс перехода от глоссообразования к словообразованию и снова к

госслообразованию. Схематично этот процесс может быть представлен следующим образом.

1. *Федеральная служба безопасности*
номина тема
(Федеральная служба безопасности)
ФСБ.

2. *ФСБ – ФСБшный* (относящийся к *ФСБ*); данная модель является распространенной моделью с наращением *-(э)ш-*.

3. *ФСБшный сотрудник*
номина тема
(ФСБшный сотрудник)
ФСБшник.

И еще:

1. *Народный комиссариат*
внутренних дел
номина тема
(Народный комиссариат
внутренних дел)
НКВД.

2. *НКВД – НКВДшный* (относящийся к *НКВД*); данная модель является распространенной морфонологической моделью с интерфиксацией.

3. *НКВДшный сотрудник*
номина тема
(НКВДшный сотрудник)
НКВДшник.

С другой стороны, текстовый материал в ряде случаев демонстрирует отсутствие второго звена – деривата-прилагательного. Например: *В Подмосковье сотрудник ДПС задержан при получении взятки* (Новый регион 2, 2011.04.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *Этого страуса Ленька зовут, – выступил в роли*

любящего свое дело экскурсовода *дэпээсник*, – в честь начальника нашего (Комсомольская правда, 2005.06.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *О том, что он будет заниматься антитеррором, молодой сотрудник КГБ* узнал, уже пройдя все испытания (Труд-7, 2009.07.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – Самую лестную характеристику дал мне один *кагэбэшник*, когда закрывали альманах «Метрополь»: «А этот Битов делал все что хотел» (Труд-7, 2010.01.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

В связи с этим можно предположить, что универбы типа *НВПшник* (*энвэпэшник*), *КГБшник* (*кагэбэшник*) появляются в речи следующим образом.

1. *Комитет государственной безопасности*
номина тема
(*Комитет государственной безопасности*)
КГБ.
2. *сотрудник КГБ*
номина тема
(*сотрудник КГБ*)
кагэбэшник.

И еще:

1. *Дорожная патрульная служба*
номина тема
(*Дорожная патрульная служба*)
ДПС.
2. *сотрудник дэпээс*
номина тема
(*сотрудник дэпээс*)
дэпээсник.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) аббревиатуры по природе своего возникновения и функционирования являются

образованиями, подобными универбам; 2) каждое из исследуемых образований (*НВПшник*, *НКВДшник*, *ДПСник* и т.п.) является универбатом, имеющим соответствующий эквивалент-словосочетание, определяющий элемент которого (имя прилагательное) образован от соответствующей аббревиатуры посредством суффикса прилагательного *-н-* со значением отношения к чему-либо, а имитация словообразовательного акта производится благодаря суффиксу *-ик-*; 3) предложенная модель является синкретичной, поскольку отражает процесс перехода от формообразования к словообразованию и снова к формообразованию.

Выводы ко второй главе

Материал исследования показал, процессы образования новых слов, происходящие в разговорной речи, базируются на том же инструментарии, что и словообразовательные процессы литературного языка.

Процесс образования каждой исследуемой нами единицы – универбация – имитирует словообразовательный акт, а универб является вербальной формой номинатемы с доминантой-словосочетанием. В связи с этим явление универбации мы трактуем как реляционное по своей сути, обладающее внешними чертами словообразования.

Фиксируется формирование универбальных моделей, своей структурой напоминающих словообразовательные, но не тождественных им. В рамках конкретной универбализационной модели в зависимости от частеречной принадлежности конкретного универба в состав последнего входит аффикс (обычно – суффикс) соответствующей части речи с включенным значением.

Универбализационная модель является схемой оформления вербальных реализаций исследуемых номинатем. Она представлена следующими элементами: 1) структурой эквивалентного словосочетания; 2) основой зависимого или главного слова эквивалентного словосочетания, имитирующая производящую основу; 3) универбализационным формантом, включающим ядро (универбализационное средство) и периферию

(дополнительные факторы, сопровождающие универбализацию); 4) частью речи эквивалентного универба.

В случае совпадения всех структурных элементов универбализационных моделей универбов, что подразумевает также абсолютное совпадение универбальных значений формантов этих универбов, можно говорить об определении универбализационного типа.

Любое универбализационное средство обладает универбальным значением, имитирующим словообразовательное значение. Общепринятое толкование словообразовательного значения, в принципе, можно применить по отношению к универбам исследуемого типа.

Мы определили два основных типа универбализационных моделей, каждый из которых реализуется в частных моделях. В рамках частных моделей целесообразным было классифицировать средства формирования универбов, омонимичные словообразовательным. Нами выделено 38 частных моделей в рамках первой основной универбализационной модели и 12 частных моделей в рамках второй.

Наблюдаются случаи, когда словосочетания могут быть вторичными относительно соответствующих универбов, если эти универбы являются квазиунивербами, а словосочетания – псевдогенерирующими словосочетаниями (квазисловосочетаниями).

Распространенность и частотность употребления в речи конкретных словосочетаний и связанная с этим возможность замены каждого такого словосочетания словом (универбом), а также равноправное функционирование слова и словосочетания является основанием для предположения, что исходные словосочетания имеют определенную степень фразеологичности.

Каждое исследуемое нами словосочетание можно сопоставить с фразеологизмами двух разрядов – фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями. Каждый универб, представляющий собой многоморфемное слово, был проанализирован как с точки зрения морфемной

структуры, так и с точки зрения фразеологичности (степени сочетаемости) морфем в нем.

Словосочетания, эквивалентные универбам, похожи на трактовки словообразовательных значений простых дериватов со словообразовательной базой-словом, но не тождественны им.

История развития универбации свидетельствует о том, что словообразовательные перифразы и формулировки словообразовательных значений являются обобщающими рефлексам существовавших когда-то словосочетаний, эквивалентных конкретным универбам.

В процессе определения универбальных значений, имитирующих словообразовательные, могут быть использованы так называемые универбальные перифразы, сущность которых близка сущности словообразовательных перифраз.

Структура универбальной перифразы тождественна структуре эквивалентного универбу словосочетания. В силу этого при универбации выделяется только мутационный тип.

Исследуемые универбы относятся к двум частям речи – существительным и глаголам, которые характеризуются разнообразием словообразовательной семантики. Такое разнообразие объясняется первичностью возникновения данных классов слов, а следовательно, более долгой словообразовательной, а затем и универбальной историей.

В ходе исследования мы выделили ряд универбальных значений имен существительных, составляющих общий предметно-характеризующий тип мутационной универбации. Универбальные значения глаголов также представлены значениями мутационной универбации.

Определение релевантности понятия мотивационной базы для номинатом исследуемого типа базируется на утверждении факта имитации словообразовательного акта в процессе универбации.

Мы отметили, что родовая соотнесенность между словосочетаниями и соответствующими им словами является константной исторической категорией.

Можно говорить об этимологическом родовом соответствии дублетов номинатемы; возникшее несоответствие может быть объяснено, например, нечастой воспроизводимостью в речи словосочетания, этимологически эквивалентного конкретному универбу.

Универбы русского языка способны лексикализироваться. Одним из параметров описания универбов является определение типа процесса преобразования исходной единицы в универб / новую номинатему (универбализация, номинализация, лексикализация).

Для описания исследуемых единиц мы применяем понятия двух типов мотивированности – внутренней, речевой, выступающей как фактор модифицирования единого номинативного инварианта – номинатемы в речи в ее глоссах, и внешней, языковой, выступающей как фактор образования новых номинативных единиц.

Внутренняя мотивированность характеризует формирование дублетов определенных номинатем; внешняя мотивированность отмечается при образовании дериватов, в том числе омонимичных вербальным дублетам соответствующих номинатем.

Омонимичные соответствующим универбам дериваты появляются в языке посредством лексикализации – процесса превращения дублета номинатемы в устойчивый элемент языка, функционирующий в качестве эквивалента отдельного слова.

Мы пришли к выводу, что универбы не могут иметь несколько значений. Они являются только моносемичными единицами, представляя собой конкретные формы реализации соответствующих номинатем с доминантой-словосочетанием.

Под реляционными омонимами понимаются формально идентичные (совпадающие во всех своих формах) суффиксальные универбы; каждый

омоним исследуемого типа имеет своим источником конкретную номинатему, не связанную с номинатами-источниками омонимичных ему суффиксальных универбов.

Нами также зафиксированы случаи синонимии и антонимии реализаций номинатем исследуемого типа.

Словосочетание и универб как реализации одной номинатемы по отношению друг к другу являются дублетами. Появление и функционирование вариантов номинатем связано с условиями, отличными от условий возникновения, например, вариаций номинатем. Для вариаций номинатемы характерна свободная взаимная заменяемость в окружении любых номинатем либо их реализаций; решающим фактором в этом случае выступает наличие набора сленговых универбализованных элементов, построенных по определенным словообразовательным моделям.

Установлены механизмы формирования универбов, в структуру которых входят аббревиатуры. Такие сложносокращенные слова по природе своего возникновения и функционирования являются образованиями, подобными универбам.

ГЛАВА III. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССЫ УНИВЕРБОВ

3.1. Параметры ономасиологической модели для вербальных реализаций номинатом типа «словосочетание + эллиптический универб»

Каждая номинативная единица в момент своего возникновения является мотивированной, поскольку в процессе закрепления имени за объектом, который подвергается номинации, имеет место ассоциативный компонент.

В связи с этим с точки зрения ономасиологии понятие мотивации целесообразно рассматривать в широком понимании (как внешней, так и внутренней). Это означает, что в данном случае является важным выяснение не только того, какой конкретный исходный знак выберет в процессе номинации человек, но и факта гипотетического наличия или отсутствия определенных модификаций исходного знака для выражения необходимого содержания, что соответствовало бы номинационной и прагматической интенции человека, дающего наименование объекту реальной действительности.

Принимая определение внутренней формы как способа мотивации, а мотивации как процесса, мы видим мотивацию в качестве структурной субстанции, общей для различных по сложности явлений (актов) номинации и словообразования.

Внутренняя форма, понимаемая как «пучок ассоциаций», оказывается в центре процесса получения номинатом имени (процесса появления номинанта). Акт номинации в таком понимании представляет собой проекцию пучка ассоциаций (признаков обозначаемого, выделенных номинатором) на определенные сферы отождествления значения, а посредством их – на способы языкового обозначения. Таким образом, внутренняя форма «объединяет две стадии акта номинации – довербальную, которая сопровождает идеальный образ предмета, и вербальную, которая завершается выбором имени» [14, с. 26].

Итак, понимая мотивацию как процесс, внутреннюю форму как способ мотивации (осознаваемый носителем языка признак наименования), ассоциативный мотив как результат движения человеческой мысли от объекта внеязыковой действительности к языковой форме, которая становится его (объекта) именем, А. М. Архангельская вводит в лингвистический обиход понятие «*протомотивационной структуры номинанта* (имени объекта, подвергшегося номинации – Н. Д.), которая будет включать номинант в определенную ономаσιологическую категорию» [14, с. 26].

Ономаσιологическая категория для номинативной единицы – это «интегрирующий признак совокупности номинативных единиц языка, характеризующий регулярный, одинаковый механизм их создания, который отвечает определенной общности семантики, категориально-понятийного значения и частеречного статуса» [363, с. 512].

Протомотивационная структура имени объекта базируется на представлениях о номинанте как об элементе определенного понятийного класса и реализуется в следующих понятиях, предложенных А. М. Архангельской: в мотивате (категориальном репрезентанте номинанта), в мотиванте (ассоциативном мотиве, ведущем признаке или признаках номинанта).

Ономаσιологические структуры, согласно мнению М. Докулила, являются основными мыслительными структурами, имеющими в определенном языке свое категориальное (изоморфное) выражение, которое отвечает способам номинации этого языка. Вообще понятие ономаσιологической структуры было предложено лингвистом в 1962 году и подразумевало соединение ономаσιологического базиса (форманта) и ономаσιологического признака (мотиватора).

Е. А. Селиванова, уточняя трактовку ономаσιологического базиса, отмечает: «М. Докулил рассматривает его (ономаσιологический базис – Н. Д.) как морфемный показатель – формант, подводя его под определенную

ономасиологическую категорию (= словообразовательное значение)» [359, с. 30]. Также лингвист считает, что во многих ономасиологических исследованиях неправомерно утверждение равенства между отсутствием словообразующей морфемы и отсутствием базиса: отсутствие форманта не определяет отсутствие базиса, поскольку наименование категориально обеспечено хотя бы частеречной принадлежностью.

Данный тезис требует уточнений, по крайней мере, для материала нашего исследования. Формулировка «отсутствие форманта» неприменима по отношению к ряду универбов (*планшет, демисезон, декрет, синхрон, асфальт, плацкарт, стационар, автомат* и т.п.). Во-первых, как уже было заявлено в первом разделе, формант существует всегда, даже если он не выражен материально: принципиальным здесь является наличие значения форманта. Во-вторых, в нашем случае – при универбации – имеет место имитация словообразовательного акта, в связи с чем в структуре универба обязательно выделяется аффикс с универбальным значением, имитирующим словообразовательное. Вышесказанное может быть проиллюстрировано следующими универбами: *планшет* (*планшетный компьютер*), *декрет* (*декретный отпуск*), *демисезон* (*демисезонное пальто*), *автомат* (*автоматическая коробка передач*), *противогаз* (*противогазовая маска*) и т.п., в которых ономасиологический базис воплощается в материально не выраженной морфеме.

Ономасиологическая структура номинативной единицы – это «номинативная структура языкового знака, результат мотивации как лингвопсихоментальной операции» [363, с. 512], которая объединяет формальный и семантический виды связи мотиватора и мотивированного. Например, ономасиологическую структуру универба *первичка*, который мотивирован словосочетанием *первичная партийная организация*, можно представить следующим образом: основа *первич-* сосредоточивает в себе значение сочетания слов *первичная партийная*, суффикс *-к-* – значение существительного *организация*; при этом универб возникает из-за

стремления людей к экономии речевых средств, приобретает грамматические характеристики главного слова словосочетания.

Понятия ономаσιологической категории и ономаσιологической структуры разработаны наиболее полно в словообразовании и позволяют описывать «акт номинации словообразовательного порядка как состоящий в подведении обозначаемого под определенную ономаσιологическую категорию (предметности, процессуальности или признаковости и их разновидностей) и потому связанный прежде всего с оформлением ономаσιологического базиса будущего наименования» [228, с. 346].

Поскольку вербальный дублет номинатемы исследуемого типа – универб – по своей структуре является имитацией результата словообразовательного акта, вышеуказанные понятия могут быть применены по отношению к нему.

Ономаσιологическая модель – это схема формирования семантической структуры номинативных единиц и их реализаций – результатов языковой и речевой номинации. Е. А. Селиванова определяет ономаσιологическую модель на основании следующих признаков:

- 1) общего смысла ономаσιологического базиса (формантной структуры);
- 2) конкретного содержания двух или более ономаσιологических признаков (отсылочной части);
- 3) их валентного потенциала и смысловой связи;
- 4) типа отношений между базисом и признаком.

Лингвисты [448; 548] определяют структуру ономаσιологической модели как двучленную, которая включает ономаσιологический базис, эквивалентный архисеме главного компонента исходной конструкции, и ономаσιологический признак, эквивалентный семантическому множителю главного компонента исходной конструкции, актуализированному в ее зависимом компоненте. Более того, отличие концепции В. И. Теркулова от

концепции М. Докудила состоит в том, что она распространяется на случаи внутренней мотивации.

Ученый отмечает, что классификация, настроенная на описание формирования «чистой» номинативной семантики, требует установления механизма создания ономаσιологической структуры его значения, включающей (по М. Докудилу):

а) ономаσιологический базис, который указывает на определенный понятийный класс – родовое понятие (например, «процесс»), к которому отнесено наименование;

б) ономаσιологический признак, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса (например, для названий действий – направление, производитель, статус и т.п.) [448, с. 217].

В большинстве случаев в универбах исследуемого типа ономаσιологический базис формируется на основе семантики главного слова эквивалентного словосочетания, а ономаσιологический признак – на основе семантики зависимого слова. Например, [приспособление (базис)] + [способ (признак)], *автомат – автоматическое устройство*; [лицо (базис)] + [каузатив (признак)], *автопромышленник – владелец автопромышленного производства*; [приспособление (базис)] + [комитатив (признак)], *авторазвозка – авторазвозочная машина*, [предприятие (базис)] + [медиатив (признак)], *атомка – атомная электростанция*. Однако целый ряд универбов демонстрирует формирование ономаσιологического базиса на основе семантики зависимого слова эквивалентного словосочетания, а ономаσιологического признака – на основе семантики главного слова. Например: [квантитатив (признак)] + [период (базис)], *пятак – пять лет*; [квантитатив (признак)] + [часть организма (базис)], *пятерня – пять пальцев*, [квантитатив (признак)] + [группа людей (базис)], *двойня – двое детей*.

Ономаσιологическая модель конкретного эллиптического универба повторяет ономаσιологическую модель исходного словосочетания.

Таким образом, структура ономаσιологической модели внутренней мотивации отражает соединение ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака с необходимыми дополнениями в разных конкретных случаях. Общий вид ономаσιологической модели таков: **[ономаσιологический базис] + [ономаσιологический признак]**.

Ономаσιологический базис и ономаσιологический признак являются «теми основными векторами движения мысли номинатора, которые определяют его деятельность на пути получения номинатом имени. В разных типах номинантов эти векторы только по-разному актуализируются благодаря влиянию номинационной и прагматической интенции субъекта именования» [14, с. 28].

М. Докулил считает, что ономаσιологический базис как констатация включения какого-либо явления внеязыковой действительности в определенный понятийный класс, который имеет категориальное выражение, является простым, то есть состоит из одного компонента. При этом возможны различной степени обобщения (объединения в группы, классы по общему признаку). Ученый замечает, что факт внеязыковой действительности, который должен получить имя, относится к определенной ономаσιологической категории (например, категории объектов) и оформляется соответствующим образом в ее границах и как элемент определенной части речи (например, имя существительное), и как элемент определенного семантического разряда (например, разряда «продукты»): *гречка (гречневая каша), овсянка (овсяная каша), манка (манная каша), перловка (перловая каша)*.

В ономаσιологических моделях универбов исследуемого типа ономаσιологический базис действительно является структурно простым: грамматический и семантический показатели (аффикс, отождествляемый в данном случае с ономаσιологическим базисом, прежде всего семантический модификатор) совмещаются в едином репрезентанте класса, к которому относится конкретный универб. Например, в универбах *заочка (факультет*

заочного обучения), *массажировать* (делать массаж), *кенгуренок* (детеныш кенгуру) каждый конкретный суффикс (-к-, -(ир)ова-, -енок-) являются одновременно и грамматическим, и семантическим классификационным показателем.

Следует подчеркнуть, что и на ономаσιологический базис, и ономаσιологический признак в нашем случае может указывать как аффикс, так и основа, омонимичная производящей.

В отличие от ономаσιологического базиса, который является неизменной величиной, ономаσιологический признак является величиной изменяемой, которая призвана конкретизировать или уточнять ономаσιологический базис. По мнению М. Докулила, ономаσιологический признак может быть как простым, так и сложным. Данное утверждение целесообразно с точки зрения структуры основы, омонимичной производящей.

Сложный (составной) ономаσιологический признак, согласно М. Докулилу, имеет двойную структуру; он может быть развит признаком действия или деятельности (пациентом, результатом, местом, временем, способом, мерой и т.д.). Кроме этого, ономаσιологический признак может иметь и развернутую структуру, например: *шестидесятник – представитель интеллигенции шестидесятых годов XX в., периода хрущевской оттепели; пятидесятник – в стрелецком или казачьем войске возглавляющий отряд в пятьдесят человек.*

Таким образом, типология ономаσιологических моделей представляет собой базу для правильного формирования и описания ономаσιологической категории исследуемых единиц, с одной стороны, и трактовки ономаσιологической структуры, с другой.

3.2. Понятие об ономасиологическом классе универбов. Типология ономасиологических базисов и признаков

Как было отмечено в предыдущем подразделе, ономасиологическая модель эллиптического универба двукомпонентна: она представляет собой комплекс ономасиологического базиса и ономасиологического признака. Спроецировав высказывание Э. Бенвениста об ономасиологических особенностях сложных имен в плоскость универбации, отмечаем следующее: при анализе универбов «следует различать два фактора, которые подчиняются разным условиям: логическое отношение и формальную структуру. Последняя зависит от первого. Только логическое отношение дает критерии для функциональной классификации» [24, с. 242], в данном случае, универбов.

Необходимо дифференцировать понятия ономасиологический класс и класс референтов. Каждый из них объединяет универбы согласно критериям, определяющим данный конкретный класс.

Рассматриваемые нами группы универбальных номинатом являются лингвистическими объединениями номинативных единиц высокого порядка. Вопрос заключается лишь в определении структуры этого объединения. Для решения данной проблемы необходимо установить черты, объединяющие рассматриваемые единицы в классы. В силу того, что мы изначально указали на ономасиологическую доминанту нашего исследования, это возможно на основе определения особенностей номинативной структуры указанных номинатом.

Выше нами уже отмечалось, что тождество любой номинатомы обеспечивается тождеством его инвариантного языкового значения, которое, по мнению Р. Р. Тазетдиновой, должно быть определено как концепт, поскольку именно «в основе концепта лежит исходная, прототипическая модель <...> значения слова (т.е. инвариант всех значений слова)» [428, с. 2]. Задача состоит в том, чтобы определить, какие именно особенности концепта значимы при объединении рассматриваемых нами единиц в одну группу.

Мы согласны с мнением, высказанным О. В. Блюминой, что первый уровень признаков объединения номинатом следует назвать грамматическим инфраструктурным. Все исследуемые в нашем случае универбы относятся либо к существительным, либо к глаголам (их сравнительно небольшое количество), и имеют полный набор грамматических признаков данных частей речи. «Именно частеречная характеристика делает концепт внесенным в ономасиологическую структуру языка» [33, с. 44], – считает О. В. Блюмина. Мы также опираемся на мнение М. Докулила, который утверждает, что «обобщенное отражение действительности в сознании сначала определенным образом обрабатывается, расчленяется и упорядочивается в соответствии со способами наименования данного языка. Это внутреннее формирование понятия по отношению к его выражению в данном языке происходит при помощи так называемых ономасиологических категорий, т.е. основных понятийных категорий, образующих в данном языке основу названия и обладающих своим категориальным выражением» [548, с. 196]. Развивая данный тезис, Е. С. Кубрякова указывает на предельный уровень ономасиологического членения, предлагая соотносить ономасиологические категории с частями речи, ориентированными на разное обозначение по-разному воспринимаемых объектов действительности [205, с. 25]. Следует, таким образом, относить данную характеристику к «верхнему» уровню структуризации концепта, который в этом случае может трактоваться как номинативное значение. Такой подход мы находим, например, у В. М. Никитевича, который определяет номинативное значение как «лексическое значение, в котором непременно присутствует как обязательный элемент целостное значение части речи и его подкласса» [287, с. 17]. То же мнение высказывает и А. А. Уфимцева: «Тезис о неразрывном единстве лексического и грамматического в слове был и остается методологической основой изучения значения слова, обусловленной самой двойственной (языковой и экстралингвистической) природой слова» [482, с. 8]. При этом «роль грамматических значений – смыслоорганизующая. Лексические и

грамматические значения в смысловой структуре слова образуют цельные семантические комплексы. Реализация лексического значения без учета грамматической семантики, то есть вне грамматически организованной речевой единицы невозможна или, по крайней мере, затруднительна» [109, с. 31]. Также нельзя не согласиться с А. Вежбицкой, которая считала, что грамматические компоненты являются непрямыми способами вербализации концепта, включающими в себя сочетаемость, грамматические характеристики и другую информацию, из которой можно вывести его признаки [49, с. 92].

Опираясь на вышесказанное, можно утверждать, что «классификация слов по частям речи не может считаться чисто грамматической, но имеет свою – и притом ярко выраженную – лексическую сторону» [224, с. 15]. Более того, некоторые ученые вообще считают ее чисто лексической [19, с. 128-129; 248]. В. М. Русановский говорит о слитности лексического и грамматического в глоссе следующим образом: «Лексема (в нашем случае – глосса – Н. Д.) *зеленый* является носителем признака «зеленый», но кроме этого еще и носителем семы «родовой признак». Последняя нашла свое воплощение в лексеме (глоссе – Н. Д.) в целом, а также в морфеме *-ый*» [346, с. 10].

Поэтому вслед за В. И. Теркуловым мы и считаем, что «грамматическое значение, интегрированное в общее инвариантное значение номинатемы, вводит концепт, определяемый нами как ее семантическое ядро, в систему языкового членения мира, делает его соотносимым с уже устоявшимися в языке представлениями об онтологических типах референтов (предмет, действие, признак и т.п.), актуализирует в нем наиболее общие признаки этих типов и тем самым устанавливает его место в системе языка, наделяя уже свойствами соответствия внеязыковой действительности языковым моделям» [445, с. 100].

Иначе говоря, тождество номинатемы обеспечивается на уровне языка единым инвариантным значением-концептом, который по сути является

системой грамматических (смыслоорганизующих) и лексических (смыслоустанавливающих) сем, актуализирующихся в речи в глоссах в ситуациях денотации и коннотации.

Как уже было сказано выше, рассматриваемые нами универбы представлены словами двух основных частей речи: существительными и глаголами. Однако для полного описания номинатива исследуемого типа этого указания недостаточно. Точнее, этого недостаточно для характеристики универбов-существительных, поскольку семантически они представлены комплексом именных семантик, одна из которых является определяющей (семантика главного зависимого существительного или прилагательного эквивалентного словосочетания), другая – определяемой (семантика или главного существительного или числительного эквивалентного словосочетания). Например: *военная служба – военка, курсовая работа – курсак, шапка пилота – пилотка, пять пальцев – пятерня, три рубля – тройка, десять баллов – десятка, день рождения – днюха* и т.п.

Универбы-глаголы представлены двумя основными классами: 1) глаголы, обозначающие действие, связанное с предметной семантикой (*укладывать асфальт – асфальтировать, делать массаж – массажировать*); 2) глаголы, обозначающие действие, связанное с другим действием (фазовость) (*начать петь – запеть*). В универбах-глаголах первого типа определяющей является семантика зависимого существительного эквивалентного словосочетания, определяемой – семантика глагола эквивалентного словосочетания. В универбах-глаголах второго типа и определяющая семантика, и определяемая семантика являются глагольными, то есть совпадают.

В любом из вышеуказанных случаев определяющая семантика (признак) концентрируется в основе универба, определяемая (базис) – в аффиксе, имитирующем словообразовательный аффикс.

Вместе с тем очень важно установить то, каков когнитивный статус рассматриваемых универбов. Мы уже отмечали, следуя мнению

Р. Р. Тазетдиновой и В. И. Теркулова, что основой тождества номинатемы является его языковое концептуальное значение. В принципе, каждый концепт может иметь доминантные черты разных структур представления знаний. И. А. Стернин говорит о трех разных типах концептов:

1) концептах-представлениях, представляющих собой «обобщенные чувственно-наглядные образы предметов и явлений» [420, с. 24], например: *ночь, бабушка, солнце* и т.п.;

2) концептах-понятиях, которые определяются как «мысль о наиболее общих, существенных признаках предмета или явления, результат рационального отражения основных, существенных признаков предмета» [420, с. 25], например: *истец, ответчик, судья*;

3) концептах-гештальтах, которые описываются как «комплексные, целостные функциональные структуры», упорядочивающие «многообразие отдельных явлений в сознании» [420, с. 24-25], например: *театр, подготовка, написание*.

С данной типологией концептов можно согласиться, однако она требует, на наш взгляд, некоторых достаточно важных уточнений.

Во-первых, вызывает сомнение возможность разделения субстанциональных концептов на концепты-представления и концепты-понятия. Как писал В. И. Теркулов, на уровне языка «всякий концепт содержит в себе рациональное и чувственно-наглядное одновременно» [445, с. 222]. При этом на уровне речевой номинации может актуализоваться в одних ситуациях чувственно-наглядное (представление), а в других – рациональное (понятие). Именно поэтому на уровне языка констатируется существование единых субстанциональных концептов, то есть концептов, связанных с представлением о внутриязыковой ситуации, но не связанных с представлением о внеязыковой.

Во-вторых, если концепты с субстанциональной доминантой являются гомогенной группой, то концепты-гештальты, настроенные на интерпретацию ситуаций, подразделяются на фреймы, трактуемые как

«структуры данных для представления стереотипной ситуации» [269, с. 7] и репрезентирующие **статическое** представление о ней, и скрипты (сценарии), представляющие обозначенную номинатемой ситуацию в виде «списка событий, задающих стереотипный эпизод» (см. [565]) и репрезентирующие **динамическое** представление о ней.

В нашем случае чрезвычайно важным является утверждение о том, что концепт «может в разных коммуникативных условиях реализовывать либо гештальт, либо понятие, либо представление, поскольку все эти концепты представляют разные уровни мыслительной абстракции, а коммуникативные потребности могут потребовать разной степени конкретизации мысли» [420, с. 26]. Иначе говоря, мы согласны с И. А. Стерниным в том, что заданный на уровне языка концепт как унифицирующая сущность в речи конкретизируется, актуализируя те или иные свои конституенты. Как писали В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин, «лингвокультурный концепт многомерен <...>. Традиционные единицы когнитивистики (фрейм, сценарий, скрипт и т.д.), обладая более четкой, нежели концепт, структурой, могут использоваться исследователями для моделирования концепта» [169, с. 76]. Эта многомерность и становится причиной и возможностью разнонаправленной актуализации той или иной структуры представления знаний.

Именно так представлены знания и в рассматриваемых нами универбах, по крайней мере, тех, которые представляют концепты-гештальты. В них отражается динамика перехода скрипт > единый гештальт > фрейм.

Более подробное описание исследуемых единиц невозможно без формирования классификаций их ономаσιологических базисов и ономаσιологических признаков.

«Ономаσιологический базис несет в себе общую семантику ономаσιологического подкласса» [448, с. 221]. На основании этого мы

выделяем такие типы базовых значений рассматриваемых универбов, то есть типы ономаσιологических базисов.

I. **Лицо.** Основными конкретизаторами данного ономаσιологического базиса являются:

1) житель, например, *житель Москвы – москвич: **Житель Москвы, присутствовавший на оглашении приговора своему брату, неожиданно сорвался*** (КП 06.08.2011) – *Так, в мае прошлого года **москвич**, купив лотерейных билетов на 560 рублей, выиграл аж 35 миллионов рублей* (КП 13.10.2010);

2) жительница, например, *жительница Омска – омичка: **Четыре жительницы Омска отравились парами хлора в одном из бассейнов города*** (АиФ, 06.09.2010). – *Там же **омичка** Татьяна Бородулина представляла интересы австралийского шорт-трека* (АиФ, 23.11.2011).

3) жители, например, *жители Киева – киевляне: **Жители Киева голосовали не только за партии, претендующие на места в парламенте, но и выбирали мэра столицы*** (Известия, 30.03.2006; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). – ***Киевляне** получили первые платежки с повышенными расценками на коммунальные услуги: **ЖКУ подорожали от 100 до 300гривен, в зависимости от площади квартиры*** (Новый регион 2, 2011.03.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

II. **Группа лиц.** Основными конкретизаторами данного ономаσιологического базиса являются:

1) дети, например, *трое детей – тройня: **Суррогатная мать, которая решила выносить ребенка, родила сразу троих детей!*** (КП, 19.12.2005; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru). – *В июне прошлого года Татьяна родила **тройню*** (Труд-7, 2008.03.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

2) люди, объединенные чем-либо общим, например, *пять игроков – пятерка: **Если в команде пять игроков, а на площадке четыре, то тренер в необходимых ситуациях всегда должен делать замену*** (Советский спорт,

01.03.2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru). – *Как ни странно, великолепная **пятерка** может еще два раза нарушить правила, не позволяя сопернику пробивать штрафные* (Советский спорт, 02.03.2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

III. **Возрастной статус**, основными конкретизаторами которого являются:

1) ребенок, например, *семилетний ребенок – семилетка: Животина весит как **семилетний ребенок**, а ее мясо оказалось ядовитым* (КП 01.09.2011) – *До 10 часов в неделю **семилетки** проводят в спортивных секциях и творческих кружках* (КП 23.11.2011);

2) детеныш животного, например, *детеныш тюленя – тюлененок: В Калининграде родился **детеныш тюленя**, занесенного в Красную книгу* (КП 15.03.2011) – *Тюлененок может стать одним из первых новоселов в будущем океанариуме на острове Русский* (КП 02.06.2011).

IV. **Семейный статус**, основными конкретизаторами которого являются:

1) супруга, например, *жена губернатора – губернаторша: **Жена губернатора** вручила стипендии талантливым детям* (КП 03.06.2010) – *Народная молва утверждает, что ставропольская **губернаторша** – лицо кавказской национальности* (КП 05.03.2004);

2) дочь, например, *дочь попа – поповна: **Жена – молоденькая, дочь попа**, была сестрой милосердия в «Красном Кресте* (Максим Горький. Жизнь Клим Самгина. Часть 2 (1928)) – *Молодёжь поразвязнее, и у отца Николая, после бегства матушки с роем ещё каких-то женщин, в гостиной осталась занимать нас молоденькая **поповна*** (З. Н. Гиппиус. Задумчивый странник (о Розанове) (1923));

3) сын, например, *сын царя – царевич: Единственным, кто читал газету «Уральский рабочий», доставляемую в Дом особого назначения, был **сын царя Алексей**, страдавший гемофилией* (А. Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001)) – *Судьбу своей семьи не знает, но одно время с родственниками*

виделась: приезжал **царевич** Алексей, да и отец (имеется в виду император Николай II) работал садовником в Сухуми (Е. Иванченко. Настя Феникс (2003) // «Вслух о...», 2003.07.15).

V. Профессия, основными конкретизаторами которого являются:

1) офицер, например, *белый офицер* – *беляк*: Однако режиссер считал, что Беров более убедителен и аристократичен в образе **белого офицера** (КП 21.10.2009) – Так там красноармейцы отпустили **беляка** и даже рыбу не отобрали (КП 08.08.2010);

2) служащий, например, *работник силового ведомства* – *силовик*: Как правило, в паре с владельцем работает человек прикрытия-действующий, или бывший **работник из силового ведомства** (КП, 21.10.2010). – Первым в России почетным консулом Монголии стал уральский **силовик** (КП, 06.08.2009);

3) актер, например, *актер МХАТа* – *мхатовец*: Оказывается, первым ее исполнителем стал в 1972 году **актер МХАТа** Юрий Пузырев, но авторы остались не очень довольны записью (КП, 09.02.2006). – Роль ее возлюбленного Александра исполнит **мхатовец** Евгений Цыганов (КП, 17.09.2003);

4) врач, например, *глазной врач* – *глазник*: Эрот Мерула, **глазной врач** из Асизия, в I-II вв. н.э. оставил после себя капитал в 800 тыс. сестерций (КП 01.09.2010) – Районный «**глазник**» разводил руками, а операция была только недостижимой мечтой (КП 25.04.2006).

VI. Процесс, основными конкретизаторами которого являются:

1) вид деятельности, например, *лабораторная работа* – *лабораторка*: **Лабораторная работа** в первую очередь призвана научить практическим измерениям, или изложению рассуждений о точности (КП 03.12.2010) – Вершина творческой мысли – **лабораторка** с применением загадочных порошков и выдавших виды приборов (КП 03.12.2008);

2) строительство, например, *незавершенное строительство* – *незавершенка*: Перед подачей кассационной жалобы мне сказали оценить

свое незавершенное строительство и предоставить суду документы... (КП, 28.03.2011) – *У меня встречный вопрос: земельный участок под эти цели предоставлялся и «незавершенка» зарегистрирована в собственности?* (04.02.2008).

VII. Отрасль, основными конкретизаторами которого являются:

1) вид спорта, например, *синхронные прыжки – синхронка: В синхронных прыжках с трехметрового трамплина у женщин победили двукратная олимпийская чемпионка Ву Минся и обладательница Кубка мира в индивидуальных и синхронных прыжках с трамплина Хе Ци* (Спорт Экспресс, 18.07.2011). – *Сегодня программу соревнований по прыжкам в воду на чемпионате Европы в Будапеште открыл женский синхрон на вышке 10 м.* (Спорт Экспресс, 13.08.10).

VIII. Объединение людей (учреждение), основными конкретизаторами которого являются:

1) академия, например, *Тимирязевская академия – Тимирязевка: С абрикосами работали все научные наши учреждения: и Тимирязевская академия, и Ботанический сад МГУ* (КП, 31.07.2009). – *Профессиональная закладка садов специалистами Тимирязевки, озеленение участков* (КП, 26.04.2007);

2) больница, например, *психиатрическая клиника – психушка, психиатричка: Во время акции казалось, что психиатрическая клиника объявила День открытых дверей* (КП, 04.09.2011). – *Полковник Шибыл, расследовавший смоленскую катастрофу, попал в психушку* (КП, 12.01.2012). – *...один из классических имптомов в психиатрии – даже милиция, скорая и психиатричка в дни полнолуния работают в усиленном режиме* (www.kp.ru/daily/forum/article/515557/);

3) школа, например, *двенадцатилетняя школа – двенадцатилетка: Ведь 80% наших детей уже учатся по программам двенадцатилетней школы* (КП, 10.05.2006). – *В большинстве районов области введут двенадцатилетку* (КП, 18.03.2001);

4) галерея, например, *Третьяковская галерея – Третьяковка*: Однако те, что сейчас выставлены в *Третьяковской галерее*, там и останутся (КП, 2011.04.16). – Чертежи этой статуи есть в *Третьяковке* и *Пушкинском музее* (КП, 2011.04.16);

5) театр, например, *Мариинский театр – Мариинка: Мариинский театр* надолго запомнится читинцам и гостям города (КП, 03.10.2011). – Однако и это не предел, в минувшую субботу на заслуженный отдых проводили артистку *Мариинки*, которой стукнуло всего 21 год (КП, 23.03.2008).

IX. Объединение людей (предприятие), основными конкретизаторами которого являются:

1) магазин, например, *комиссионный магазин – комиссионка*: Кто-то в Минске наконец создал **комиссионный магазин** брендовых вещей с доступными ценами (КП, 02.10.2011). – Оказавшись в **комиссионке**, вещи теряют в цене в два-три раза (КП, 28.01.2010);

2) мастерская, например, *столярная мастерская – столярка*: По данным МЧС, в подвале второго корпуса новокузнецкого интерната находится **столярная мастерская**, на окнах стоят глухие металлические решетки, и в довершение ко всему монтаж проводки выполнен неправильно (КП, 2009.03.06). – Еще в Москве, – говорит столяр Юрий Петров, – замыслил в своей **столярке** «мощность увеличивать» (КП, 2003.07.29).

X. Процедура, основными конкретизаторами которого являются:

1) оплата, например, *почасовая оплата – почасовка*: **Почасовая оплата** труда составит 5,66 гривен (КПВУ, 01.01.2011) – Опасная «**почасовка**». Казалось бы, все правильно: чтобы не обидеть тех, кто работает на ставке, депутаты как бы уравнили их... (КПВУ, 04.06.2007);

2) расчет, например, *безналичный расчет – безнал*: А вот для жителей провинций переход на **безналичный расчёт** может стать затруднительным (АиФ, 05.10.2011). – Мы решили узнать, нравится ли это

тем, кто уже пользуется пластиковыми картами, и не страшит ли переход на **безнал** тех, кто еще (АиФ, 05.02.2008).

XI. Результат, основными конкретизаторами которого являются:

1) заболевание, например, *белая горячка – белка*: Поэтому в феврале медики ожидают нового наплыва пациентов, но уже с другим диагнозом – **белая горячка** (КП, 11.01.2005). – Назвали бы лучше этот памятник "*Белая горячка*" или проще "*Белка*" (КП, 01.02.2011).

XII. Явление, основными конкретизаторами которого являются:

1) система, например, *уравнительная система – уравниловка*: Все как всегда, **уравнительная система** – по самым Головам (максимуму), и без учета самых низов (КП, 25.08.2010). – Я против **уравниловки** в вопросе распределения стипендий, - начал Андрей Фурсенко (КП, 31.10.2011);

2) состояние, положение, например, *напряженное положение – напряженка*: Ведь когда я пришел, ситуация усложнялась не только политическим кризисом, и в экономике **положение** было очень **напряженное** (КП, 16.07.2008). – Расположен крытый манеж на улице Колхидской, а с транспортом в тех краях всегда была **напряженка** (КП, 29.11.2011);

3) период времени, например, *пятидневная неделя – пятидневка*: **Пятидневная неделя** в школах – это мечта школьников, – говорит министр образования Николай Карпушин (КП, 23.09.2009). – Предстоящая **пятидневка** в Туле будет теплой и сухой (КП, 07.09.2009).

XIII. Объект, основными конкретизаторами которого являются:

1) строение, например, *временная постройка – временянка*: В Туле судебные приставы освободили участок, на котором была **временная постройка** (КП, 21.10.2011). – На рыбных местах рыбаки ставят домики-**временянки** (КП, 03.06.2011);

2) помещение, например, *кладовое помещение – кладовка*: Является ли перепланировкой, демонтаж деревянной перегородки с дверью в **кладовое помещение**, в квартире девятиэтажного дома (КП, 12.07.2010). – Раз в год

все от мала до велика достают из **кладовки** кеды и отправляются совершать подвиг (КП, 23.08.2011).

XIV. Продукт, основными конкретизаторами которого являются:

1) издание, например, *многотомное издание – многотомник*: Их предъявил миру Михаил Ромм в фильме «Обыкновенный фашизм», они вошли во все **многотомные издания** о войне (КП, 01.02.2012). – В **многотомник** войдут около 400 рукописных текстов сверженного лидера (КП, 07.05.2008);

2) фильм, например, *многосерийный фильм – многосерийник, многосерийка*: В **многосерийном фильме** добавлена историческая документальная хроника (КП, 14.06.2011). – А ведь это тоже копия с американского **многосерийника** - «Все любят Реймонда» (КП, 16.02.2011). – **Многосерийка** «Черные волки», которую мы начали смотреть в понедельник, позволила Безрукову реализовать все амбиции (КП, 20.10.2011);

3) газета, например, *районная газета – районка*: В России **районная газета** не может быть действенной (КП, 12.10.2011). – Ее тираж (12 тысяч экземпляров, а в лучшие времена и все 14 тысяч) был больше, чем тираж «Адзінства», официальной **районки** (КП, 25.08.2005);

4) работа, например, *курсовая работа – курсак, курсач*: Первый мой фильм – **курсовая работа** во ВГИКе – новелла "Егер" по одноименному рассказу Чехова, где играли Наталья Бондарчук и Михаил Кононов (Труд-7, 2001.08.10). – Не знаю, как она умудрилась защитить уже четыре „**курсача**“, но факт остается фактом (Труд-7, 2011.01.12);

5) продукты питания, например, *медовый пирог – медовик*: Готовим: **пирог медовый**, грибные котлеты, фасоль в томате (КП, 27.02.2010). – Гуру кондитерки Александр Селезнев на глазах у изумленной публики создаст гигантский **медовик** (КП, 26.05.2010);

6) напитки, например, *газированная вода – газировка*: Из помещения склада, где хранилась **газированная вода** и слабоалкогольная продукция, шел дым (КП, 16.12.2007). – **Газировка** пользовалась популярностью и считалась

отличным средством от многих недугов еще со времен Гиппократ (КП, 24.07.2011).

XV. Локация, основными конкретизаторами которого являются:

1) местность, например, место за рекой – заречье: *А в музее города Усмани я как-то прочел наказ воеводы тех лет «стороже», наблюдавшей в местах за рекой за Диким полем: «На одном месте два раза кашу не варить, где обедал – не ужинать, где ужинал – не ночевать»* (КП, 2002.11.29). – *В погожий осенний день наблюдали мы заход солнца в заречье* (КП, 2002.11.01);

2) населенный пункт, например, город с населением в один миллион – миллионник: *Мегакластеры по сути огромные города с населением до 1 млн человек жителей* (АиФ, 16.06.2010). – *Среди 11 городов-миллионников лучшие условия для развития малого и среднего бизнеса в Челябинске, Екатеринбурге и Самаре* (15.06.2011).

XVI. Локация (эргонимический объект), основными конкретизаторами которого являются:

1) проспект, например, *Лиговский проспект – Лиговка: В доме на Лиговском проспекте обрушились перекрытия* (КП, 03.09.2010). – *Невский и Московский проспекты, Садовая улица, Лиговка – везде скакали и орали счастливые люди* (КП, 22.06.2008);

2) улица, например, *Кировская улица – Кировка: Улица Кирова как нельзя лучше подходит для создания пешеходной зоны* (КП, 27.04.2011). – *Если вы завтра будете гулять по пешеходной Кировке и вдруг встретите девушку в бигудях или лохматого парня с подушкой...*(КП, 05.06.2010);

3) рынок, например, *Хитров рынок – Хитровка: При возникновении этого явления жизнь Хитрова рынка на минуту ... самое опасное и самое зловонное место Москвы – Хитров рынок* (КП, 31.07.2009). – *Москвичи выступают против постройки нового бизнес-центра в центре знаменитой московской Хитровки* (КП, 30.03.2008);

4) площадь, например, *Лубянская площадь – Лубянка: На Лубянской площади разместился самый известный российский магазин для малышей – «Детский мир»* (КП, 27.07.2005). – *Ну Лубянке в новогоднюю ночь состоится концерт по заявкам радиослушателей* (КП, 27.12.2010).

XVII. Локация (путь сообщения), основными конкретизаторами которого являются:

1) дорога, например, *грунтовая дорога – грунтовка: Грунтовая дорога, ведущая к главной сцене, раскисла и превратилась в жижу* (КП, 25.06.2011). – *К ней, петляя, ведет размытая дождями и разбитая грузовиками грунтовка* (КП, 25.05.2011);

2) шоссе, например, *Ленинградское шоссе – Ленинградка: Оба поезда юркнули под Ленинградское шоссе в том месте, где 26 июня власти Москвы перекрыли почти всю дорогу* (КП, 02.07.2010). – *Строительные работы на Ленинградке начнутся не раньше марта 2012 года* (КП, 11.08.2011).

XVIII. Одежда, основными конкретизаторами которого являются:

1) одежда, например, *пуховая куртка – пуховик: В этом сезоне пуховые куртки отличаются редкой изысканностью: блестящие ткани, пояса, пряжки, вышивка* (КП, 31.07.2009). – *Для пуховиков используется только оперение водоплавающей птицы – утки или гуся* (КП, 31.07.2009);

2) головные уборы, например, *полетная шапка – полетка: Пилотка (от слова «пилот») – головной убор в виде сплюснутой с ... как «перелётка» или «полётка» («полётная складная шапка»)* (КП, 12.04.2011);

3) обувь, например, *бутсы с шипами – шиповки: В конце концов шотландцы пришли к выводу, что решить проблему им позволят специальные бутсы с резиновыми шипами* (КП, 13.08.2007). – *Однако вешать «шиповки на гвоздь» никто из них не собирается* (КП, 17.11.2010).

XIX. Приспособление, основными конкретизаторами которого являются:

1) оружие, например, *двуствольное ружье – двустволка: **Двуствольное охотничье ружье** было легальным и зарегистрировано в 2003 году (КП, 24.01.2012). – Молодой мужчина очень расстроился и объяснил милиционерам, что **двустволка** досталась ему в наследство (КП, 22.02.2010);*

2) канцелярские принадлежности, например, *копировальная бумага – копирка: **Всюду обломки кирпичей, летает смятая копировальная бумага** (для эффекта пожарища) (КП, 31.07.2009). – Более двадцати лет черные, как **копирка**, страницы служили коронным доказательством «сокрытия правды о НЛО» (КП, 15.12.2008);*

3) печь, например, *электрическая плита – электричка: **Моя старая электрическая плита** постоянно ломается (КП, 13.07.2008). – В общежитии мы часто включаем **электричку** для обогрева комнаты (инф., 10.02.2012);*

4) лампа, например, *керосиновая лампа – керосинка: **Если у кого-то в доме была керосиновая лампа, то это была роскошь** (КП, 21.06.2011). – Когда император Николай Второй подписывал указы при тусклом мерцании **керосинки**, порожцам уже светила лампа накаливания (КП, 29.07.2010);*

5) часть машины, например, *универсальный кузов – универсал: **В Украине такой в максималке, но без кожи 42т.\$, а Субару как-то никак не тянет своим универсальным кузовом на внедорожник** (КП 28.09.2006). – **Универсал** дополнит линейку, состоящую сейчас из седана и хэтчбека (kr.ru/online/news/1079320/).*

XX. Средство передвижения, основными конкретизаторами которого являются:

1) машина, например, *поливальная машина – поливалка: **Поливальная машина** на базе КамАЗ была припаркована на Ленинградском шоссе на мосту через канал имени Москвы (КП, 13.06.2010). – Первой взорвавшуюся под "Камазом" машину начала тушить **поливалка** (КП, 16.06.2011);*

2) поезд, например, *товарный поезд – товарняк*: Кроме того, в ночь с воскресенья на понедельник в Дагестане был подорван **товарный поезд** (Новый регион 2, 2011.02.02). – В республике снова пустили под откос **товарняк** (КП, 2010.07.11).

XXI. Вещество, основными конкретизаторами которого являются:

1) масло, например, *камфорное масло – камфора*: А при кашле разотрите спину и грудь **камфорным маслом** и укутайте (КП, 23.09.2008). – И из продажи постепенно исчезают ихтиоловая мазь, **камфора**, зеленка (КП, 16.12.2007);

2) настойка, например, *настойка валерианы – валерьянка*: Взять под контроль такие приступы поможет **настойка валерианы**, пустырника или пиона (КП, 07.08.2003). – А вот психологи еще советуют ребятам, а особенно их родителям, попить **валерьянки** (КП, 24.05.2009).

XXII. Документ, основными конкретизаторами которого являются:

1) карточка, например, *визитная карточка – визитка*: Номер – это **визитная карточка** автомобиля (КП, 28.01.2008). – **Визитка** с номером мобильного начальника ГИБДД города Минусинска (Красноярский край) «включала» на всех местных дорогах (КП, 24.10.2011);

2) банковская карта, например, *кредитная карта – кредитка*: Есть банк, куда вносим депозит, **кредитная карта** (КП, 2011.05.04). – И еще один плюс: **кредитка** удобна во время загранкомандировок и путешествий (КП, 2010.10.23);

3) деньги, например, *наличные деньги – наличка*: Так вот, ни для кого не секрет, что **наличных денег** в сельском хозяйстве большую часть года нет (КП, 26.12.2011). – Дорожные чеки лучше **налички** (КП, 31.07.2009);

4) лист, например, *путевой лист – путевка*: Обычно для эвакуаторщиков выдается **путевой лист**, по которому они и разъезжают по городу (КП, 2010.09.01). – **Путевка** – это «документ, подтверждающий

заклучение договора возмездного оказания услуг в области любительского и спортивного рыболовства» (Новый регион 2, 2011.03.24).

XXIII. **Действие**, основными конкретизаторами которого являются:

1) действие, связанное с его субъектом, например, *быть педантом – педантствовать: Педантом был князь Сергей Михайлович Голицын* (КП, 06.05.2003). – *Педантству́й сплошь, когда охота есть, в глаза невежд кидай школярной пылью.* (Вяземский; Толковый словарь русского языка Ушакова);

2) действие, связанное с его объектом, например, *делать массаж – массажировать: Нужно обязательно делать массаж, профессиональный - не меньше 3-х курсов по 10 сеансов* (КП, 15.11.2011). – *К тому же приходилось массажировать людей с остеохондрозом, искривлениями спины, грыжей* (КП, 09.10.2009).

Данный перечень свидетельствует о разнообразии базовых значений универбов, объединяющих их в группы по типам ономаσιологических базисов.

Мы выделяем типы ономаσιологических признаков на основании «аргументов диктума», предложенных для деривационных номинативных моделей. Аргументами диктума лингвист называет «различные ориентиры бинарной коннекции уровней субъектов и предикатов» [359, с. 136].

Определение ономаσιологических признаков напрямую зависит от *синтаксемных позиций* (термин Г. А. Золотовой). Е. А. Селиванова констатирует: «Неделимость и репрезентация элементарного смысла синтаксем (минимальных семантико-синтаксических единиц русского языка – Г. А. Золотова) обеспечивает их возможность заполнять в диктуме пропозиции слоты аргументного уровня и реализовывать их коннекции с бинарной структурой субъекта и предиката» [359, с. 136].

Для универбов исследуемого типа мы выделяем следующие ономаσιологические признаки, которые соответствуют определенным слотовым позициям.

Пациентив. Ономасиологический признак указывает на лицо, предмет или признак, к которому обращено информативное, донативное или эмотивное действие, например, *глазник – глазной врач: Неважно, к хирургу они пришли или к глазнику* (АиФ, 30.04.2008) – *До 40 лет, при отсутствии генетических предрасположенностей к глазным болезням, глазного врача нужно посещать каждые 3 года* (КПВУ, 24.12.2007).

Поссесив. Ономасиологический признак указывает на объект владения, например, *бакалейщик – владелец бакалеи: Таким позавидует любой парижский бакалейщик!* (КПВУ, 18.02.2011) – *От владельца бакалеи мы узнали дорогу к центральной площади* (КПВУ, 09.12.2010); *белобочка – белобокий дельфин: Непонятно, каким образом белобочка попала в реку Мелек-Чесме* (КПВУ, 13.05.2012) – *Июнь. Черноморское. 200-килограммового белобокого дельфина обнаружили отдыхающие* (КПВУ, 07.09.2009).

Компаратив. Ономасиологический признак указывает на сравнение с кем / чем-либо, например, *арафатка – платок Арафата: Но вы же теперь помните, что никакая это не арафатка – это «эстерхази»!* (КП, 21.05.2011) – *А головной убор палестинского лидера Ясира Арафата теперь именуется по его имени – «арафатка»* (КП, 14.04.2010).

Квалификатив. Ономасиологический признак указывает на статус субъекта, например, *царствовать – быть царем: сознательно ставящий перед собой недостижимые цели, ибо только ради них стоит царствовать, то есть жить, то есть быть в этой жестокой комедии* (www.aif.ua/society/article/11511/6) – *...со старой датой он не станет «царем» России», – уточнил Юрий Буянов* (АиФ, 21.12.2010); *директорствовать – быть директором: Но я в какой-то момент понял, что больше не могу там директорствовать – скучно!* (КП, 28.10.2012) – *Журнал «Форбс» подсчитал, в каких отраслях выгоднее всего быть директором* (КП, 26.11.2012); *жениться – взять в жены: Джим Керри женится на молоденькой студентке из России* (КПВУ, 20.12.2007) – *Любой мужчина просто мечтает взять в жены разумную женщину* (КПВУ, 13.05.2011);

*обезопасить – сделать безопасным: Как **обезопасить** себя и что делать в том случае, если пострадали вы или ваша машина (КП, 15.01.2013) – Чтобы **сделать** воздух безопасным... (КП, 19.01.2013).*

Субъект действия. Ономасиологический признак указывает на лицо или предмет, осуществляющий действие или каузативное воздействие, например, *Табакерка – театр под руководством О. Табакова: В Самару Олег Табаков прибыл с супругой, актрисой театра "Табакерка" Мариной Зудиной (КПВУ, 09.02.2011) – Режиссеры: Дмитрий Дибров, Сергей Столяров; 30-летний юбилей Гарика Сукачева в театре О. Табакова (КПВУ, 04.01.2012).*

Атрибутив. Ономасиологический признак указывает на качественный признак лица, предмета, явления, например, *хохлатка – хохлатая курица: Оказалось, одна **хохлатка** припозднилась по какой-то причине (КПВУ, 18.10.2007) – Хохлатая курица хлопотливо угощает своих птенцов (А. Р. Беляев. Голова профессора Доуэля (1925); *пеструшка – пестрая курица: Самые лучшие несла **пеструшка** с черной головкой, которую, конечно, она брать не будет (Василь Быков. Знак беды (1982); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – Большая **пестрая курица**, захлебнувшись кудахчущим криком, выскочила из молодых лопухов на дорогу (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995-1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).**

Инструментив (инструменталис). Ономасиологический признак указывает на орудие производимого действия, например, *зондировать – исследовать посредством зонда: ...прибор, позволяющий **зондировать** состояние любого материала (КП, 25.11.2009) – Иногда, когда консервативная терапия не дает желаемого результата, мы делаем цистоскопию, **исследование с помощью зонда** (КПВУ, 09.10.2007).*

Медиатив. Ономасиологический признак указывает на способ, средство действия лица, предмета, явления или воздействия на лицо, предмет, явление, например, *ветряк – ветряная мельница: Я в детстве запомнил в нашем селе три **ветряка** (КПВУ, 26.06.2006) – **Ветряная***

мельница получила ряд серьезных повреждений: одна из лопастей ее была покорежена, а вторую и вовсе оторвало (КПВУ, 09.01.2009); *атомка* – атомная электростанция: **Атомка** питает не только объекты экономики Курской области, но и ряда других регионов России, а также соседней Украины (КП, 27.08.2012) – Один из двух реакторов **атомной электростанции** «Чернаводэ» в Румынии в среду вечером был экстренно отключен (КП, 09.01.2013); *гипнотизировать* – воздействовать гипнозом: *И он в этом прав, потому что людей с невероятной энергетикой, способных гипнотизировать* окружающих (КПВУ, 11.10.2007) – *И не смотрите им в глаза: на вас могут воздействовать гипнозом* (КПВУ, 07.09.2007).

Комитатив. Ономасиологический признак указывает на сопровождающее действие, признак, сопутствующий предмет, например, *вальсировать* – танцевать вальс: *В залах роскошного отеля будут вальсировать* первые лица города и области, мэры, бизнесмены, светские персоны (КПВУ, 28.10.2011) – *Учу сынишку Лешу танцевать вальс ... хорошая возможность не только заняться собой, но и научиться танцевать* (КПВУ, 07.04.2007); *ушанка* (Сидел очень закутанный: свитер, шарф, меховая **ушанка**, на коленях толстое шерстяное одеяло. – В. Аксенов. Таинственная страсть (2007); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *шапка с ушами* (Вместе с этими предметами он покинул неизвестную квартиру, что-то бормоча, конфузясь при мысли о том, что он только что пережил в ванной, невольно стараясь угадать, кто бы был этот наглый Кирюшка и не ему ли принадлежит противная **шапка с ушами**. – М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

Квалитатив. Ономасиологический признак указывает на качество действия, например, *конвоировать* – вести под конвоем: *И там им пришлось соревноваться в мастерстве не только грамотно заламывать руки преступникам и правильно конвоировать* (КПВУ, 13.10.2009) – *Например,*

как *вести под конвоем приговоренного к пожизненному заключению* (КПВУ, 02.11.2010).

Фабрикатив. Ономасиологический признак указывает на материал, вещество, из которого сделан или состоит предмет, например, *овсянка – овсяная каша: Овсянка вместо Ботокса или старинные рецепты красоты* (КПВУ, 31.01.2012) – *Как известно, чаще всего эксперименты с диетами проводят молодые женщины, но в овсяной каше нет животных белков* (КПВУ, 17.05.2011); *каменка – каменная печь: Электрическая печь-каменка, нагревающая воздух* (КПВУ, 18.03.2012) – *Сложить настоящую каменную печь – дело сложное и ответственное, и надо еще найти хороших мастеров* (КПВУ, 20.09.2007); *медяк – медная монета: Она была бедна – в карманах у неё нельзя было найти даже одного медяка* (КПВУ, 05.01.2012) – *Боль в ногах хорошо снимают старые медные монеты* (КПВУ, 03.06.2011).

Делибератив. Ономасиологический признак указывает на социальное действие или восприятие, например, *бомжатник – пристанище бомжей: За забором жуткая грязь, свалка металлолома и вагончик-бомжатник* (КП, 2006.10.31) – *Рядом строят новые дома, а мы оказались между двух домов, которые давно уже превратились в пристанище бомжей!* (КП, 2008.09.09).

Дестинатив. Ономасиологический признак указывает на назначение лица, предмета, явления например, *молочник – сосуд для молока: Оригинальнее преподнести красиво упакованный чайный набор на одну персону – чашка, блюдо и молочник* (КПВУ, 06.03.2007) – *Питчинг – нанесение рисунков с помощью питчера (специального сосуда для молока)* (КПВУ, 25.04.2011); *бальник – бальный танцор: Хорошо, что вернулись к первоначальной идее – пара – профессионал-бальник и знаменитый или известный человек* (КП, 24.09.2012) – *Ваше хореографическое образование: профессиональный танцор бального танца* (КП, 11.11.2010).

Трансгрессив. Ономасиологический признак указывает на результат превращения, например, *овдоветь – стать вдовой: Чтобы не овдоветь или не развестись, скажите тут же: «Господи, не допусти лихого. Аминь»*

(КПВУ, 14.11.2009) – *И именно Жаклин предстояло в скором времени **стать** безутешной **вдовой** Пикассо* (КПВУ, 06.10.2009); *безножка – безногий человек: во время мытья в ту палату никого не пуцали, кому тут дела не будет, чего накрепко смотреть и исправлять по сему, только в тех судах после нашего белья мыть рубашки матери **безножки*** (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск седьмой: XVIII столетие (1862-1875) – *На концерте Филиппа Киркорова **безногий человек** встал и вышел* (КП, 09.12.2012).

Дистрибутив. Ономаσιологический признак указывает на распределительные отношения, например, *почасовка – почасовая оплата: Опасная «**почасовка**». Казалось бы, все правильно: чтобы не обидеть тех, кто работает на ставке, депутаты как бы уравнили их* (m.kp.ua/kyev/pda/articles/040607/5556/) – ***Почасовая оплата** труда может привести к уменьшению зарплаты горняков* (КПВУ, 27.06.2008); *безнал – безналичный расчет: Таксистов пугает табличка «за **безнал**»* (КПВУ, 17.03.2008) – *Прямая линия: Что такое электронные деньги и чем они отличаются от **безналичных расчетов*** (КПВУ, 13.02.2013).

Локатив. Ономаσιологический признак указывает на местонахождение в пространстве, например, *надпочечник – надпочечная железа: **Надпочечники** начинают в больших количествах выбрасывать половые гормоны - андрогены* (КПВУ, 18.07.2008) – *Указательный палец состояние – гипофиза, средний палец – **надпочечные железы**, безымянный палец – вилочковой железы* (КПВУ, 30.03.2011); *Заполярье – местность за Полярным кругом: После 30 лет службы (не отдыха и пьянки) на Дальнем Востоке, в Забайкалье и **Заполярье** все внутренние органы повыходили из строя!* (КПВУ, 11.04.2012) – *Это самый северный **город Норвегии**, находящийся за Полярным кругом* (КПВУ, 03.02.2012); *кавказец – какавказская овчарка: Вдруг, навстречу нам, с лаем вылетает огромный белый «**кавказец**»* (КП, 2011.05.02) – *В качестве секьюрити во дворе дома надрываются от лая далматинцы и **кавказская овчарка*** (КП, 2010.05.25);

афганец – афганский ветер: Песчаная мгла закрывала солнце, как только начинал дуть «афганец» – ветер, приносивший сушь из калмыцких степей (КП, 2001.10.26) – Верхняя корка песка была схвачена выносившими знойный афганский ветер травами – корни растений скрепляли песчинки, образуя «серый песок» (КП, 2001.10.26).

Темпоратив. Ономасиологический признак указывает на временные характеристики, например, *десятилетка – десятилетний период: ... которые, по прогнозам экспертов, в ближайшую десятилетку добьются прорыва в агропромышленном комплексе (КПВУ, 18.06.2010) – Таким образом, за десятилетний период обвиняемые из простых дворовых хулиганов превратились... (КПВУ, 31.05.2011); античка – античная литература: Сведения о винах содержатся и в египетских папирусах, и в Ветхом Завете, и в античной литературе (КПВУ, 27.06.2007).*

Коррелятив. Ономасиологический признак указывает на соответствие / несоответствие предмета другому предмету, назначению, норме, например, *формат – форматный проект: Потому что длинные волосы – это и немножко не формат, и немножко неудобно было (КПВУ, 05.04.2012) – Для ведущего форматной передачи возможностей для маневра масса (КПВУ, 27.01.2012).*

Каузатив. Ономасиологический признак указывает на причину того или иного события, например, *пушкинист – исследователь творчества Пушкина: По подсчётам пушкинистов, столкновение с Дантесом было как минимум двадцать первым вызовом на дуэль в биографии поэта (КПВУ, 06.06.2010) – Исследователи жизни и творчества А. С. Пушкина многие годы по крупицам собирают все интересное о нем (КПВУ, 18.03.2011); дождевик – дождевой гриб: Гриб «Дождевик гигантский», который принес в редакцию Владимир Олейниченко, вырос до 30 сантиметров в диаметре (КПВУ, 11.09.2009) – Местные грибники говорят, что это дождевой гриб (КПВУ, 27.08.2009).*

Квантитатив. Ономасиологический признак указывает на количественную составляющую предмета, лица, явления, например, *пятиэтажный дом – пятиэтажка: Тогда Михаэль попросту купил за астрономическую сумму новый участок в 14 га близ Женевского озера, где возведет **пятиэтажный дом** с бассейном, спортзалом, стеной для занятий альпинизмом и гаражом на двадцать машин (За рулем, 15.03.2004) – Обогнул её кирпичную коробку – и обнаружил наконец ещё одну **пятиэтажку** (Новый Мир, 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *пятилетний период – пятилетка: За **пятилетний период** было принято два закона, поставивших этому явлению заслон (Российская газета, 05.05.2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – И только за одну **пятилетку** китайский автопром получил 5 млрд. долл. иностранных инвестиций (За рулем, 15.05.2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *пять гривен – пятерка: Женщина, я вчера брал эту колбасу **по пять гривен**, ночь проспал – она стоит десять! (Р. Карцев. «Малой, Сухой и Писатель» (2000-2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – Но эмоциональный вал прокатывается по всему залу, сосредоточенному вокруг ринга: от последних рядов, где билеты **по пятерке**, до первых, где места бывают и по несколько тысяч долларов (Совершенно секретно, 06.02.2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).***

Нумератив. Ономасиологический признак указывает на порядковый номер предмета, лица, явления, например, *пятая модель – пятерка: Когда авторитет выезжал с автостоянки у центра, из стоявших неподалеку «Жигулей» **пятой модели** выскочили два человека и открыли огонь из автоматов (Коммерсантъ-Daily, 17.01.1996; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – К тому же Саютина дисквалифицировали на «**пятерке**» за помеху, созданную на последнем круге более быстрому сопернику паре (Известия, 08.01.2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *ученик первого класса – первоклассник: Сейчас**

ученик первого класса «В» Миша Слонов прочтет нам свои собственные стихи! (В. Драгунский. Денискины рассказы / Смерть шпиона Гадюкина (1963); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Так, ученику второго класса любой первоклассник представляется ничтожной букашкой, мелкотой* (А. Рекемчук. Мальчики // Юность, 1970; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Итак, объединение универбов в нашей работе осуществляется по следующим признакам:

1) все номинатемы, составляющие данную группу являются номинатами с **доминантой-словосочетанием** и **вербальной реализацией-универбом**;

2) все универбы, составляющие конкретную группу, являются либо **существительными**, либо **глаголами**;

3) все существительные и глаголы, составляющие отдельную группу, имеют инвариантное значение **представления**, **понятийное** значение (например, группа универбов-существительных), а также **гештальтное** значение (группа универбов-глаголов), **фреймовым**, **скриптовым** или **комбинированным** способом представляющим понятие, объект, действие.

Эти три критерия являются принципиальными для объединения исследуемых единиц в ономаσιологические классы.

Данные характеристики вполне очевидно неприменимы к тематическим группам. Как известно, «основанием для выделения тематических групп служит понятийный (экстралингвистический) принцип, а именно – предметно-логическая связь между понятиями, обозначаемыми словами тематической группировки. Слова связаны между собой, поскольку взаимосвязаны отображаемые ими явления самой действительности» [50, с. 12]. Тематические группы в этом случае представляют собой «объединения слов, основывающиеся <...> на классификации самих предметов и явлений» [490, с. 536]. Однако в нашем случае отмечается явная настроенность именно на внутриязыковые черты объединяемых единиц –

принадлежность к одному грамматическому классу (существительные или глаголы), определенный структурно-морфемный тип в пределах каждого грамматического класса (морфемная структура универбов) и т.д.

Это становится основанием для определения рассматриваемой группы как лексико-семантической. Лексико-семантическая группа понимается при этом как «объединение слов (в нашей терминологии – номинатем – Н. Д.), организованных на основе единого понятия, сходства функций, соположения, отражающее, прежде всего, естественное онтологическое расчленение реальной действительности, связь слов с конкретными предметами и их свойствами» [182, с. 90-91]. Следует сказать, что и такое определение вряд ли можно считать удачным. В отличие от лексико-семантических групп наше объединение еще более конкретно – оно объединяет не все номинатемы, имеющие тождественную архисему, но только те, которые имеют тождественную формальную структуру – они являются универбами. В. И. Теркулов предлагает считать объединения такого типа лексико-семантическими группами одноструктурных единиц, которые определяются ученым как «части ЛСГ (лексико-семантических групп – Н. Д.), объединяющих единицы, выделяемые из них по структурному принципу» [445, с. 221]. Однако мы не можем согласиться и с таким пониманием, поскольку структурное тождество также ономаσιологически значимо: например, исследуемые нами универбы представляют обозначаемый ими гештальт однотипно – условно расчлененно, включая в его состав не только действие, но и его атрибуты. Вслед за О. В. Блюминой мы используем для обозначения данного объединения термин *ономаσιологический класс*. Данное именование уже использовалось лингвистами либо в качестве эквивалента термина «тематическая группа» [282], либо для обозначения лексико-семантических групп [301]. Однако данная терминологическая омонимия абсолютно не учитывает особенностей ономаσιологического подхода к интерпретации языковых фактов. На наш взгляд, ономаσιологический класс должен объединять единицы, которые не только обозначают однотипные

реалии, но и делают это структурно однотипно. Другими словами, ономаσιологический класс – это объединение однотипных единиц для обозначения однотипных реалий. Это такая совокупность номинативов, в которой единый тип представленности знаний (в нашем случае – гештальт «действие», «процесс», «предмет», «человек» и т.д.) реализован в одном соответствующем грамматическом классе единиц (в нашем случае – глаголов или существительных) одинаковым структурным способом (в нашем случае – при помощи универбов, которые включают в состав гештальта не только действие, процесс, предмет и т.д., но и его атрибуты). Класс референтов – это тематический класс универбов.

3.3. Лексико-семантические и тематические группы

И. М. Думчак, исследовавший явление универбации в украинском языке, утверждает, что устойчивые словосочетания входят в лексический состав языка только в результате процесса лексикализации, когда имеет место «преобразование словосочетания в устойчивый элемент языка, который функционирует в качестве эквивалента отдельного слова» [116, с. 6]. Исследователь считает, что словосочетания, выполняющие номинативную функцию, характеризуются семантической целостностью, устойчивостью структуры, определенным порядком компонентов, воспроизводимостью в речи, и именно поэтому такие словосочетания являются расчлененными комплексными названиями, значение которых «переосмысливается вследствие утраты зависимым компонентом основного номинативного значения, они часто встречаются в определенной последовательности в языковой практике общества и являются настолько активными, что о них можно говорить как о воспроизводимых, а не каждый раз создаваемых в речевом потоке» [116, с. 6-7].

Мы считаем, что лексикализация – утверждение единицы в речи и в языке – происходит и в том случае, если этой единицей является слово или словосочетание, тождество значения которых нарушается.

Основываясь на идеях Л. М. Васильева, А. П. Загнитко, Ю. М. Караулова, М. П. Кочергана, Л. О. Новикова и др., Р. И. Гафарова утверждает, что суффиксальные универбы «вступают в парадигматические отношения, которые образуют лексико-семантические поля. Лексико-семантические поля распадаются на семантически тесные объединения – лексико-семантические группы и тематические группы» [72, с. 143].

Нам представляется, что тематическое поле является наиболее широким объединением единиц. Оно представляет собой «совокупность большого числа **слов, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов** (выделено нами – Н. Д.), единиц разных частей речи, относящихся к одной сфере действительности», объединенных общностью **темы** [326, с. 259]. Например, тематические группы (поля) *спорт, промышленность, сельское хозяйство, искусство, быт* и др.

Лексико-семантическое поле – «совокупность большого числа **слов одной или нескольких частей речи** (выделено нами – Н. Д.), объединяемых **общим понятием (семой)** (выделено нами – Н. Д.). Именем поля является, как правило, словосочетание, называющее понятие, объединяющее слова в поле» [326, с. 257]. Это иерархическая структура множества лексических единиц, характеризующихся общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу. Например, *период времени – минута, час, секунда, год, месяц, неделя, зима, лето, наступать, приходит, быстротечный, тянущийся* и т.п. Лексико-семантические поля «распадаются на семантически еще более тесные объединения – лексико-семантические группы» [470, с. 319].

Лексико-семантическая группа – «большая группа **слов одной части речи** (выделено нами – Н. Д.), объединенных одним словом – идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах» [326, с. 257]. Это организация слов, которая характеризуется **базовым семантическим**

компонентом. Семантический компонент обобщает несколько различных гиперсем (родовых сем), обозначая класс предметов, признаков, процессов, отношений. Например, *инструменты – молоток, пила, отвертка, клещи, лопата, плоскогубцы.*

Таким образом, существует два основных критерия выделения указанных объединений лексических единиц – семантический и формальный. Под первым подразумевается та или иная степень семантической абстракции, под вторым – морфологические и структурные характеристики (например, тематические поля составляют не только слова разных частей речи, но и словосочетания той или иной степени спаянности).

Связь между понятиями тематического поля, лексико-семантического поля и лексико-семантической группы заключается в иерархическом соподчинении друг другу: *тематическое поле – лексико-семантическое поле – лексико-семантическая группа.* Например, в состав тематической группы *сельское хозяйство* в качестве одной из составляющих входит лексико-семантическое поле *средства производства* (*плуг, пахать, удобрять, машина, комбайн* и т.д.), которое, в свою очередь, включает в себя лексико-семантическую группу *приспособления* (*молотилка, лопата, грабли, грузовик* и т.д.).

Опираясь на принципы классификации лексико-семантических групп И. М. Думчаком, мы предлагаем распределение исследуемого нами материала на лексико-семантические поля, обозначенные следующим образом: I, II, III; лексико-семантические группы, обозначенные так: 1, 2, 3,.... Отдельно выделяются одушевленные и неодушевленные объекты.

В ряду названий неодушевленных объектов можно выделить:

1) имена нарицательные (*обезличка – обезличенная продажа, оборонка – оборонная промышленность, самоволка – самовольная отлучка, кругосветка – кругосветное турне, первичка – первичная партийная организация, синхронка – синхронный перевод*);

2) имена собственные (*Волоколамка – Волоколамское шоссе, Ленинградка – Ленинградское шоссе, Третьяковка – Третьяковская галерея, Маяковка – проспект Маяковского*).

Данная классификация требует некоторых уточнений.

Между универбами данных двух классов могут возникать отношения омонимии, хотя лексическими омонимами универбы при этом не становятся (*ленинградка – жительница Ленинграда, Ленинградка – Ленинградский проспект*).

Особый интерес представляют образования типа *литературка – Литературная газета*: графическое оформление универба *литературка* определяет отношение его к классу нарицательных, семантика (имеется в виду значение единственного в своем роде объекта) – к классу имен собственных. Считаем, что класс подобных, синкретичных, универбов определяется принадлежностью соответствующей номинатемы (с доминантой-словосочетанием) классу нарицательных / собственных наименований. Согласно данному пониманию, универб *литературка* является именем собственным. Более сложным в этом смысле представляется определение классовой принадлежности универбов типа *вечерка*: если универб *вечерка* является вербальной реализацией номинатемы с доминантой *вечерняя газета*, то он относится к классу имен нарицательных; если универб *вечерка* является вариантом номинатемы с доминантой типа *Вечерняя Горловка, Днепр вечерний* (газета), то он входит в разряд имен собственных.

I. Названия неодушевленных предметов.

1. Названия продуктов питания: *кровянка – кровяная колбаса, ветчинка – ветчинная колбаса, нарезка – нарезанные холодные закуски, ливерка – ливерная колбаса, овсянка – овсяная каша, сырники – сырные оладьи, рыбник – рыбный пирог*.

2. Названия напитков: *сливянка – сливовая наливка, самогонка – самогонная водка, мексиканка – мексиканский напиток, анисовка – анисовая водка, вишневка – вишневая настойка*.

3. Названия приспособлений: *циркулярка – циркулярная пила, молотилка – молотильная машина, циганка – цыганская игла, маховик – маховое колесо, электричка – электрическая печка, керосинка – керосиновая лампа, лазерник – лазерный принтер, маршрутка – маршрутное такси, моторка – моторная лодка, электричка – электрический поезд, муниципалка – муниципальный транспорт, калашник – автомат Калашникова, централка – ружье центрального боя, магазинка – ружье с магазином, хлебница – емкость для хлеба.*

4. Названия локаций: *брусчатка – брусчатая дорога, грунтовка – грунтовая дорога, просека – просеченная дорога в лесу, молочник – помещение в доме для хранения молока.*

5. Названия учреждений: *психушка – психиатрическая клиника, Ленинка – библиотека имени Ленина, летник – летний лагерь.*

6. Названия предприятий: *пекарка – пекарный цех, макаронка – макаронная фабрика, трикотажка – трикотажная фабрика.*

7. Названия строений: *пятиэтажка – пятиэтажное здание, высотка – высотное здание, мазанка – мазаная хата.*

8. Названия растений и продуктов их переработки: *ячменка – ячменная солома, валерианка – корень валерианы, дождевик – дождевой гриб, мичуринка – мичуринская пшеница, дикоросы – дикорастущие травы.*

9. Названия предметов одежды и обуви: *ватник – ватная куртка, кожанка – кожаный плащ, дубленка – пальто из дубленой кожи, пыльник – плащ от пыли, носовик – носовой платок, бермуды – бермудские шорты, плетенки – плетеные сандалии, дутики – дутые сапоги, вьетнамки – вьетнамские сандалии, валенки – сапоги из валяной шерсти.*

10. Названия веществ: *касторка – касторовое масло, валерьянка – настойка валерианы, зеленка – раствор бриллиантового зеленого, машинка – машинное масло, венотоники – венотонизирующие вещества, наркотики – наркотические вещества.*

11. Названия книг, газет, журналов: *задачник* – *сборник задач*, *еженедельник* – *еженедельное издание*, *словник* – *набор тематических слов*, «*Всемирка*» – «*Всемирная литература*», *криминалка* – *криминальная газета*.

12. Названия документов: *зачетка* – *зачетная книжка*, *страховка* – *страховой полис*, *визитка* – *визитная карточка*, *шенгенка* – *шенгенская виза*, *дисконтна* – *дисконтная карта*, *кредитка* – *кредитная карта*, *медяк* – *медная монета*, *пятак* – *пятикопеечная монета*, *трояк* – *трехрублевая купюра*, *пятерка* – *пятирублевая купюра*.

II. Названия лиц.

1. По качествам характера: *бесшабашник* – *бесшабашный человек*, *храбрец* – *храбрый человек*, *смельчак* – *смелый человек*.

2. По умственным способностям: *бестолковка* – *бестолковый человек*, *умник* – *умный человек*.

3. По физическим характеристикам: *здоровяк* – *здоровый человек*, *хромоножка* – *хромоногий человек*.

4. По этическим характеристикам: *ветреник* – *ветренный человек*.

5. По внешним признакам: *смуглянка* – *смуглая девушка*, *симпатия* – *симпатичный человек*.

6. По роду деятельности: *сезонник* – *сезонный рабочий*, *отпускник* – *человек в период отпуска*, *командировочник* – *командированный* (часто в речи – *командировочный*) *сотрудник*.

7. По социальному статусу: *бездомник* – *бездомный человек*, *законник* – *работник в сфере закона*.

8. По возрастным признакам: *молодуха* – *молодая женщина*, *шестилетка* – *шестилетний ребенок*.

III. Названия животных и птиц.

1. По породе: *шведка* – *лошадь шведской породы*, *голландка* – *корова голландской породы*, *восточник* – *восточно-европейская овчарка*.

2. По цветовым признакам: *рябуха* – *рябая курица*, *сизарь* – *сизый голубь*.

3. По физическим признакам: *хромушка – хромая собака*.
4. По внешним индивидуальным признакам: *хохлатка – хохлатая курица*.

Следует отметить, что предложенная классификация не может считаться единственно приемлемой, поскольку универбы способны объединяться в определенные группы в зависимости от тех критериев, которые выдвигает и обосновывает исследователь.

Таким образом, задолго до процесса лексикализации, находясь в статусе дублетов соответствующих номинатем, универбы способны образовывать определенные лексико-семантические и тематические группы. Связь между понятиями лексико-семантического поля, тематической группы и лексико-семантической группы заключается в иерархическом подчинении друг другу: лексико-семантическое поле – тематическая группа – лексико-семантическая группа.

3.4. Типология ономаσιологических моделей универбов

Классификация семантических классов универбов строится на основе трех параметров:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса;

б) лексико-семантическая группа одноструктурных единиц (ЛСГОЕ) в пределах одного лексико-грамматического разряда (с указанием общезыковой лексико-семантической группой (ЛСГ), в которую входит данная ЛСГОЕ), построенная на основе абсолютизации архисемы – в нашем случае – универба, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

в) ономаσιологическая модель номинатемы, включающая «ономаσιологический базис» и «ономаσιологический признак» наименования [445, с. 232].

Мы выделяем типы ономаσιологических моделей эллиптических универбов, выделение которых, в свою очередь, опирается на понятие ономаσιологического класса. Приведем примеры, демонстрирующие конкретизацию ономаσιологического класса ономаσιологическим базисом; ономаσιологического базиса, соответственно, ономаσιологическим признаком.

3.4.1. Субстантивные номинатемы. К данному классу относятся номинатемы, в которых исходное субстантивное словосочетание универбализуется в существительное, например: *ячневая крупа / ячка, воспитанник ясельной группы / ясельник, переговорное устройство / переговорник, первичная партийная организация / первичка* и т.п. Нами выделены следующие ЛСГ данного типа.

3.4.1.1. Названия субъектов. В данную ЛСГ входят ЛСГОЕ, обозначающие биологических субъектов и их объединения. Выделяются следующие ЛСГОЕ.

1. Названия людей.

а) Названия лиц мужского пола.

По типу ономаσιологического базиса выделяются следующие ЛСГОЕ.

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «статус субъекта», определяемым как «положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии». Выделяются следующие ономаσιологические модели в пределах данной группы:

«статус + объект», указывающая на статус субъекта по отношению к какому-либо объекту реальности, например, *бакалейщик (На блинах у Петросеева Оганчиков купец держал пари с бакалейщиком Трясиловым: кто больше съест блинов. – АиФ 25.02.2009) – владелец бакалеи (Владелец бакалейного магазина Сазанов заявил полиции о краже у него из кассы 400*

руб. (Телеграммы наших корреспондентов (1909.06.06) // «Голос Москвы», 1909); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); *галантерейщик* (*Но ничего другого и не ожидается от серого галантерейщика и его последователей-рэднэков.* – АиФ 24.06.2009) – *владелец галантереи* (*Это был довольно богатый человек; владелец галантерейного магазина, расположенного наискось от кино «Капиталий».* (Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок (1931); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru);

«статус + место деятельности», например, *донич* (*А так как он, как и все Доничи, был крепким, статным и самым высоким в роте, ему выдали тяжеленный станковый пулемет* – КПВУ, 11.05.2010) – *донской казак* (*Затем мы перепишем школьные учебники по истории и объявим, что мы, донские казаки – отдельный этнос* – КПВУ, 30.03.2012); *запорожец* (*Запорожцы установят рекорд – сварят 1000 литров украинского борща* – КПВУ, 20.07.2010) – *запорожский казак* (*Запорожские казаки привезли ее с Востока, и эта святыня хранилась в Сечевой церкви* – КПВУ, 13.04.2010); *москвич* (*Москвич 1998 года рождения, находясь в состоянии алкогольного опьянения, упал со второго этажа пансионата «Какаду» в Заозерном.* – КПВУ 16.07.2008) – *житель Москвы* (*48-летний житель Москвы двигался на мотоцикле «Хонда Х11» в Севастополь.* – КПВУ 21.06.2011); *степняк* (*Как настоящий степняк он с пяти лет ездит верхом на лошади без седла* – КПВУ, 20.06.2012) – *степной житель* (*После этой поездки я поняла, что я житель степной, мне просторы подавай* – КПВУ, 29.06.2012); *пригородник* (*...перевозить грузы автомобильным транспортом, вот они с дури и решили наварить за счет не самых обеспеченных пригородников* – АиФ, 10.02.2010) – *житель пригорода* (*Еще один аргумент сторонников городской жизни – транспортные проблемы, с которыми сталкиваются жители пригорода* – АиФ, 19.04.2012);

«статус + отрасль», например, *пехотинец* (*Морские пехотинцы будут снимать боль наркотическими леденцами со вкусом ягод* – КПВУ, 02.11.2011)

– **солдат пехоты** (*Солдаты Корпуса морской пехоты США, получившие тяжелые ранения в Афганистане, будут использовать леденцы с мощным – КПВУ, 02.11.2011*); **стрелок** (*Стали известны новые подробности спецоперации по задержанию тулузского стрелка Мухаммеда Мера – КПВУ, 26.03.2012*) – **солдат стрелковых войск** (*Солдата стрелковых войск нагарадили за смелость и находчивость. – АиФ, 28.04.2003*);

«статус + кваликатив», например, **женатик** (*Но пока что ее женатик уже полгода тайком наведывается к ней в строго отведенный обеденный перерыв – КПВУ, 22.05.2010*) – **женатый человек, женатый мужчина** (*И стоит представить себе это действо, как все очарование легких отношений с женатым человеком тает как дым – КПВУ, 22.12.2009*; *Женатый мужчина выглядит более уверенным в себе, ухоженным – КПВУ, 17.04.2010*); **разведенец** (*А во-вторых, «разведенец» настаивает на том, что их разрыв с женой произошел в прошлом декабре, то есть ровно за месяц до десятилетия свадьбы. (Комсомольская правда, 2001.08.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – разведенный человек, разведенный мужчина (Я как человек разведенный могу сказать, что, учитывая количество вопросов, которые стоят перед нашими людьми – КПВУ, 10.08.2010; Выбирая между усилиями, которые принесут мне максимум разведенного мужчину, и моей компанией, я сделаю ставку на бизнес – КПВУ, 06.01.2011*); **диабетчик** (*У диабетчиков вообще жизнь недешевая: регулярные анализы крови и мочи на сахар бесплатно не делают нигде, признается Сергей – КПВУ, 29.01.2009*) – **больной диабетом** (*Прежде всего это продолжительность жизни, которая у больных диабетом, как правило, уменьшается на 10 - 15 лет – КПВУ, 09.11.2011*); **туберкулезник** (*Половина горожан считает, что туберкулезников надо выселить в гетто – КПВУ, 03.10.2008*) – **туберкулезный больной** (*Из готического замка в Шаровке выселили туберкулезных больных – КПВУ, 09.12.2008*); **заочник** (*50 заочников и более 20 преподавателей напрасно ходили вокруг да около отремонтированного помещения – КПВУ, 21.05.2009*)

– *студент заочного отделения* (*Но у студентов заочного отделения – свои плюсы. Пока одни будут корпеть над учебниками – КПВУ, 29.03.2012*); *стационарник* (*Норма распространялась только на стремящихся попасть на заочное и вечернее отделения, то теперь – и на «стационарников» – КПВУ, 01.11.2010*) – *студент стационарного отделения* (*Он стал студентом стационарного отделения нашего университета. – КпВУ, 09.09.2004*); *вечерник* (*Однако на полный рабочий день могут устроиться лишь заочники и вечерники – КПВУ, 27.08.2008*) – *студент вечернего отделения* (*Студент вечернего отделения Самарского института управления Александр Мижнев два года проработал на 9 ГПЗ оператором ЧПУ, но попал под сокращение. (Комсомольская правда, 2009.07.31; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru)*;

«статус + качество», например, *скромник, скромняга* (*А второй, с виду скромник, в очках, одолевал дядю Мишу глупыми шутками – КПВУ, 10.08.2007*); *Вот скромняга – ничего нам не рассказал! – удивляется шеф Максименко Григорий Кошлаков – КПВУ, 13.06.2012*) – *скромный человек* (*К тому же, он очень скромный человек, видно, что ему неловко перед публикой, когда надо выступить – КПВУ, 13.03.2012*); *черствяк* (*А вы Черствяк! Виктор, вы не правы люди погибли, а вы так рассуждаете – КПВУ, 21.09.2010*) – *черствый человек* (*Даже если это простоватый, черствый человек, он может быть марионеткой, зомби в руках злой силы, содействовать ей неосознанно – КПВУ, 16.01.2010*).

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «профессия», определяемым как «род, характер трудовой деятельности, служащий источником существования». Выделяются следующие ономасиологические модели в пределах данной подгруппы:

«профессия + пациентив», например, *глазник* (*Районный «глазник» разводил руками, а операция была только недостижимой мечтой. – КП 26.04.2006*) – *глазной врач* (*Эрот Мерула, глазной врач из Асизия, в I-II вв. н.э. оставил после себя капитал в 800 тыс. сестерций. – 01.09.2010*);

компьютерщик (с современной командой работают специалисты самого различного профиля – операторы, *компьютерщики*, диетологи. – Труд 28.05.2011) – *специалист по компьютерам* (Для работы со «Слова Бегом» не надо быть большим *специалистом по компьютерам*. – Труд 18.03.2007);

«профессия + место деятельности», например, *аппаратчик* (*Опытные аппаратчики* давно «намотали на ус»: все попытки побороть гидру бюрократии до сих пор заканчивались ее уверенной победой. – АиФ 10.06.2010) – *работник аппарата* (Один из *работников аппарата* рассказал, что пожар начался в кабинете члена фракции ЛДПР Ирины Горьковой. – АиФ 18.05.2011); *жилотдельщик* (Тарасов был опытным *жилотдельщиком*. – КПВУ, 22.06.2007) – *работник жилотдела* (А *работники жилотдела* и городской администрации, узнав об этом, переписывали сертификаты. – Труд 06.06.2001);

«профессия + процесс», например, *лудильщик* (Не только умудренные опытом кинематографисты, но и хоть сколько-нибудь взыскательные зрители давно уже заметили: между фильмами, снятыми для «большого» и «малого» экрана, - дистанция чаще всего немалая.... кем-нибудь из «*лудильщиков*» бесконечной череды телесериалов про «ментов». – Труд 07.03.2002) – *мастер лужения* (Таких *мастеров лужения*, как он, уже не осталось. – КП, 03.05.2008).

б) Названия лиц женского пола.

По типу ономаσιологического базиса выделяются следующие ЛСГОЕ.

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «статус субъекта»:

«статус + место деятельности», например, *киевлянка* (*Киевлянка* сбита старушку прямо на пешеходном переходе – КП ВУ 04.03.2010.) – *жительница Киева* (*Жительница Киева* сообщила в милицию о том, что на железнодорожной станции «Киев-Пассажирский» в одном из вагонов поезда международного ... – КП ВУ 13.04.2011); *львовянка* (Самой талантливой оказалась *львовянка* – КП ВУ 14.04.2011) – *жительница*

Львова (Жительница Львова получила серьезные травмы после попытки проехать в маршрутном такси. – КП вУ 01.06.2010);

«статус + поссессив», например, *прокурорша (А прокурорша опять погрузилась. Видно, некому рассказывать про своего прокурора. (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)) – жена прокурора (Как только девушка увидела, что ее снимают на камеру, заявила, что она юрист, более того – жена прокурора, и пообещала затаскать журналистов ... – КП вУ 29.06.2011); царица (Чуть позже, в духе мудрой политики царицы Тамары, экс-спикер продублировала свое обращение отдельно для Евросоюза. – КП вУ 28.10.2008) – жена царя (жены царя; и многое другое, что рушится уже на глазах, и что осуществить никогда не удастся... – КП вУ 02.05.2011);*

«статус + квалификатив», например, *холостячка (Я бы приняла участие только в качестве холостячки (в США после успеха шоу «Холостяк» параллельно запустили шоу «Холостячка» – КПвУ, 18.03.2011) – холостая женщина (Ей радостно, что она снова одна, свободна, что ее крылья не связаны «переживаниями», что она «холостая женщина». (А. М. Коллонтай. Большая любовь (1927); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); молодуха, молодица (Но фишка с ускоренным превращением певицы на экране из полнокровной молодухи в бабушку-сухарик народ зацепила – КПвУ, 16.04.2010; Вдруг замечаю, что навстречу нам идут две симпатичные молодицы, и как-то внимательно, изучающе смотрят на нас – КПвУ, 08.10.2009) – молодая женщина (И молодая женщина нашла в себе силы круто изменить линию своей жизни – КПвУ, 07.05.2012); старуха (Хозяйка дома, древняя старуха согласилась пустить бурсаков на ночлег с одним условием, что все лягут спать в разных местах – КПвУ, 21.01.2012) – старая женщина (Слово «баба» до сих пор бытует в разговорной речи чеченце в как обращение к старой женщине – КПвУ, 26.05.2012).*

в) Наименования детей.

По типу ономаσιологического базиса выделяются следующие ЛСГОЕ.

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «статус субъекта»:

«статус + квалификатив», например, *грудник* (*Даже качественная для нас с вами питьевая вода может грудничку не подходить* – КПВУ, 19.07.2010) – *грудной ребенок* (*У меня грудной ребенок, но я даже в магазин за молоком выйти не могу: тащить коляску вверх – титанический труд* – КПВУ, 03.06.2008);

«статус + поссессив», например, *королевич* (*Там царь Кощей над супом чахнет,/Там борщ прокис, он плохо пахнет,/Там королевич мимоходом съедает порцию царя...* – КП ВУ 26.11.2010) – *сын короля* (*Сына последнего короля Италии записали в сутенеры.* – КП ВУ 26.09.2009); *княжна* (*Великая княжна Мария Николаевна в Ливадии за занятиями.* – КП ВУ 10.10.2009) – *дочь князя* (*Стефания – дочь князя Монако и голливудской актрисы.* – КПВУ 27.05.2011);

«статус + темпоратив», например, *малолетка* (*Сразу встал вопрос: кто пустил малолетку в клуб?* – КПВУ, 21.10.2009) – *малолетний ребенок* (*В салоне автомобиля находились также жена и малолетний ребенок водителя* – КПВУ, 01.08.2011); *семилетка* (*Это ведь малыши, семилетки!* – КП ВУ 19.12.2007) – *семилетний ребенок* (*Семилетний ребенок собрал около четырехсот гривен и побил все рекорды, так как студенты активисты приносили в день максимум 50 гривен.* – КП ВУ 20.05.2009); *трехлетка* (*Самые маленькие – трехлетки – обливают только ножки, остальные – себя полностью.* – КП ВУ 27.01.2010) – *трехлетний ребенок* (*«Оскар» может получить трехлетний ребенок...* – КП ВУ 19.02.2009).

2. Названия объединений людей

В данную группу входят названия различных объединений людей. Они распределены по следующим ЛСГОЕ.

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «статусное объединение людей». Отмечаются следующие ономаσιологические модели:

«объединение + дестинатив», например, **обслуга** (*Вокруг суетится обслуга – подают на золотых подносах шампанское и икру. – 06.11.2008) – обслуживающий персонал (Обслуживающий персонал все заботы возьмет на себя: и на стол поставит только самые любимые блюда, и развлекательную программу организует. – КП 05.01.2005);*

«объединение + темпоратив», например, **шестидесятники** (*Без нее шестидесятники были бы тощее, костистее. Она была мягкой тканью, плотью женской – КПВУ, 11.04.2012) – поколение шестидесятых (Блистательное поколение шестидесятых годов разбилося о стену. (А. Городницкий. «И жить еще надежде» (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); восьмидесятники (Ее Чернецкий посвятил потерянному поколению восьмидесятников – КПВУ, 06.12.2008) – поколение восьмидесятых (Но даже в эти годы возможность «не работать» на благо общества еще не рассматривается, поэтому инерция воспитательной системы, сохранившей к восьмидесятым годам только пышность фраз о необходимости труда, сформирует поколение восьмидесятых в старых советских идеалах. (С. Леонтьева. Трудовое детство // «Отечественные записки», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

«объединение + квалификатив», например, **молодежка** (*Капитан украинской футбольной «молодежки» вылетел с Евро-2011 – КПВУ, 13.06.2011) – молодежная команда («Халки» на нынешних соревнованиях играют в обновленном составе, в котором объединились игроки взрослой и молодежной команд – КПВУ, 17.05.2012).*

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «учреждение», определяемым как «организация, созданная собственниками для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера». Отмечаются следующие ономасиологические модели:

«учреждение + отрасль», например, **метеорологичка** (*На метеорологичке трудится штат квалифицированных специалистов. – КПВУ, 11.10.2001*) – **метнорологическая станция** (*На базе Гидрометцентра функционирует целая сеть метеорологических станций по Одесской области – КПВУ, 25.03.2010*); **медуха** (*Студенты нашей медухи практикуются в разных отделениях стационара. – КПВУ, 22.11.2009*) – **медицинский университет** (*Первым медицинским вузом Украины по итогам 2007 года является Национальный медицинский университет имени Богомольца – КПВУ, 16.06.2008*); **музыкалка** (*Она часто пропускала «музыкалку», и если бы не Матильда Владимировна, ее наверняка исключили бы из школы – КПВУ, 13.05.2011*) – **музыкальная школа** (*Музыкальная школа №5 получила трубу, барабанную установку, саксофон, тарелки и тубу – КПВУ, 03.12.2008*); **научка** (*Многое спасал Резвун, Федор Нилыч, директор науки: вынимал из картотеки карточки работ, которым грозила опасность, расфасовывал папки по полкам, часть вещей отправлял в периферийные библиотеки... – Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*) – **научная библиотека** (*Научная библиотека Львовского национального университета имени Ивана Франко считается одной из старейших библиотек – КПВУ, 15.10.2008*);

«учреждение + дестинатив», например, **психиатричка, психушка** (*У Анджелины Джоли забрали ребенка, а ее посадили в психушку. – АиФ 12.09.2008*) – **психиатрическая больница** (*В 1808 году в Москве была открыта первая психиатрическая больница (Преображенская), которой в последствии присвоили имя профессора Василия Гиляровского. – АиФ 07.06.2008*); **туберкулезка** (*Местная туберкулезка славилась своими специалистами. – АиФ, 21.02.2001*) – **туберкулезный диспансер** (*Ведь ни в одном туберкулезном диспансере нет очистных сооружений, которые бы очищали воду перед тем, как слить ее – КПВУ, 12.10.2011*); **кожвенка, кожвен** (*Я бы вынесла за черту города все психиатрические больницы,*

кожвен и наркодиспансер и прочие подобные заведения – КПВУ, 13.11.2007)
 – *кожно-венерический диспансер* (Раньше в проданном здании размещался туберкулезный, а позже – *кожно-венерический диспансер* – КПВУ, 10.02.2007); *ветеринарка* (Это ладно еще у нас *ветеринарка* рядом находится... – КПВУ, 26.11.2011) – *ветеринарная поликлиника* (Посещение *ветеринарной поликлиники* необходимо сразу, как только домашний питомец проявляет беспокойство – КПВУ, 26.11.2011); *зубопротезка* (В коридорах частной *зубопротезки* все сияло стерильностью. – Днепр вечерний, 10.10.2003) – *зубопротезная поликлиника* (...туристических баз, *зубопротезных поликлиник* (отделений) – КПВУ, 19.01.2010);

«учреждение + способ», например, *передвижка* (А между тем ссыльные еще до его приезда решили по общей договоренности, что библиотека Дубровинского, в память о нем, будет считаться общей, как *передвижка*. – Р. Медведев. О Сталине и сталинизме. Исторические очерки // «Знамя», 1989; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *передвижная библиотека* (В Крыму будет работать *передвижная библиотека* – КПВУ, m.kp.ua/crimea/pda/articles/020811/293780/);

«учреждение + локатив», например, *орбиталка* (За работой на *орбиталке* внимательно следят эксперты. – КП, 03.02.2009) – *орбитальная станция* (В этом году китайцы собираются обживать первую собственную *орбитальную станцию* – КПВУ, 13.04.2012); *Дрезденка* (Волюнтаристское решение Хрущева вернуть Германии *Дрезденскую галерею* было большой ошибкой. Сначала шедевры "*Дрезденки*" спасали наши солдаты, вытаскивая из заминированных и затопленных гитлеровцами шахт. – Труд 24.06.2004) – *Дрезденская галерея* (В *Дрезденской галерее* вот не был, - с сожалением вздыхает Александр Васильевич. – АиФ 13.10.2010); *районка* (В *районке* говорят, что это первые признаки катаракты – очень распространенного осложнения при этом заболевании. – Комсомольская правда, 2004.06.29) – *районная больница* (В ночь на субботу 15 человек с признаками острого кишечного отравления оказались в *районной больнице*. – Комсомольская

правда, 2010.07.20); **дальняк** (*Дай Бог ей выжить, а козлу забравшей её здоровье сгнить у дальняка на зоне – КПВУ, 09.05.2012*) – **дальняя тюрьма** (*Их давно уже перевели в дальнюю тюрьму. – КПВУ, 09.05.2012*);

«учреждение + статус», например, **клиничка, клиника** (*Малахов худеет в испанской клинике, а Волочкова опять загорает на Мальдивах – КПВУ, 04.01.2012*) – **клиническая больница** (*Александровская клиническая больница главная в списке медучреждений страны, куда в случае чего будут доставлять иностранцев – КПВУ, 13.03.2012*); **Склиф** (*Однако ранение оказалось смертельным – рано утром в четверг Алексаночкин умер в реанимации Склифа – КПВУ, 29.12.2011*) – **институт имени Склифосовского** (*4 января популярный артист театра "Ленком" Андрей Соколов был доставлен в НИИ имени Склифосовского с рваной раной ноги – КПВУ, 05.01.2011*); **Вышка** (*Достаточно сказать, что Игорь Юрьевич Артемьев, позицию которого Вы так жестко представляете, заведует в Вышке кафедрой. – РБК Daily, 2011.03.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgo.ru*) – **Высшая школа экономики** (*О том, как новый английский закон о взятках поможет бороться с коррупционерами из России, глава британского Отдела по борьбе с крупным мошенничеством (SFO) Ричард Олдерман рассказал на лекции в Высшей школе экономики. – Известия, 2011.03.16*);

«учреждение + субъект», например, **Табакерка** (*В Самару Олег Табаков прибыл с супругой, актрисой театра "Табакерка" Мариной Зудиной – КПВУ, 09.02.2011*) – **театр Табакова** (*Режиссеры: Дмитрий Дибров, Сергей Столяров; 30-летний юбилей Гарика Сукачева в театре О. Табакова – КПВУ, 04.01.2012*); **Третьяковка** (*В МВД подчеркивают, что обыски, которые прошли накануне в Третьяковке в кабинете руководства, никакого отношения к ее деятельности не имеют. – АиФ 03.08.2011*) – **Третьяковская галерея** (*Суд арестовал первого заместителя директора Третьяковской галереи Олега Беликова, подозреваемого в мошенничестве. – АиФ 05.08.2011*);

«учреждение + темпоратив», например, **восьмилетка** (*Даже сестра Елены, не окончившая **восьмилетку** и в слове "мама" делающая две ошибки, купила диплом об окончании юридического – КПВУ, 27.01.2012) – **восьмилетняя школа** (Рассказывал про синусы, косинусы и заставлял зубрить таблицу умножения в Балаклеевской **восьмилетней школе** – КПВУ, 01.10.2011); **двенадцатилетка** (Директор одной из **двенадцатилеток** рассказала, что уже сейчас есть немало желающих поработать на каникулах – КПВУ, 23.04.2010) – **двенадцатилетняя школа** (Мы заложили новый тип школы – с 10-го класса **двенадцатилетней школы** обучение будет профильное – КПВУ, 10.09.2008); **вечерка** (Я учусь на очно-заочном (**вечерка**), общага мне по-любому не положена – КПВУ, 12.05.2012) – **вечерняя школа** (Это **вечерняя школа**, которую планировали снести как аварийно опасный объект – КПВУ, 28.04.2011).*

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «организация», определяемым как «общественное объединение, союз». Отмечаются следующие ономасиологические модели:

«организация + статус», например, **вышка** (*Наши блондинки пробилась в финал украинской **вышки** – КПВУ, 03.11.2009) – **высшая лига** (Как оказалось, **высшая лига** чемпионата Украины – тоже весьма богатенький турнир – КПВУ, 15.03.2008).*

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «предприятие», определяемым как «производственная либо торговая хозяйственная единица». Отмечаются следующие ономасиологические модели:

«предприятие + дестинатив», например, **ювелирка** (*Неординарный способ ограбить **ювелирку** придумали в Артемовске – КПВУ, 17.03.2012) – **ювелирная мастерская** (Если у Вас от постоянной носки потеряло вид золотое обручальное кольцо, для него переполровка в **ювелирной мастерской** – КПВУ, 25.02.2011); **турбинка** (Поставим котлы для сжигания дешевого бурого угля в кипящем слое, вместо РОУ поставим **турбинки** – КПВУ, 31.08.2011) – **турбинный завод** (В настоящее время уже начался*

перевод некоторых служб на Уральский турбинный завод – Промышленное обозрение, 2003.09.23; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); *комиссионка (Комиссионка! Только в тебе в СССР удавалось нарыть приличные и недорогие вещи. Комиссионки сейчас крайне необходимы! Их нужно возрождать.* – АиФ 20.05.2009) – *комиссионный магазин (Свое первое концертное платье, которое отец привез ей с войны, ей пришлось отдать в комиссионный магазин, чтобы расплатиться с долгами семьи.* – АиФ 31.03.2011); *пивнушка, пивнуха (Вместо того, чтобы убрать все пивнушки с каждого угла, ограничить время продажи алкоголя!* – КПВУ, 02.06.2011) – *пивной ларек (Так может каждого деятеля который пивной ларек "построил" в почетные горожане избирать?* – КПВУ, 23.04.2012);

«предприятие + отрасль», например, *военка (...если бы и остальные отрасли не отставали от военки, например, здорово было бы, если мы кроме экспорта вооружений вошли* – КПВУ, 02.09.2011) – *военный завод (А ведь у нас был и маслосырзавод, спиртзавод, хлебзавод, мясокомбинат, военный завод «Бета»* – КПВУ, 16.12.2009); *металлургичка (Днепропетровская металлургичка работала как часы.* – Днепр вечерний, 25.08.2008) – *металлургический завод (Наряду с космическими предприятиями и объездной дорогой заинтересовал Николая Азарова и первый металлургический завод* – КПВУ, 29.10.2011);

«предприятие + способ работы», например, *атомка (А я когда-то слышал, что жители тех регионов, возле которых построена атомка, наоборот должны платить за потребляемую энергию* – КПВУ, 18.06.2008) – *атомная станция (Взрыв произошел в понедельник около 11.45 по местному времени (12.45 по Киеву) на территории атомной станции* – КПВУ, 13.09.2011); *бензозаправка (Бензин золотая жила, бензозаправки в Киеве растут, как грибы* – КПВУ, 17.06.2009) – *бензозаправочная станция (В нём есть дома и отели, супермаркеты и полицейские участки, бензозаправочные станции и школы, мэрия* – КПВУ, 18.03.2011); *газозаправка (В Германии*

фирмы, имеющие отношение к **газозаправке**, освобождены до конца 2009 года от уплаты так называемого эконалога, который обязаны исправно платить производители и продавцы бензина и дизтоплива. – Комсомольская правда, 2001.08.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **газозаправочная станция** (Ситуацию усложняло то, что неподалеку от пожара находилась **газозаправочная станция** – КПВУ, 29.08.2011).

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «подразделение», определяемым как «доля, часть, раздел, входящий в состав более крупного объединения людей». Отмечаются следующие ономасиологические модели:

«подразделение + отрасль», например, **пожарка** (*Пожарка дежурит в заповеднике круглосуточно.* – КП, 21.07.2011) – **пожарная часть** (*Новая пожарная часть пятнадцатая на территории Ярославской области.* – КП, 17.07.2009); **военка** (*В военном ведомстве определили черновой список 30 вузов страны, где останется «военка».* – Комсомольская правда, 2005.07.25) – **военная кафедра** (*У нас была военная кафедра, я имею звание лейтенанта запаса.* – Комсомольская правда, 2011.02.22);

«подразделение + дестинатив», например, **личка** – **личная охрана** (*И лички (личной охраны – Ред.) не было ни у кого* – КПВУ, 12.01.2012); **инфекционка** (*Предполагается, что знаменитая инфекционка переедет в стационар бывшего кожно-венерологического диспансера на Виноградаре* – КПВУ, 21.03.2012) – **инфекционное отделение** (*К Евро-2012 перестроили и переоснастили главную горбольницу. Инфекционное отделение больницы уже полностью оборудовано* – КПВУ, 13.03.2012); **родилка** (*Гляди сюда! Вот она, вот тут была родилка!* – широко развел руками. – Б. Екимов. В степи (1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **родильное отделение** (*В родильном отделении больницы южно-итальянского города Беневенто 32-летняя итальянка родила сразу шестерых малышей.* – АиФ 11.01.2010);

«подразделение + статус», например, **федералы** (*После первой неудачной атаки **федералы** старательно утюжили позиции боевиков с воздуха и обстреливали системами залпового огня.* – Герман Садулаев. Когда проснулись танки (2010)) – **федеральные войска** (*Федеральные войска контролируют почти всю территорию республики.* – КП 31.08.2001).

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «отрасль», определяемым как «отдельная, самостоятельная часть какого-нибудь рода деятельности». Отмечаются следующие ономасиологические модели:

«отрасль + темпоратив», например, **античка** (*Экзамен по античке выдался непростым.* – КП, 26.06.2009) – **античная литература** (*Постепенно в античной литературе появился образ скифского мудреца* – КПвУ, 06.10.2009);

«отрасль + кваликатив», например, **научка** (*Я люблю читать, примером, то что связанное с фантазией, с развитием ее, это легкая **научка*** – КПвУ, 29.12.2010) – **научная литература** (*Ежедневные нагрузки не оставляют времени, чтобы читать **научную литературу**, следить за последними тенденциями* – КПвУ, 21.05.2011);

«отрасль + дестинатив», например, **военка** (*«**Военка**» по обыкновению требовала использовать момент для захвата власти, но действий в этом направлении не предпринимала.* – «Наука и жизнь», 2009) – **военная отрасль** (*Не является исключением и **военная отрасль**: многие специалисты готовы искать "энергетическую" подоплеку в большинстве войн XX столетия.* – РИА Новости, 2008.09.18).

3. Биологические сущности.

В данную группу входят названия животных, птиц и растений. Они распределены по двум ЛСГОЕ.

В ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «животное/насекомое» реализуются следующие ономасиологические модели:

«животное + статус», например, *медвежонок* (*Тут же российские скауты делают пометки, в каких городах побывал необычный **медвежонок** – КП 21.05.2009*) – *детеныш медведя* (*Удочеренного **детеныша** белого **медведя** назвали Снежинкой. – КП 18.01.2008*); *кенгуренок* (***Кенгуренок** Тияна еще очень мала и слаба, поэтому ее поместили в инкубатор, где постоянно поддерживается нужная температура. – КП 22.04.2009*) – *детеныш кенгуру* (***Детеныш** красного **кенгуру**. Малыша выхаживают в Центре дикой природы. – КП 21.07.2009*); *пантач* (*Недалеко от бивака он увидел **пантача**, стрелял и ранил слабо. – В. К. Арсеньев. Дерсу Узала (1923); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*) – *пантовый олень* (*Шутка ли, конезавод на шестьсот лошадей, которыми снабжали армию, хозяйство **пантовых оленей**, которое приносило огромный доход, первая в России плантация женьшеня... – Труд-7, 2002.09.09; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*);

«животное + атрибутив», например, *чернобурка* (***Чернобурка** живет под одной крышей с хозяевами и двумя котами – КПВУ, 26.07.2010*) – *чернобурая лиса* (*Разводить **чернобурную лису** в Харьковской области начали еще в советские годы – КПВУ, 24.05.2012*); *яловка – яловая корова* (*Поверив обещанию, горячие охотники, в нетерпеливом ожидании застрелить незнакомого им зверя, расположились ночевать в деревне, а между тем проворный крестьянин добыл где-то старую, **яловую** и комолую **корову** бурой шерсти, отвел ее в самую чащу леса и, бросив голодной **яловке** охапку сена, явился ни свет ни заря к охотникам с донесением, что он обошел следы молодой лосихи и что для удачной охоты должно следовать за ним тотчас, чтоб на месте быть до рассвета. – С. П. Жихарев. Записки современника (1806-1809); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*);

«насекомое + атрибутив», например, *бронзовка* (*На сей раз подопытной стала **техасская бронзовка** – КПВУ, 20.04.2011*) – *бронзовый жук* (*Ильмарранен незаметно скосил глаза – на его рубашке лежал кверху лапами большой **бронзовый жук**, от изумления и ужаса прикинувшийся*

дохлым. – М. Дяченко, С. Дяченко. Привратник (1994); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

«насекомое + комитатив», например, **двухвостки** (*Когда георгины зацветают, их бутоны часто портят вредители – двухвостки (уховертки) – КПВУ, 08.06.2012) – двухвостые насекомые (Двухвостые насекомые, попадая на цветы, начинают их уничтожать. – КПВУ, 23.10.2010);*

«животное + компаратив», например, **плетевидка** (*Белая плетевидка, обитающая в камбоджийских лесах, по их мнению, и есть героиня наступившего года. – Труд-7, 2001.01.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – плетевидная змея (Туанг рассказывает: плетевидная змея, самая грациозная и изысканная из обитающих в этих краях гадов, не ядовита, на человека никогда не нападает. – Труд-7, 2001.01.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

«животное + место обитания», например, **древесница** (*Этот вид ясеня меньше повреждается древесницей и лосями. – «Лесное хозяйство», 2004.04.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – древесная лягушка (Древесная лягушка квакша тоже славится способностью чувствовать приближение непогоды – КПВУ, 07.01.2010); полевка (Кроту, выходящему изредка на поверхность, различить гнездо птицы и похитить из него птенцов, поймать полевку, ящерицу, лягушку довольно сложно – КПВУ, 16.09.2011) – полевая мышь (Фотографу-любителю Мэту Бинстеду посчастливилось сделать эти красивые снимки полевой мышки, забравшейся на пушистый одуванчик – blog.kp.ua); холмогорка (Вита швиц дала шестьдесят девять, симменталка Фрея семьдесят два, а мировой рекорд, семьдесят семь и семь десятых, поставила все-таки холмогорка Вольница. – В. Ф. Панова. Ясный берег (1949); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – холмогорская лошадь (Закупили несколько лошадей холмогорской породы. – КП, 22.10.2010); кавказец (Вдруг, навстречу нам, с лаем вылетает огромный белый «кавказец». – Комсомольская правда, 2011.05.02; Национальный*

корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *кавказская овчарка* (*Новшество коснется таких пород, как кавказская овчарка, стаффордширский терьер, южноамериканский бурбуль и некоторые другие.* – Труд-7, 2010.12.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

«животное + медиатив», например, *молочник* (*Теленок был совсем маленький – молочник; Пеструха выкармливала его молоком.* – АиФ, 24.08.2009) – *молочный теленок* (*В юности меня вообще надували, как молочного теленка, да и в более потрепанной возрастной категории я, случалось, с первого взгляда очаровывался людьми, которые уже на третий или пятый взгляд оказывались весьма сомнительными личностями.* – В. Санин. Не говори ты Арктике – прощай (1987); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

«животное + возраст», например, *трехлетка* (*Техасский фермер Джон Макадамс бросил вызов национальной метеослужбе, сказав, что его корова-трехлетка по кличке Бремер...* – КПВУ, 07.01.2010) – *трехлетнее животное* (*Трехлетнее животное, как и раньше, живет в Доме юннатов* – КПВУ, 14.06.2012).

В ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «птица» реализуются следующие ономасиологические модели:

«птица + атрибутив», например, *большак* (*Синица-большак из-под клюва другого вида синицы выхватит зернышко* – КПВУ, 07.03.2008) – *большая синица* (*А синицу большую (птицеловы так и зовут её «большак»), компанию не создающую, в лесу заметить трудно – как будто её и нет* – КПВУ, 22.10.2010; *Но сородичи большой синицы, не соблюдающей очередь...* – КПВУ, 07.03.2008); *пеструха* (*А я не видала, какой такой жених, – прибавляет супруга, – а в те поры думала: где это наша курица пеструха, не украл ли кто?* – Г. И. Успенский. Наблюдения одного лентяя (Очерки провинциальной жизни) / Из цикла «Разоренье» (1871); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *пестрая курица*

(*Большая **пестрая курица**, захлебнувшись кудахчущим криком, выскочила из молодых лопухов на дорогу.* – С. Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995-1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

«птица + комитатив», например, ***хохлатка** (Как говорят продавцы, нестись **хохлатки** стали больше, а значит, и яйца будут доступнее – КПВУ, 26.05.2010) – **хохлатая курица** (**Хохлатая курица** хлопотливо угощает своих птенцов. – А. Р. Беляев. Голова профессора Доуэля (1925); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

«птица + место обитания», например, ***береговушка** (Однажды у реки мне села на грудь ласточка-**береговушка** – КПВУ, 04.05.2012) – **береговая ласточка** (Он знает, где и почему иногда большим числом собираются совы, где ходят лоси, где можно поснимать **береговых ласточек** – КПВУ, 11.09.2009).*

В ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «растение» реализуются следующие ономасиологические модели:

«растение + атрибутив», например, ***пробка** (Что можно сделать из **пробки** – КПВУ, 23.01.2012; **Штампики из пробки** – КПВУ, 13.02.2012) – **пробковое дерево** (Кофейные и каучуковые деревья, бамбук и бананы, лаванда и чай, подсолнух и рисовая соломка, цитрусовые и **пробковые деревья** – КПВУ, 08.05.2012); **чернушка – черный гриб, груздь** (Он стал своим среди местных жителей, в окрестных деревнях, стал настоящим грибником-» академиком» со своими секретными грибными местами, где водились лишь высокого класса белые, рыжики, подосиновики, подберезовики, **черные грузди («чернушки»)**... – Е. Весник. Дарю, что помню (1997); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **чернушка** (Культуры, которые в юном возрасте развиваются очень медленно: морковь, лук из семян (**чернушка**), петрушка, укроп – АиФ, 03.07.2009; Сколько раз обжигался на семенах – **чернушке**: из-за низкой всхожести приходилось пересевать – КПВУ, 13.07.2011) – **семена черного лука** (Причем,*

помимо обычного, можно купить попкорн с необычными вкусами: кокосовое карри и семена черного лука, шоколад и паприка – АиФ, 09.06.2011);

«растение + комитатив», например, **черноплодка** (Но есть одна область кулинарии, где **черноплодка** становится истинной царицей – КПВУ, 23.06.2012) – **черноплодная рябина** (Ягоды: клюква, брусника, шиповник, черника, смородина, **черноплодная рябина** – главные помощники почек будущей мамы – КПВУ, 31.03.2012);

«растение + квалификатив», например, **райка** (Яблонь было больше всего: ранняя грушовка, изысканная мельба, кисловатый поздний штрейфлинг, жёсткая антоновка, маленькая **райка** и сладкий белый налив. – А. Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **райское яблоко** (Получив предложение сделать кавер-версию одной из песен Владимира Семеновича, Вакуленко сам выбрал «**Райские яблоки**» – КПВУ, 31.10.2011); **поганка** (За последние две недели на полуострове появились «заросли» шампиньонов, маслят, боровиков и... **поганок** – КПВУ, 08.07.2010) – **поганый гриб** (Незнакомая, но отнюдь не пугающая апатия уже целиком завладела его духом и телом, и он не хотел ей противиться, хотя понимал, в какую пропасть ведет его безволие, растущее в душе, будто **поганый гриб**. – Б. Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru);

«растение + компаратив», например, **шильник** (*Alisma plantago*, также пуповик, водяной **шильник**, частуха, белик – КПВУ, 09.03.2012) – **шиловидное растение** (И помогут вам в этом **флокс шиловидный** и резуха кавказская – КПВУ, 09.03.2012);

«растение + локатив», например, **степняк** (И приятный запах шел от него: ржаной запах **степняка**, смешанный с запахом дегтярных, крепко кованных сапог, с кисловатой вонью дубленого полушубка и мятным ароматом нюхательного табаку: он не курил, а нюхал. – И. А. Бунин. Захар Воробьев (1912); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **степное растение** (В регионе, где комфортно чувствуют себя разве что

стенные травы – КПВУ, 12.05.2012); *китайка* (*Чехи и вьетнамцы – люди, а чешки и вьетнамки – обувь; китаец – человек, а китайка – яблоко* – КПВУ, 18.01.2011) – *китайское яблоко* (*Этот фрукт еще называют «китайское яблоко»* – КПВУ, 09.12.2008); *кубанка* (*На кубанку ездил нынче глядеть?* – М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1958); Национальный корпус русского языка; www.roscorp.org.ru) – *кубанский картофель* (*Кубанский картофель популярен на всей территории России.* – КП, 26.08.2010);

«растение + способ произрастания», например, *дикоросы* (*Сезон дикоросов: сбор грибов, ягод и кедровых орехов* – КПВУ, 31.10.2011) – *дикорастущие растения* (*Дикорастущие растения добавленные в пищу могут улучшить её вкус, способствуют усвоению пищи, увеличивают срок хранения еды* – КПВУ, 20.06.2012);

«растение + каузатив», например, *дождевик* (*Гриб «Дождевик гигантский», который принес в редакцию Владимир Олейниченко, вырос до 30 сантиметров в диаметре* – КПВУ, 11.09.2009) – *дождевой гриб* (*Местные грибники говорят, что это дождевой гриб* – КПВУ, 27.08.2009).

4. Часть организма

В данной ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие составляющие организма живых существ, в том числе человека. Значение данных номинатем определяется как субстантивное. Выделяются следующие ономазиологические модели:

«часть организма + квалификатив», например, *безымянка* (*Mariette сняла перчатку и оголила энергическую, довольно плоскую руку с покрытой перстнями безымянкой.* – Л. Н. Толстой. Воскресение (1899); Национальный корпус русского языка; www.roscorp.org.ru) – *безымянный палец* (*Оказывается, что люди, у которых длиннее безымянный палец рискуют «подцепить» простуду, атеросклероз, аутизм, анорексию.* – АиФ 03.03.2011); *большак* (*Большаку – дрова рубить (разгибаем большой палец)* – КПВУ, 11.02.2012) – *большой палец* (*Кроме того, на мой взгляд,*

более правильно разместить **большой палец** с самого края нижней половины *варежки* – КПВУ, 14.01.2011);

«часть организма + назначение», например, *указка* (*Ивану-большаку – дрова рубить, Ваське-указке – воду носить* – КПВУ, 22.06.2011) – **указательный палец** (*Нить с указательного пальца пропускают между спиц к себе, а затем кладут на нижнюю спицу* – КПВУ, 12.02.2012);

«часть организма + компаратив», например, *лучевка* (*Приземляясь таким образом, вы рискуете получить перелом лучевки.* – Комсомольская правда, 2011.03.05; Национальный корпус русского языка; www.roscorp.org.ru) – **лучевая кость** (*Поэтому типичные признаки остеопороза – переломы позвоночника, шейки бедра или лучевой кости* – КПВУ, 20.10.2009); *щитовидка* (*Нередко ВСД развивается на фоне заболеваний эндокринных желез – особенно щитовидки, надпочечников и яичников* – КПВУ, 12.02.2010) – **щитовидная железа** (*А причина одна на все – нарушение функций щитовидной железы* – КПВУ, 29.07.2011); *радужка* (*А левая радужка будет как бы иссечена тонкими сосудиками* – КПВУ, 22.01.2010) – **радужная оболочка** (*Маленькая радужная оболочка указывает на слабость суставов* – КПВУ, 15.05.2012);

«часть организма + локатив», например, *надпочечник* (*Во время поцелуя поджелудочная железа усиливает выделение инсулина, а надпочечники – адреналина* – КПВУ, 04.11.2009) – **надпочечная железа** (*Указательный палец – состояние гипофиза, средний палец – надпочечные железы, безымянный палец – вилочковой железы* – КПВУ, 14.05.2012).

3.4.1.2. Названия объектов. В данную ЛСГ входят ЛСГОЕ, обозначающие небιологические предметы и явления. Выделяются следующие ЛСГОЕ.

1. Предмет

В данной ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие простые предметы. Значение данных номинатем определяется как субстантивное. Отмечается два типа ономаσιологического базиса.

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «предмет», то есть «всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств как нечто существующее особо». Элементы данной ЛСГОЕ реализуют следующие ономаσιологические модели:

«предмет + медиатив», например, **дутик** (*Все это как-то расходится с реальным положением вещей в Дистрикте Колумбия, где число некрасавиц в значительной пропорции превышает число кандидаток в наши героини, где, собственно говоря, и драгоценные меха не особенно в ходу, а если уж и кутаются во что-то овалы, то разве что в воротник стеганого «дутика», и где ноги не появляются в разрезе этих драгоценных мехов, подобно героиням оперетты Оффенбаха, а скромненько чапают на службу, демонстрируя плохо натянутые колготки.* – В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **дутое пальто** (*Если у вас есть дутое пальто – отрежьте от него рукава* – КПВУ, 05.12.2008);

«предмет + атрибутив», например, **коротелька** (*В коротельках тогда ходила добрая половина населения столицы.* – КП, 12.05.2007) – **короткая куртка** (*Короткая куртка до талии из микровельвета для этого придется в самый раз* – КПВУ, 21.12.2011); **ажурки** (*Ажурки впору юным модницам.* – КП, 23.04.2003) – **ажурные колготки, чулки** (*На Гвинет лишь колье с кольцами от Louis Vuitton, трусики и ажурные колготки* – КПВУ, 01.07.2011);

«предмет + комитатив», например, **бескозырка** (*А после концерта на палубе БДК «Керчь» раздавал автографы, приводя в негодность бескозырки экипажа* – КПВУ, 15.07.2010) – **фуражка без козырька** (*На него смотрел единственным, мутным и хитрым, глазом (на месте другого была*

отвратительная яма) длинноногий, давно не бритый человек в рваной шинели, в фуражке без козырька, в галошах, надетых прямо на портянки. – С. Липкин. Записки жильца (1962-1976); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

«предмет + контрагентив», например, ***пыльник** (Вообще-то переводится как "пыльник", ближе всего плащ – КПВУ, 04.06.2011) – плащ от пыли (Они были в плащах от пыли, а я без. – «Эксперт: Вещь», 2003.12.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

«предмет + дестинатив», например, ***спортивка** (Редко мелькают ополченцы в спортивках и с абхазским акцентом. – Новый регион 2, 2009.03.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – спортивный костюм (Спортивная шапка Однажды муж заказал в динамовском интернет-магазине шапочку и спортивный костюм – КПВУ, 22.01.2012); **треники** (Спортивные треники, майки с символом «Динамо», школьные формы – КПВУ, 21.03.2009) – тренировочные брюки (По словам очевидцев, кукла в человеческий рост с петлей на шее была одета в пиджак и тренировочные брюки – КПВУ, 30.10.2008); **футболка** (Стоимость футболки, которая продается в фирменных магазинах за 210 грн., с подачи футболиста выросла в 23,7 раза! – КПВУ, 10.10.2007) – **футбольная майка** (Первым заказом в рекламном агентстве была **футбольная майка**. – Комсомольская правда, 2009.01.21; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **танкач** (Я передеваюсь в свой старенький «танкач» (танковый комбинезон). – «Солдат удачи», 2004.05.05; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **танковый комбинезон** (Угольно-черный **танковый комбинезон**, высокие ботинки (битый час искали нужные размеры), темные очки (свои отдал). – О. Дивов. Молодые и сильные выживут (1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **бейсболка** (Голову прикрывала бейсболка, а лицо до глаз закрывала повязка из банданы – КПВУ, 04.05.2012) – **бейсбольная кепка** (В 1980 гг. хитом*

десятилетия становится **бейсбольная кепка** с длинным узким козырьком, символизирующая свободный стиль – КПВУ, 14.11.2011);

«предмет + статус», например, **форменка** (*На нем серая форменка с большим ярким шевроном на рукаве* – КПВУ, 27.09.2011) – **форменный костюм** (*Вероятно, в память о цветах форменной одежды мужа* – КПВУ, 29.11.2011); **обручалка** (*Хозяйка весело щебечет о минувших событиях и с нежностью поглаживает на пальчике серебряную обручалку* – Труд 27.02.2003) – **обручальное кольцо** (*Антон и Виктория ответили на вопрос, можно ли быть счастливыми без обручального кольца* – АиФ 28.07.2010); **двухтомник** (*Поэт и издатель Валерий Краснопольский рассказал нам о том, как они вместе издавали двухтомник Козакова* – КПВУ, 31.05.2011) – **двухтомное издание** (*Ее двухтомное издание планируется выпустить в конце этого года.* – Труд-7, 2004.07.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); **малотиражка** (*Мы дозвонились до одного печатного листка: выходит в Оренбурге, раз в полгода. Малотиражка, одним словом.* – Комсомольская правда, 2007.10.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **малотиражная газета** (*Первая ступень – это выступление лидера малочисленной экстремистской группы (например, скинхедов) с лозунгами погромного характера в листовке, малотиражной газете или в интернете.* – «Независимая газета», 2003.07.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru);

«предмет + материал», например, **кожанка** (*И еще один сюрприз для публики - во второй части рок-концерта Диана сняла кожанку* – КПВУ, 12.10.2011) – **кожаное пальто** (*Они взломали дверь и вынесли все, что могли: японскую технику, столовое золото, кожаное пальто* – КПВУ, 03.11.2010); **брезентуха** (*Мешковатая брезентуха придавала Чинкову простецкий вид.* – О. Куваев. Территория (1970-1975); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **брезентовая куртка** (*...прославленные тем, что, в отличие от хилых городских собратьев, с легкостью*

протыкают хоботком джинсы, брезентовые куртки – КПВУ, 07.05.2009); *капронки* (*Красивые платья, заколки, капронки* – КПВУ, 22.04.2012) – *капрновые колготки, чулки* (*Все мы носим капрновые колготки, но на них рано или поздно появляется предательская стрелка, и что теперь, выкидывать* – КПВУ, 01.03.2011); *меховушка* (*А числятся за Тахтагуловым меховушка зимняя и меховые штаны, да унты, да шлемофон кожаный...* – А. Приставкин. Радиостанция «Тамара» (1994); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *меховая шапка* (*Выходит, каждому человеку подходил свой головной убор, то есть простой мужик никак не мог появиться в дорогой меховой шапке* – КПВУ, 09.08.2010); *кирзяки* (*Ага, идите тогда на черкизон и подберите и колготы, и платье-фуфйаку и кирзяки тупоносые.* – КП 15.03.2011) – *кирзовые сапоги* (*Похоже, кирзовые сапоги все же намозолили глаза военному начальству.* – КП 29.11.2007);

«предмет + способ изготовления», например, *стеганка* (*Николай даже переодеваться в «уличную» одежду не стал, пошел в чем был – в рабоче-огородной старой стеганке и стоптанных сапогах.* – Комсомольская правда, 2001.10.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *стеганая куртка* (*Шьем стеганую куртку от Елены Кучеровой* – КПВУ, 14.02.2012); *валенки* (*Есть свидетельства о том, что валенки начали изготавливаться в Нижегородской губернии в конце 18 века* – КПВУ, 17.12.2011) – *валяные сапоги* (*...ни что иное как теплые войлочные сапоги из свалянной овечьей шерсти* – КПВУ, 22.05.2012);

«предмет + компаратив», например, *толстовка* (*Знаменитая толстовка Льва Николаевича. Толстовка длинная, просторная, с воротником-стойкой на пуговичке* – КПВУ, 05.11.2010) – *рубаша Толстого* (*На нем была рубаша, подобная рубаше Толстого, и настоящие лапти.* – КП, 17.03.2006); *лужковка* (*Хотите – переводите пенсии в сутки круиза, в один или два рукава женских пальто или в мужские кепки-«лужковки» в месяц: выбирай – не хочу.* – В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976-1999); Национальный корпус русского языка;

www.ruscorpora.ru) – **кепка, как у Лужкова** (*На его маленькой голове сидела плоская **кепка** клинышками, как у Лужкова, а носил он простую телогрейку и дурацкие плисовые штаны, аккуратно заправленные в кирзуху.* – Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч» (2001);

«предмет + локатив», например, **гавайка** (*Варон превратился в краснорозега, кривоногого пьяницу в раздерганной яркой **гавайке** и с бессонными глазами, которые, подслеповато моргая, постарались их не заметить.* – Т. Орлова. Ловушка для ящериц // «Октябрь», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **гавайская рубаша** (*Например, наряды для торжества они выбрали официальные, и, одновременно, пляжные – **гавайская рубашка-смокинг** у жениха – КПВУ, 02.10.2009); **венгерка** (*Ярко-малиновая **венгерка** его была распахнута, открывая широкий пояс, носимый в этих местах обычно вместо жилета.* – А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **венгерская куртка** (*Сначала зачастил ко мне дядюшка Евграф, пока его зеленая, со шнурами **венгерская куртка**, сизые подусники и висящая на нитке полуоторванная пуговица верхнего кармана не привели меня в неистовство и я не наговорил ему дерзостей.* – А. В. Чаянов. Юлия, или Встречи под Новодевичьим (1928); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **черкеска** (*От колючки, от ночного лежания в секретах, от ползанья около неприятеля во всякую погоду моя новенькая **черкеска** стала рванью – КПВУ, 05.02.2012) – **черкесская шапка** (*То был малый лет тридцати, довольно красивой наружности, одетый, несмотря на жару, в новенький тулупчик, туго подтянутый черкесским кушаком; на голове его красовалась **черкесская шапка** с длинной лохматой шерстью, падавшей бахромою вокруг всей головы.* – И. С. Тургенев. Приложение. Конец (1850-1860); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **афганка** (*На ногах кирзовые ботинки и штаны цвета-хаки, за поясом железная фляжка на голове – **афганка**, чтоб не было солнечного удара – АиФ,***

20.07.2010) – **афганская кепка** (*Из-под плотно надвинутой афганской кепки на меня был направлен колючий взгляд.* – КП, 14.12.2000);

«предмет + комитатив», например, **ушанка** (*Сидел очень закутанный: свитер, шарф, меховая ушанка, на коленях толстое шерстяное одеяло.* – В. Аксенов. Таинственная страсть (2007); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **шапка с ушами** (*Вместе с этими предметами он покинул неизвестную квартиру, что-то бормоча, конфузясь при мысли о том, что он только что пережил в ванной, невольно стараясь угадать, кто бы был этот наглый Кирюшка и не ему ли принадлежит противная шапка с ушами.* – М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **шиповки** (*Трусы, майки, купальники, борцовки, шиповки и халаты для членов национальной олимпийской сборной Украины разрабатывали известные дизайнеры* – КПВУ, 17.07.2008) – **бутсы с шипами** (*На нем бутсы с шипами, полосатая фуфайка и гетры.* – С. Довлатов. Ослик должен быть худым (Сентиментальный детектив) (1980); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

«предмет + форма», например, **треуголка** (*Как же я хочу кожаную треуголку и викторианскую рубаху* – КПВУ, 25.12.2011) – **треугольная шляпа** (*В форме десерта должна была угадываться знаменитая треугольная шляпа Наполеона* – КПВУ, 04.04.2012);

«предмет + темпоратив», например, **ежегодник** (*Рижский бальзам включен в ежегодник «Пособие по лекарственным средствам», предназначенный для латвийских врачей* – КПВУ, 15.04.2011) – **ежегодное издание** (*Это шестое ежегодное издание исследований Института международных проблем и внешней политики, основанное на репрезентативном социологическом опросе испанцев, достигших 18 лет, имеющих право голоса и способных посредством этого влиять на политику государства.* – РИА Новости, 2006.11.24; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **еженедельник** (*В прошлом номере*

еженедельника мы сообщили о венчании Николая Фоменко с Натальей Кутобаевой – КПВУ, 07.11.2008) – *еженедельное издание* (...а также подписка на *еженедельное издание* «Пенсионная газета» на 6 месяцев – КПВУ, 09.12.2009); *вечерка* (Соответствующее решение горсовета было опубликовано в «**Вечерке**» 18 мая. Чиновников КИО в редакцию «**Вечерки**» не пускают вахтеры и охранники. – КП 19.05.2010) – *вечерняя газета* (Напомним, российскому олигарху уже принадлежит лондонская *вечерняя газета Evening Standard*. – КП 25.03.2010);

«предмет + отрасль», например, *методичка* (Выпускникам уже выданы *методички*, в которых детально описана процедура регистрации, образцы необходимых документов – КПВУ, 12.01.2011) – *методическое пособие* (Кроме этого, Рескомзем разработал *методическое пособие* по процедуре получения гражданами документов на землю – КПВУ, 12.04.2012); *наука* (*Наука* не должна быть направлена на получение прибыли – иначе это уже бизнес, а каждому бизнесу есть свой конец – КПВУ, 01.06.2012) – *научная книга* (Но это была *научная книга*. И я был обязан поработать в его личном архиве – КПВУ, 21.12.2009); «*Иностранка*» (С разрешения издательства «*Иностранка*» сегодня мы публикуем отрывки из этой книги – КПВУ, 11.01.2008) – «*Иностранная литература*» (Григорий Шалвович Чхартишвили, переводчик, специалист по Японии, сотрудник журнала «*Иностранная литература*» – КПВУ, 15.02.2012); «*Литературка*» (Вдвойне советским был А. Чаковский – особенно когда его газета «*Литературка*» выступала против мифологического «сионизма» – КПВУ, 15.01.2011) – «*Литературная газета*» (В ту пору союзная «*Литературная газета*» сообщала: в 30-е годы сотрудники НКВД наткнулись на это сокровище – КПВУ, 15.04.2010).

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «статус предмета», элементы которой реализуют следующие ономасиологические модели:

«статус предмета + разновидность», например, *джинс, джинса, джинсовка* (Накладываете одну ткань на другую (можно 3-4-5 слоев

подходящего цвета, не обязательно **джинс**) – КПВУ, 14.05.2012; *Вот вы знаете, что такое «джинса»?* – КПВУ, 13.01.2012; *Кто бы подумал, что всего несколько лет назад Наташа ходила в джинсовке и не признавала гламур* – КПВУ, 22.05.2009) – **джинсовая ткань** (*При глажении смещайте детали так, чтобы джинсовая ткань немного выступала из-под хлопчатобумажной* – КПВУ, 14.06.2012); **натуралка** (*Одежда из натуралки всегда в цене.* – КПВУ, 27.07.2009) – **натуральная ткань** (*Мелко нарезаем наши «колбаски» и раскладываем на пергаменте или натуральной ткани тонким слоем* – КПВУ, 01.05.2012);

«статус предмета + локатив», например, **шотландка** (*Дизайнеры Chanel и Balenciaga просто помешались на куртках и пиджаках из шотландки* – КПВУ, 11.09.2007) – **шотландская ткань** (*У Мишель это чистошерстяная шотландская ткань* – КПВУ, 11.11.2011); **китайка** (*Впереди толпы в синем из китайки балахоне бородатый мясник Хряпов с дубиной на плече.* – В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 3 (1934-1939); Национальный корпус русского языка; www.roscorp.org.ru) – **китайская ткань** (*Половина нашей формы шьётся из синтетической китайской ткани* – КПВУ, 06.06.2012);

«статус предмета + способ изготовления», например, **жатка** (*Если гладить постельное белье для вас – ненавистная обязанность, выберите комплект из «жатки» (разновидность хлопковой ткани)* – КПВУ, 26.07.2007) – **жатая ткань** (*Для создания на широкой юбке эффекта жатой ткани используется микроволновая печь* – КПВУ, 14.04.2012); **варенка** (*Домашняя технология изготовления ткани по типу «варенка»* – КПВУ, 08.03.2011) – **вареная ткань** (*Укорачивание «вареных» джинсов* – КПВУ, 08.01.2012);

«статус предмета + вещество», например, **льдина** (*Вновь открыли громкое дело о льдине, убившей жену писателя Альберта Гурулева Эллису. 22 марта прошлого года глыба льда сорвалась с крыши...* – КП 18.02.2008) – **глыба льда** (*Женщину во Владимире чуть не убило глыбой льда. С высоты*

пятого этажа на голову женщины упала подтаявшая глыба льда – КП 11.01.2011).

2. Произведение (продукт творчества)

В ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие произведения искусства. Отмечаются следующие ономаσιологические модели:

«произведение + объем», например, **короткометражка** (Украина заработала приз за лучшую **короткометражку** – КПВУ, 24.05.2011) – **короткометражный фильм** (Главную награду в номинации «Лучший короткометражный фильм» Врода получила за ленту «Кросс» – КПВУ, 23.05.2011); **многосерийка** («Ранетки. Секретная жизнь» – это откровенная **многосерийка** о буднях популярной группы. – КП 27.09.2009) – **многосерийный фильм** (Предпремьерный показ **многосерийного фильма** «Раскол» пройдет в Кириллове. – КП 15.07.2011);

«произведение + статус», например, **курсак**, **курсач**, **курсовик** (Дописываю последний **курсач**. – КПВУ, 17.08.2011; Я ни на минуту не выходила из дома, я весь день, с 10 утра писала **курсовик** – КПВУ, 05.07.2011) – **курсовая работа** (По ночам пишет на заказ **курсовые работы** и дипломы, ведь у нее два высших образования: педагогическое и экономическое – КПВУ, 12.07.2011); **нетленка** (Руку даю на отсечение, что на следующей церемонии "ТЭФИ" сия **нетленка** победит во всевозможных номинациях. – КП 07.02.2007) – **нетленное произведение** (**Нетленное произведение** Дениса Ивановича Фонвизина «Недоросль» поставила на сцене Театра молодежи режиссер Лидия Василенко. – КП 17.05.2007); **глобалка** (В последнем выпуске своей передачи выступил поборником «глобалки», недавно активно пытался реформировать свое «Зеркало». – Труд 05.07.2001) – **глобальное произведение** (Сложно поверить, но на **глобальный роман** у машины ушло всего три дня! – КП 12.12.2007);

«произведение + жанр», например, **документалка, документашка** (*В общем, получилась невнятная документалка, которую спасает только участие в фильме великолепной Моники Белуччи – КПВУ, 24.11.2011*) – **документальный фильм** (*Сегодня канал «1+1» покажет документальный фильм о знаменитых «инакомыслящих украинцах» – КПВУ, 20.08.2007*); **детектив** (*Идет Вторая мировая война, о ней и сюжет фильма. Но это вовсе не исторический фильм, и даже не шпионский детектив – kр.ua/tags*) – **детективный фильм** (*Детективный 15-серийный фильм о тяжелых буднях недавно созданного спецподразделения налоговой полиции России «Кобра» – m.kр.ua/kyev/pda/articles/120308/36700/*);

«произведение + бюджет», например, **малобюджетка** (*Первое впечатление – малобюджетка, причем дичайшая – КПВУ, 03.06.2011*) – **малобюджетный фильм** (*Малобюджетный фильм про то, как после закрытия его проекта один ученый свихнулся и решил отомстить закрывальщикам – КПВУ, 01.06.2012*).

3. Продукт

В данной ЛСГОЕ собраны номинатемы обозначающие объекты, являющиеся продуктами питания.

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «продукт». Выделяются следующие ономаσιологические модели в пределах данной группы:

«продукт + статус», например, **вышка** (*Только для выпекания этого вида изделий непременно нужна вышка. – КП, 30.04.2002*) – **мука высшего сорта** (*В магазине мы приобрели семь образцов муки высшего сорта – КПВУ, 13.04.2012*); **свежак** (*Словно в подтверждение этих слов, к соседней палатке подъезжает грузовой пикап, из которого выходит мужчина и начинает громко кричать: «Свежий хлеб! Свежак! Свежак!» – Комсомольская правда, 2010.04.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*) – **свежий хлеб** (*Благодаря ему можно получить свежий хлеб в желаемое время, например к завтраку – КПВУ, 03.04.2007*);

натуралка (*У меня годовалый щенок кавказской овчарки, я кормлю его «натуралкой», так как заводчик сказал, что эту породу не кормят «сушкой» – КПВУ, 28.01.2012*) – **натуральный корм** (*Во-первых, нельзя смешивать натуральные и промышленные корма – нарушается обмен веществ – КПВУ, 17.03.2012*);

«продукт + атрибутив», например, **чернушка** (*«На стройке немцы пленные / На хлеб меняли ножжики», – и я вижу себя мальцом, «шкетом», передающим через забор германскому солдату кус чернушки, вижу его слезящиеся, полные благодарности глаза... – «Общая газета», 1995.07.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **черный хлеб** (*Между тем растереть черствый черный хлеб с растительным маслом, добавить лимонную цедру и остаток сахара, корицу, гвоздику – КПВУ, 05.04.2012*);*

«продукт + фактура», например, **крупчатка** (*Крупчатка (встречается редко) отличается более крупным размером – КПВУ, 13.04.2012*) – **крупчатая мука** (*Далее требуются: гашеная известь, пшеничные отруби (межситка), квасцы литрованные, не содержащие железа, или римские, обыкновенная поваренная соль, свежие яичные желтки, крупчатая мука 1-го сорта и даже выше, сернистый мышьяк и сернистый натрий. – Краткая энциклопедия скорняка, 1999; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*);

«продукт + способ изготовления», например, **сечка** (*Водой почти доверху наполняют литровую банку, добавляют 4 ст.л. зерен любого риса (кроме сечки) и 2-3 ст.л. сахарного песка – КПВУ, 31.05.2011*) – **сеченая крупа** (*Для этого подойдет любая сеченая крупа. – КПВУ, 22.08.2005*); **дробленка** (*Фарш куриный (600 гр) + 1 чашка крупы пшеничной (дробленки) + 1 чашка крупы ячневой (дробленка), эти две крупы смешать – КПВУ, 21.07.2011*) – **дробленая крупа** (*Рис: продукты, содержащие рис, в том числе: рис дробленый; мука рисовая; гранулы из зерна риса; хлопья рисовые, чипсы рисовые – КПВУ, 31.12.2010*); **варенка** (*Еще в конце августа "варенка"*

высшего сорта продавалась по 55-60 грн., а к середине сентября стала на 15-20 грн. дороже – КПВУ, 26.09.2011) – **вареная колбаса** (Такая «одежка» способна продлить срок годности скоропортящейся **вареной колбасы** до 60 суток – КПВУ, 12.06.2008); **отбивнушка** (...это классическая **отбивнушка**; это мясо с таким, с просто-таким – КПВУ, 13.04.2012) – **отбивная котлета** (Из корейки получаются отличные **отбивные котлеты**, шашлыки и шницели – КПВУ, 10.05.2012); **тушенка** (В Новосибирске мясо дешевеет, **тушенка** дорожает. – КП 08.06.2011) – **тушеное мясо** (Тушеное мясо, соль, специи - тушенку, сделанную по такому рецепту, можно найти сейчас, кажется, только на складах Росрезерва. – КП 06.11.2010); **сушка** (У меня годовалый щенок кавказской овчарки, я кормлю его «натуралкой», так как заводчик сказал, что эту породу не кормят «сушкой» – КПВУ, 28.01.2012) – **сухой корм** (Какой корм полезнее: **сухой** или натуральный? – КПВУ, 12.03.2009);

«продукт + фабрикатив», например, **гречка** (Первая партия китайской **гречки** в объеме 500 тонн уже доставлена в Одесский порт – КПВУ, 28.04.2011) – **гречневая крупа** (В Одесский порт прибыло судно с очередными 500 тоннами китайской **гречневой крупы** на борту – КПВУ, 10.05.2011); **ячменка** (Многие рецепты предлагают использовать исключительно **ячменку**. – КП, 03.12.2009) – **ячменная мука** (**Ячменная мука** придает выпечке мягкость – КПВУ, 13.04.2012); **пшеника** (Кушайте на завтрак перловку, на обед гречку в термосе, на ужин **пшенику**, все с мор.капустой и боярышник с шиповником заваривайте! – КП 15.06.2011) – **пшениная каша** (Варится рассыпчатая **пшениная каша**, а отдельно в казане жарится мелко нарезанное старое сало и после добавляется в кашу. – КП 28.04.2011); **пшеничник** (Лупят друг друга без пощады страшными молодыми кулачищами, – дворянчики кутейников, кутейники дворянчиков, **пшеничники** оржаных блинников, оржаные блинники пшеничных выкормков. – А. В. Амфитеатров. Княжна (1889-1895); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **пшеничный пирог** (В своё время «учитель

*русских рабочих» Г. Плеханов предупреждал размечтавшихся о тотальном счастье большевиков, что «русская история ещё не смолола той муки, из которой будет испечён **пшеничный пирог** социализма» – АиФ, 07.10.2009); **кровянка** (Ветеринарная милиция штрафует предпринимателей, которые выставляют на прилавки некачественную «**кровянку**» – КПВУ, 22.07.2009) – **кровяная колбаса** (Паштет и **кровяная колбаса** опасны для здоровья – КПВУ, 22.07.2010); **изюмина** (Если **изюмина** одна, в перекрестии, то печеный крестик выглядит как птица, у которой **изюмина** – глаз. – КП) – **ягода изюма** (Виноградники занимают в среднем только сотую часть всей обрабатываемой земли, а виноград, который там собирается, в большей своей половине идет не на изготовление вина, а потребляется местным населением в виде **ягод изюма** и пр. или вывозится на продажу. – Н. Тяпугин. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе (1926); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).*

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «напиток». Выделяются следующие ономасиологические модели в пределах данной группы:

«напиток + статус», например, **паленка** (К сожалению, «**паленка**» в нашем регионе все еще не редкость – КПВУ, 30.08.2008) – **паленая водка** (На работу они наняли 30 человек (преимущественно кавказцев и нелегалов) , которые без устали начали клепать **паленую водку** – КПВУ, 11.08.2010);

«напиток + состав», например, **минералка** (Санаторий «Лермонтовский» будет продавать **минералку** – КПВУ, 21.10.2011) – **минеральная вода** (Минеральная вода – источник красоты и здоровья – КПВУ, 11.11.2011); **кремневка** (Мне протянули бутылку с **кремневкой**. – КПВУ, 23.09.2007) – **кремниевая вода** (Польза и положительный эффект **кремниевой воды** поистине многоплановый – КПВУ, 31.05.2011);

«напиток + способ изготовления», например, **газировка** (В Москву вернулись автоматы с **газировкой**. – КП 08.06.2011) – **газированная вода** (Под брендом Норинга уже разливаются чистая питьевая вода, **газированная вода**, детская вода, воды с добавлением фтора и с

добавлением йода. – КП 27.05.2011); **самогонка, самогон** (...о жизни украинского села, где готовятся к грандиозному празднику: гонят 300 литров **самогонки**, чтобы всем было весело – КПВУ, 20.07.2010; Мы направили в МВД предложение о том, что штрафные санкции за изготовление **самогона** должны быть значительно усилены – КПВУ, 25.06.2009) – **самогонная водка** (в чугуне мамалыгу к жаркому, пряный мацдей с холодной рыбой, соленья к терпкой **самогонной водке**, приправленной для вкуса и запаха белым кубинским ромом, но нынешней уже осени молодое красное вино в широкогорлых кувшинах. – Н. Климонтович. Фотографирование и прочие Игры (1988-1990); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru);

«напиток + пациентив», например, **горбачевка** (По радио из кухни доносились новости: бесконечные съезды, **горбачевка**, урожай, цены. – М. Гиголашвили. Чертово колесо (2007); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **горбачевская водка** (Запомнилась «**горбачевская**» водка. – КП, 12.06.2009); **андроповка** (Мне тот период запомнился прежде всего водкой с народным названием «**Андроповка**» – КПВУ, 14.11.2007) – **водка времен Андропова** (...период руководства его предшественника **Андропова**, когда **водка** свободно продавалась в магазинах, а пьяных на улицах не было видно – АиФ, 26.10.2011);

«напиток + фабрикатив», например, **вишневка** (**домашняя вишневка**. ... Что вы обычно делаете из этой не слишком сладкой ягоды – компот? А в старину существовал способ приготовления напитка, равного которому по вкусу и пользе для здоровья не было равных. – Труд 06.08.2001) – **вишневая наливка** (В этом случае, конечно, можно и хранить, но столько, насколько хватит терпенья, поскольку **вишневая наливка** – очень вкусная! – КПВУ, 17.10.2011); **рябиновка** (Сотрудники филармонии тогда собрали с дерева два пакета ягод, из которых получилась отменная **рябиновка** – КПВУ, 31.05.2007) – **рябиновая наливка** (Когда бабуля гостит в Кургане у сестры, обязательно привозит домой **рябиновую наливку**, сладкую, тягучую,

томную – КПВУ, 07.02.2011); *сливянка, сливовица* (Поражал громадный торт в виде сельского двора с ветряками, поросятами и курами. Наливали вишняк и *сливянку* – КПВУ, 17.03.2008) – *сливовая наливка* (На пасхальном столе весьма желательны окрашенные в синий цвет яйца и *сливовая наливка* – КПВУ, 18.04.2011).

4. Приспособление

В данной ЛСГОЕ собраны номинатемы обозначающие объекты, являющиеся приспособлениями: машинами, механизмами и т.п.

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «приспособление», определяемым как «предмет, особое устройство, посредством или при помощи которого совершается какая-н. работа, действие». Выделяются следующие ономаσιологические модели в пределах данной группы:

«приспособление + квалификатив», например, *моби́ла, мобилка, мобильник* («Мобилка», вне всякого сомнения, может сильно облегчить жизнь делового человека. – Труд-7, 2004.06.05; Если не у всех, то у каждого второго обязательно висит *моби́ла*. – Комсомольская правда, 2001.07.10; В прошлом году за подобное лишь изымали *мобильник* до конца экзамена. – Комсомольская правда, 2011.05.12; Национальный корпус русского языка; www.roscorp.org.ru) – *мобильный телефон* (По приезде в гостиницу он понял, что забыл в самолете *мобильный телефон*. – Известия, 2011.03.11); *плазма* (Кловский спуск, 50 кв.м. Витражные окна, панорамный вид из окон, евроремонт, кондиционирование, встроенная кухня, встроенные шкафы, диван, двуспальная кровать, вся бытовая техника, посудомоечная машина, *плазма, охрана* – КПВУ, 02.07.2012) – *плазменный телевизор* (Редчайший случай, чтобы *плазменный телевизор* горел да еще и открытым огнем – КПВУ, 28.01.2010); *сверхзвуковик* (Даже современный *сверхзвуковик* по сравнению с пчелой – неуклюжая болванка – АиФ, 27.01.2010) – *сверхзвуковой самолет* (Ту-144 – советский *сверхзвуковой* пассажирский самолёт, разработанный КБ Туполева в 1960-е годы – КПВУ, 14.05.2012);

многоразовик (Американский **многоразовик** исчерпал свои технические возможности. – КП, 14.04.2010) – **многоразовый (космический) корабль** (Ровно 20 лет назад, 15 ноября 1988 года, **многоразовый космический корабль** «Буран», стартовав с космодрома Байконур, дважды облетел Землю – АиФ, 12.11.2008; Сколько полётов совершил **многоразовый корабль** «Буран»? – АиФ, 02.03.2011);

«приспособление + деталь», например, **моторка** (Патрульные **моторки** тем временем начали кружить вокруг острова – КПВУ, 25.05.2011) – **моторная лодка** (В Черном море найдена **моторная лодка**, судьба четырех рыбаков остается неизвестной – КПВУ, 14.05.2008); **двуколка** (Но тут штурман увидел, как из леса выбежала допотопная **двуколка**, запряженная мощным деревенским битюгом с большой гривой – КПВУ, 13.12.2011) – **двухколесная повозка** (Бегали под седлом, возили **двухколёсные повозки** в Египте, тянули телеги с грузом, впрягали лошадей в возки, кибитки – КПВУ, 16.01.2009); **двухдверка** (Также на **двухдверку** поставят передний и задний стабилизаторы поперечной устойчивости – КПВУ, 10.08.2011) – **двухдверный автомобиль, двухдверное авто** (Это открытое **двухдверное авто**, оснащено убирающимся матерчатый верхом, который, отличается улучшенной шумоизоляцией – КПВУ, 28.05.2010); **гусеничник** (Тяжелый **гусеничник** тащил за собой груды поваленных сосен. – КП, 20.04.2008) – **гусеничный трактор** (На ней вверх по Днепру в Токаревское лесничество перевозились 9 кубометров леса и **гусеничный трактор** – КПВУ, 01.12.2010);

«приспособление + мощность», например, **сороковка** (Несколько **сороковок** не решат проблему освещения в этом помещении. – КП, 15.11.2010) – **лампа в сорок ватт** (На каждой полке размещаю по одной **лампе мощностью в 40 Вт**, интенсивность освещения при этом вполне достаточная – АиФ, 13.03.2008); **сотка** (Логичнее использовать «**сотку**». – КПВУ, 22.03.2006) – **лампа в сто ватт** (...как обычная **лампочка накаливания в 100 Вт** – АиФ, 15.12.2011);

«приспособление + калибр, размер», например, *трехдюймовка* (*В промежутках он видел, что крайняя трехдюймовка осела с разбитым колесом и, кажется, куда-то делся второй подносчик.* – И. Ратушинская. Одесситы (1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *трехдюймовая пушка* (*Вихрова призвали в армию вскоре после начала; впрочем, войны тогда были опасны лишь в радиусе трехдюймовой пушки.* – Л. М. Леонов. Русский лес (1950-1953); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *сорокапятимиллиметровка* (*Одна сорокапятимиллиметровка осталась, и та с подбитым колесом...* – В. Некрасов. В окопах Сталинграда (1946); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *сорокапятимиллиметровая пушка* (*На «С-13», помимо знакомой ему по «малютке» сорокапятимиллиметровой пушки, стояла «сотка», дальнобойное орудие 100-мм калибра, в бою его обслуживают семь человек, включая вестового.* – А. Крон. Капитан дальнего плавания (1983); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *портативка* (*Однако слишком «заикливаться» на идеальном качестве изображения, выбирая портативку, не стоит.* – Комсомольская правда, 2001.06.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *портативный телевизор* (*Забрав у жертвы около 10 тысяч гривен, 6 тысяч долларов, драгоценности и переносной портативный телевизор, туристы отправились* – КПВУ, 23.07.2009); *двуспалка* (*«Двуспалка» стоит 500, «полуторка» – 400 гривен* – КПВУ, 11.10.2011) – *двуспальная кровать* (*В ванной комнате расположился книжный шкаф, среди больничных стен обнаружилась двуспальная кровать* – КПВУ, 14.07.2011);

«приспособление + дестинатив», например, *зарядка, зарядник* (*Твой дом там, где зарядник твоего ноутбука и мобилы* – КПВУ, 13.02.2012; *Как сделать переносную зарядку для телефона?* – КПВУ, 24.02.2012) – *зарядное устройство* (*Еще одно устройство на популярных сейчас солнечных батареях – некий симбиоз радиоприемника, фонарика, зарядного устройства* – КПВУ, 22.06.2010); *молотилка* (*Слушаю лекцию, что спереди*

– жатка, внутри – зерноприемник, **молотилка**, бункер, измельчитель соломы. – «Известия», 25.07.2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **молотильная машина** (*Никакой гидравлический пресс, никакая молотильная машина, если бы они были изобретены* – И. И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие (1856); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); **почтовик** (*Декабрь – для почтовиков самое горячее время* – АиФ, 15.12.2011) – **почтовый самолет** (*Дальше был Киев, Жуляны, три самолета, на которые не было мест, почтовый самолет, на который меня обещали взять и не взяли* – КПВУ, 05.07.2010); **грузовик** (*Водитель грузовика выехал за пределы проезжей части* – КПВУ, 25.04.2012) – **грузовая машина** (*На трассе сбоку вылетела военная грузовая машина – солдатик за рулем не посмотрел влево* – КПВУ, 29.03.2012); **сторожевик** (*Когда сторожевик приблизился к браконьерам на расстояние менее чем 10 кабельтовых, пограничники выпустили осветительные ракеты* – КПВУ, 13.03.2010) – **сторожевой катер** (*Были включены малый катер морской охраны и пограничный сторожевой катер* – КПВУ, 19.04.2011); **проеекционка** (*Проекционками для демонстрации фильмов сейчас пользуются редко.* – КП, 24.11.2003) – **проеекционный аппарат** (*В кинотеатре города Форт Ли (шт. Нью-Джерси) он попросил установить дополнительный проекционный аппарат* – КПВУ, 14.03.2007);

«приспособление + медиатив», например, **электричка** (*Электричка не ходила полчаса из-за заторов на железной дороге* – КПВУ, 14.02.2012) – **электрический поезд** (*в ходе состоявшихся испытаний локомотив этого электрического поезда, способный развить мощность 22800 КВт, разогнал этот поезд из шести вагонов до отметки 500.5 км/ч (311 миль в час)* – КПВУ, 05.01.2012); **ветряк** (*Подседланные разномастные кони вынесли их за ветряк, и долго кружился по ильяху легкий вешний прах, взвихренный конскими, обутыми в летние подковы, копытами.* – М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1958); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **ветряная мельница** (*Из всяческих сооружений против*

*воробьев пользовалась всеобщим признанием только маленькая **ветряная мельница***. – К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий (1958); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); ***ручник*** (*Этот лед разрывает краску, хуже работают тормоза, замерзает **ручник**, скрипят или вовсе выходят из строя амортизаторы* – КПВУ, 30.01.2012) – ***ручной тормоз*** (*Кожаный салон имеет также малый кожаный пакет (рулевое колесо, рычаг КПП и **ручной тормоз**)* – КПВУ, 05.03.2012); ***светодиод*** (*В семидесятых годах детям объясняли, что **светодиод** - это такая маленькая радиодеталь, которая светится, как светлячок* – КПВУ, 26.08.2010) – ***светодиодная лампа*** (*Светодиодные лампы Bioledex для освещения и светового дизайна позволяют экономить 90% электроэнергии* – КПВУ, 19.05.2012); ***конка*** (*А конка стала не нужна. Многие теперь даже не знают, как она выглядела.* – КП 13.06.2009) – *конный трамвай* (***Конный трамвай** просуществовал во Львове до 1912 года, то есть 18 лет параллельно с электрическим* – КПВУ, 13.01.2010); ***электронка*** (*Какой бы удобной ни была **электронка**, она никогда не сможет стать дорожке печатной.* – Труд-7, 2010.10.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – ***электронная книга*** (*Премия «Электронная буква», которая выбирает самые продаваемые электронные книги, ридеры и активные в этом сегменте рынка* – КПВУ, 10.02.2012); ***микроволновка*** (*Безе в **микроволновке** за 30 (тридцать!) секунд превращается в нежно-белоснежное облачко!* – КПВУ, 21.06.2012) – ***микроволновая печь*** (***Микроволновая печь** получила «постоянную прописку» на наших кухнях* – КПВУ, 01.06.2012);

«приспособление + способ изготовления», например, ***долбленка*** (...2 метра, (длиной – 10 м) лежит днищем вверх, поэтому точно определить класс судна сложно, скорей всего, это челка, или ***долбленка*** – КПВУ, 16.08.2010) – ***долбленая лодка*** (*В наследство мне досталась большая **долбленая лодка** с протечкой в носу и сломанное короткое весло.* –

В. Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

«приспособление + фабрикатив», например, **брезентовка** (*Одна большая брезентовка укрывала нас от страшного ливня.* – КП, 17.04.2000) – **брезентовая палатка** (*Брезентовая палатка Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ (МП) сгорела в ночь на субботу, 1 января* – КПВУ, 01.01.2011);

«приспособление + автор», например, **дегтярь**, **дегтярев** (*Тут же «примостились» пулеметы максим и дегтярев* – КПВУ, 22.04.2010) – **пулемет Дегтярева** (*В руках у него был пулемет Дегтярева* – КПВУ, 04.11.2011); **максим** (*Кроме того, "самоходовцы" продемонстрировали посетителям выставки, как стреляют пулемет Максим образца 1910* – КПВУ, 29.05.2012) – **пулемет Максимова** (*Очередь пулемета Максимова рассек ночную тишину.* – КП, 22.06.2004); **токаревка** (*Токаревка менее распространена, чем другие виды винтовок.* – КП, 23.04.2005) – **винтовка Токарева** (*Коллекционер хранил дома карабины, ружья, винтовку, револьвер, самозарядную винтовку Токарева, пистолет-пулемет Шпагина* – КПВУ, m.kp.ua/dp/pda/articles/210611/286317/); **калашник** (*У нас два «калашника» и много гранат.* – А. Измайлов. Трюкач (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **автомат Калашникова** (*Речь идет о гражданских аналогах автомата Калашникова – карабинах* – КПВУ, 07.11.2011);

«приспособление + модель», например, **шестерка** (*«Шестерка» снесла ограждение возле перехода и врезалась в стоящий над дорогой дом* – КПВУ, 15.07.2009) – **шестая модель автомобиля «Жигули»** (*Тесть подарил ему "Жигули" шестой модели голубого цвета, что по тем временам было весьма престижно* – m.kp.ua/kyev/pda/articles/160811/296267/); **девятка** (*Кстати, а зачем Вы сами-то ту девятку чинили?* – АиФ, 06.07.2011) – **автомобиль «Жигули» девятой модели** (*«Жигули» девятой модели под управлением жителя Новгородской области по не установленной пока*

причине выехали на встречную – АиФ, 08.08.2010); **раскладушка** (Простая с виду **раскладушка таит** в себе массу функций для того, чтобы получать удовольствие не только от разговоров – КПВУ, 28.02.2007) – **раскладной телефон** (У него была новенькая **раскладная трубка**. – КПВУ, 25.12.2009);

«приспособление + порядковый номер», **пятидесятка** (**Пятидесятка** сразу же была пущена на испытания. – КПВУ, 04.05.2011) – **пятидесятый трактор** (Каждый **пятидесятый трактор**, сходящий с конвейера, отмечают специальным клеймом. – КПВУ, 22.03.2010);

«приспособление + масса», например, **семидесятитонник** (**Семидесятитонник** неуверенно передвигался по рельсам. – КП, 03.12.2009) – **семидесятитонный кран** (Стрела **70-тонного крана** рухнула на людей – КПВУ, 11.04.2011); **двухсоттонник** (В самом крайнем случае используют **двухсоттонник**. – КП, 11.11.2006) – **двухсоттонный кран** (Потом по Днепру на понтонах должен быть доставлен огромный **200-тонный кран**, который и снимет Кобзаря с постамента – КПВУ, 30.11.2011); **полуторка, полуторатонка** (Возле остановки общественного транспорта «Оперный театр» сегодня в десятом часу утра столкнулись рейсовый автобус ПАЗ и **полуторка** «Хёндай». – КП 18.09.2008) – **полутор(атон)ная машина** (Давайте будем бояться летать в космос, бояться машин. На вас едет пусть даже скромная **полуторатонная легковая машина**, вы будете бояться. – КП 29.04.2011; К освоению производства и модернизации **полуторатонных грузовиков ГАЗ-АА**. – КП 23.11.2010);

«приспособление + локатив (место изготовления)», например, **казанка** («**Казанка**» оставляла за собой вдавленный в песок след и скоро исчезла из поля зрения – КПВУ, 30.07.2010) – **казанская лодка** (На берегу обнаружилась **казанская лодка**. – КП, 11.04.2003); **болгарка** (Убирать наросты могут с помощью «**болгарки**», а также напильников и рашпилей – КПВУ, 22.05.2009) – **болгарская пила** (**Болгарская пила** плотно вошла в хозяйственный обиход. – КП, 25.05.2004); **ижевка** (Виделась ему стена в отцовской комнате,

единственное ружьецо на этой стене, одноствольная «Ижевка» шестнадцатого калибра, скромное, старенькое ружьецо. – Л. Карелин. Головокружение // «Юность», 1971; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **ижевское ружье** (У него всегда были хорошие отечественные **ружья – ижевские, тульские** – blog.kr.ua/); **японец** (В Киве «японец» залетел под огромную фуру и загорелся – КПВУ, 28.03.2012) – **японский автомобиль** (Взять, к примеру, **японские автомобили** – КПВУ, 21.03.2012);

«приспособление + локатив (место использования)», например, **подводка** (Бродить по лабиринтам **подводки** выглядело делом скучным, но Ежелю все было интересно – КПВУ, 25.11.2010) – **подводная лодка** (**Подводная лодка «Запорожье» Военно-Морских Сил Украины с помощью буксиров вышла из плавучего дока** – КПВУ, 19.07.2009); **колымка** (К угловому столбу была прикручена проволокой горящая «**колымка**» – самодельная лампочка на бензинном паре. – В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **колымская лампа** (Так называемые «**колымские**» лампы использовались в бараках исключительно формально: они почти не давали света. – КП, 21.12.2005); **глубинка** (Четыре метра **глубинка**, а ее только обнаружили! – В. Конецкий. Вчерашние заботы (1979); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **глубинная бомба** (Самое страшное – на дне лежала масса **глубинных бомб** – по 300 килограмм чистого тротила каждая – КПВУ, 11.06.2011); **пригородник** (Они добирались сюда на старом **пригороднике**. – КПВУ, 24.06.2003) – **пригородный автобус** (Городской или **пригородный автобус «Эталон»** соответствует всем требованиям безопасности – КПВУ, 13.11.2010); **внедорожник** (Водитель **внедорожника Nissan Pathfinder** субботним вечером не справился с заснеженной трассой, ведущей на вершину Ай-Петри – КПВУ, 31.01.2011) – **внедорожный автомобиль** (Пороги, установленные на **внедорожный автомобиль**, несут с собой несколько функций – КПВУ, 10.02.2012);

«приспособление + темпоратив», например, **ночник** (*А если вы проведете подсветку, то ваш комнатный фонтан для дома превратится в симпатичный **ночник** – КПВУ, 07.10.2011) – **ночная лампа** (*Вот у вас **ночная лампа**, например, с абажуром из ткани стоит – КПВУ, 28.10.2008);**

«приспособление + комитатив», например, **бортовка** (*Их подбрасывало на ухабах в старой расшатанной **бортовке**. – КПВУ, 04.11.2011) – **бортовая машина** (*Бортовые грузовики МАЗ от дилера. Цены от 287580грн. Гарантия. Сервис – www.maz.in.ua/); **трехгранка** (*Человек долго ковырял **трехгранкой**, потом постучал ко мне в окно. – К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность (1954); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **трехгранный напильник** (*Квалифицированный мастер-краснодеревщик затачивает свои пилы сам, пользуясь приспособлением для правки пил, разводкой и **трехгранным напильником**. – Т. Матвеева. Реставрация столярно-мебельных изделий (1988); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); **двустволка** (*Он съездил домой, взял у отца **двустволку** и вернулся с ней в училище. – КП 03.03.2010) – **двуствольное ружье** (*45-летний житель Мариинска у себя дома собрал небольшой арсенал оружия: **двуствольное ружье** калибра 16 мм без приклада, обрез двуствольного. – КП 12.02.2010); **двухкассетник** (*Помню, в одной из камер на полке были видны какие-то книжки и **двухкассетник**. – «Искусство кино», 2003.06.30; Национальный корпус русского языка; www.rosorgora.ru) – **двухкассетный магнитофон** (*Обстановка в комнате небогатая: простенький диван, столик, кресло, торшер в углу да **двухкассетный магнитофон** – КПВУ, 06.05.2011); **трехпрограммник** (*В те незапамятные времена, когда ещё не было ни МАПа, ни ФЗ "О рекламе", **трехпрограммник** мог рекламировать на всю страну всё, что заблагорассудится. – «Рекламный мир», 2000.03.30; Национальный корпус русского языка; www.rosorgora.ru) – **трехпрограммный транзистор** (*Основоположниками радиорекламы по праву можно назвать трансляционные радиостанции: ЕМ-диапазон только начинали осваивать, а**********

на *трехпрограммном транзисторе* реклама цвела бурным цветом. – «Рекламный мир», 2000.02.15; Национальный корпус русского языка; www.roscorp.org.ru);

«приспособление + поссессив», например, *снайперка* (*Какое то ни было убийство, автомат и снайперка обязательно должна быть в группе захвата – кр.ua/ajax/module.*) – *снайперская винтовка* (*Также страничку украинца украшают фото, где он целится во что-то из снайперской винтовки – КПВУ, 06.09.2011*).

5. Документ

В данной ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие документы, то есть «деловые бумаги, служащие доказательством чего-нибудь, подтверждающие право на что-нибудь, а также акты, письменные свидетельства о чем-нибудь». Отмечаются две подгруппы в пределах ЛСГОЕ.

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «документ». Обнаружены следующие ономасиологические модели:

«документ + статус», например, *студак* (*В родную альма-матер. путь мне преградил безумный охранник и стал требовать студак – КПВУ, 14.07.2011*) – *студенческий билет* (*Именно Ярослав принял из рук почетного президента академии Сергея Кивалова переходящий символический студенческий билет – КПВУ, 02.09.2011*); *краснуха* (*По окончанию универа тебя ждет краснуха. – КП, 17.06.2003*) – *красный диплом* (*«Вице-Мисс Вселенная 2011» получила красный диплом – КПВУ, 27.01.2011*); *Нобелевка* (*Демократическая Украина вместе с Ираном и Афганистаном бойкотирует вручение "нобелевки" китайскому диссиденту – КПВУ, 07.12.2010*) – *Нобелевская премия* (*Сегодня, 7 октября, в Стокгольме вручили Нобелевскую премию 2008 по физике – лауреатами стали ученые из США и Японии – КПВУ, 07.10.2008*); *анонимка* (*Это уже четвертая такая анонимка, где меня в чем-то обвиняют, – рассказал в беседе с*

"Комсомолкой" Александр Якимович – КПВУ, 14.01.2012) – **анонимное письмо** (В пятницу, 25 июня в адрес общественной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» пришло **анонимное письмо** – КПВУ, 26.06.2010); **висяк** (В Забайкалье дело 2004 года об убийстве Александра Шапневского – «висяк». – КП 22.10.2010) – **висячее дело** (Выбивали признательные показания по **висячим делам**. – КП 22.01.2010);

«документ + дестинатив», например, **командировка** (Моя **командировка** уже подписана – КПВУ, 27.01.2012) – **командировочное удостоверение** (Так вот этот слух я опровергал в течение трех дней, пока **командировочное удостоверение** домой не принес – КПВУ, 25.04.2012); **кредитка** (Намного охотней банки выдают **кредитки** проверенным клиентам – КПВУ, 18.08.2010) – **кредитная карточка** (С собой носите минимум наличных денег и **кредитных карточек** – КПВУ, 28.05.2011); **путевка** (Прием пенсионеров туда производится на основании следующих документов: **путевки** или курсовки – КПВУ, 13.03.2007) – **путевой лист** (При этом утром в своем АТП 28-летний водитель получил медицинское заключение «здоров» и **путевой лист** – КПВУ, 06.07.2011); **платежка** (За прошлый месяц мне, как обычно, в почтовый ящик пришла **платежка** за жилищно-коммунальные услуги – КПВУ, 14.02.2012) – **платежное письмо** (В этом месяце **платежные** документы никак не изменятся – КПВУ, 03.02.2009); **страховка** (Покупая тур в дальние страны, к **страховке** мы нередко относимся как к «нагрузке» к **путевке** – КПВУ, 06.05.2011) – **страховой полис** (В случае поездки по служебным делам **страховой полис** приобретается за счет предприятия – КПВУ, 11.04.2012);

«документ + отрасль», например, **санитарка** (Здорова, – сказала она и шлепнула штамп в **санитарку**. – КП, 11.04.2010) – **санитарная книжка** (И обязательно требуйте **санитарную книжку**, внимательно изучите печати врачей, перезвоните в клиники для уточнения реального положения вещей – КПВУ, 17.09.2011); **уголовка** (Опасную штуку у парня нашли участковые в селе Жихарь, что тоже повлекло за собой «**уголовку**» – КПВУ, 20.12.2011) –

уголовная статья (Если его мощность окажется выше допустимой, его владелец может получить даже **уголовную статью** – КПВУ, 05.10.2011);

«документ + локатив», например, **Шенген** (Что такое **Шенген?** Шенгенский договор – это соглашение о едином визовом пространстве – КПВУ, 27.03.2008) – **Шенгенский договор** (Практически вся Европа входит в **Шенгенский договор**, поэтому для путешествия по нескольким странам достаточно одной визы – КПВУ, 25.03.2010); **шенгенка** («**Шенгенка**» обойдется и того дороже – 250 грн. плюс 35 евро – m.kr.ua/lvov/pda/articles/220411/277056) – **шенгенская виза** (В соглашение об упрощении визового режима добавлены три категории украинцы, которые за **шенгенскую визу** не будут платить – КПВУ, 09.12.2011);

«документ + каузатив», например, **хулиганка** (Это была бытовая драка, "**хулиганка**" – КПВУ, 19.09.2011) – **статья за хулиганство** (Когда меня журналист спросил, что за это может быть, я сказал: может быть **статья за хулиганство** – КПВУ, 05.04.2012).

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «статус документа».
Отмечаются следующие ономасиологические модели:

«статус + количество», например, **пяτισотка** (Однако его подвела жадность, он сбыл поддельные **пяτισотку** и десятидолларовую купюру оперативникам – КПВУ, 06.07.2011) – **пяτισотенная купюра** (Мошенницы вручили ей сувенирную **пяτισотенную купюру** с надписью – КПВУ, 11.06.2012); **десятка** (Тазик оливье за год подорожал на **десятку** – КПВУ, 20.12.2011) – **десятигривневая купюра** (... температура кипения воды в Одессе составит сто градусов, и по-прежнему стогривневую купюру будут разменивать **десятью десятигривневыми купюрами** – m.kr.ua/odessa/pda/articles/291210/260306); **пятак** (Для этого **пятак** заворачивают в красную тряпочку с жменькой мака. Мак сыпят на **пятак** и говорят шепотом: «Мак к **пятаку**, рубль к рублю...» – КПВУ, 08.01.2011) – **пяतिकопеечная монета** (Для удаления зеленоватого слоя со стенок цветочных ваз достаточно на дно положить **пяतिकопеечную монету** –

КПВУ, 23.06.2011); *двушка* (А первые «двушки» были алюминиевыми – КПВУ, 10.03.2010) – *двухкопеечная монета* (Одно- и двухкопеечные монеты перестали быть мерой стоимости, мерой накопления – КПВУ, 31.01.2011);

«статус + пациентив», например, *катеринки* (Единственное его богатство – небольшой сундучок, оклеенный изнутри «катеринками». – А. Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *катериненские купюры, банкноты, деньги* (Была у меня одна *екатерининская монета 17 века* – КПВУ, 18.12.2009; *Екатерининские денежки...* – КПВУ, 4.09.2007); *керенки* (Подобно археологам, мы откапывали из-под балок чердачных перекрытий всевозможные царские ордена, медали, жетоны, связки фотографий и документов, орденские ленты, «керенки», цилиндры, корсеты, канотье и кивера, генеральские и офицерские мундиры, эполеты, погоны, аксельбанты и прочее, и прочее. – Г. Жженов. Прожитое (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *керенские деньги* (Но неверно будет сказать, что Локкарт один был получателем и распорядителем денег, часть которых шла и от бегущих на юг русских промышленников и дельцов, помещиков, домовладельцев, крупных заводчиков, тех, кто сохранил еще золото, валюту, царские и керенские деньги, – эти последние все еще имели относительную ценность. – Н. Н. Берберова. Железная женщина (1978-1980); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

6. Вещество

В ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие вещество, определяемое как «вид материи, имеющий атомарно-молекулярную или плазменную структуру».

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «вещество». Относящиеся к этой ЛСГОЕ номинатемы имеют субстантный статус. Нами отмечаются следующие ономаσιологические модели данной ЛСГОЕ:

«вещество + назначение», например, *зажигалка* (*Бутылка зажигалки разорвалась прямо в руках. – КП, 03.02.2006*) – *зажигательная смесь* (*Мы приехали на место, когда все потушили, смотрим – обгорелая бутылка, в которой, скорее всего, была зажигательная смесь – КПВУ, 24.02.2009*); *тормозуха* (*Конечно, пить тормозуху и стеклоочиститель под забором, и между сеансами блевания рассуждать о «вяличии» куда престижнее – КПВУ, 26.05.2012*) – *тормозная жидкость* (*Как оказалось, причиной задымления стала тормозная жидкость, которая стала выливаться из систем самолета – КПВУ, 17.07.2010*); *венотоники* (*Венотоники не только укрепляют стенки сосудов, но еще и снижают их проницаемость, улучшают периферическое кровообращение – КПВУ, 05.08.2011*) – *венотонизирующие вещества* (*В нем содержится вещество эсцин, которое, кроме выраженного венотонизирующего, противовоспалительного, противоотечного, является еще и веществом... – КПВУ, 05.08.2011*);

«вещество + статус», например, *анальгетики* (*Виноваты диеты и сами анальгетики – КПВУ, 06.03.2012*) – *анальгетические вещества, препараты* (*Зависимость от лекарственных анальгетических препаратов подобна алкогольной и наркотической. – Комсомольская правда, 2002.04.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*); *наркотики* (*Зато призналась, что не боится, если вдруг ее сыновья попробуют наркотики или алкоголь – КПВУ, 03.04.2012*) – *наркотические вещества* (*...легки в переработке в другие наркотические вещества – КПВУ, 18.07.2011*); *нашатырь* (*Щадящий способ удаления пятен неизвестного происхождения: добавить в теплую мыльную воду несколько капель нашатыря – КПВУ, 18.04.2012*) – *нашатырный спирт* (*Для приготовления пасты нам понадобятся: обычное коричневое хозяйственное мыло, горчица, сода, нашатырный спирт – КПВУ, 05.02.2012*); *гремучка* (*Тема взрывов исчерпана и все сошлись во мнении – гремучка, однако меня продолжают «терзать смутные сомнения», которые усилились после публикации на LENTA. – коллективный. Фукусима – природа взрывов (2011); Национальный*

корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *гремячая смесь* (Как в баллоны попала *гремячая смесь*? – КПВУ, 22.02.2010).

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «статус вещества». Относящиеся к этой ЛСГОЕ слова имеют фреймовый статус. Нами отмечаются следующие ономаσιологические модели данной ЛСГОЕ:

«статус + состав», например, *акрил* (*Гуашь с ПВА как замена масла и акрила* – КПВУ, 25.11.2011) – *акриловая краска* (*Акриловая краска сохнет относительно быстро* – КПВУ, 18.09.2011); *водоэмульсионка* (*У меня была, кажется, водоэмульсионка.* – КПВУ, 07.01.2012) – *водоэмульсионная краска* (*С помощью кисти на стул в один-два слоя наносим красную водоэмульсионную краску и оставляем на время – подсыхать* – КПВУ, 11.05.2010); *хлорка* (*Так, уже на прошлой неделе каждый трамвай или троллейбус, которые выходили на маршрут, мыли раствором с хлоркой* – КПВУ, 03.11.2009) – *хлорная известь* (*Если требуется отбелить полученную прожилковую сетку листа, то для этой цели понадобится хлорная известь* – КПВУ, 18.11.2010); *марганцовка* (*Затем завернутые семена кладу в банку с марганцовкой на 20 минут* – КПВУ, 22.05.2012) – *раствор марганца* (*Обязательно два-три раза за лето опрыскивать томаты слабым раствором марганца (0,1 г на 10 л воды)* – КПВУ, 03.06.2012); *валерьянка* («*Валерьянка*» в аптеках не продается! – КП 09.12.2010) – *настойка валерианы* (*Взять под контроль такие приступы поможет настойка валерианы, пустырника или пиона – 30 капель в день.* – КП 07.08.2003); *касторка* (*Касторка укрепит корни бровей, оливковое масло и лимон придадут им блеск.* – КП 27.09.2007) – *касторовое масло* (*Касторовое масло – известное, между прочим, средство для роста волос, ресниц и бровей.* – КП 30.07.2010); *ихтиол*, *ихтиолка* (*Есть еще паста с цинковой пастой, ихтиолом и висмутом* – КПВУ, 12.10.2010) – *ихтиоловая мазь* (*Ихтиоловую мазь смешиваем с раздавленным чесноком и наносим тонким слоем на место, где требуется эпиляция* – КПВУ, 25.04.2012);

«статус + цвет», например, **изумрудка** (*Сурик с желтым и изумрудкой.* – А. Вознесенский. На виртуальном ветру (1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **изумрудная краска** (*Зимой главные краски кипрского пейзажа – изумрудная и лазурная* – КПВУ, 31.01.2008); **золотовка** (*В хозяйственных магазинах по сей день продаются замечательные краски под названием «золотовка», «серебрянка»* – КПВУ, 18.09.2011) – **золотая краска** (*Чтобы придать черепахе золотой оттенок, я смешала золотую краску и охру в специальной палитре* – КПВУ, 09.05.2012); **серебрянка** (*В хозяйственных магазинах по сей день продаются замечательные краски под названием «золотовка», «серебрянка»* – КПВУ, 18.09.2011) – **серебряная краска** (*Повторяем все этапы, капая поочередно голубую, белую, синюю металлическую и серебряную краску* – КПВУ, 24.04.2012); **зеленка** (*Просто обработайте зеленкой и не перекрывайте доступ воздуха* – КПВУ, 24.02.2012) – **раствор бриллиантового зеленого** (*На начальных этапах можно обработать место воспаления спиртом или 1% спиртовым раствором бриллиантового зеленого* – КПВУ, 05.02.2010);

«статус + действие», например, **гашенка** (*Для этого нужно взять полведра гашенки.* – КПВУ, 22.04.2010) – **гашеная известь** (*Для опыливания используют табачную пыль пополам с золой или гашеную известь* – КПВУ, 15.08.2011); **негашенка** (*Я несколько раз смотрел «Амадеуса» Формана и каждый раз при почти что документальных кадрах сваливания тела Моцарта без гроба в общую яму с присыпкой негашенкой (возница наклонил гроб многократного использования, дверца-торец открылась и тело скользнуло в общую яму), когда и рядом-то никого нет, кроме возницы клячи и меня, дождичек, промокал глаза платком.* – А. Избицер. Музыка вечности (2004) // «Лебедь» (Бостон), 2004.01.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **негашеная известь** (*После этого следует отделить отстоявшийся белок и тщательно растереть с порошком негашеной извести* – КПВУ, 26.03.2012).

7. Явление

В ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие явления, обладающие абстрактными свойствами и лишенные предметно-вещественных свойств. Относящиеся к этой ЛСГОЕ единицы имеют субстантный статус.

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «явление». Нами отмечаются следующие ономасиологические модели данной ЛСГОЕ:

«явление + статус», например, **максималка** (*Коробка – восьмиступенчатый автомат, разгон до сотни – меньше 4 секунд, а «максималка» составляет 321 километр в час – КПВУ, 13.07.2009) – максимальная скорость* (*Максимальная скорость автомобиля составляет 240 км/ч, а разгон с нуля до сотни занимает 6,4 секунды – КПВУ, 10.02.2012*); **минималка** (*Ведь понятно, что на эти деньги не прожить. Каков размер «минималки» за рубежом? – АиФ, 30.06.2011) – минимальная зарплата* (*Сейчас размер минимальной зарплаты в России составляет четыре тысячи 330 руб. – АиФ, 25.05.2011*); **минималка** (*А 10 процентов из 5840 школьников не смогли сдать госэкзамен по физике (минималка – 32 балла) – Комсомольская правда, 2009.06.24; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – минимальный балл* (*Для сравнения: в школьной шкале минимальный балл по этому предмету – 61 – Труд-7, 2010.07.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*); **гражданка** (*После увольнения из армии мне назначили военную пенсию. Сейчас работаю на гражданке – АиФ 03.08.2011) – гражданская жизнь* (*Кроме того, Валентина Матвиенко и Вадим Тюльпанов уверены, и в гражданской жизни ветераны ВДВ остаются принципиальными и равнодушными людьми – АиФ 02.08.2011*);

«явление + дестинатив», например, **дальняк** (*Вдруг смотрю, летит по крайней левой BMW под 220, прямо за ним Мерседес, а замыкает колонну запор, да еще дальняком моргает – КПВУ, 19.02.2012) – дальний свет* (*Меня ослепил дальний свет автомобиля, ехавшего по встречной – КПВУ, 05.10.2010*);

«явление + способ», например, **трехходовка** (*Элементарная трехходовка. Вот и решайте, где здесь стратегия, а где тактика – Труд 22.11.2003) – задача, решаемая в три хода (Если на поле h6 вместо коня поставить слона, то задание – мат в три хода – не изменится – Труд 21.06.2001);*

«явление + локатив», например, **сибирка** (*Во всех регионах страны усилены мероприятия по профилактике «сибирки» – КП 11.06.2008) – сибирская язва (Результаты оказались нерадостными – с диагнозом «сибирская язва» женщин тут же госпитализировали в краевую больницу. – КП 22.04.2011).*

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «статус явления». Нами отмечаются следующие ономасиологические модели данной ЛСГОЕ:

«статус + источник», например, **лучевка** (*У меня было представление, что погибших от «лучевки» в те годы было несравненно больше! (В. Губарев, А. Гуськова. Профессор Ангелина Гуськова: на лезвии атомного меча // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – лучевая болезнь (Поэтому взрослые были такие зачухшие: оголяя и начищая до блеска их черепа, истощая и заставляя разлагаться заживо тела, их постепенно съедала лучевая болезнь. (Д. Глуховский. Метро 2033 (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru);*

«статус + способ передачи», например, **ветрянки** (*Мой сын, как и «положено» детишкам, переболел ветрянкой в детсаду в 4 годика. – КП 22.03.2007) – ветряная оспа (Ветряная оспа – более популярное у наших детсадовцев заболевание. – КП 27.04.2011).*

8. Помещения

В ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие различные помещения. Ономасиологические модели:

«помещение + статус», например, *малосемейка* ("*Малосемейка*" в 3-м Заречном жилом районе Тюмени еще не отделана – Известия, 2008.01.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *малосемейное общежитие* (*Двухэтажное малосемейное общежитие* войсковой части 43176 по адресу: Перекопский военный городок – Комсомольская правда, 2008.01.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *закрытка* (*Остается только закрытка – знаете, что это такое?* – Т. Окуневская. Татьянанин день (1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *закрытая тюрьма* (*Нас с сыном не раз отправляли с границы в тюрьму, в женский дом (это охраняемые закрытые "общежития" для женщин)* – КПВУ, 05.11.2011; *Ты же знаешь, там теперь закрытая зона* – М. Харитонов. Amores novi // «Знамя», 1999; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

«помещение + дестинатив», например, *гримерка* (*По слухам, его поселили в холодную VIP-гримерку, и он все бормотал дрожа: "Я звезда, и я замерз"* – КПВУ, 10.02.2012) – *гримерная комната* (*Но ты про них никогда не узнаешь: это говорилось где-то за спиной, за пределами гримерной комнаты* – КПВУ, 26.05.2011); *оружейка* (*В оружейке был полный разгром: ящики для пистолетов и пирамида, где еще недавно стояли карабины, опрокинуты, стол продавлен, табуретка разбита – то ли о стену, то ли об голову...* – Комсомольская правда, 2007.09.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *оружейная комната* (*Более того, а прокуратуре утверждают: этот человек попросил своего сослуживца украсть из оружейной комнаты пистолет ПМ* – КПВУ, 07.12.2011); *бытовка* (*Минувшим днем в Калининграде в 150-ти метрах от АЗС на улице Дзержинского загорелась бытовка* – КП 01.12.2009) – *бытовое помещение* (*2 декабря в Киржаче по неустановленной причине сгорело бытовое помещение, принадлежащее частному предпринимателю* – КП 02.12.2009); *предвариловка* (*Он ограничился 60 сутками с зачетом дней, отсиженных в «предвариловке»* – КПВУ, 21.06.2007) – *камера предварительного*

заклучения (*Камеры предварительного заключения находились во дворе участка, в небольшом одноэтажном кирпичном доме – КПВУ, 03.03.2011*); **интенсивка** (*Он находился в интенсивке под круглосуточным наблюдением медиков суток пять. – КП, 27.11.2011*) – **палата интенсивной терапии** (*Легкие развиваются настолько, что ребенок может выжить вне утробы матери, но лишь в условиях палаты интенсивной терапии – КПВУ, 28.01.2011*);

«помещение + отрасль», например, **кондитерка** (*А металлургия, авиация, кондитерка, наконец? – С. Данилюк. Рублевая зона (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*) – **кондитерский цех** (*Мама советует идти в кондитерский цех, а я не представляю, что это за жизнь – печь пирожные, как будто домашняя хозяйка! – Улица пахнет ванилью... // «Юность», 1958; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*); **литейка** (*Сначала наш цех размещался в том же корпусе, где находилась первая литейка – «Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.01.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*) – **литейный цех** (*Ещё раньше, в апреле 2003 года, прекратил существование литейный цех № 1 – «Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.01.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru*);

«помещение + размер, габарит», например, **высотка** (*В Донецке горело здание «Комсомолки»: огонь уничтожил часть офисной высотки – КПВУ, 24.05.2011*) – **высотное здание** (*Пожар тушили больше суток, но так и не смогли спасти первое высотное здание Донбасса, выстроенное по петербургскому проекту – КПВУ, 05.05.2012*); **пятиэтажка** (*В Дагестане блокирована пятиэтажка, где засели боевики – КП 14.02.2011*) – **пятиэтажный дом** (*Пожар в пятиэтажном доме, расположенном в городке Купчин Единецкого района, произошел 23 апреля около часа дня – КП 27.04.2011*); **двушка** (*Однокомнатную квартиру в Бишкеке сейчас можно приобрести за 30-35 тысяч долларов, «двушку» – за 30 тысяч и выше – КП 07.07.2010*) – **двухкомнатная квартира** (*В Кемерове двухкомнатные*

квартиры уже стоят около двух миллионов рублей – КП 06.04.2011); *малометражка* (Хорошо впишется в *малометражку* мобильный стеллаж из хромированного металла с выдвигающимися проволочными контейнерами – КП 10.05.2009) – *малометражная квартира* (Еще одна ярко выраженная тенденция года - стали меньше предлагать *малометражные квартиры* – КП 10.02.2012); *многоквартирник* (Этим местные старожилы и объясняют необычную форму *многоквартирника*, мол, строили-то для киевских моряков – КП 16.11.2009) – *многоквартирный дом* (В Днепрпетровске насчитывается 6110 *многоквартирных домов* – КП 11.01.2008);

«помещение + материал», например, *саманник* (В селении Богни, Тифлисского уезда, у крестьянина Оганезова неизвестно кем был подожжен *саманник*. – Дикий самосуд (1910.02.06) // «Русское слово», 1910; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgo.ru) – *саманный дом* (И *саманный дом*, полученный в награду за преданность исламу, – тоже. – КП 12.02.2009);

«помещение + способ изготовления», например, *мазанка* (Для нового сериала у берега моря в Тамани строят хатки-мазанки. – КП 24.11.2005) – *мазанный дом* (На всех – маленький *мазанный дом*. – КП 08.05.2010);

«помещение + пациентив», например, *хрущевка* (Власти, похоже, признали, что реконструировать *хрущевки* нецелесообразно и их лучше сносить – КП 15.09.2011) – *хрущевский дом* (Дома *хрущевской эпохи* – это было временное жилье, дожить до коммунизма – КП 29.11.2010); *брежневка* (Меньше всего ценятся постройки 60-70-х годов – *хрущевки, брежневки* – КП 05.08.2010) – *дом постройки брежневских времен* (...побольше, чем в *домах хрущевских и брежневских времен постройки* – КПвУ 751 kr.ua, kr.ua/daily/home/14/);

«помещение + нумератив», например, *четверка* («*Четверка*» – так студенты называют место своего временного проживания) – *общежитие*

номер четыре, четвертое общежитие (Самое большое общежитие Горловского иняза – четвертое общежитие);

«помещение + комитатив», например, *двухместка (Вовчик и Тигран ехали в двухместке наискосок от закрытого люкса. – А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – двухместное купе (Двухместное купе шире стандартного и оборудовано всевозможными вспомогательными средствами для максимального удобства – КПВУ, 27.06.2007).*

9. Пространственные объекты

В ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие различные пространственные объекты – дороги, места и т.п. Ономаσιологические модели:

«пространственный объект + статус», например, *постоянка (Намного удобнее, нежели в старой постоянке – КПВУ, 05.08.2010) – постоянное место жительства (В 1999 году, вернувшись в город Челябинск на постоянное место жительства, он был рукоположен во диакона, а 9 января 2000 года, в день памяти первомученика Стефана, во пресвитера, получив место клирика храма в честь святого великомученика и Победоносца Георгия. – «Журнал Московской патриархии», 2004.03.29; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *временка (Когда-то здесь была воинская часть, окруженная **временками** той поры. Войска уехали – **временки** остались – КПВУ, 22.06.2010) – временный поселок (И все начнется сначала: **временный поселок**, сплошная рубка... – Труд-7, 2002.07.05; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *шоссейка (И к складу подходит **шоссейка**. – А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *шоссейная дорога (Это десятки тысяч новых железных и **шоссейных** дорог, которые через всю Россию свяжут порты Тихого океана на российском побережье. – АиФ 17.08.2009); *взлетка (Пилота Як-42, разбившегося под*****

Ярославлем, никто не торопил со **взлетки** – КПВУ, 13.09.2011) – **взлетная полоса** (**Взлетная полоса** запорожского аэропорта нуждается в ремонте не первый год, однако шанс на его восстановление появился – КПВУ, 10.04.2009); **встречка** (Уже с июня все автомобили Toyota можно оснастить функцией предупреждения водителя о выезде на **встречку** – КПВУ, 05.06.2011) – **встречная полоса** (Что произошло с водителем Suzuki, почему он вылетел на **встречную полосу**? – КПВУ, 12.03.2012);

«пространственный объект + размер, габарит», например, **десятидворка** (систематически проверять все жилые и нежилые строения своей **десятидворки** и прилегающую к ней местность с целью задержания всех неизвестных и подозрительных лиц. – Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 23 (1941-1945); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **деревня в десять дворов** (**Деревенька** была маленькая, **десять дворов**, бедная; но за этими разбитыми, почерневшими и замерзшими оконцами виднелись живые лица ребят и взрослых, и живое место оживило нас. – Г. И. Успенский. Непорванные связи (1880); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **стотысячник** (Всегда было интересно, эмоционально, тем более что киевский стадион- **стотысячник** почти всегда был заполнен до отказа – КПВУ, 24.06.2009) – **стотысячный стадион** (В этом году на **стотысячном стадионе** в Далласе встречаются Green Bay Packers из Висконсина и Pittsburgh Steelers из Пенсильвании – КПВУ, 07.02.2011); **миллионник** (Еще год назад Днепрпетровск замыкал тройку городов- **миллионников** в Украине – КПВУ, 20.04.2011) – **миллионный город** (Больше сотни лет из шахт под Одессой добывался камень на строительство **миллионного города** – КПВУ, 15.01.2012); **большак** – **большая дорога** (Другие шагают по воздуху, опираясь на посох, или бегают по воздушному снегу, по облачному насту на лыжах времени; **большая дорога** для ходьбы по воздуху, **большак** для толп небесных пешеходов, проходит над осями низких башен для скрученной в катушки молнии. – Велимир Хлебников. Утес из

будущего (1921-1922); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru);

«пространственный объект + материал», например, *асфальтовка*, *асфальт* (*Для того чтобы выяснить, кто должен ремонтировать тот или иной участок асфальта, для начала узнайте, кто его разрушил – КПВУ, 05.04.2011*) – *асфальтовая дорога* (*Отсюда к каньону ведет асфальтовая дорога и несколько пешеходных троп – КПВУ, 27.04.2007*); *брусчатка* (*Появилась брусчатка и элитное жилье, прямо у забора Софии – КПВУ, 24.01.2012*) – *брусчатая дорога* (*Романтика прошлого, пряничные домики, брусчатая дорога – КПВУ, 10.02.2012*);

«пространственный объект + способ изготовления», например, *мощенка* (*Мощенка приведет вас к пристани. – КП, 22.02.1998*) – *мощеная дорога* (*Мы стали искать, где бы надёжней заночевать, и, углубившись по проселку с мощеной дороги в сосновый бор, услышали крики – КПВУ, 05.10.2007*);

«пространственный объект + медиатив», например, *канатка* (*Городу на трех холмах канатка – в самый раз – КПВУ, 16.02.2012*) – *канатная дорога* (*Канатная дорога верой и правдой служила днепропетровцам и гостям города – КПВУ, 24.07.2007*); *электричка* (*Состав вернется на городское кольцо электрички к вечеру четверга – КПВУ, 21.03.2012*) – *электрическая дорога* (*Одна английская фирма предлагала городскому голове построить систему «безрельсовой электрической дороги» – КПВУ, 05.11.2010*);

«пространственный объект + темпоратив», например, *зимник* (*Был организован рейс по зимнику от города Ленска почти до моря Лаптевых – около 2,5 тыс. километров – КПВУ, 23.05.2010*) – *зимняя дорога* (*Обледеневшая зимняя дорога – ничуть не лучше коварного льда на реках и озерах – КПВУ, 07.02.2011*);

«пространственный объект + форма», например, *узкоколейка* (*До лета узкоколейка, которая расположена в Сырецком парке, будет работать по*

праздничным дням и в воскресенье – КПВУ, 05.05.2012) – **узкоколейная дорога** (Его главная достопримечательность – начинающаяся здесь **узкоколейная железная дорога** на Юкон через перевал Вайта – КПВУ, 19.06.2010); **прямик** (Уже имел какой-то опыт, знал, скольких погубил этот партизанский «**прямик**», а вот не удержался, поехал. – В. Быков. Короткая песня (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgo.ru) – **прямая дорога** (Из Китайгорода – **прямая дорога** на столицу: через Царичанку на Кобеляки, и дальше на Полтаву – КПВУ, 19.03.2011); **двухполоска** (Получается **двухполоска** в обоих направлениях – КПВУ, 16.06.2010) – **двухполосная дорога** (Это не ремонт, а реконструкция – из **двухполосной дороги** второй категории она перейдет в четырехполосную первую категорию – КПВУ, 11.02.2010);

«пространственный объект + локатив», например, **подземка** (А ведь совсем недавно **подземка** строила светлые планы на будущее и даже запустила новый поезд – КПВУ, 28.05.2009) – **подземная дорога** (Кольцевая **подземная дорога** вокруг Харькова, которая бы соединила почти все крайние станции метро – КПВУ, 01.07.2008); **наземка** (Пойдет ли донецкая **наземка** через центр или будет закольцована на окраинах пока еще решается – КПВУ, 21.04.2012) – **наземная дорога** (Сооружения смогут разгрузить **наземные дороги** на 70% – КПВУ, 26.05.2010); **заречье** (Весы всех видов и марок – отечественных и лучших зарубежных – стояли и на даче в **заречье**, и в охотничьем Завидове – КПВУ, 29.08.2011) – **местность за рекой** (Впоследствии Сергей Байков дослужился до генеральского звания, поселился в Киеве и приобрел хутор на окраине, **за рекой** Лыбедь. Эту **местность** стали именовать «Байков хутор», а потом отсюда произошли названия Байкова гора, Байкова улица, Байково кладбище – КПВУ, 20.06.2012); **пригород** (В США **пригороды** начали активно развиваться в послевоенный период – АиФ, 27.09.2010) – **пригородный район** (Как сообщает РСН, в **пригородных районах** Красноярска численность клещей на одном километре лесистой местности доходит до 70 – АиФ, 07.06.2008);

«пространственный объект + пациентив», например, *Ленинка* (*На Ленинке закроют оживленную магистраль 182. Будут менять коммуникации* – КПВУ, dn.kp.ua/daily/060911/) – *Ленинский проспект* (*Он проголосовал на избирательном участке в здании Российской академии наук на Ленинском проспекте столицы* – КПВУ, 04.03.2012); *Буденовка* (*Буденовка считается отдаленным районом Донецка* – КПВУ, 19.02.2009) – *Буденновский район* (*Почетных званий по итогам 2008-го удостоились: I место – Буденновский район, II место – Ворошиловский район* – КПВУ, 19.02.2009); *Кировка* (*Как передает корреспондент «Нового Региона», с 16 апреля каждые выходные на центральных площадках: Кировка, Алое поле, памятник Курчатову площадь Революции, будут проходить различные мероприятия.* – Новый регион 2, 2011.04.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *площадь Кирова* (*Площадь Кирова в Мариуполе страдает от коммунального бедствия* – КПВУ, 02.06.2010); *Можайка* (*Шоссе идет от Можайки в сторону ст. Перхушково* – КПВУ, 29.03.2012) – *Можайское шоссе* (*...авария произошла в 8.45 на пересечении улицы Толбухина и Можайского шоссе* – КПВУ, 22.03.2012);

«пространственный объект + событие», например, *пожарище* (*Чиновник осмотрел пожарище и руины сгоревших домов и заявил, что жильё было уничтожено именно природными пожарами.* – Комсомольская правда, 2010.09.24; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *место пожара* (*На место пожара выезжал руководитель СУ СКР по Нижегородской области Владимир Стравинкас.* – Известия, 2011.02.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

10. Система

В ЛСГОЕ собраны номинатемы, в ономаσιологических базисах которых актуализируется сема системности, то есть «порядка,

обусловленного правильным, закономерным расположением частей в определенной связи». Отмечаются следующие ЛСГОЕ:

«система + назначение», например, **поисковик** (*Школьница из города Германтаун, штат Мэриленд, США, разработала собственный поисковик, чтобы помочь 82-летнему дедушке – КПВУ, 01.03.2010*) – **поисковая система** (*Сайт частично восстановил работоспособность поисковой системы – КПВУ, 19.08.2011*); **почтовик** (*А также оптимизированный почтовик Opera Mail получивший новый " Экономичный режим", позволяющий загружать сообщения – КПВУ, 08.10.2008*) – **почтовая система** (*По его словам, велика вероятность того, что Facebook Messenges повторит путь, который в свое время прошла почтовая система Gmail – Сегодня, 17.11.2010*).

11. Период

В ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие временную протяженность какого-н. события.

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «**период времени**». Отмечается одна ономаσιологическая модель:

«период + темпоратив», например, **пятилетка** (*В Омской области началась пятилетка больших строек. – КП 19.03.2011*) – **пятилетний период** (*План – это определение на пятилетний период – КП 12.07.2007*); **десятилетка** (*Десятилетка – это был бы огромный шаг назад! – КПВУ, 19.02.2010*) – **десятилетний период** (*Сегодня завершился десятилетний период выполнения государственной программы лечения артериальной гипертензии в Украине – КПВУ, 18.05.2010*); **шестидневка** (*В пятницу (а в школах, где шестидневка, в субботу) классы будут ломиться от цветов. – КП 30.09.2004*) – **рабочая неделя в шесть дней** (*В российской империи XIX века народ трудился шесть дней в неделю по 12, а то и 14 часов, 6-дневная рабочая неделя сохранялась. – КП 04.11.2008*); **пятидневка** (*Ранее, в ноябре, мы перешли с пятидневки на четырехдневку – КПВУ, 02.12.2008*) –

пятидневная рабочая неделя (Чиновники рекомендуют руководителям предприятий, на которых для работников установлена **пятидневная рабочая неделя**... – КПВУ, 04.01.2012).

3.4.1.3. Названия действий и состояний. В данную ЛСГ входят ЛСГОЕ, обозначающие различные динамико-статические ситуации. Выделяются следующие ЛСГОЕ.

1. Процедура

В ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие процесс, процедуру. Выделяются следующие подгруппы в пределах ЛСГОЕ.

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «процедура». Отмечаются следующие ономаσιологические модели:

«процедура + отрасль», например, *механосборка* (...які не потребують високої кваліфікації й досвіду: переміщення деталей і заготовок близько верстатів-автоматів, **механосборка** – Сегодня, 04.06.2010) – **механосборочное производство** (Начинал мастером ремонтно-механического цеха **механосборочного производства**. – Труд 26.02.2008);

«процедура + статус», например, *косметичка* (**Косметичкой** у зажиточных граждан она зарабатывала не первый год. – АиФ, 17.02.1999) – **косметический ремонт** (Поэтому многие жильцы собрались делать **косметический ремонт** в квартирах, закупили краску, обои. – КП, 21.01.2008); *генералка* (Александр Александрович занял свое место за тумбой ведущего и дал старт **Генералке** первой одной восьмой финала – КПВУ, 13.01.2012) – **генеральная репетиция** (В субботу, 14 марта, во всей Украине прошла первая **генеральная репетиция** вступительных экзаменов этого года – КПВУ, 17.03.2009); *гуманитарка* (Тогда, в СССР, начали завозить "гуманитарку" детям-чернобыльцам – КПВУ, 18.11.2008) – **гуманитарная помощь** (Сегодня, 11 ноября 2009 года, в Украину прибыла

первая партия медицинской гуманитарной помощи из Канады – КПВУ, 11.11.2009);

«процедура + медиатив», например, **фигурка** (*Но главное, в соперничестве с ним развивается и идет вперед фигурное катание. «Фигурка», как говорили в моей молодости. – Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984-2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgo.ru) – фигурное катание (Сборная России не завоевала на домашнем чемпионате мира по фигурному катанию ни одной награды высшей пробы – КП 05.05.2011);*

«процедура + контрагентив», например, **антикор** (*Различают антикор для днища и скрытых полостей – КПВУ, 22.09.2008) – антикоррозийная обработка (Кроме обязательной антикоррозийной обработки кузова, выбора более экономичного двигателя – дизеля или бензина с ГБО... – КПВУ, 05.03.2012).*

ЛСГОЕ с ономасиологическим базисом «процесс». Отмечаются следующие ономасиологические модели:

«процесс + статус», например, **непрерывка** (*Продлеваются содержание в ШИЗО сейчас не может, но делают «непрерывку через постель» – КП 07.02.2007) – непрерывный процесс (Можно сказать, что у нас в лаборатории идет непрерывный процесс обучения – КП 03.09.2010);*

«процесс + медиатив», например, **виртуалка** (*...заставки и виртуалка в голубом огоньке не вышли, что выльется в шикарное разбирательство с клиентом – КПВУ, 26.06.2011) – виртуальное общение (Вероятно, Павел просто не находит времени на виртуальное общение, поскольку он не только вокалист, но и делает аранжировки – КПВУ, 08.02.2012); самоволка (В одной из житомирских военных частей, солдат убежал в самоволку и почти четыре года бомжесвал – КПВУ, 28.02.2010) – самовольный уход (Кульминацией стал самовольный уход сторожевого корабля СКР-112 в Одессу на сторону Украины и преследование его авиацией – КПВУ, 11.05.2010); синхрон (У меня немецкий на стадии синхронного перевода и*

преподавания, французский – чуть хуже, за **синхрон** не возьмусь. – КП 29.05.2007) – **синхронный перевод** (Я продолжаю заниматься **синхронным переводом** уже 20 лет, перевожу конгрессы Международной Федерации хоккея. – АиФ 17.01.2011); **нелегальщина** (Надо реальные какие-то вещи записывать и реально их мониторить, иначе получается сплошная **нелегальщина** и коррупция – Комсомольская правда, 2010.11.23; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **нелегальная деятельность** (...с целью занятий им любой другой **нелегальной деятельностью** – КПВУ, 28.04.2012);

«процесс + локатив», например, **наружка** (При этом все показания экс-главы «**наружки**» МВД тщательно проверяются – КПВУ, 19.08.2009) – **наружное наблюдение** (Уже тогда началось за мной **наружное наблюдение** – КПВУ, 04.02.2012);

«процесс + темпоратив», например, **двухдневка** (Я, честно говоря, очень сильно нервничал по его поводу – мы с ним практически незнакомы, это у него первый поход, а все **двухдневки** у него срывались... – Отчёт о велосипедном походе; 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **двухдневный отдых** (Ванна с несколькими каплями бергамота зимой стоит **двухдневного отдыха**, помогая сбросить с плеч груз забот и хлопот – КПВУ, 11.08.2011); **семивахтовка** (И **семивахтовка** для этой гонки выгодна. – М. Борозин. Этот совсем взрослый Глебов // «Техника – молодежи», 1976; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **работа в семь вахт** (Пока была **работа в семь вахт** – появились в бригаде случайные люди, настроения рваческие кое у кого вдруг проклюнулись. – Марк Борозин. Этот совсем взрослый Глебов // «Техника – молодежи», 1976; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

2. Событие

В ЛСГОЕ собраны номинатемы, обозначающие события, являющиеся значимыми в жизни общества и / или конкретного человека. Выделяются следующие подгруппы в пределах ЛСГОЕ.

ЛСГОЕ с **ономасиологическим базисом «мероприятие»**, определяемым как «организованное событие, направленное на осуществление чего-н., для осуществления какой-н. цели». В нашей картотеке представлены следующие модели:

«мероприятие + статус», **сольник** (*По центральным каналам с завидной регулярностью стали показывать сольники и бенефисы Стаса – и страна запела его песни – КПВу, 03.02.2011) – сольный концерт* (Об этом артист сообщил журналистам 21 мая после своего **сольного концерта** в минском Дворце спорта – КПВУ, 03.06.2012); **музыкалка** (*На смену «Утренней почте» пришли новые музыкалки. – АиФ, 14.05.2010) – музыкальная передача* (*Личный большой успех приходит в музыкальной передаче "Канзониссима'70" ("Canzonissima'70) – КПВУ, 02.05.2012); корпоратив* (*Все в предвкушении! Сегодня корпоратив! – Комсомольская правда, 2010.12.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – корпоративное мероприятие* (*Здесь Вы можете достойно отметить свадьбу, юбилей, выпускной или корпоративное мероприятие! – Комсомольская правда, 2010.02.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

«мероприятие + нумератив», например, **нулевка** (*В обычной школе, в некоторых учебных заведениях суббота – рабочий день плюс чуть ли не ежедневные «нулевки», дополнительные занятия – КПВУ, 22.03.2011) – нулевой урок* (*Учебные занятия следует начинать не ранее 8 часов, без проведения нулевых уроков. – Комсомольская правда, 2002.12.25);*

«мероприятие + темпоратив», например, **маевка** (*Маевка вышла прекрасная, и ее описание достойно более высокого пера, чем то, каким располагает автор, хотя в нем все еще сильно искушение вернуться на виллу в прямом и переносном смысле. – В. Рецептер. Ностальгия по Японии (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – майская демонстрация* (*Так закончилась петроградская майская демонстрация 1918 года. – Д. Быков. Орфография (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); пятиминутка* (*Пятиминутка, или, выражаясь*

канцелярским языком, утренняя врачебная конференция, проходила на верхнем, пятом этаже родильного дома. – Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **пятиминутное совещание** (*Нильс разобрал почту, подписал отгрузочные документы и провёл **пятиминутное** утреннее совещание с подчинёнными.* – Г. Садулаев. Таблетка (2008); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

ЛСГОЕ с ономаσιологическим базисом «событие», определяемым как «происшествие, случай». Наш материал представлен следующими моделями:

«событие + статус», например, **днюха** (*У нашей Светки сегодня **днюха**, подваливайте!* – Комсомольская правда, 2004.12.01) – **день рождения** (*В апреле прошлого года компания молодых ребят из четырнадцати человек отмечала на базе отдыха **день рождения** одного из парней.* – Комсомольская правда, 2011.05.12); **юбилей** (*Многие, включая губернатора Владимира Яковлева, сетуют, что денег на **юбилей** выделяется мало.* – А. Чудодеев. Расписание на завтра (2003) // «Итоги», 2003.02.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **юбилейное событие** (*Под флагом **юбилейного события** было осуществлено несколько проектов* – «Горная промышленность», 2004; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **заказняк** (*Это может быть так называемый «**заказняк**»* – Комсомольская правда, 13.11.2006) – **заказное убийство** (*Четвертого июля совершено покушение на **заказное убийство**, а пятого июля оперативная группа уже разбегается по любовницам...* – Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

3.4.2. Глагольные номинатемы. К данному классу относятся номинатемы, в которых исходное глагольное словосочетание универбализуется в глагол, например: *делать генеральную уборку /*

генералить, заниматься прожектерством / прожектерствовать, вести противоборство / противоборствовать, крохоборствовать / заниматься крохоборством и т.п. Нами определены следующие ЛСГ данного типа.

3.4.2.1. Названия действий. В данную ЛСГ входят ЛСГОЕ, обозначающие различные динамико-статические ситуации. Выделяются следующие ЛСГОЕ:

«действие + компаратив», например, **сибаритствовать** (*Ну, зато уж, когда так или иначе устроимся, – привезу к себе жену и дочь и буду совершенно сибаритствовать.* – В. Г. Короленко. Письма 1888 г. (1888); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **вести себя как сибарит** (*Когда мой язык выговаривает слово пустыня, то мысль с тем вместе представляет нечто пустое, пещеру, отдаленную от глаз посторонних, убежище в расселине каменной в пещере и горе необитаемой, а не собрание в прекрасном храме, сияющем фольгой и золотом, нескольких тучных монахов, кои, пообедавши как сибариты, поют вечерню для единого только провождения времени и во уверение изумленным зрителям, что они иногда и в церковь ходят.* – И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1791-1798 (1788-1822); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

«действие + статус», например, **нищенствовать** (*У несостоявшегося губернатора Аризоны Кэрри Долего, которого любовь привела в Черновцы и заставила нищенствовать на вокзале – КПВУ, 23.11.2011) – быть нищим* (*Когда я после этого пришел домой, объявил сестре, что больше не хочу быть нищим – ухожу из этой жизни, потому что смелый – КПВУ, 25.05.2007); царствовать* (*Поэтому император Александр I официально уведомил третьего брата, Николая Павловича, что царствовать будет он – КПВУ, 17.12.2010) – быть царем* (... мог быть Михаилом Романовым - последним русским царем – КПВУ, 11.07.2009);

«действие + объект», например, **асфальтировать** (*На этой неделе начнут асфальтировать улицы Кишинева. – КП 14.04.2010*) – **укладывать асфальт** (*Яблоновские собаки собрались в тени под кленами у церкви и смотрели, как укладывают асфальт. – Ю. Петкевич. Явление ангела (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru*);

«действие + способ», например, **массировать, массажировать** (*В один прекрасный момент он попросил меня сесть на край кушетки, я села свесив ноги, он встал передо мной, и стал массажировать мне шею. – КП 22.06.2010; Массировать проблемную зону можно самостоятельно, передает слова Тревора Чизмана издание The Guardian – Сегодня, 16.02.2011*) – **делать массаж** (*Да, на некоторых мексиканских курортах делают массаж кактусами агавы. – КП 08.04.2011*);

«действие + средство», например, **лакировать** (*Я успокоилась и пробую лакировать вновь – КПВУ, 01.02.2012*) – **покрывать лаком** (*Паркет не нужно покрывать лаком, чтобы сохранить естественный цвет древесины, но его можно покрасить, если у владельцев участка возникнет подобное желание. – Ю. Герра. Краткий путь к комфорту (2001) // «Ландшафтный дизайн», 2001.11.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru*);

«действие + результат», например, **омолаживать** (*Необычная медуза обладает уникальными для животного мира способностями нескончаемо себя омолаживать – КПВУ, 29.10.2009*) – **делать молодым** (*Способствует восстановительным процессам в клетках кожи, делает ее гладкой и молодой – КПВУ, 29.10.2011*); **оцифровывать** (*Подобные изображения получаются, если оцифровывать картинку с помощью сканера или цифрового фотоаппарата. – В. Хорт. Навигация для всех // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru*) – **переводить в цифровой формат** (*Это видеокарты, включающие в себя TV-in, TV-out и даже TV-тюнер, позволяющий принимать телепрограммы прямо на компьютер, переводить их в цифровой формат и записывать прямо на*

жесткий диск. – Комсомольская правда, 2001.10.25; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

«действие + состояние», например, *блаженствовать* (*Жить – значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать, всякая другая жизнь – смерть* (В. Г. Белинский) – КПВУ, 30.09.2009) – *испытывать блаженство* (*Право любить, испытывать блаженство и разделять любовь* – КПВУ, 27.02.2011).

Выводы к третьей главе

По отношению к универбам могут быть применены понятия ономаσιологической категории, ономаσιологической структуры и ономаσιологической модели.

Ономаσιологическую структуру определяют как номинативную структуру языкового знака, объединяющей формальную и семантическую связь мотиватора и мотивированного.

Понятия ономаσιологической категории и ономаσιологической структуры применяются в словообразовании. Посредством них возможно описание словообразовательного акта, который состоит в подведении обозначаемого под определенную ономаσιологическую категорию (предметности, процессуальности или признаковости и их разновидностей) и потому является связанным прежде всего с оформлением ономаσιологического базиса прогнозируемого наименования.

Поскольку каждый исследуемый универб по своей структуре является имитацией результата словообразовательного акта, то есть имитирует производную единицу, вышеуказанные понятия могут быть применены по отношению к нему.

Ономаσιологическая модель представляет собой схему формирования номинативных единиц и их реализаций – результатов языковой и речевой номинации.

Структура ономасиологической модели определяется как двучленная: она включает ономасиологический базис, эквивалентный архисеме главного или зависимого компонента исходной конструкции, и ономасиологический признак, эквивалентный семантическому множителю одного из компонентов исходной конструкции, актуализированному во втором ее компоненте.

В универбах исследуемого типа ономасиологический базис в большинстве случаев формируется на основе семантики главного слова эквивалентного словосочетания, а ономасиологический признак – на основе семантики зависимого слова. Это всегда соответствует одной из двух основных моделей образования универбов.

Ономасиологическая модель конкретного эллиптического универба практически повторяет ономасиологическую модель исходного словосочетания.

Структура ономасиологической модели заключается в соединении ономасиологического базиса и ономасиологического признака с необходимыми дополнениями в разных конкретных случаях. Общий вид ономасиологической модели таков: **[ономасиологический базис] + [ономасиологический признак]**.

В ономасиологических моделях универбов исследуемого типа ономасиологический базис является простым. На ономасиологический базис чаще всего указывает аффикс, а на ономасиологический признак указывает основа, в нашем случае омонимичная производящей.

В отличие от ономасиологического базиса, который является неизменной величиной, ономасиологический признак является величиной изменяемой, которая призвана конкретизировать или уточнять ономасиологический базис.

Типология ономасиологических моделей представляет собой базу для правильного определения и описания ономасиологической категории исследуемых единиц, с одной стороны, и трактовки ономасиологической структуры, с другой.

При анализе универбов следует различать два фактора, которые подчиняются разным условиям: логическое отношение и формальную структуру. Последняя зависит от первого. Именно логическое отношение предполагает определение критериев для функциональной классификации исследуемых единиц.

В связи с этим необходимо дифференцировать понятия *ономасиологический класс* и *класс референтов*. Каждый из них объединяет универбы согласно критериям, согласно которым организуется данный конкретный класс.

Рассматриваемые универбы представлены словами двух частей речи: существительными и глаголами. Имена существительные представлены комплексом именных семантик, одна из которых является определяющей, другая – определяемой.

Универбы-глаголы представлены двумя основными классами: 1) глаголы, обозначающие действие, связанное с предметной семантикой; 2) глаголы, обозначающие действие, связанное с другим действием. В универбах-глаголах первого типа определяющей является семантика зависимого существительного эквивалентного словосочетания, определяемой – семантика глагола эквивалентного словосочетания. В универбах-глаголах второго типа и определяющая семантика, и определяемая семантика являются глагольными, то есть совпадают.

В большинстве случаев определяющая семантика (признак) концентрируется в основе универба, определяемая (базис) – в аффиксе, имитирующем словообразовательный аффикс. Реже определяющая семантика реализуется в аффиксе, определяемая – в основе.

Более подробное описание исследуемых единиц предполагает формирование классификаций их ономасиологических базисов и ономасиологических признаков.

Ономасиологический базис несет в себе общую семантику ономасиологического подкласса. Нами выделены следующие типы базовых

значений рассматриваемых универбов, то есть типы ономаσιологических базисов: лицо, предмет, приспособление, явление, событие, объект, состояние, действие, документ, локация, продукт, вещество.

Также нами были выделены типы ономаσιологических признаков на основании «аргументов диктума», предложенных для деривационных номинативных моделей.

Для универбов исследуемого типа применимы следующие ономаσιологические признаки, которые соответствуют определенным слотовым позициям: пациентив, поссессив, компаратив, квалификатив, субъект действия, объект действия, атрибутив, инструментив, медиатив, комитатив, квалитатив, фабрикатив, делибератив, дестинатив, дистрибутив, локатив, темпоратив, коррелятив, каузатив.

Объединение универбов осуществляется согласно следующим критериям: 1) все номинатемы, составляющие данную группу являются номинатемами с **доминантой-словосочетанием** и **вербальной реализацией-универбом**; 2) все универбы, составляющие конкретную группу, являются либо **существительными**, либо **глаголами**; 3) все существительные и глаголы, составляющие отдельную группу, имеют инвариантное значение **представления**, **понятийное** значение (например, группа универбов-существительных), а также **гештальтное** значение (группа универбов-глаголов), **фреймовым**, **скриптовым** или **комбинированным** способом представляющее понятие, объект, действие.

Эти критерии являются принципиальными для объединения исследуемых единиц в ономаσιологические классы. Мы используем понятие **ономаσιологического класса**, в который способны объединяться однотипные единицы для обозначения однотипных реалий.

Универбы также образуют лексико-семантические и тематические группы. Связь между понятиями лексико-семантического поля, тематической группы и лексико-семантической группы заключается в иерархическом

подчинении друг другу: лексико-семантическое поле – тематическая группа – лексико-семантическая группа.

Классификация семантических классов универбов включает в себя три параметра: а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса; б) лексико-семантическая группа одноструктурных единиц в пределах одного лексико-грамматического разряда (с указанием общеязыковой лексико-семантической группой, в которую входит данная ЛСГОЕ), построенная на основе абсолютизации архисемы универба, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта); в) ономаσιологическая модель номинатемы, включающая «ономаσιологический базис» и «ономаσιологический признак» наименования. Мы выделяем типы ономаσιологических моделей эллиптических универбов, которые, в свою очередь, опираются на понятие ономаσιологического класса.

ГЛАВА IV. ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ УНИВЕРБОВ

4.1. Параметры классификации моделей универбализации

Описание моделей образования универбов – это описание моделей формального преобразования словосочетания в слово, при этом семантика исходного словосочетания и семантика универба не являются изменяемой сущностью в процессе универбализации по причине их абсолютной идентичности.

Модель универбализации, считает В. И. Теркулов, строится на базе определения взаимосвязи и взаимозависимости двух моделей:

- а. модели исходного словосочетания;
- б. модели структуры универба.

Модель исходного словосочетания (исходная конструкция) учитывает те параметры данной единицы, которые релевантны характеристикам универба, возникшего на её базе. В ней указывается на:

- 1) количество компонентов исходного словосочетания;
- 2) тип связи между ними и порядок их следования;
- 3) их грамматические характеристики [445, с. 297].

По **количеству компонентов** исходные конструкции подразделяются на:

двухкомпонентные, например: *сверхзвуковой самолет – сверхзвуковик, больной туберкулезом – туберкулезник, ставить штамп – штамповать;*

трехкомпонентные (со служебными словами): например, *место для беседы – беседка, специалист по электронике – электронищик, стоять из-за штиля – штилевать;*

трехкомпонентные (из знаменательных слов), например: *сотрудник энергоснабженческой отрасли – энергоснабженец, служащий особого отдела – особист;*

четырёхкомпонентные (из знаменательных слов), например: *Театральное училище имени Щукина – Щука, швейцарская система*

шахматной игры – швейцарка, вести партизанский образ жизни – партизанствовать, курсовик – студент, пишущий курсовую работу;

четырёхкомпонентные (со служебными словами), например: *специалист по подводным работам – подводник, помещение для разведения цветов – цветочник, город с трехсоттысячным населением – трехсоттысячник;*

пятикомпонентные (со служебными словами), например: *специалист по внешним отделочным работам – отделочник, нейтральное положение для переключателя скоростей – нейтралка;*

шестикомпонентные (со служебными словами), например: *кандидат в депутаты по мажоритарному округу – мажоритарщик, институт искусств и культуры имени Серебрякова – Серебряковка.*

Параметр **«тип связи между компонентами исходного словосочетания»** определяет, какую синтаксическую структуру представляет словосочетание, подвергнувшееся универбализации в слово.

Среди рассмотренных нами универбов выделяются как единицы, возникшие на базе простых двукомпонентных словосочетаний, так и единицы, возникшие на базе сложных словосочетаний. Все эквивалентные словосочетания реализуют подчинительную связь между компонентами, например *авиационник – специалист в области авиационной техники, шоссейник – участник шоссейных гонок, одноколейка – одноколейная дорога, кирпичка – кирпичный завод, дняха – день рождения, пятак – пять копеек.*

Итак, в нашем случае все универбы созданы на базе чистых подчинительных конструкций. Отмечаются следующие типы связи компонентов в исходном словосочетании:

а) чистое согласование, например: *молотильная машина / молотилка, аварийная служба / аварийка, овсяная каша / овсянка, огнестрельное ранение / огнестрел, горный университет / горка* и т.п.;

б) чистое управление, например: *настойка валерианы / валерьянка, делать дураком / одурачивать, укладывать асфальт / асфальтировать,*

житель Омска / омич, жена генерала / генеральша, три рубля / треха и т.п.;

в) различного рода комбинации согласования и управления в сложных конструкциях, например: *перевести в цифровой формат / оцифровать, служащий налогового ведомства / налоговый, специалист по структурному анализу / структуристик* и т.п.

С позиции грамматических характеристик компонентов исходного словосочетания для процесса универбализации актуальны следующие параметры:

- частеречная принадлежность компонента;
- падежная форма (для изменяемых слов);
- парадигматическая активность.

В рассмотренных исходных конструкциях нами отмечаются слова следующих частей речи:

а) существительные (символ **Сущ**), например, глоссы *член* и *стройотряда* в конструкции *член стройотряда (стройотрядовец)*;

б) прилагательные, в том числе отглагольные (символ **Прил**), например, глосса *механосборочное* в конструкции *механосборочное производство (механосборка)*; глосса *сгущенное* в конструкции *сгущенное молоко (сгущенка)*;

в) числительные (символ **Числ**), например, глосса *пять* в конструкции *пять копеек (пятак)*;

г) глаголы (символ **Гл**, **Инф**), например, глосса *испытывать* в конструкции *испытывать ужас (ужасаться)*;

д) предлоги (символ **предл**), например, *по* в конструкции *специалист по телеметрическим изменениям (телеметрист)*.

Рядом с частеречным символом для изменяемых имен в схеме конструкции указывается падежный номер глоссы (1 – именительный, 2 – родительный и т.д.). Например, формула **Сущ**₂ указывает на то, что в

конструкции употреблено существительное в форме родительного падежа – *рабочий судоремонтного завода* (Сущ2) (универб *судоремонтник*).

В. И. Теркулов также отмечает, что «на парадигматическую активность указывает комбинация падежного номера и символа числа (ед – единственное, мн – множественное). Номер именительного падежа вместе с показателем числа отражает парадигматическую изменчивость слова в пределах исходной конструкции. При этом показатель единственного числа указывает на то, что структурно релевантным для универбализации является изменяемость слова по всем падежам единственного (и, там где это возможно, множественного) числа» [445, с. 303].

Например, словосочетание *стиральная машина* (схема **Прил1ед+Сущ1ед**: *В ванной работала **стиральная машина**, которую сам он купил вскоре после появления Оли.* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) во всех своих формах единственного и множественного числа имеет соответствие в универбе *стиралка* (*Вот намедни перестала работать **стиралка**, я вызвала мастера и узнала, что в ней есть какой-то фильтр, его следовало регулярно чистить.* (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru): ***стиральной машины** – **стиралки**, **стиральной машине** – **стиралке**, **стиральные машины** – **стиралки** и т.д.* В словосочетании *настойка валерианы* (схема **Сущ1ед+Сущ2ед**: *Оказалось, что там обычная **настойка валерианы** с добавлением глюкозы, морковного сока и нескольких безобидных видов трав.* (Панацея из валерьянки (2001) // «Аргументы и факты», 2001.02.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) способность к изменяемости отмечается только для одного слова (**Сущ1ед**), парадигма которого совпадает с парадигмой соответствующего универба; зависимый управляемый элемент словосочетания (**Сущ2ед**) не изменяется, однако оба элемента словосочетания находят свое эквивалентное воплощение в универбе *валерьянка* (*Персен и другие препараты подобного уровня всего*

лишь **валерьянка** + *пустырник*. (Депресняк, депресуха и просто депрессия (форум) (2006-2007); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru): *настойки валерианы – валерьянки, настойке валерианы – валерьянке* и т.д.

Показатель множественного числа рядом с символом именительного падежа указывает на то, что при образовании универба используется парадигма только множественного числа. Например, словосочетание *предсезонные выступления* (схема **Прил1мн+Сущ1мн**) (*У команды были провальные **предсезонные выступления*** (Александр Ахтырко. Саратовский «Сокол» открыл новый футбольный сезон в стиле 60-х // Комсомольская правда, 2010.04.27); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) только в формах множественного числа имеет эквивалентный универб *предсезонка*, который представлен падежной парадигмой **только единственного числа** вопреки ожидаемым формам множественного (*Это же моя первая **предсезонка** не в «Спартаке», так что есть повод для сопоставлений.* (Бодров А. Защитник «Локомотива» Роман Шишкин: В «Спартаке» закончился бы как футболист // Советский спорт, 2011.01.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru): *предсезонные выступления – предсезонка; предсезонных выступлений – предсезонки; предсезонным выступлениям – предсезонке* и т.д.

Номер косвенного падежа с показателем числа указывает на то, что для процесса универбализации релевантна только данная словоформа. Например, в словосочетании *вручать премию* (*У меня сорвался концерт в Осло, где Горбачеву должны были **вручать премию**, а он не поехал.* (Александр Розенбаум. Бультерьер (1987-1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) при образовании универба *премировать* (*Как только цель была достигнута (собрано даже на два автомобиля больше), Виктор Васильевич всех от души поздравил и даже распорядился **премировать**.* (К. Зайковский. Верить хочу, что завод возродился (2004) // «Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.01.17; Национальный корпус русского языка;

www.ruscorpora.ru) используется, например, глосса *премию* (**Сущ4ед**) номинатемы *вручать премию*.

Итак, общая схема исходной конструкции включает описание релевантных для процесса универбализации признаков всех ее компонентов. Например, *жена генерала* (универб **генеральша**) реализует конструкцию **Сущ1ед+Сущ2ед**, характеризующуюся связью управления между изменяемым по всем формам числа и падежа главным словом и застывшим в форме родительного падежа единственного числа зависимым: *Конечно, она не бедная и беспомощная бабушка, нуждающаяся в помощи тимуровской команды, а цветущая молодая женщина, жена генерала, живущая в освободившейся квартире Подберезных с девятилетним сыном Толиком.* (Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы»; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *После того замечательного банкета генеральша три дня проплакала, а потом и вовсе куда-то исчезла.* (Василь Быков. Болото (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *пригородный район* (универб **пригород**) – конструкцию **Прил1ед+Сущ1ед**, которая характеризуется синтаксической связью – согласованием – и изменяемыми по всем падежам и числам обоими компонентами словосочетания: *Он сказал солдату рулить в пригородный район, но не по трассе, а через долину, по старой, рассыпавшейся в прах дороге.* (Олег Павлов. Степная книга (1990-1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Природа Техаса очень разнообразна, но вначале пригород Далласа вообще показался мне похожим на Саратов из-за того, что окружали его поля, похожие на степь.* (Ольга Панфилова. Америка от А до Я (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.03.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) и т.д.

Модель структуры универба указывает на порядок следования и способ представленности эквивалентов компонентов исходного словосочетания (конструкции) в универбе. При этом не стоит забывать, что конструктами отдельного универба являются основа и аффикс; в каждом из

этих конструкторов сосредоточивается значение того или иного компонента (компонентов) соответствующего словосочетания.

Порядок следования и количественное соответствие конструкторов универба по отношению к порядку следования компонентов исходной конструкции рассматривались в первой главе. Но в данном случае хотелось бы отметить следующие ситуации, связанные с тем, какой из компонентов становится источником универбализации:

а) универбализация, источником которой выступает главное слово словосочетания, эквивалентного универбу, например, *три рубля / трешка*: *В новой стоимости проезда будут заложены по **три рубля** за поездку, которые пойдут на инвестиции в обновление автобусного парка* (Комсомольская правда, 2011.04.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Платили мне за это по **трешке**, иногда, за произведение помасштабней, в 40 строк, по пятерке* (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999-2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) универбализация, источником которой выступает зависимое слово двухкомпонентного словосочетания, эквивалентного универбу, например, *молотильная машина / молотилка*: *Никакой гидравлический пресс, никакая **молотильная машина**, если бы они были изобретены для литературных произведений, не выдавили бы, не вымолотили бы этого смысла.* (И. И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие (1856); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *В клуне, очевидно, работала уже паровая **молотилка**, потому что небольшая железная труба, как на фабриках, торчала оттуда, изредка венчаясь облачком серого дыма.* (Г. П. Данилевский. Беглые в Новороссии (1862); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *укладывать асфальт / асфальтировать*, где конструкторы *укладывать*, воплощаясь в суффиксе *-ова-*, и *асфальт* при образовании универба меняются местами: *В декабре они экстренно начали **укладывать асфальт**.* (Анна Гамзикова.

Петербургские дорожники укладывают асфальт в снег // Комсомольская правда, 2009.12.29; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – Кроме того, 30 апреля с 10 до 16 часов приостановят и автомобильное движение на Каслинской от проспекта Победы до Комсомольского проспекта: после ремонта путей будут **асфальтировать** перекрестки. (Юлия Малецкая. В Челябинске на 10 дней закроют трамвайное движение на Каслинской // Новый регион 2, 2011.04.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru);

в) универбализация, источником которой выступает одно из зависимых слов поликомпонентного словосочетания, эквивалентного универбу, например, *Днепропетровский национальный горный университет / горка*, где в структуре универба отражены лишь компоненты словосочетания *горный* (в *гор-*) и *университет* (в суфф. *-к-*): *Глава Кабмина посетила Днепровский металлургический комбинат и национальный горный университет* (Днепр вечерний. – 21.09.2009) – *В дальнейшем я планирую заниматься математикой и экономикой, поэтому буду поступать в «Горку»* (Днепр вечерний. – 24.04.2013);

г) универбализация, источником которой выступают два зависимых слова поликомпонентного словосочетания, эквивалентного универбу, например, *ученик пятого класса / пятиклассник: Тема Крючков, ученик пятого класса, серьезен, как банкир на пресс-конференции.* (Светлана Скарлош. Воспитание по расчету // «Русский репортер», № 8 (136), 4-11 марта 2010, 2010); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *Звонил пятиклассник Витя Филюшкин – знает тайный подземный ход, по которому могут напасть на Белый дом.* (Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru), где отмечается и изменение порядка следования конструкторов и появление дополнительно интерфикса *-и-*.

Существенным здесь также является вопрос о типах конструкторов универба. В. И. Теркулов считает, что «при универбализации следует

различать *базовые конструкты*, реализующие в композите (в универбе – Н. Д.) полнозначные элементы исходных словосочетаний, и *вспомогательные конструкты*, привносимые извне и выполняющие функцию оформителей композита (универба – Н. Д.)» [445, с. 305].

Базовые конструкты могут по-разному представлять соответствующие им компоненты исходного словосочетания в структуре универба.

В большом количестве случаев конструктом универба является **основа слова**, которая обычно представляет зависимый компонент словосочетания. Таковы, например, конструкты *хохлат-*, *холост-*, *холодильн-* в универбах *хохлатка* (*хохлатая курица*), *холостяк* (*холостой мужчина*), *холодильник* (*холодильная установка*) и т.п. (в схемах перед полным описанием компонента исходного словосочетания ставится символ «**Осн**»; например, для компонента *хохлат-* в схемах будет дано описание «**ОснПрил1ед**»). Редуцированный до основы компонент всегда находится в универбе в препозиции. Например: *хохлатка* (*Как хохлатка над цыпленком. Словно ястребом был я.* (Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *хохлатая курица* (*Хохлатая курица хлопотливо угощает своих птенцов.* (А. Р. Беляев. Голова профессора Доуэля (1925); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *холостяк* (*Сам старший холостяк, он рачительно перенес со стола в холодильник оставшуюся выпивку и закуску.* (В. Черкасов. Черный ящик (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *холостой мужчина* (*Послушаешь такой разговор — до того станет противно, что ты дурак, холостой мужчина* (А. Н. Арбузов. Годы странствий (1954); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *холодильник* (*Кроме того, каждому в комнату могут доставить холодильник или двухъярусную кровать в аренду.* (Ольга Панфилова. Америка от А до Я (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.03.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *холодильная установка* (*Принципиально новая холодильная установка, телевизор с трехмерным изображением, целый ряд*

еще всевозможных изобретений, которым позавидуют иные взрослые Кулибины, – все это плоды пытливого ума юного жителя небольшого алтайского городка Рубцовска. (С. Корзенников. Чудо-мальчика пригласили в университет / Труд-7, 2002.12.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *высшая мера наказания (Для ответственных чиновников высшая мера наказания, как и конфискация имущества, обязательна.* (Б. Руденко. Убить дракона. Возможно ли победить коррупцию в России // «Наука и жизнь», 2009; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *вышка (Не тюрьма, – радостно поправил его грузчик с бородой, – а вышка.* (Сергей Довлатов. Виноград (1990); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), где при универбации наблюдается графическое подтверждение полной регрессивной ассимиляции.

Очень часто конструкт универба представляет собой усеченную основу компонента исходного словосочетания.

«**Частью основы** считается любое сокращение основы исходного слова более чем до одного звука (буквы)» [445, с. 307], например, *полярка (полярная зимовка): Первокласный радист, шофер, котельщик, смонтировал и отремонтировал кучу приборов, может делать на полярке все* (В. Санин. Не говори ты Арктике – прощай (1987); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Врача на полярной станции не оказалось, он уехал к больному* (Ю. Казаков. Мальчик из снежной ямы (1983); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *полуторка (полуторатонный грузовик): Полуторка К 3000 должна быть покрепче, поэтому высота лонжеронов рамы у неё достигает 190 мм.* (А. Карпенков, Ю. Нечетов. Балтийские головастики (2003) // «За рулем», 2003.05.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Еще через полчаса остановили испанский полуторатонный грузовик* (Труд-7, 2000.06.06; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) и т.д. Верхним пределом редуцирования является сокращение основы на один звук, например, *полетка (полетная карта)*, где сокращается только звук *-н-*

основы слова *полетная*: *Сверяли маршрут по полетке* (Комсомольская правда, 2009.02.12) – *Экипаж обвиняется в том, что предварительной подготовки к полету не было, перед вылетом не были изучены ни маршрут, ни географические и климатические особенности местности, не составлена схема маршрута на полетной карте* («Известия», 2002.11.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *поливалка (поливальная машина)*, где сокращается только звук -н- основы слова *поливальная*: *А поливалка уехала, как будто ничего не было* (Труд-7, 2008.09.25; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Я стоял в одном свитере, а поливальная машина лила на меня воду, создавая эффект дождя* (Труд-7, 2010.01.25; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) и т.д.

Нами отмечено три фонетические модели редуцирования основы исходного компонента.

Первая – наиболее распространенная в нашем случае – «модель **апокопирования**, когда в качестве части основы выступает ее начальный звукокомплекс» [Теркулов 2008, 308], например, *пожарка (пожарная машина)*, *копир (копировальный аппарат)*, *голландка (голландская печь)*, *кенгуренок (детеныш кенгуру)*.

Вторая модель реализует **апокопирование** основы в комплексе с **эпитезой**, заключающейся во вставке звукокомплекса в конце основы, например, *принудиловка (принудительная работа)*, *очаровашка (очаровательный человек)*, *уравниловка (уравнительная система)* и т.п.

Третья модель реализует **апокопирование** основы в комплексе с **чередованием**, например, *автомат (автоматическая коробка передач)*, *абрикотин (абрикосовый ликер)* и т.п.

Также конструкт универба представляет собой наращенную основу (**наращ.**) компонента исходного словосочетания. Путем наращивания объем основы, имитирующей производящую, увеличивается, например, *гаишник*

(*сотрудник ГАИ*), *отдыхалка* (зона *отдыха*) и т.д. Здесь отмечается две фонетические модели наращения основы исходного компонента.

Первая представляет собой модель **эпитетирования** основы, например, *парижанин* (*житель Парижа*), *пятерня* (*пять пальцев*) и т.п.

Вторая – реализует **эпитетирование** основы в комплексе с **чередованием** определенного типа, например, *паразитировать* (*быть паразитом*) и т.п.

Если говорить о соответствии части основы компоненту морфемной структуры слова-прототипа, то она очень часто отождествима с его корнем, например *аварийка* (*аварийная машина*), где часть основы *аварий-* абсолютно совпадает по протяженности с корнем, *багаж* (*багажное отделение*), где *багаж-* также эквивалентен корню. Однако это не является обязательным условием редукции, поскольку в качестве части основы может выступать и сочетание префикса с этимологическим корнем, например, звукокомлекс *безотвал-* в универбе *безотвалка* (*безотвальное производство*), *без-размер-* в универбе *безразмерки* (*безразмерные колготы*), а также сочетание корней с интерфиксом, например, *пятиэтаж-* в универбе *пятиэтажка* (*пятиэтажный дом*), *трехдвер-* в универбе *трехдверка* (*трехдверный автомобиль*) и т.д.

Как утверждает В. И. Теркулов, «скорее всего, процесс сокращения, хоть и настроен в определенной мере на сохранение маркеров семантики исходного конструкта в универбализационном композите (в нашем случае – в универбе – Н. Д.), имеет все же фонетические основания, а именно – стремление реализовать в конструкте адекватную тому или иному стилю речи длину слова» [445, с. 309]. Как известно, «длина слова возрастает <...> – от разговорной речи, где она минимальна, к художественной прозе (за вычетом диалога), от которой – к прозе научной, а всего длинней среднее слово в публицистике» [258, с. 108]. При этом различие длины слова по стилям следующее: «разговорная речь – 4,5; художественная проза (без диалога) – 5,2; научная проза – 6,7; публицистика – 7,0 звука» [293, с. 106]. В

большинстве рассмотренных нами случаев основа сокращается в среднем до четырех-семи звуков; это является косвенным подтверждением того, что универбация исследуемого типа настроена не только на разговорную речь, но и на перечисленные выше остальные стили.

Если говорить о фонетической протяженности части основы, то нами отмечены следующие разновидности последней:

двухкомпонентный конструкт, например **днюха** (*день рождения*), **злюка** (*злой человек*), **льдина** (*глыба льда*);

трехкомпонентный конструкт, например **чешки** (*чешская обувь*), **визировать** (*ставить визу*), **дониц** (*донской казак*);

четырёхкомпонентный конструкт, например **ветряк** (*ветряная мельница*), **атомка** (*атомная электростанция*), **загипсовать** (*наложить гипс*);

пятикомпонентный конструкт, например **читалка** (*читальный зал*), **веселуха** (*веселое состояние*);

шестикомпонентный конструкт, например **шенгенка** (*шенгенская виза*), **аварийка** (*аварийная сигнализация*);

семикомпонентный конструкт, например **витаминировать** (*насыщать витаминами*), **дефицит** (*дефицитный товар*);

восьмикомпонентный конструкт, например **автобусник** (*работник автобусного транспорта*), **взрывчатка** (*взрывчатое вещество*);

девятикомпонентный конструкт, например **шестидневка** (*шестидневная рабочая неделя*), **ветеренарка** (*ветеринарная поликлиника*);

десятикомпонентный конструкт, например **внеочередник** (*внеочередной претендент*), **архипастырствовать** (*быть архипастырем*);

одиннадцатикомпонентный конструкт, например **шарлатанствовать** (*заниматься шарлатанством*), **водномоторник** (*спортсмен водномоторного вида спорта*);

двенадцатикомпонентный конструкт, например *автоблокировка* (*автоблокировочное устройство*), *водоэмульсионка* (*водоэмульсионная краска*);

тринадцатикомпонентный конструкт, например *шес(т)на(д)цатиэтажка* (*шестнадцатипятиэтажный дом*), *видеотерминал* (*видеотерминальное устройство*);

четырнадцатикомпонентный конструкт, например *заднескаме(ј)ечник* (*заднескаме(ј)ечный зритель*), *идолопоклонствовать* (*заниматься идолопоклонством*);

пятнадцатикомпонентный конструкт, например *паровозодуходувка* (*паровозодуходувная станция*), *два(д)цатипятиэтажка* (*два(д)цатипятиэтажный дом*);

двадцатиоднокомпонентный конструкт *три(д)цатидвухкилограммовка* (*три(д)цатидвухкилограммовая гиря*).

Особого внимания заслуживает определение статуса таких конструктов, как суффиксы (*загранка* – *заграничная командировка*, *массажировать* – *делать массаж*), конфиксы (*заречье* – *местность за рекой*, *оцифровать* – *перевести в цифровой формат*) универбов. По форме они напоминают вспомогательные конструкты, оформляя грамматические особенности универбов и их частеречную принадлежность, а по содержанию – базовые, поскольку конденсируют значение одного из компонентов (чаще – главного) исходного словосочетания. В связи с этим мы считаем данные конструкты синкретичными.

В оформлении вербальной реализации номинатемы исследуемого типа также принимают участие и **вспомогательные конструкты** – единицы, которые отсутствуют в исходных конструкциях и выполняют в составе универба лишь формальную структуроорганизующую функцию. К ним относятся интерфиксы, асемантические элементы и флексии.

Интерфикс (соединительный компонент, в схемах – **инт**), то есть «единица, семантика которой «абстрактна и сводится <...> к “идее

соединения” составляющих сложную основу простых слов (точнее, конструкторов – В. Т.)» [204, с. 35; 445, с. 312], например, интерфикс *о* в универбе *первоклассник* (ученик первого класса), интерфикс *и* в универбе *пятиклассник* (ученик пятого класса), интерфикс *ух* в универбе *двухэтажка* (дом в два этажа).

Нельзя считать вспомогательными конструктами интерфиксы, отмечаемые в составе базовых конструкторов, например, *пятидверка* (*пятидверный автомобиль*), *трехрядка* (*трехрядная гармонь*), *двадцатитонник* (*двадцатитонный кран*) и т.п., поскольку они не выполняют дополнительной функции соединения частей при образовании универба, ср. *пятидверка* – *пятидверный автомобиль* и *автомобиль с пятью дверями*.

Отдельного описания требует ситуация, когда в вербальную реализацию номинатемы включена флексия компонента исходного словосочетания. Чаще всего это отмечается при модификации в универб нумеративных конструкций, например, *восемилетка* (*ребенок восьми лет*), *семилетка* (*ребенок семи лет*), *двухлетка* (*ребенок двух лет*) и т.п.

В таких случаях как *двухлетка* – *ребенок двух лет* и *двухлетний ребенок* статус интерфикса зависит от того, с каким исходным словосочетанием соотносится данный конкретный универб. Например, в соотношении *двухлетка* (*Представляете – **двухлетка** один в автобусе, мамы нет!* – Комсомольская правда, 2008.02.08) – *ребенок двух лет* (*Итак, в таком прекрасном манеже вполне может сидеть **ребенок двух лет**.* – Комсомольская правда, 2005.11.01) комплекс *-ух-* в составе числительного используется как флексия, а в соотношении *двухлетка* (*Годовалый-то малыш не поймет, что, собственно, происходит, а **двухлетка**, хоть и не осознает всего смысла происходящего, праздничной атмосферой насладится в полной мере.* – Комсомольская правда, 2001.06.04) – *двухлетний ребенок* (*К счастью, **двухлетний ребенок** не пострадал, но плакал от испуга.* –

Комсомольская правда, 2004.06.16) данный комплекс не является флексией, а входит в состав основного конструкта.

В. И. Теркулов пишет: «Неидиоматичность таких композитов (универбов – Н. Д.), а также абсолютная семантическая эквивалентность им исходных словосочетаний позволяет нам предположить, что указанные конструкты *-и-* и *-ух-* являются не интерфиксами, а застывшими флексиями и указывают в составе композитов (универбов – Н. Д.) на падежную характеристику исконной конструкции, то есть выполняют не структурную, а семантическую функцию и могут быть определены как представители исходного компонента в конструкте» [445, с. 313]. Такие ситуации вслед за В. И. Теркуловым мы квалифицируем как универбализацию без интерфикса. С данным предположением ученого нельзя не согласиться, поскольку абсолютно все интерфиксы с ахронической точки зрения являются застывшими флексиями с той лишь разницей, что некоторые из них до сих пор сохранили свой первоначальный статус, а другие пережили процесс декорреляции.

Еще одним вспомогательным конструктом являются суффиксы, значение которых при модификации словосочетания в универб приобретает новую функцию – структурного оформления синтаксической отнесенности номинатемы к тому или иному грамматическому классу. Относительно указанной морфемы необходимы некоторые замечания. Ранее мы говорили о том, что суффиксы универбов, концентрируя в себе семантику одного из компонентов исходного словосочетания, относятся к базовым конструктам. Такое утверждение было бы единственно верным, если бы к универбам относились только имена существительные. Однако к классу универбов относятся и глаголы. Грамматическое оформление слов каждой части речи лимитировано характерными аффиксами. Поэтому аффикс (в данном случае суффикс) кроме упомянутой семантической функции выполняет также формальную функцию. Именно это и является причиной определения аффиксов универбов как конструктов синкретичного типа.

Универбы-существительные характеризуются суффиксами (-к-, -ик-, -ак-(-як-), -ух-, -ушк-, -ич-, -анин-, -ач-, -н-, -щик-, -онок-, -енок-), например:

термичка (Но вопреки прогнозам, я задержался в «**термичке**» на долгие 43 года, день в день. – «Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.01.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *термический цех* (**Термический цех** перестает быть «горячим», он становится наиболее чистым из всех цехов завода. – «Наука и жизнь», 1952; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

троллейбусник («**Троллейбусникам**» пришлось вытаскивать из салона сидения и взламывать пол, чтобы подобраться к мотору. – Труд-7, 2007.04.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *работник троллейбусного парка* (Сами же **работники троллейбусного парка** тоже не рады переменам. – Комсомольская правда, 2011.01.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

товарняк (В республике снова пустили под откос **товарняк**. – Комсомольская правда, 2010.07.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *товарный поезд* (Кроме того, в ночь с воскресенья на понедельник в Дагестане был подорван **товарный поезд**. – Новый регион 2, 2011.02.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

типовуха (**Типовуха** улучшенной планировки. Конечно же, нынешние типовые панельные дома не вполне те, что были в советские времена. – Комсомольская правда, 2005.12.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *типовое жилье* (По мнению аналитиков, элитная недвижимость под влиянием кризиса оказалась в худшем положении, чем **типовое жилье**. – РБК Daily, 2010.03.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

раскладушка (Газеты вместо обоев, из мебели – **раскладушка** и стол на трех ножках. – Комсомольская правда, 2011.03.25; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *раскладная кровать* (Через полчаса за библиотечным шкафом стояла **раскладная кровать** с матрасом, а на столе

высилась увенчанная чайником керосинка. (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

титул (В руках у Василия Ивановича была большая папка из красной кожи с золотым двуглавым гербом на титуле. – Труд-7, 2006.07.06; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *титульный лист (На титульном листе реферата обязательно должны быть указаны сведения об участнике (фамилия, имя, класс, школа, ФИО руководителя).* – РИА Новости, 2010.04.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

томич (Неудачно – и томич едва не поражает опустевшие ворота: удар отражает перекладина. – Советский спорт, 2010.09.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *житель Томска (Житель Томска Анатолий Сергеев пришел в мэрию, чтобы оформить участок на строительство.* – Комсомольская правда, 2007.11.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

дончанин (Руководил его деятельностью сорокалетний дончанин, через банковские счета созданной им цепочки фиктивных предприятий, открытых на подставных лиц, денежные потоки переводились в наличность и легализовывались, сообщает «УРА-Информ». – Новый регион 2, 2008.04.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *житель Донецка (Так, сдавший 592 патрона к автоматическому стрелковому оружию житель Донецка сказал, что нашел их на пустыре близ стрельбищ под Новочеркасском.* – Труд-7, 2004.05.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

строгач (Как-то Альберт Гердт поговорил с тремя сдавшимися в плен немцами, а затем отпустил, едва не получив строгач от начальства. – Труд-7, 2000.08.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *строгий выговор (В связи с этим начальнику отделения дознания местного ОВД за упущения в работе объявлен строгий выговор.* –

Новый регион 2, 2011.02.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

тройня (31 января 2010 года в семье оператора цеха №4 Александра Горбунова родилась **тройня**, и в честь этого радостного события завод по согласованию с руководством НК "Роснефть" подарил семье трехкомнатную квартиру. – Комсомольская правда, 2011.03.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *трое детей* (Подходит и говорит глаза в глаза: у меня **трое детей**, если они заболеют, я тебя с того света достану! – Комсомольская правда, 2011.04.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

электронщик (На участие в FortDance LIVE заявлены более 20 диджеев, а главной звездой фестиваля обещает стать ведущий французский **электронщик**, один из самых знаменитых рейверов планеты 43-летний Лоран Гарнье. – Труд-7, 2009.07.09; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *специалист по электронике* (В то же самое время казалось, что вся эта деструктивная стихия подчинена железной воле балерины, владеющей ситуацией так же уверенно, как высококлассный **специалист по электронике** – хитросплетениями сложных компьютерных программ. – Труд-7, 2009.04.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

тигренок (По мнению дрессировщиков, редчайший белый **тигренок** подчеркивает уникальность места проведения Зимних Игр в субтропиках, а традиционный рыжий ассоциируется с богатой природой России. – РИА Новости, 2010.09.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *детеныш тигра* (**Детеныш четы тигров** беспомощно ползал по маленькому вольеру. – КП, 28.06.2003) и т.д.

Универбы-глаголы оформляются соответствующими суффиксами (-ова-, -(ств)ова-, -(н)ича-, -а-, -и-), например:

дьяконствовать (И опять, как часто случалось с ним, – в тяжёлую эту секунду, когда слово его повисало законом и кровью, Петром овладело

*внезапное озорство, заставлявшее его бить в барабан или **дьяконствовать** на всепьянейших соборах.* (Г. В. Алексеев. Мария Гамильтон (1933); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *быть дьяконом (Как может Густоиван **быть дьяконом**, если на него духовной благодати не возлил господь?* (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 3 (1935); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

*бездельничать (Есть стимул **бездельничать**, презируя всех трудящихся, или воровать, а при отсутствии способности к воровству – валить; не власть валить, разумеется, а себя, отсюда.* – Труд-7, 2011.02.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *быть бездельником (Девиз этих людей: "Безработным быть не стыдно, стыдно **быть бездельником**".* – Труд-7, 2009.04.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

*жениться (Он даже хотел развестись с Екатериной и **жениться** на Марии, но не получилось – ее отравили.* – Комсомольская правда, 2011.05.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *взять в жены (Мужчина по законам шариата может **взять в жены** четырех женщин.* – Комсомольская правда, 2007.09.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Также конструктами синкретичного типа являются конфиксы. Они оформляют существительные (конфиксы за- -j-, пред- -j-, при- -j-), например:

*Забайкалье (При этом на юге Уральского и юго-западе Сибирского федеральных округов, местами – в **Забайкалье** и в центральных районах Якутии, на юге Приморья ожидается избыток осадков.* – Новый регион 2, 2011.03.24; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *местность за Байкалом (**Местность за озером Байкал** не просто живописна – она сказочно волшебна.* – КП, 17.04.2007),

*предгорье (Я живу в **предгорье** – там постоянно туманы.* – Советский спорт, 2008.01.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *место перед горами (На последней станции перед горами столпотворение*

вавилонское: шум, крики, плач, матерная отборная ругань, разрозненные воинские части, отдельные группы солдат, а за станцией выстрелы, крики, смятение. (А. С. Серафимович. Железный поток (1924); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

Приазовье (Они будут расположены в **Приморье**, Алтайском крае, Калининградской области и в Приазовье, на стыке Ростовской области и Краснодарского края, сообщается на сайте РИА Новости. – Комсомольская правда, 2007.07.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *местность при море* (**Местность при море** характеризуется степным ландшафтом. – КПВУ, 25.09.2009).

Конфиксы (обес- -е-, обес(з)- -и-, о- -а-) оформляют глаголы, например: *обессилеть* (Она была создана, как выражались в советское время, методом «административной возгонки» и без постоянной финансовой и административной подпитки может **обессилеть**. – Комсомольская правда, 2007.06.29; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *лишиться сил* (Она точно не даст вам **лишиться сил** и внесет разнообразие в привычное меню. – Труд-7, 2001.11.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

обезземелить (Те, кто приветствует ипотеку по таким правилам, или оторвались от реальности, или сознательно стремятся **обезземелить** крестьян. – «Сельская новь», 2003.10.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *лишить земли* (Интересно, что в список тех, кого ВФП **лишил земли**, по утверждению защиты, попало 235 человек, умерших к моменту возбуждения дела. – РБК Daily, 2007.03.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru),

оцифровать (Сегодня начата работа по каталогизации библиотеки и поставлена цель **оцифровать** все книги, чтобы создать виртуальный филиал библиотеки Домокоша в интернете. – Комсомольская правда, 2009.10.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *перевести в цифровой формат* (Картину решили **перевести в цифровой формат**, в

результате чего изображение на пленке было испорчено. – Комсомольская правда, 2004.03.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Согласно мнению В. И. Теркулова, «формальным конструктом является также парадигма новообразованного конструкта, которая в рассмотренных нами примерах указывает на значения рода, числа и падежа» [445, с. 316]. В данном случае следует различать две ситуации: сохранение в универбе парадигмы главного слова исходного словосочетания и получение им новой парадигмы. Это связано с соответствием / несоответствием грамматического рода главного слова словосочетания и универба, о чем говорилось в первой главе.

В большинстве случаев отмечается сохранение парадигмы главного слова исходного словосочетания, например: *коммунальная квартира (Напомним, чтобы попасть в городскую программу расселения, коммунальная квартира должна соответствовать двум условиям.* – Комсомольская правда, 2008.04.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *коммуналка (Вымытые тротуары, блестящие полуденным солнцем, добрые тетушки, продающие газировку, предельно счастливые лица граждан СССР и, конечно, старая добрая коммуналка.* – Комсомольская правда, 2011.05.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), *коммунальной квартиры (Как пишет газета «Комсомольская правда», имущественному спору между жильцами коммунальной квартиры уже больше трех лет.* – Новый регион 2, 2011.02.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *коммуналки (Как пояснил Александров, префектура собирается производить расселение коммуналки за счет нескольких социальных программ доступного жилья, которые действуют в городе.* – РИА Новости, 2009.12.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), *в коммунальной квартире (Безработная Камкина занимала вместе с тремя дочками и сыном комнату в коммунальной квартире.* – Труд-7, 2011.01.19;

Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – в коммуналке («Самая красивая пара» СССР – так называли Александра Абдулова и Ирину Алферову – несколько лет после свадьбы ютилась **в коммуналке**. – Комсомольская правда, 2011.03.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) и т.д.

Новую парадигму универб получает тогда, когда изменяется его грамматический род относительно главного слова исходного словосочетания, например: *мобильный телефон* (Если бы барсетки там не оказалось, то добычей стал бы **мобильный телефон** или магнитола. – Комсомольская правда, 2011.05.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *мобилка* (И **мобилка**, и обычный аппарат у меня просто дымятся, я ведь готовлю гастролы, концерты. – Труд-7, 2007.07.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), *мобильного телефона* (Занесите этот номер в память своего **мобильного телефона** и пишите нам обо всем, что вас заинтересовало. – Комсомольская правда, 2011.05.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *мобилки* (На заставке **мобилки** фото детей, на пальце – обручальное кольцо. – Комсомольская правда, 2007.08.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), *мобильный телефон* (С собой обязательно возьмите: нож, спички, завернутые в непромокаемый материал, компас, дождевик, продукты питания, емкость с водой, заряженный **мобильный телефон**. – Комсомольская правда, 2011.05.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *мобилку* (Но при этом для многих будет спокойнее все же взять заветную **мобилку** с собой. – Труд-7, 2007.07.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), *мобильным телефоном* (Соединение с **мобильным телефоном** позволит часам выполнять несколько весьма полезных функций. – РБК Daily, 2011.03.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *мобилкой* (Все началось в августе прошлого года, когда бдительные киевские журналисты засекли Андриюшку

на дорожном бумере с дорожной **мобилкой**. – Новый регион 2, 2006.05.24; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) и т.д.

Таким образом, на основе установления типов конструктов универбов и их соответствия моделям исходного словосочетания возможно построение моделей формального преобразования словосочетаний в универбы, то есть моделей универбализации, например, *солдат срочной службы* (Сущ1ед + Прил2ед + Сущ2ед) > *срочник* (оснПрил2ед срочной + суфСущ -ик- + черед. н//н'): *Солдат срочной службы покинул воинскую часть в рязанской области* (Новый регион 2, 2009.08.24; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Но здесь один срочник все же решился позвонить по «телефону доверия» прокуратуры* (Комсомольская правда, 2006.06.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *ученик первого класса* (Сущ1ед + Числ-Прил2ед + Сущ2ед) > *первоклассник* (оснЧисл-Прил2ед первого + инт -о- + оснСущ2ед класса + суфСущ -ник-): *В результате ученик первого класса школы №67 получил закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение головного мозга и переломом седалищной кости* (Новый регион 2, 2010.11.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Первоклассник побежал через дорогу вперед остальных детей и его сбила грузовая машина* (Комсомольская правда, 2011.03.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *сделать безопасным* (Инф + Прил5ед) > *обезопасить* (оснПрил5ед безопасный + конфГл о-; -и- + усеч. + черед. с//с): *Мы, российские производители, со своей стороны, привлекая органы власти, наших западных коллег, общественность, приложим максимум усилий, чтобы российский рынок автозапчастей сделать безопасным* (Комсомольская правда, 2005.10.18; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *В то же время движение в районе микрорайона очень интенсивное и там просто необходим надземный или подземный пешеходный переход, чтобы обезопасить местных жителей от автомобилей* (Комсомольская правда, 2011.04.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

неформальная личность (Прил1ед + Сущ1ед) > неформал (оснПрил1ед неформальная + суфСущ (материально не выраженный) + усеч. + черед. л'/л): В те годы именно Ленинград мог похвастать разнообразием неформальных личностей (Комсомольская правда, 28.07.2011) – Увидев оборванных панков, лохматых байкеров, вычурно многоцветно одетых неформалов, редкие прохожие жались к стенам домов (Труд-7, 2008.09.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) и т.п.

Изложенное выше предполагает построение определенной системы моделей формального преобразования словосочетаний в соответствующие им вербальные формы при универбализации.

4.2. Модели универбализации словосочетаний (на базе зависимого компонента)

4.2.1. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + прилагательное». Единиц, возникших в результате универбализации словосочетаний указанного типа, в нашей картотеке подавляющее большинство от общего числа рассмотренных номинативных групп «словосочетание – его универбализованный дублет». Отмечается следующие разновидности данной модели.

Прил1ед + Сущ1ед

а) оснПрил1ед + суфСущ: *трехдюймовое орудие (Например, в той артиллерийской части, где я работал, было приказано тратить в день не более семи снарядов на одно полевое **трехдюймовое орудие**. (В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – **трехдюймовка** (В промежутках он видел, что крайняя **трехдюймовка** осела с разбитым колесом и, кажется, куда-то делся второй подносчик. (И. Ратушинская. Одесситы (1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru); **перловая каша** (Необременительна для души **перловая каша** в скромной посуде – ее при всем желании много не*

съешь. (М. Бутов. Свобода // «Новый Мир», 1999); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *перловка* (*В рабочей столовой кормили плохо: перловка, пшено, рыба, картошка, супчик*. (Н. Амосов. Голоса времен (1999); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснПрилЕд + суфСущ + усеч.: *аврийная сигнализация* (*Ночью из-за короткого замыкания отказал электрофильтр в цехе, где выжигают хромовое сырье, **аврийная сигнализация** не сработала*. – Труд-7, 2004.12.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *аварийка* (*Надо ли говорить, что Сб оснащен ESP и системой распределения тормозных усилий, а в случае экстренного торможения **аварийка** включается автоматически*. – Известия, 2006.10.31; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *автозаправочная станция* (*Кстати, сегодня в структуру холдинга «Брюкке» также входит собственная **автозаправочная станция**, мельничный комплекс, два молокоперерабатывающих завода*. – Комсомольская правда, 2010.12.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *автозаправка* (*Если **автозаправка**, где они раньше приобретали бензин, не продлит договор, то скоро техника не сможет выезжать на пожары*. – Комсомольская правда, 2011.04.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *декретный отпуск* (*Если в этом году вы будете уходить в **декретный отпуск** за следующим ребенком, то для расчета декретных может быть применен порядок, который действовал в 2010 году или применен новый, действующий с 2011 года*. – Комсомольская правда, 2011.03.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *декрет* (*Если я пойду в **декрет**, как это будет учитываться при начислении декретных и, например, для получения кредита (если для этого необходимо полгода проработать в одном месте)?* – Комсомольская правда, 2011.05.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) оснПрилЕд + суфСущ + черед.: *трехпрограммный приемник* (*Понятно, что адепты серьезной аппаратуры могут воспринять*

устройство как глумление из-за явно посредственного звука, а также из-за того, что гаджет сильно напоминает собой... старый **трехпрограммный приемник-радиоточку**. – РБК Daily, 2009.05.18; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **техпрограммник** (Ко всем домам в Москве подведена трансляционная сеть, но для того, чтобы подключить к ней "**трехпрограммник**", нужно заплатить деньги за установку розетки. – «Рекламный мир», 2000.03.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **трехмесячный период** (Однако прогнозы компании на предстоящий **трехмесячный период** и год в целом были скромными. – РБК Daily, 2004.01.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **трехмесячник** (Еще хотелось бы отметить, что **трехмесячник** направлен не только на сохранение рыбных запасов республики, но и на повышение охраны всех природных ресурсов и животного мира. – Комсомольская правда, 2008.10.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **эфэсбэшный опер** (Худющий **эфэсбэшный опер** со злыми глазами «от зарплаты до зарплаты» наспех протянул руку – Комсомольская правда, 2002.08.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **эфэсбэшник** (**Эфэсбэшник** резко обрывает разговор и уходит – Комсомольская правда, 2004.08.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

г) оснПрил1ед + суфСущ + черед. + усеч.: **автоматическое устройство** (Проблем было множество: создать новую герметичную кабину, разработать систему регенерации воздуха, придумать питательную смесь и **автоматическое устройство** для регулярного кормления четвероногих космонавтов. – Труд-7, 2006.07.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **автомат** (Помимо этого, в танке новый программно-технический комплекс, среди других преимуществ – улучшенный **автомат** зарядания. – Новый регион 2, 2011.04.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **академический отпуск** (Последние годы младшие дети актрисы учились в Лондоне, поэтому

Галина была вынуждена взять **академический отпуск** и отправиться с ними в Англию. – Комсомольская правда, 2011.04.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **академка** (*Земфире академка не помогла: А вот звезда российской рок-музыки Земфира была отчислена из МГУ.* – Труд-7, 2006.10.19; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

д) оснПрил1ед + суфСущ + усеч. + афереза: **сверстанный материал** (*Однако в последний момент уже **сверстанный материал** был снят и вышел двумя днями позже в «Львовской газете»* – Комсомольская правда, 2005.09.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **верстка** (*Конечно, мне была известна история с отказом автора от издания так называемой антипавловской книги, знал я и о том, что где-то хранится ее **верстка**, и неоднократно предпринимал неудачные попытки ее получить* – В. П. Зинченко. На пути к восстановлению исторической справедливости (2004) // «Вопросы психологии», 2004.12.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

е) оснПрил1ед + суфСущ + синкопа + черед. + усеч.: **двухколесная повозка** (*В Европе классическая **двухколесная повозка** трансформировалась в кареты и коляски (около 1500 года), главной особенностью которых были поворотные передние оси и рессоры, оберегавшие сиятельных персон от колдобин старинных дорог* – А. Винтов. Тысячелетия колеса // «Техника - молодежи», 1974) – **двуколка** (*Эх, а вот бывает же счастье: однажды перед школой, как раз когда все высыпали во двор на перемену, опрокинулась **двуколка**, а вместе с ней и бочка патоки* – Д. Рубина. На солнечной стороне улицы (1980-2006); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **двухкомнатная квартира** (*Двухкомнатная квартира в блочной хрущевской пятиэтажке имела такой вид, как будто обыск закончился два часа тому назад* – Л. Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **двушка** (*Средняя «**двушка**» у нас сегодня обходится в два с половиной*

миллиона – Комсомольская правда, 2011.03.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Сущ1мн + Прил1мн

Причиной существования данной модели является частотность употребления элементов словосочетания в форме множественного числа. При этом не всегда наблюдается грамматическое соответствие между исходным словосочетанием и тождественным ему универбом. Такое несоответствие (форма множественного числа компонентов исходного словосочетания – форма единственного числа соответствующего универба), по нашему мнению, обусловлено наличием в универбе значения собирательности.

а) оснПрил1мн + суфСущ: *летние растения* (*Стебли его особенные, не такие, как у **летних растений*** (Л. П. Шумова. Основные отделы растений (2003) // «Биология», 2003.10.08); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *летник* (*В конце неразъезженного, подернутого крапчатой зеленью **летника** застыл разлапистый крест ветряка* (С. Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995-1996); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *левые доходы* (*Не принято даже решений о каком-либо дополнительном контроле за крупными покупками, по которым на Западе обычно отслеживаются «**левые доходы**» неплательщиков налогов* – Труд-7, 2007.09.05; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *левак* (*Зарплата здесь, конечно, маленькая, но на «**левак**» я в этом году уже прикупила стиральную машину и музыкальный центр, – не скрывала торжества Люся* – Комсомольская правда, 2004.09.06; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснПрил1мн + суфСущ + черед.: *валяные сапоги* (*Зимой инвалиду выдавались **валяные сапоги** с кенгами – большими кожаными галошами* (Д. А. Засосов, В. И. Пызин. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов (записки очевидцев) (1976); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *валенки* (*Например, список вещей, забытых в трамвае,*

где встречаются не только тривиальные калоши и **валенки**, но и граммофон, клетка с живыми чижами и даже печатная машинка марки "Ундервуд" (А. Гулина. Старая Москва (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.11.06; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) оснПрил1мн + суфСущ + усеч.: *автокосметические средства* (Здесь всегда предложат **автокосметические средства** в широком ассортименте – Комсомольская правда, 12.10.2011) – *автокосметичка* (**Автокосметичку** сейчас можно приобрести почти на каждой заправке или СТО – Комсомольская правда, 23.07.2011); *малярные работы* (**Малярные работы**, покраска, подготовка поверхностей, подготовка краски и инструмента – Труд-7, 2008.07.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *малярка* (**Малярка** сейчас оценивается не столь дорого – Комсомольская правда, 21.04.2012); *боксерские трусы* (Но перед боем мне пошили шикарные **боксерские трусы**, в цвет российского триколора – Комсомольская правда, 2005.07.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *боксерки* (К тому же женские плавочки теперь напоминают типичные мужские «**трусы-боксерки**» – Комсомольская правда, 2002.10.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

г) оснПрил1мн + суфСущ + черед. + усеч.: *косметические средства* (Когда на самом деле крема и мази фирмы зарегистрированы как **косметические средства** и к лечению не имеют никакого отношения – Новый регион 2, 2011.03.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *косметика* (Доля проданных товаров категории «**Косметика и парфюмерия**» снизилась на 4,7% – РБК Daily, 2011.04.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *автоматические пробки* (На это Селенчук Костя из сто девятой, мастер-электрик, возразил, что был у Кравцова с предложением поставить почти даром **автоматические пробки** для электричества и видел его квартиру. (А. Слаповский. Любовь по-нашему // «Знамя», 2003); Национальный корпус

русского языка; www.ruscorpora.ru) – *автоматы (Автоматы питания обеспечивают последний уровень защиты от ударных токов короткого замыкания – «Горная промышленность», 2004; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).*

4.2.2. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Прил1 + Сущ1

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «прилагательное + прилагательное + существительное». Второе прилагательное является, как правило, уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

1Прил1ед + 2Прил1ед + Сущ1ед

а) осн1Прил1ед + суфСущ: *вареная джинсовая ткань (А что такое вареная джинсовая ткань, вы помните? – Комсомольская правда, 2009.08.19; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – варенка (Единственное отступление в сторону прошлого сезона – варенка, преимущественно серого цвета, высветленная только на коленях. – Труд-7, 2008.03.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

б) осн1Прил1ед + суфСущ + черед.: *беспилотный летательный аппарат (Беспилотный летательный аппарат (БПЛА) США совершил в понедельник воздушный налет на базу боевиков в северо-западном Пакистане, убито по крайней мере пять боевиков, сообщают пакистанские телеканалы со ссылкой на армейские источники. – РИА Новости, 2010.04.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – беспилотник (Американский беспилотник уничтожил на пакистанской территории 11 боевиков, в том числе – восемь иностранцев. – Известия, 2010.10.06; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); восьмигранное геометрическое тело (Это здание слегка походило на восьмигранное геометрическое тело. – АиФ, 21.09.2008) – восьмигранник (Впрочем, многие асы турнира подержали в руках восьмигранник и в один голос заявили, что*

хотели бы им сыграть. – Комсомольская правда, 2002.01.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) осн1Прил1ед + суфСущ + усеч.: *большегрузное транспортное средство (Стоящее же на дороге **большегрузное транспортное средство** создает опасность для других водителей, – сообщили в областном управлении ГИБДД.* – Новый регион 2, 2010.12.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *большегруз (Напомним, во время загрузки в «КамАЗ» угля на экскаватор и **большегруз** сошло более 50 тыс. куб. м грунта.* – Новый регион 2, 2011.02.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

г) осн1Прил1ед + суфСущ + черед. + усеч.: *временная железная печка (Посреди комнаты стояла **временная железная печка.** – монахиня Игнатия (Петровская), А. Беглов. Патерик новоканонизированных святых (2000-2001) // «Альфа и Омега», 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *временка (Печка-**временка**, маленький стол, табурет и штабной телефон в ящике, а на столе книга, освещенная коптилкой.* – С. Пилявская. Грустная книга (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).*

4.2.3. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1 + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «прилагательное + существительное + существительное». Второе существительное является, как правило, уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Прил1ед + Сущ1ед + Сущ2ед

а) осн1Прил1ед + суфСущ + усеч.: *активная часть коллектива (А затем, как по команде (а может, и по команде), вся **активная часть коллектива** повалила к выходу.* – Труд-7, 2005.05.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *актив (Местный **актив** по-своему*

выложился, так как он умеет это делать – то есть людей нагнали, автобусы в город подтянули, встречу лидеру организовали. – Новый регион 2, 2009.12.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснПрил1ед + суфСущ + черед. + наращ.: *восьмая модель автомобиля* (Он стал счастливым обладателем **восьмой модели автомобиля** «Жигули». – КП, 02.10.2004) – *восмерка* (Вскоре желтая **восмерка** Бизантиума съехала вниз, и над полем раздался протяжный рев – вверх поплыло красное оркское полотнище с золотой спастикой. – В. Пелевин. S.N.U.F.F (2011); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) оснПрил1ед + суфСущ + ассим.: *высшая мера наказания* (Вместе с тем, 35,8% из 600 опрошенных одесситов в возрасте от 18 лет категорически против, чтобы смертная казнь использовалась как **высшая мера наказания**. – Новый регион 2, 2009.08.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *вышак* (Большинство из них было потом осуждено и расстреляно. Однако "**вышак**" помогает мало. – Труд-7, 2007.07.19; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Прил1ед + Сущ1ед + Сущ2мн

а) оснПрил1ед + суфСущ + усеч.: *вторичное обращение паёв* (Тем не менее, **вторичное обращение паёв** ЗПИФН и, в частности, их обращение на организованном рынке – это желаемая перспектива». – М. Кирьянов. Движение недвижимого (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.08.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *вторичка* (И не только «**вторичка**» живет по таким законам. – Комсомольская правда, 2006.08.29; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *американский сорт гонок* (Рассуждать об успехе или неудаче этого эксперимента, о том, приживется ли **американский сорт гонок** на европейской почве, сейчас не очень уместно – Д. Ситник. CART: в тени трагедии (2001) // «Формула», 2001.11.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *американка* (**Американка** буквально возродилась

из пепла, после того как ее списали было со спортивных счетов несколько лет назад – Комсомольская правда, 2001.08.31; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснПрил1ед + суфСущ + черед. + усеч.: *автоматическая коробка передач (Вместе с двигателем будет ставиться новая 8-ступенчатая автоматическая коробка передач, обладающая неплохой экономичностью.* – РБК Daily, 2011.04.254; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *автомат (В паре с каждым из них работает на выбор шестиступенчатая механика или **автомат**, пришедшие на смену пятиступенчатым аналогам.* – РБК Daily, 2011.03.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.4. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1 + Сущ2 + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «прилагательное + существительное + существительное + существительное». Два существительных в форме родительного падежа являются, как правило, уточняющими элементами в словосочетании. Отмечается следующие разновидности данной модели.

Прил1ед + Сущ1ед + Сущ2ед + Сущ2ед

а) оснПрил1ед + суфСущ + усеч. + черед.: *безотвальный способ обработки почвы (Устименко 2004, с. 22) – безотвалка (За последние пять лет «безотвалка» помогла хозяйству повысить плодородные пашины, поднять урожаи зерновых – Правда, 12.08.1979).*

Прил1ед + Сущ1ед + Сущ2ед + Сущ2мн

а) оснПрил1ед + суфСущ + усеч.: *безлимитный способ оплаты услуг (Здесь все просто: человек захотел чему-то научиться, позвонил-записался, выбрал безлимитный способ оплаты услуг, и (тоже ведь мелочь) ему не надо звонить, подтверждать оплату, мучительно посылая квитанцию по факсу – «Бизнес-журнал», 2004.08.17; Национальный корпус русского языка;*

www.ruscorpora.ru) – *безлимитка* (**Безлимитка** рассчитана на три весенних месяца – март, апрель, май – Комсомольская правда, 2010.03.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснПрил1ед + суфСущ + черед. + усеч.: *безналичная форма оплаты услуг* (Могут заплатить наличкой, могут воспользоваться **безналичной формой оплаты услуг**, через близкие к администрациям банки – Комсомольская правда, 2007.03.07) – *безнал* (Наши парковальные автоматы позволяют заплатить за парковку по **безналу** с помощью электронных карт – Комсомольская правда, 2011.01.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.5. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1 + Прил2 + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «прилагательное + существительное + прилагательное + существительное». Прилагательное и существительное в форме родительного падежа являются уточняющими элементами в словосочетании. Отмечается следующие разновидности данной модели.

Прил1ед + Сущ1ед + Прил2ед + Сущ2ед

а) оснПрил1ед + суфСущ + черед. + усеч.: *выгороженная часть съемочной площадки* (Все этому способствовало, все компоненты были в порядке: необычная, им придуманная **выгороженная часть съемочной площадки**, свет, оркестр на сцене, музыка Листа из «Тассо». – М. Козаков. Актерская книга (1978-1995); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *выгородка* (Сцена, **выгородка**, актеры – они произносят текст, пытаясь создать характеры, и текст Гришковца оказывается встроен в классическую постановочную схему. – «Известия», 2002.02.25; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.6. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1 + Предл + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «прилагательное + существительное + предлог + существительное». Существительное в форме родительного падежа с предлогом является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечается следующие разновидности данной модели.

Прил1ед + Сущ1ед + Предл + Сущ2ед

а) оснПрил1ед + суфСущ + черед. + усеч.: *выгороженное место для скота* (Фермер показал нам **выгороженное место для новорожденных ягнят**. – Комсомольская правда, 2009.04.22) – *выгородка* (В углу – **выгородка**, где обсыхают новорожденные телята, козлята, ягнята. – Б. Екимов. Проснется день... (1997); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

4.2.7. Модели универбализации на базе конструкции Прил1 + Сущ1 + Предл + Сущб

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «прилагательное + существительное + предлог + существительное». Существительное в форме предложного падежа с предлогом является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечается следующие разновидности данной модели.

Прил1ед + Сущ1ед + Предл + Сущбед

а) оснПрил1ед + суфСущ + усеч.: *вечерняя смена на производстве* (Еще он хочет, чтобы **вечерняя смена на производстве** заканчивалась не в 23 часа, а в 22: продавцов, конечно, развозят до метро или до ж/д-станций, но им потом в темноте домой от остановки добираться опасно: вокруг ни души. – Труд-7, 2010.01.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *вечерка* (Сегодня последний день работаю в ночь. После выходного выйду в «**вечерку**» – Наш современник, 10, 1882; 478, с. 40).

4.2.8. Модели универбализации на базе конструкции Прич1 + Предл + Сущ4 + Сущ1

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «причастие + предлог + существительное + существительное». Существительное в форме винительного падежа с предлогом является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечается следующие разновидности данной модели.

Прич1ед + Предл + Сущ4ед + Сущ1ед

а) оснПрич1ед + суфСущ + черед. + усеч.: *возвращенный на родину эмигрант* (Савин приобрел статус **возвращенного на родину эмигранта**. – Комсомольская правда, 2007.09.11; 478, с. 43) – *возвращенец* («До отъезда я был начальником и получал около 70 тысяч, теперь я рядовой клерк с зарплатой 40 тысяч, да еще и с разбомбленной квартирой», – сетует **возвращенец**. – Труд-7, 2010.03.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.9. Модели универбализации на базе конструкции Нар + Прич1 + Сущ1

В этом случае универбы возникают на базе адвербиальной конструкции «наречие + причастие + существительное». Отмечается следующие разновидности данной модели.

Нар + Прич1ед + Сущ1ед

а) оснНар + суфСущ + усеч.: *гармонически развитый человек* (Надо стремиться к античному идеалу **гармонично развитого человека**. – Комсомольская правда, 2003.01.21; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *гармонист* (Весельчак и «**гармонист**», он всю войну прошел рядовым солдатом на передовой и – редчайший случай – ни разу не был ранен. – Известия, 2009.05.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.10. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Сущ2.

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «существительное + существительное». Отмечается следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Сущ2ед

а) оснСущ2ед + суфСущ: *работник аппарата* (*Лучше запасись дополнительной копией данного документа, на которой **работник аппарата** суда может ставить штамп суда с указанием даты поступления документа, своей подписи.* – Труд-7, 2004.02.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *аппаратчик* (*Например, один из худеющих, кремлевский **аппаратчик**, обожающий дорогие иномарки, недавно приобрел новенький BMW.* – Комсомольская правда, 2010.01.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *жена банкира* (***Жена банкира**, как выясняется, была десятой по счету богатой заложницей, выкраденной упомянутым полковник-лейтенантом, который занимался своим промыслом с 1996 года!* – Труд-7, 2005.03.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *банкирша* (*Одетая, как правило, простенько (в трикотажную кофточку и юбку в цветочек или горошек), **банкирша** кокетливо примеряет свои шляпки, создавая колоритные образы.* – Труд-7, 2007.05.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *сотрудник ДПС* (*В Подмосковье **сотрудник ДПС** задержан при получении взятки* – Новый регион 2, 2011.04.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *дэпээсник* (*Этого страуса Ленька зовут, – выступил в роли любящего свое дело экскурсовода **дэпээсник**, – в честь начальника нашего* – Комсомольская правда, 2005.06.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

б) оснСущ2ед + суфСущ + черед.: *жена генерала* (*Не ударила в грязь лицом и жена генерала Шпака.* – Комсомольская правда, 2005.08.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *генеральша* (*Генеральша Римма тоже работала: преподавала немецкий в военном училище, но ее рабочий день всегда заканчивался в три.* – Труд-7, 2009.07.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *мясо барана* (*Одно из самых распространенных – мясо барашка, нарезанное крупными кусками и приготовленное на углях под сачем, то есть под специальной высокой и широкой металлической крышкой конусообразной формы.* – Труд-7, 2008.07.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *баранина* (*Есть, конечно, варианты привозить лакомое мясо из других регионов, из Тувы, например, но это сулит уже большие расходы, и такая баранина все равно будет дороже, чем с соседнего Алтая.* – Комсомольская правда, 2011.04.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) оснСущ2ед + суфСущ + усеч. + черед.: *детеныш кенгуру* (*В зоопарке отметили, что в настоящий момент детеныши кенгуру Беннета еще живут в материнских сумках, но уже с интересом выглядывают оттуда и даже изредка выбираются наружу.* – РИА Новости, 2010.07.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *кенгуренок* (*Сразу после рождения кенгуренок ползет в сумку матери, забирается внутрь и повисает на соске.* – Новый регион 2, 2010.04.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

г) оснСущ2ед + суфСущ + наращ.: *житель Африки* (*Не исключено, что европейцы и жители Африки случайно достигали берегов тропической Америки.* – РИА Новости, 2008.10.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *африканец* (*Чернокожие африканцы, в основном выходцы из Нигерии и Кении, бегут из Ливии.* – Новый регион 2, 2011.02.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *сотрудник КГБ* (*О том, что он будет заниматься антитеррором, молодой сотрудник КГБ*

узнал, уже пройдя все испытания – Труд-7, 2009.07.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *кагэбэшник* (Самую лестную характеристику дал мне один *кагэбэшник*, когда закрывали альманах «Метрополь»: «А этот Битов делал все что хотел» – Труд-7, 2010.01.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Сущ1ед + Сущ2мн

а) оснСущ2мн + суфСущ + наращ.: *ловец бобров* (В нашу бытность здесь 74 человека алеут находились у мыса Мендосино *ловцами бобров*, которые водятся между сим мысом и заливом Троицы (Trinidad), хотя и не в большом количестве – В. М. Головнин. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головинным (1822); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *бобровник* (Затем следует многочисленное сословие княжеских слуг как вольных, так и холопов со всеми возможными подразделениями по своим занятиям; в грамотах встречаются: дьяки, казначеи, ключники, пристава, тиуны, доводчики, таможенники, даньщики, ямщики, боровщики, *бобровники*, бортники, закосники, неводчики, ловчане, рыболовы, гончары, конюхи, садовники, источники, поездовые, псаря, ястребьи; подвозники медовые, меховые и кормовые. – Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества (1858); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.11. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Сущ2 + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «существительное + существительное + существительное». Первое существительное в форме родительного падежа является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + 1Сущ2ед + 2Сущ2ед

а) осн2Сущ2ед + суфСущ: *библиотека имени Ленина* (Есть **Библиотека имени Ленина**, я в ней была. – Труд-7, 2007.11.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Ленинка* (Зазывают к себе Музей мирового океана в Калининграде, музей-усадьба Льва Толстого "Ясная Поляна", музей-заповедник "Царское Село" под Санкт-Петербургом, Российская государственная библиотека ("**Ленинка**") и Историческая библиотека в Москве. – Труд-7, 2009.04.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *институт имени Менделеева* (Родился в СССР, окончил Московский **институт имени Менделеева**. – Комсомольская правда, 2003.11.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Менделеевка* (Конкурс в **Менделеевку** нынче в среднем 2-3 человека на место. – Труд-7, 2001.07.24; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) осн2Сущ2ед + суфСущ + усеч.: *библиотека имени Вернадского* (Хотя наряду, например, с сайтом **библиотеки имени Вернадского** украинским детям разрешено посещать интернет-представительства – КПВУ, 2010.10.26) – *Вернадка* (Много исторических материалов со всех регионов страны можно найти в **Вернадке** в Киеве – КПВУ, 2013.03.11);

в) осн2Сущ2ед + суфСущ + наращ.: *библиотека имени Горького* (За прошедший период в стенах института запроективаны сотни жилищно-гражданских объектов для областного центра, среди которых кинотеатр «Кристалл», здание «Пермэнерго», Дворец творчества юных, Культурно-деловой центр, **библиотека имени Горького** и другие, ставшие визитной карточкой Перми объекты, а также целые кварталы и микрорайоны – А. Шептуха. На благо родного города (2003) // «Пермский строитель», 2003.06.05; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *Горьковка* (Достоверно же известно следующее: Петровский отменил решение Ученого Совета филфака, но отстранил Дувакина от преподавания и направил его в должности старшего научного сотрудника в Научную библиотеку МГУ, более известную как «**Горьковка**» – Р. М. Фрумкина. О нас

– наискосок (1995); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.12. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Сущ5

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «существительное + существительное». Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1 + Сущ5ед

а) оснСущ5ед + суфСущ: *больной туберкулезом (В текущем году уже выявлен 589 больной туберкулезом. – Новый регион 2, 2011.04.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – туберкулезник (Хронический туберкулезник и алкоголик так надоел своим родственникам, что они решили отселить его за пределы столицы. – Комсомольская правда, 2002.10.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

б) оснСущ5ед + суфСущ + усеч.: *больной туберкулезом (Вот, например, едете вы в общественном транспорте, а на вас чихнул больной туберкулезом. – Комсомольская правда, 2009.04.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – тубик (Куркуль недорезанный. Тубик. И тут меня стукнула идея. – В. Шукшин. Три грации (1970-1974); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

в) оснСущ5ед + суфСущ + наращ.: *больной астмой (Это напрямую помогает, например, больным астмой или бронхитом, снимает депрессию и бессонницу – «Наука и жизнь», 2008; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – астматик (Владимирские медики настоятельно советуют людям со слабым сердцем и заболеваниями бронхов и легких, астматикам, не погружаться в ледяную воду. – Комсомольская правда, 2011.01.18; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).*

4.2.13. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «существительное + предлог + существительное». Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Предл + Сущ2мн

а) оснСущ2мн + суфСущ + черед.: *сумка для бумаг (Им нужна не просто сумка для бумаг, скорее – полевой планшет. – Комсомольская правда, 2010.10.11) – бумажник (И наивно просил прислать ему новый бумажник, так как его совсем прохудился. – Комсомольская правда, 2011.03.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

б) оснСущ2мн + суфСущ + наращ.: *пристанище для бомжей (Проверка показала, что этот подвал давно уже стал пристанищем для бомжей. – АиФ, 2010.01.03) – бомжатник (Двор захламлен, забора нет, шторы висят лишь бы как, окна грязные, в доме настоящий бомжатник, дом не отапливается, оконные рамы одинарные. – Комсомольская правда, 2009.02.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).*

4.2.14. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + 1Сущ2 + 2Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «существительное + предлог + существительное + существительное». Первое существительное в форме родительного падежа с предлогом является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Предл + 1Сущ2ед + 2Сущ2ед

осн2Сущ2ед + суфСущ + наращ.: *посуда для приготовления гуся (Обычно тушку разрезают на 6-8 кусков: ножки, бедрышки, крылышки, грудка, а затем жарят в специальной посуде для приготовления гуся на среднем огне. – Труд-7, 2009.12.30; Национальный корпус русского языка;*

www.ruscorpora.ru) – *гусятница* (В идеале подходят чугунная гусятница или казан. – Комсомольская правда, 2006.03.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.15. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Прил2 + Сущ2.

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + прилагательное + существительное». Существительное в форме родительного падежа является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Прил2ед + Сущ2ед

а) оснПрил2ед + суфСущ: *жук бронзового окраса* (При этом объяснил, что этот **жук бронзового цвета** есть душа сохатого, который сейчас где-нибудь спит. – В. К. Арсеньев. Сквозь тайгу (1930); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *бронзовка* (Он нарезал стружек и сунул их под хвост, потом достал спички, и едва открыл коробок, как **бронзовка** вылезла из него и с жужжанием полетела к лесу. – В. К. Арсеньев. Сквозь тайгу (1930); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *студент вечернего отделения* (**Студент вечернего отделения Самарского института управления Александр Мижнев** два года проработал на 9 ГПЗ оператором ЧПУ, но попал под сокращение. – Комсомольская правда, 2009.07.31; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *вечерник* (**Вечерник**, определил Гастев, или заочник – узнал преподавателя и попытается выжать из него что-либо. – А. Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснПрил2ед + суфСущ + усеч.: *работник аварийной службы* (Благодаря бдительности жителей соседних домов и оперативным действиям **работников аварийной службы** удалось предотвратить угрозу взрыва газа. – Новый регион 2, 2008.04.10; Национальный корпус русского

языка; www.ruscorpora.ru) – *аварийщик* (*Да и нынешняя его профессия газовика-аварийщика тоже предполагает постоянную готовность к "нештатному" поступку.* – Труд-7, 2007.01.13; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *владелец бакалейного магазина* (*Владелец бакалейного магазина Сазанов заявил полиции о краже у него из кассы 400 руб.* – «Голос Москвы», 1909; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *бакалейщик* (*И кондитерша, и бакалейщик, и даже вспомогательный состав грузчиков испытывали необъяснимую неприязнь к рыбному прилавку, и иногда коллектив вяло переговаривался между собой об этом, строя незатейливые планы по выживанию татарина из магазина.* – Д. Липскеров. Последний сон разума (1999); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) оснПрил2ед + суфСущ + черед.: *работник автобусного транспорта* (*Второе место заняли работники автобусного транспорта* – «Сталинское знамя», 1951.09.29; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *автобусник* (*Районные автобусники редко приносят прибыль даже на новой технике.* – Труд-7, 2002.09.24; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *владелец автопромышленного производства* (*Известный владелец автопромышленного производства Генри Форд придерживался такого мнения: Думать – самая трудная работа; вот, вероятно, почему этим занимаются столь немногие.* – Труд-7, 2000.06.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *автопромышленник* (*Автопромышленник не скупился на дорогую рекламу: арендовав Эйфелеву башню, он разместил на ней сверху громадную надпись «Ситроен».* – РИА Новости, 2008.02.05; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

г) оснПрил2ед + суфСущ + черед. + усеч.: *член Аграрной партии* (*Однако, по данным Newsweek, это место не достанется Сухих, т.к. еще осенью было обещано Путиным бывшему лидеру аграрной партии Владимиру Плотникову.* – Новый регион 2, 2009.02.25; Национальный корпус

русского языка; www.ruscorpora.ru) – *аграрий* (*Якобы за нанесенное оскорбление Елизаров должен был выплатить аграрию 500 рублей и извиниться.* – Комсомольская правда, 2005.10.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *работник горнодобывающей отрасли* (*Первый шаг к этой цели лидер горнодобывающей отрасли сделал в конце мая, когда «дочка» холдинга – BHP Billiton Diamonds – объявила о покупке за 282 млн долл.* – РБК Daily, 2008.07.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *горняк* (*«Может быть, тогда народ образумится», – считает горняк.* – Труд-7, 2010.05.23; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

д) оснПрил2ед + суфСущ + ассим.: *мука высшего сорта* (*Сейчас мука высшего сорта с Алтая стоит 11 рублей за кило, если покупаешь мешок.* – Комсомольская правда, 2009.09.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *вышка* (*Наибольший разброс цен обнаружился на Михеевском рынке в Металлургическом районе: здесь можно приобрести самые дешевые рис, хлеб, животное масло и яйцо, но зато «вышка» и говядина стоят дороже, чем на других рынках Челябинска.* – Новый регион 2, 2004.10.19; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Сущ1ед + Прил2мн + Сущ2мн

а) оснПрил2мн + суфСущ + черед.: *боец десантных войск* (*Главным аргументом ее стал тот факт, что «во время войны отец Виктора, сержант десантных войск, был ранен, освобождая столицу Украины, за что получил боевую медаль»...* – Советский спорт, 2008.01.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *десантник* (*Но чуть ли не первым удавшимся хуком в челюсть наш бывший десантник отправил Арловского в глубокий нокаут.* – Труд-7, 2011.02.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *строитель высотных сооружений* (*Благодаря сетчатой структуре стальная оболочка Шуховской башни на Шаболовке воспринимает минимальную ветровую нагрузку, представляющую главную опасность для монтажников высотных*

сооружений. – РИА Новости, 2007.10.25; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *высотник (Он **высотник** и, вися между 9-м и 10-м этажом, на сильном сквозняке простывает и часто задумывается о своем здоровье.* – Комсомольская правда, 2009.10.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.16. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Прил2 + Сущ2 + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + прилагательное + существительное + существительное». Существительные в форме родительного падежа являются уточняющими элементами в словосочетании. Отмечается следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Прил2ед + Сущ2ед + Сущ2ед

а) оснПрил2ед + суфСущ + черед.: *спортсмен водномоторного вида спорта* (Устименко 2004, с. 42) – *водномоторник (По дорогам Литвы продолжается авторалли, в Воронеже проходят состязания водномоторников* – Правда, 04.08.1975);

б) оснПрил2ед + суфСущ + черед. + усеч.: *работник аграрного сектора экономики (Снижение объемов лесокультурных работ на землях Минсельхоза должно особенно насторожить работников **аграрного сектора экономики**, лесоводов и местные власти, так как это чревато ухудшением экологической ситуации, а в будущем – недобором сельскохозяйственной продукции («Лесное хозяйство», 2004.04.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – аграрий (Из них трое бывшие военнослужащие, один **аграрий**, один госслужащий и один предприниматель, сообщает костромская ГТРК (КП, 2011.02.09; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).*

4.2.17. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Сущ3

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «существительное + предлог + существительное». Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Предл + Сущ3ед

а) оснСущ3ед + суфСущ + черед.: *специалист по акустике* (Американский *специалист по акустике объявил, что вдали слышны шумы еще одной лодки, и в этот же момент «немец» взорвался словно сам по себе* – Комсомольская правда, 2006.06.21; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *акустик* (*Акустик не слышал движения японского танкера, так как он шумит довольно слабо* – РИА Новости, 2007.01.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

4.2.18. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Сущ6 + Прил2 + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + предлог + существительное прилагательное + существительное». Существительное в форме предложного падежа и существительное в форме родительного падежа являются уточняющими элементами в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Предл + Сущ6ед + Прил2ед + Сущ2ед

а) оснПрил2ед + суфСущ + черед.: *специалист в области авиационной техники* (Устименко 2004, с. 9) – *авиационник* (*Он изучает опыт американских авиационников на заводах «Дуглас», «Валти», из Нью-Йорка летит в Калифорнию* – Комсомольская правда, 28.10.1981);

б) оснПрил2ед + суфСущ + усеч.: *специалист в области аналитической деятельности* (*Старший специалист в области аналитической деятельности центра «ОМТ-Консалт» Михаил Мулгачев говорит, что*

автолюбители запасаются топливом впрок – Комсомольская правда, 2011.05.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *аналитик* (*Помимо непосредственного освоения месторождений у компаний есть также взаимная заинтересованность в объектах инфраструктуры на юге, соглашается аналитик «Тройки Диалог» Валерий Нестеров* – РБК Daily, 2011.04.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Сущ1ед + Предл + Сущбед + Прил2мн + Сущ2мн

а) оснПрил2мн + суфСущ + усеч.: *специалист в области компьютерных технологий* (*В последние годы мы с моим мужем Емельяном, предпринимателем в области компьютерных технологий, и дочкой Васей лето проводим в Италии, недалеко от Пизы* – Л. Вертинская. Синяя птица любви (2004); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *компьютерщик* (*Во дворе дома Евгения незаметно рассталась с компьютерщиком и вдоль темной замшелой стены Зачатьевского монастыря вышла на набережную* – Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.19. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Прилб + Сущб

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + предлог + прилагательное + существительное». Существительное в форме предложного падежа является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Предл + Прилбмн + Сущбмн

а) оснПрилбмн + суфСущ + черед.: *фильм о боевых действиях* (*В 2009 году на экраны вышел очередной фильм о боевых буднях «Путь», в котором Чащина сыграла одну из главных ролей* – Комсомольская правда, 2011.03.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *боевик* (*На экране разгорелся настоящий боевик, героями которого стали бойцы*

элитного подразделения спецназа ВМС США *Naval Special Warfare Development Group* – Комсомольская правда, 2011.05.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru).

4.2.20. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + ПрилЗ + СущЗ

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + предлог + прилагательное + существительное». Существительное в форме дательного падежа является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Предл + ПрилЗед + СущЗед

а) оснПрилЗед + суфСущ + черед.: *специалист по атомной физике* (*В атомную эру немало талантливых евреев работает специалистами по атомной физике* – В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *атомник* (*Такой прием еще лет 20 назад начал применять на Северном флоте известный советский подводник-атомник Герой Советского Союза вице-адмирал Евгений Чернов* – Труд-7, 2000.08.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru);

б) оснПрилЗед + суфСущ + усеч.: *специалист по атомной физике* (*Это будет хороший разговор умного нацистского разведчика с умным нацистским ученым: после ареста гестаповцами специалиста по атомной физике Рунге Штирлиц не забывал время от времени подстраховывать себя – и не как-нибудь, а обстоятельно и всесторонне* – Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны (1968); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru) – *атомщик* (*Дед произвел на Ромма такое сильное впечатление, что он даже носился с мыслью пригласить Тамма на роль старого атомщика Синцова* – Л. И. Вернский. Светлячки памяти (1995); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgora.ru);

в) оснПрилЗед + суфСущ + черед. + усеч.: *специалист по автоматическому оборудованию* (Не случайно возглавляет наш институт **специалист по автоматическому оборудованию** – кандидат физико-математических наук Г.Н. Мухелишвили – В. Станцо. Институт стабильных изотопов // «Химия и жизнь», 1968; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *автоматчик* (Снизу, в стеклянной будке, сидел **автоматчик**, следивший за эскалатором – Д. Глуховский. Метро 2033 (2005); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Сущ1ед + Предл + ПрилЗмн + СущЗмн

а) оснПрилЗмн + суфСущ + усеч.: *специалист по компьютерным технологиям* (Кстати, среди профессий, по которым могут работать инвалиды, есть достаточно престижные: программист, веб-дизайнер, верстальщик, **специалист по компьютерным технологиям...** – Труд-7, 2003.12.03; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *компьютерщик* (Я по первому образованию **компьютерщик**, так вот, разные программы базируются на одних и тех же блоках – Новый регион 2, 2011.02.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснПрилЗмн + суфСущ + черед.: *специалист по взрывным работам* (Мы специально выкладываем цепь зарядов, потому что одиночные взрывы эффекта не дают, – рассказал «Комсомолке» главный **специалист по взрывным работам** Федор Богер – Комсомольская правда, 2009.04.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *взрывник* (Оказалось, что он профессиональный **взрывник** и действительно накануне имел дело с взрывчаткой – Комсомольская правда, 2011.02.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *специалист по восточным странам* (Участники: генеральный директор компании КРОК Борис Бобровников, региональный **директор по восточным странам**, 3Com Крис Хаггетт и др. – РИА Новости, 2009.06.24; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *восточник* (Последний – **восточник**, знает меня по моим работам, пришел познакомиться и выразить свое

чувство уважения и проч. – П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. №1 (1923-1924); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.21. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Предл + Прил5 + Сущ5

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + предлог + прилагательное + существительное». Существительное в форме творительного падежа с предлогом является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечается следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Предл + Прил5мн + Сущ5мн

а) оснПрил5мн + суфСущ + усеч. + наращ.: *растение с ворсистыми соцветиями* (Украшением сада, безусловно, станут **растения с ворсистыми соцветиями** – Комсомольская правда, 2008.12.12) – *ворсянка* (В гравийном садике обязательно должны расти «архитектурные» растения, которые привлекают внимание своими размерами, формой, необычными листьями, например, коровяк олимпийский, **ворсянка**, ковыль, фенхель, дягель, маклейя – Т. Койсман. От альпинария к цветнику (2003) // «Сад своими руками», 2003.09.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.22. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Прич1 + Прил5 + Сущ5

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + причастие + прилагательное + существительное». Существительное в форме творительного падежа является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечается следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Прич1ед + Прил5ед + Сущ5ед

а) оснПрилБед + суфСущ + черед.: *спортсмен, занимающийся вольной борьбой (Получив награду «Спортивная слава Красноярья-2008», самый именитый спортсмен мира, занимающийся вольной борьбой (в активе Бувайсара три олимпийских «золота», по шесть титулов чемпиона Европы и планеты), признался, что это его последний трофей в качестве действующего борца – Комсомольская правда, 2009.06.05; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – вольник (И во время этих соревнований именитый **вольник** наверняка устроит мастер-классы для начинающих борцов – Комсомольская правда, 2009.06.05; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

б) оснПрилБед + суфСущ + черед. + усеч.: *спортсмен, занимающийся классической борьбой (Косарь знал его, это был **спортсмен**, ранее занимавшийся классической борьбой: его все называли просто – Борец – А. Мельник. Авторитет (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – классик («**Классик**» Карелин при галстуке, «вольник» Сайтиев – без, в расстегнутой на две верхние пуговицы рубашке – Советский спорт, 2010.03.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).*

4.2.23. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Числ-Прил2

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + числительное-прилагательное». Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Числ-Прил2мн

а) осн Числ-Прил2мн + суфСущ: *поколение восьмидесятых (Но даже в эти годы возможность «не-работать» на благо общества еще не рассматривается, поэтому инерция воспитательной системы, сохранившей к восьмидесятым годам только пышность фраз о необходимости труда, сформирует **поколение восьмидесятых** в старых советских идеалах, и оно станет сетовать – С. Леонтьева. Трудовое детство // «Отечественные*

записки», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *восьмидесятники (Представители поколения, не вошедшего в историю искусства как "восьмидесятники", впервые решили собраться вместе на большой серьезной выставке – Известия, 2006.02.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); поколение шестидесятых (Блистательное поколение шестидесятых годов разбилось о стену – А. Городницкий. «И жить еще надежде» (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – шестидесятники (Были фронтовики – Чухрай, Бондарчук, потом шестидесятники – Тарковский, Шепитько – Труд-7, 2010.12.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).*

4.2.24. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Числ-Прил2 + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + числительное-прилагательное + существительное». Отмечается следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Числ-Прил2ед + Сущ2ед

а) оснЧисл-Прил2ед + оснСущ2ед + интерф + суфСущ: *ученик второго класса (Ученик второго класса подал в суд на своего педагога, обвинив его в том, что тот заставляет его подметать школьный двор – Труд-7, 2003.01.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – второклассник (И даже внук Дима, пока что второклассник, уже готовит себя к полетам – Комсомольская правда, 2006.08.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); ученик первого класса (В результате ученик первого класса школы №67 получил закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение головного мозга и переломом седалищной кости – Новый регион 2, 2010.11.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – первоклассник (В нашей семье как раз подрастает*

будущий первоклассник – Комсомольская правда, 2009.05.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснЧисл-Прил2ед + оснСущ2ед + интерф + черед. + суфСущ: *ученик восьмого класса* (*Мы обязаны помнить этот день!* – пишет в анкете *ученик восьмого класса* – Труд-7, 2002.05.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *восьмиклассник* (*В Верхней Пышме освобожден восьмиклассник, похищенный ради выкупа* – Новый регион 2, 2010.05.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *ученик шестого класса* (*Мой сосед, ученик шестого класса средней школы N 698 Андрей, дал мне свое диковатое определение: "Это такая религия, где занимаются групповым сексом"* – Труд-7, 2001.06.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *шестиклассник* (*Шестиклассник Владислав Мусихин из Ессентуков – круглый отличник* – Комсомольская правда, 2010.05.25; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) оснЧисл-Прил2ед + оснСущ2ед + усеч. + интерф + суфСущ: *ученик первого класса* (*Им оказался ученик первого класса интерната N73 для детей с психическими отклонениями* – Труд-7, 2008.07.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *первоклашка* (*То есть любой будущий первоклашка получит место в школе своего района* – Комсомольская правда, 2011.03.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.25. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Сущ5 + Предл + Числ-Сущ4 + 1Сущ2 + 2Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «существительное + существительное + предлог + числительное + существительное + существительное». Существительное в форме родительного падежа является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Сущ5ед + Предл + Числ-Сущ4ед + 1Сущ2мн + 2Сущ2мн

а) оснЧисл-Сущ4ед + осн1Сущ2мн + интерф + суфСущ: *гора высотой в восемь тысяч метров* (Это была серьезная вершина – **гора высотой в восемь тысяч метров** – Комсомольская правда, 2009.09.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *восемьтысячник* (Свой первый **восемьтысячник** – Канченджангу (8586 м) – покорил в 22 года – Советский спорт, 2008.06.18; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.26. Модели универбализации на базе конструкции Сущ1 + Числ-Сущ1

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «существительное + числительное-существительное». Отмечается следующие разновидности данной модели.

Сущ1ед + Числ-Сущ1

а) оснЧисл-Сущ1 + суфСущ + наращ.: *оценка «два»* (А не очень справедливые учителя могут поставить **оценку «два»** годовую – Труд-7, 2009.09.29; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *двойка* (У меня есть одна **двойка** по английскому – думаю, мне пока нельзя в цирк – Труд-7, 2010.12.06; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *оценка «пять»* (**Оценку «пять»** получили 25,6% учеников, выбравших для сдачи французский язык, 20,7% сдававших обществознание, 18% – английский язык, 16,6% – химию – РБК Daily, 2008.06.18; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *пятерка* (За каких-нибудь три дня молодым людям приходится выучить весь материал курса, да так, чтоб в зачетке **пятерка** красовалась – Комсомольская правда, 2011.04.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.27. Модели универбализации на базе конструкции **Инф + Прил5**

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «глагол + прилагательное». Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Инф + Прил5ед

а) оснПрил5ед + суфГл + усеч. + наращ.: *делать автоматическим* (Необходимо уже давно **сделать автоматическим** данное производство – Труд, 2007.09.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *автоматизировать* (Вместо того чтобы снабдить подразделение по последней моде банковских технологий и **автоматизировать** процессы, топ-менеджмент «главного банка страны» решил пойти экстенсивным путем – Новый регион 2, 2011.01.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *сделать актуальным* (Алексей Саватюгин понимает это: «Данное нововведение, несомненно, повысит уровень расходов страховщиков и в перспективе может **сделать актуальным** вопрос о пересмотре тарифов в ОСАГО» – РБК Daily, 2006.09.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *актуализировать* (Наша цель – не перепозиционировать канал, а **актуализировать** профиль аудитории, повысив его качество, сместив фокус с детей – РБК Daily, 2011.04.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) осн. Прил5ед + суфГл + усеч. + черед. + наращ.: *делать американским* (Этот автомобиль **сделали американской** аналоговой моделью – Комсомольская правда, 2008.10.31; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *американизировать* («Лада» превратилась в кроссовер, а «Волгу» **американизировали** – Комсомольская правда, 2008.10.31; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *сделать архаичным* (Принципиальная особенность, черта его языка – не столько добраться до корней слов, **сделать архаичным** язык, сколько особая пространственность его словоизмерений –

Д. Замятин. Экономическая география «Лолиты» // «Октябрь», 2003; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *архаизировать* (Если бы Вергилий взялся писать панегирическую поэму, ему пришлось бы *архаизировать* современность, воспевая битвы недавних дней высоким гомеровским стилем: это было традицией, уже отец римского эпоса Энний описывал римского трибуна в бою словами Гомера об Аяксе – М. Л. Гаспаров. Вергилий -- поэт будущего (1979); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) оснПрилБед + префГл + суфГл + черед.: *делать великим* (Ты перевез государя Дмитрия Иоанновича, который спасается от московских изменников, чтобы возвратиться с сильным ополчением, казнить их, а тебя *сделать великим* человеком – Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 12 (1824-1826); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *возвеличить* (Следовательно, как современник событий, о которых рассказывал, он мог передать их с достоверностью летописи, если бы не увлекся явным желанием *возвеличить* рязанских князей и своим риторическим многословием не затемнил сущность дела – Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества (1858); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.28. Модели универбализации на базе конструкции **Инф + Сущ4**

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «глагол + существительное». Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Инф + Сущ4ед

а) оснСущ4ед + суфГл: *испытывать блаженство* (Всё остальное – *кататься на мусоровозке, радоваться и грустить, испытывать блаженство и ужас, хранить всякие глупости в секретных коробочках, выходить замуж за вам и не снилось, разводиться с кем ни попадя, умирать,*

«праздновать» сорок дней и требовать филе камбалы до полного изматывания нервов всему коллективу – можно! – Т. Соломатина. Мой одесский язык (2011); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **блаженствовать** (Штаты теперь могут **блаженствовать** бесконечно, устанавливая ту цену на основной энергоноситель, которую пожелают – К. Крылов. Наш страх (2003) // «Спецназ России», 2003.04.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснСущ4ед + суфГл + наращ.: **осуществлять вояж** (Должник занимался торговыми операциями с зарубежными партнерами и регулярно **осуществлял вояж по Европе** – Труд-7, 2007.12.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **вояжировать** (В начале сентября по Грузии, Украине и Азербайджану **вояжировал** вице-президент США Дик Чейни – Комсомольская правда, 2008.09.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) оснСущ4ед + суфГл + черед. + наращ.: **делать анализ** (За время, пока я находился «вне игры», я досконально изучал теоретические труды, знакомился с зарубежным опытом, **делал анализ** собственной работы в первой сборной... – Советский спорт, 2009.05.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **анализировать** (При этом он **анализировал** такие вещи, как раздающиеся иногда в исторической памяти предложения откладывать свободу, говорил о том, что свобода по впечатлению ряда политиков означает хаос – РБК Daily, 2011.03.04; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **укладывать асфальт** (В мэрии уверяют, что те времена, когда после ремонта коммунальщики сами пытались **укладывать асфальт**, уже прошли – Комсомольская правда, 2010.08.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **асфальтировать** (Многие горожане возмущались еще тогда, когда вы начали осенью **асфальтировать** дорогу – Комсомольская

правда, 2008.01.30; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.29. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Предл + Сущ4

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «глагол + предлог + существительное». Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Инф + Предл + Сущ4ед

а) оснСущ4ед + суфГл + черед.: *играть в бадминтон* (Однако жители района предполагают, что в итоге от «стадиона останется крошечный кусочек, на котором можно будет в лучшем случае **играть в бадминтон**» – РИА Новости, 2009.10.06; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *бадминтонить* (По вечерам они **бадминтонили** на пришкольной площадке до самых сумерек – Комсомольская правда, 2010.09.08).

4.2.30. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Прил4 + Сущ4

В этом случае универбы возникают на базе атрибутивной конструкции «глагол + прилагательное + существительное». Существительное в форме винительного падежа является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Инф + Прил4ед + Сущ4ед

а) оснПрил4ед + суфГл + усеч.: *делать генеральную уборку* (Через несколько дней Тамара объявила, что она будет **делать генеральную уборку** в квартире, и пусть мать в этот день задержится в библиотеке, а то она помешает – А. С. Макаренко. Книга для родителей (1937); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *генералить* (Ты сегодня **«генералишь»?** – Разг., 2013); *занимать главенствующее положение*

(Обратите внимание также и на количество мясных продуктов, в ежедневном меню мясо должно занимать **главенствующее положение** – Комсомольская правда, 2011.02.09; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **главенствовать** (На праздничном столе в 2011 году должны **главенствовать** вегетарианские блюда, салаты с капустой, морковью и яблоками, обильно украшенные зеленью – Советский спорт, 2010.12.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснСущ4ед + префиксид + суфГл + черед. + усеч.: **давать неверную информацию** (Если установлено, что претендент **предоставил ложную информацию**, статус беженца незамедлительно аннулируется – и человека отправляют на родину – Труд-7, 2003.09.17; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **дезинформировать** (Однако как оказалось, глава комзема **дезинформировал** горожан – Новый регион 2, 2005.06.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.31. Модели универбализации на базе конструкции **Инф + Сущ5**

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «глагол + существительное». Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Инф + Сущ5ед

а) оснСущ5ед + суфГл: **заниматься акушерством** (Катерина Александровна шила белье и платья и **занималась акушерством** – А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят – щепки летят (1871); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **акушерствовать** (Другая нормальная баба при том **акушерствовала** – Комсомольская правда, 2007.08.20; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **заниматься богохульством** (Что вы здесь, в конце концов, **богохульством занимаетесь?** – Ю. Мамлеев. Конец света/Крутые встречи (1975-1999); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) –

богохульствовать (*Вы богохульствуете и не верите в Творца и Промыслителя, но если вы не хотите верить в Его бытие, благость, правду, премудрость и силу, то скоро узнаете на деле Его правосудие и страшный, нестерпимый гнев Его* – Иоанн Кронштадтский. Живое слово мудрости духовной (1860-1880); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *болеть гриппом* (*Дети тоже стали реже болеть гриппом и ОРВИ* – Комсомольская правда, 2011.02.18; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *грипповать* (*Конечно, здорово, когда можно совместить учебный процесс и график тренировок, но, с другой стороны, если кто-нибудь начинает грипповать, сваливается весь класс* – Советский спорт, 2008.01.18; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснСущ5ед + суфГл + усеч. + наращ.: *заниматься агитацией* (*Как уже сообщал «Новый Регион», ранее губернатор заявлял, что не намерен уходить в предвыборный отпуск, и будет заниматься агитацией в нерабочее время* – Новый регион 2, 2010.10.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *агитировать* (*Сейчас задача номер один – не выпустить Тимошенко из страны, не дать ей ездить по миру и агитировать в свою пользу* – Известия, 2010.12.21; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) оснСущ5ед + суфГл + наращ.: *быть адвокатом* (*Хотя я по образованию математик, но в последнее время частенько приходилось быть адвокатом – себя защищать* – Комсомольская правда, 2006.07.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *адвокатствовать* (*Blanche, с самого его появления у нас, начала тотчас же за него предо мною адвокатствовать* – Ф. М. Достоевский. Игрок (1866); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *быть педантом* (*Это не значит, что надо быть педантом и придираться к людям, но улавливать какие-то отклонения от определенных театральных законов, которые были блестяще сформулированы нашими учителями*

Станиславским, Немировичем-Данченко, Вахтанговым, необходимо – Труд-7, 2001.04.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *педантствовать* (Впрочем, и вообще надобно сказать, что этот грех романистов поучать и **педантствовать**, не довольствуясь своим высоким призванием поэта, унаследованный ими испокон веку, и в наше время не перестает оказывать свою силу в так называемых тенденциях – Ф. И. Буслаев. «Значение романа в наше время» (1877); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

г) оснСущБед + суфСущ + черед.: *быть деканом* (Дед по отцу **был деканом** МГУ, тогда как его жена, моя бабушка, родом из далекой казачьей станицы – Труд-7, 2010.01.11; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *деканить* (Следствие утверждает, что Хабиров получил взятку в 2003 году, когда **деканил** на юридическом факультете института права Башкирского государственного университета – Новый регион 2, 2008.08.27; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

д) оснСущБед + суфГл + черед. + наращ.: *быть архипастырем* (Достоин он был многих похвал; но желательно было бы, чтобы они не от лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженного монаха, сего честолюбивого архиерея, жертвующаго закон изволениям Бирона, сего иже не устыдился быть судьей тайной канцелярии, **был архипастырем** церкви Божией, были лестны, яко свидетельствует его собственное сочинение: «Правда воли монаршей», – памятник лести и подбострастия монашеского изволения государскому – М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России (1786-1787); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *архипастырствовать* (При братской церкви должны были жить иноки, члены братства, под начальством игумена, который **архипастырствовал**, надзирал с монашествующею братиею за порядком, давал наставления и заступался за братство в разных делах перед судом – Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших

деятелей. Выпуск четвертый: XVII столетие (1862-1875); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *покрывать бронзой* (Для предохранения от коррозии их обычно **покрывали** цинком, **бронзой** или медью – Т. Матвеева. Реставрация столярно-мебельных изделий (1988); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *бронзировать* (Но так как это выдавалось очень редко, то можно сказать, что с постоянным превосходством, почти всегда соперничая с любовью, двигалось вперед то, что, вызолотив один бок дома, принималось **бронзировать** другой, что смывало погодой погоду и вращало тяжелый ворот четырех времен года – Б. Л. Пастернак. Охранная грамота (1930); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Инф + Сущ5мн

а) оснСущ5мн + суфГл + черед. + наращ.: *обогащать витаминами* (Чтобы восполнить дефицит, их стали **обогащать витаминами** и другими жизненно важными компонентами – Труд-7, 2005.05.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *витаминизировать* (Врачи рекомендовали либо прекратить эксперимент, либо **витаминизировать** свой рацион, а это предполагало значительные траты – Комсомольская правда, 2011.03.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.32. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Предл + Сущб

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «глагол + предлог + существительное». Отмечается следующие разновидности данной модели.

Инф + Предл + Сущбед

а) оснСущбед + суфГл: *пребывать в горе* (Сестра бездетна, родни, кроме меня, нет, и мы решили, что она переедет ко мне, чтобы не **быть в горе** одной – Комсомольская правда, 2005.10.31; Национальный корпус

русского языка; www.ruscorpora.ru) – *горевать* (Так что не считаю нужным ни радоваться, ни **горевать** – как будет, так и будет – Советский спорт, 2010.08.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *быть в гостях* (Это большая честь для нас с Лорой **быть в гостях**, в доме, в который мы уже приезжали два года назад – Новости, 2005.05.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *гостевать* (Я понимаю, что ты, по свидетельству девушек, был гостем, а не организатором, но в твоём тогдашнем положении нехорошо было **гостевать** в таких недоброкачественных местах – Комсомольская правда, 2007.08.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru), *гостить* (Стену над диваном украшает фотогалерея портретов любимой внучки, которая обожает **гостить** у бабушки – Комсомольская правда, 2011.04.08; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснСущбед + суфГл + усеч. + наращ.: *быть в агонии* (Пока она была «оторванной от великой советской страны», она **была в «агонии»** – Е. Трубина. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность // «Неприкосновенный запас», 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – *агонизировать* (Красная идеология на глазах **агонизировала**, но на смену ей шла коричневая – В. Прайс. С. Резник: «Делай что должно, и пусть будет что будет...» (2003) // «Вестник США», 2003.10.29; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

в) оснСущбед + суфГл + постфГл: *работать в «гугле»* (Большая часть нужной мне информации, скорее всего, находится в «гугле» – КПВУ, 2009.01.03) – *гуглиться* (Вообще, в сети **гуглится** много чего, это только одна из первых ссылок – коллективный. Метро-2 (2008-2011); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Инф + Предл + Сущбмн

а) оснСущбед + суфГл + черед. + наращ.: *участвовать в дебатах* (По мнению ученых, необходимо не просто прислушиваться к мнению стариков,

но и дать им возможность **участвовать в дебатах**, принятии законов, а также в психологических консультациях – Труд-7, 2010.04.29; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **дебатировать** (Ему **дебатировать** незачем – проблем с избирателями у него нет – Новый регион 2, 2008.01.10; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

4.2.33. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Предл + Сущб + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «глагол + предлог + существительное + существительное». Существительное в форме предложного падежа является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Инф + Предл + Сущбед + Сущ2ед

а) оснСущ2ед + суфГл + усеч. + наращ. + черед.: **выдвигать в качестве делегата** (Бывший руководитель ЧРО Вадим Воробей на региональную конференцию вообще не попал, так как не **был выдвинут в качестве делегата** ни одной из первичек – Новый регион 2, 2005.06.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **делегировать** (Пока же участники конференции договорились **делегировать** сто своих представителей в Национальную ассамблею – альтернативный парламент, в работе которого также будут участвовать либералы из числа делегатов конференции в Санкт-Петербурге – Труд-7, 2008.04.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

4.2.34. Модели универбализации на базе конструкции Инф + Межд

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «глагол + междометие». Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Инф + Межд

а) оснМежд + суфГл + наращ.: *говорить «да» (Жена – мужу, уставившемуся в газету: Можешь уже не говорить: «Да-да, угу, ага» – Комсомольская правда, 2006.04.15; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – дакать (Вот мы тебе жалованье-то прекратим – и посмотрим тогда, как ты будешь **дакать** да в кулак свистать! – М. Е. Салтыков-Щедрин. Сборник (1875-1879); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).*

4.3. Модели универбализации словосочетаний (на базе главного компонента)

4.3.1. Модели универбализации на базе конструкции Числ1 + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «числительное + существительное». Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Числ1 + Сущ2мн

а) оснЧисл1 + суфСущ: *двое детей (Погибла женщина и **двое детей**, которым не исполнилось и года, госпитализировано с острым отравлением продуктами горения 11 человек, 6-летний ребенок, спасаясь от огня, выпрыгнул в окно и сломал ногу – Новый регион 2, 2011.04.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – двойня (А у меня внуки маленькие, **двойня**, – рассказала пожилая женщина – Комсомольская правда, 2010.02.12; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); **трое детей** (Но в 1937 году они расстались, и дед переехал в соседнее село, где создал новую семью с Каневой Евдокией Ивановной, у них родились **трое детей** – Комсомольская правда, 2011.01.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **тройня** (31 января 2010 года в семье оператора цеха №4 Александра Горбунова родилась **тройня**, и в честь этого радостного события завод по согласованию с руководством НК "Роснефть"*

подарил семье трехкомнатную квартиру – Комсомольская правда, 2011.03.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

б) оснЧисл1 + суфСущ + черед.: *девять государств (Сегодня к Шенгенскому соглашению присоединились еще **девять государств** – членов Евросоюза – РБК Daily, 2007.12.21; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – девятка (Есть еще «большая **девятка**» наблюдателей, среди которых – США и Канада – Известия, 2009.10.16; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); две копейки (А эти марионетки позволяют управлять собой, позарились на **две копейки** – Новый регион 2, 2009.12.07; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – двушка (Когда я работал в Институте, – говорил Андрей Ильич, – или, скажем, в студенческие годы, пятак на метро, а то и **двушка** для телефона-автомата были для меня иной раз важнее, чем вся грядущая зарплата – А. Белозеров. Чайка (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);*

в) оснЧисл1 + суфСущ + наращ.: *пять пальцев (У меня возникает ассоциация с кистью человеческой руки, на которой **пять пальцев** – Известия, 2009.11.02; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – пятерня (И тяжелая мозолистая **пятерня** все крепче сжимается в кулак – Комсомольская правда, 2001.02.28; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); десять копеек (В одном из магазинов молоко подорожало на рубль, в другом подешевело на **десять копеек** – Комсомольская правда, 2011.03.22; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – десюлик (Молодоженов просто-таки засыпали конфетами, пшеницей и желтыми «**десюликами**» – КПВУ, 2009.03.09).*

4.3.2. Модели универбализации на базе конструкции Числ1 + Сущ2 + Сущ2

В этом случае универбы возникают на базе субстантивной конструкции «числительное + существительное + существительное». Второе

существительное в форме родительного падежа является уточняющим элементом в словосочетании. Отмечаются следующие разновидности данной модели.

Числ1 + Сущ2мн + Сущ2ед

а) оснЧисл1 + суфСущ: *три года заключения (Истцы обжаловали прежний приговор, по которому Анна Шавенкова получила **три года заключения** в колонии-поселении и отсрочку этого наказания на 14 лет из-за рождения ребенка – Новый регион 2, 2010.10.14; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru) – **треха** (Вышел, а через месяц – **треха до звонка...** – В. Доценко. Срок для Бешеного (1993); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).*

Выводы к четвертой главе

Описание моделей универбализации является описанием моделей формального преобразования исходного словосочетания в универб, поскольку семантика соответствующего словосочетания и универба здесь абсолютно идентична.

Модель универбализации заключается в определении взаимосвязи и взаимозависимости двух моделей: а) модели исходного словосочетания; б) модели структуры универба.

Модель исходного словосочетания (исходная конструкция) учитывает те параметры данной единицы, которые соответствуют характеристикам универба, возникшего на её базе. В этой модели указывается на количество компонентов исходного словосочетания, тип связи между ними и порядок их следования; их грамматические характеристики.

С точки зрения количества компонентов исходные исследуемые конструкции в исследовании делятся на двухкомпонентные, трехкомпонентные (со служебными словами), трехкомпонентные (из знаменательных слов), четырехкомпонентные (из знаменательных слов),

четырёхкомпонентные (со служебными словами), пятикомпонентные (со служебными словами), шестикомпонентные (со служебными словами).

Параметр «тип связи между компонентами исходного словосочетания» определяет, какую синтаксическую структуру представляет словосочетание, подвергнувшееся универбализации в слово.

Среди рассмотренных нами универбов выделяются такие, которые возникли на базе простых двухкомпонентных словосочетаний, и такие, которые возникли на базе сложных словосочетаний. Все эквивалентные словосочетания реализуют подчинительную связь между компонентами.

Нами отмечены следующие типы связи компонентов в исходном словосочетании: чистое согласование, чистое управление, различного рода комбинации согласования и управления в сложных конструкциях.

С точки зрения грамматических характеристик компонентов исходного словосочетания для процесса универбализации актуальны следующие параметры: частеречная принадлежность компонента; падежная форма (для изменяемых слов); парадигматическая активность.

В рассмотренных исходных конструкциях нами обнаружены существительные, прилагательные, глаголы, числительные, предлоги.

Модель структуры универба указывает на порядок следования и способ репрезентации эквивалентов компонентов исходного словосочетания (конструкции) в универбе.

Конструктами отдельного универба являются основа и аффикс; в каждом из этих конструктов сосредоточивается значение того или иного компонента (компонентов) соответствующего словосочетания.

При универбализации различаются *базовые конструкты*, которые реализуют в универбе полнозначные элементы исходных словосочетаний, и *вспомогательные конструкты*, которые привносятся извне и выполняют функцию оформителей универба.

В большинстве случаев конструктом универба является **основа слова**, которая обычно представляет зависимый компонент словосочетания. Также

часто конструкт универба представляет собой усеченную основу компонента исходного словосочетания.

Нами отмечено три фонетические модели редуцирования основы исходного компонента: 1) модель **апокопирования**, 2) модель **апокопирования** основы в комплексе с **эпитезой**, 3) модель **апокопирования** основы в комплексе с **чередованием**.

Также конструкт универба представляет собой наращенную основу компонента исходного словосочетания. Здесь отмечается две фонетические модели наращения основы исходного компонента: 1) модель **эпитетирования** основы, 2) модель **эпитетирования** основы в комплексе с **чередованием** определенного типа.

Нами отмечены следующие разновидности части основы с точки зрения ее фонетической протяженности: двухкомпонентный конструкт, трехкомпонентный конструкт, четырехкомпонентный конструкт, пятикомпонентный конструкт, шестикомпонентный конструкт, семикомпонентный конструкт, восьмикомпонентный конструкт, девятикомпонентный конструкт, десятикомпонентный конструкт, одиннадцатикомпонентный конструкт, двенадцатикомпонентный конструкт, тринадцатикомпонентный конструкт, четырнадцатикомпонентный конструкт, пятнадцатикомпонентный конструкт, двадцатиоднокомпонентный конструкт.

В нашем исследовании особое место занимает определение статуса таких конструктов, как суффиксы и конфиксы универбов. По форме они напоминают вспомогательные конструкты, оформляя грамматические особенности универбов и их частеречную принадлежность, а по содержанию – базовые, поскольку конденсируют значение одного из компонентов (чаще – главного) исходного словосочетания. В связи с этим мы считаем данные конструкты синкретичными.

В оформлении универба также принимают участие и **вспомогательные конструкты**, то есть единицы, не отмечаемые в исходных

конструкциях и выполняющие не семантическую, а формальную структуроорганизующую функцию. Это интерфиксы, асемантические элементы и флексии. Однако нельзя считать вспомогательными конструктами интерфиксы, отмечаемые в составе базовых конструктов.

Случаи, когда в эквивалентный универб переносится флексия компонента исходного словосочетания, что чаще всего отмечается при универбализации нумеративных конструкций, требуют отдельного описания.

Формальным конструктом в нашем исследовании считается также парадигма вербального эквивалента словосочетания, которая в наших примерах указывает на значения рода, числа и падежа. В данном случае может наблюдаться как сохранение в универбе парадигмы главного слова исходного словосочетания, так и получение им новой парадигмы. Это связано с соответствием / несоответствием грамматического рода главного слова словосочетания и универба.

Таким образом, на основе установления типов конструктов универбов и их соответствия моделям исходного словосочетания возможно построение моделей формального преобразования словосочетаний в универбы, то есть моделей универбализации, например, *солдат срочной службы* (Сущ1ед + Прил2ед + Сущ2ед) > *срочник* (оснПрил2ед *срочной* + суфСущ -ик- + черед. н//н'), *ученик первого класса* (Сущ1ед + Числ-Прил2ед + Сущ2ед) > *первоклассник* (оснЧисл-Прил2ед *первого* + инт -о- + оснСущ2ед *класса* + суфСущ -ник-) и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определение основной единицы языка (основной номинативной единицы) представляет собой выделение единицы, которая сосредоточивает в себе основную функцию – номинации. Такой единицей является номинатема – абстрактная языковая субстанция, реализующаяся в вербальных формах (глоссах, дублетах), причем в данном конкретном случае дублетами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, стилистически равнозначное эквивалентному словосочетанию или отличающееся от него чертами разговорности, сленговости.

Под структурными разновидностями номинатемы с доминантой-словосочетанием понимаются все семантически тождественные единицы, отождествляемые на уровне словосочетания, а именно:

- 1) идиоматизированное словосочетание, то есть коллокация;
- 3) сочетание со служебным словом и аналитические лексико-семантические варианты;
- 4) универбализованный (вербальный) эквивалент словосочетания – слово, возникшее в результате вербальной модификации словосочетания, тождественно словосочетанию в лексико-грамматическом аспекте, то есть демонстрирует тождество лексического, грамматического значений и синтаксической функции.

В работе исследованы номинатемы, созданные по модели «словосочетание + эллиптический универб». Они входят в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть являются единицами, семантически тождественными словосочетаниям.

Универб мы определяем как семантически и грамматически тождественное определенному словосочетанию слово, отличающееся от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами разговорности, сленговости либо стилистически совпадающее с ним, являющееся наряду с ним дублетом одной номинатемы.

Выявлены две основные тенденции образования вербализованных дублетов конкретных словосочетаний: 1) **производящим является зависимый элемент словосочетания, в то время как главный элемент синтезируется в словообразовательный аффикс;** 2) **производящим является главный элемент словосочетания, в то время как зависимый элемент синтезируется в словообразовательный аффикс.**

В процессе анализа исследуемого материала важным этапом явилась дифференциация понятий семантической конденсации и универбации. Мы пришли к выводу, что данные понятия тесно связаны между собой, но далеко не тождественны. Наличие / отсутствием явления семантической конденсации различаются омонимичные образования – дериваты и словесные формы номинатем.

Материал исследования показал, что словообразовательные ресурсы кодифицированного литературного языка активно используются при образовании универбов.

Мы пришли к выводу, что универбация сопровождается имитацией словообразовательного акта. Универб, имитируя производную единицу, предстает вербальной формой (глоссой) номинатемы с доминантой-словосочетанием. В связи с этим явление универбации мы трактуем как реляционное по своей сути, обладающее формальными чертами словообразования. В процессе универбации формируются универбализационные модели, подобные словообразовательным моделям, но не тождественные им. В рамках конкретной универбализационной модели в зависимости от частеречной принадлежности конкретного универба в состав последнего входит характерный аффикс (обычно – суффикс), обладающий универбальным значением.

Возможность замены словосочетания словом (универбом) и традиционное параллельное и равноправное функционирование слова и словосочетания дало нам повод предположить, что исходные словосочетания имеют определенную степень спаянности, то есть фразеологичности.

Универб как многоморфемное слово представляет интерес как с точки зрения морфемной структуры, так и с точки зрения фразеологичности (степени сочетаемости) морфем в нем.

Базовые словосочетания исследуемых универбов схожи с трактовками словообразовательных значений дериватов со словообразовательной базой-словом, однако не тождественны им. История развития универбации свидетельствует о том, что словообразовательные перифразы и формулировки словообразовательных значений являются обобщающими рефлексам существовавших когда-то словосочетаний, эквивалентных конкретным универбам.

При выявлении значений универбов, имитирующих словообразовательные, а также при определении соотношения конкретных универбов могут быть использованы так называемые универбальные перифразы, сущность которых близка природе словообразовательных перифраз.

Материал исследования продемонстрировал принадлежность универбов двум частям речи: существительным и глаголам. В пределах данной группировки универбов мы выделили ряд универбальных значений универбов-имен существительных, составляющих общий предметно-характеризующий тип (мутационная универбация). Универбальные значения глаголов, составляющих отдельную группу универбов исследуемого типа, как и значения существительных, также представлены значениями мутационной универбации.

Отмечается сходство формулировок типов универбальных значений с названиями семантических классов и названиями классов референтов. Это связано с единым семантическим стержнем этих трех классификаций.

Мы считаем, что константной исторической категорией является грамматическое родовое соответствие словосочетаний соответствующим универбам. Возникающее в ряде случаев родовое несоответствие может быть

объяснено, например, нечастой воспроизводимостью в речи (а затем и утратой) словосочетания, изначально эквивалентного конкретному универбу.

С точки зрения ономаσιолого-семасиологического подхода различаются два типа мотивированности – внутренняя, речевая, выступающая как фактор модифицирования номинативного инварианта – номинатемы в речи в ее глоссах, и внешняя, языковая, выступающая как фактор образования новых номинативных единиц.

Одним из параметров описания универбов является тип процесса преобразования исходной единицы в универб. Распределение значений между формальными дублетами номинатемы относится к процессам лексикализации. Универбы составляют три типа в зависимости от комплекса процессов их функционирования в речи / закрепления в языке.

Необходимым этапом исследования стал ономаσιологический анализ номинатем и их реализаций.

В исследовании ономаσιологическая модель трактуется как схема формирования номинативных единиц и их реализаций – результатов языковой и речевой номинации. Структура ономаσιологической модели представленного материала включает ономаσιологический базис и ономаσιологический признак.

В универбах исследуемого типа ономаσιологический базис и ономаσιологический признак формируются на основе семантики главного или зависимого слова эквивалентного словосочетания. Каждый отдельный случай объясняется существованием двух основных моделей формирования исследуемых единиц.

Ономаσιологическая модель конкретного эллиптического универба практически повторяет ономаσιологическую модель исходного словосочетания. Структура ономаσιологической модели заключается в соединении ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака с необходимыми дополнениями в разных конкретных случаях. Общий вид ономаσιологической модели таков: **[ономаσιологический базис]** +

[ономасиологический признак]. На ономасиологический базис чаще всего указывает аффикс, а на ономасиологический признак указывает основа, в нашем случае омонимичная производящей, реже – наоборот.

Типология ономасиологических моделей представляет собой базу для правильного формирования и описания ономасиологической категории исследуемых единиц, с одной стороны, и трактовки ономасиологической структуры, с другой.

Необходимым для данного исследования явилось формирование классификаций их ономасиологических базисов и ономасиологических признаков.

Объединение универбов было осуществлено в работе по следующим критериям, которые стали принципиальными для объединения исследуемых единиц в ономасиологические классы: 1) все номинатемы, составляющие данную группу являются номинатемами **с доминантой-словосочетанием и вербальной реализацией-универбом**; 2) все универбы, составляющие конкретную группу, являются либо **существительными**, либо **глаголами**; 3) все существительные и глаголы, составляющие отдельную группу, имеют инвариантное значение **представления, понятийное** значение, а также **гештальтное** значение, фреймовым, скриптовым или комбинированным способом представляющим понятие, объект, действие.

В рамках нашего исследования ономасиологический класс объединяет единицы, которые не только обозначают однотипные реалии, но и делают это структурно однотипно. Класс референтов – это тематический класс универбов.

Основанием для распределения универбов по семантическим классам явились три параметра: а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса; б) лексико-семантическая группа одноструктурных единиц в пределах одного лексико-грамматического разряда; в) ономасиологическая модель номинатемы, включающая

«ономасиологический базис» и «ономасиологический признак» наименования.

Каждая формальная модель образования универбатов строится на базе определения взаимосвязи и взаимозависимости двух моделей: а) модели исходного словосочетания; б) модели структуры универба.

В процессе моделирования мы пришли к выводу, что по количеству компонентов исходные конструкции подразделяются на двухкомпонентные, трехкомпонентные (со служебными словами), трехкомпонентные (из знаменательных слов), четырехкомпонентные (из знаменательных слов), четырехкомпонентные (со служебными словами), пятикомпонентные (со служебными словами), шестикомпонентные (со служебными словами).

Среди рассмотренных нами универбов выделяются как единицы, возникшие на базе простых двухкомпонентных словосочетаний, так и единицы, возникшие на базе сложных словосочетаний. Все эквивалентные словосочетания реализуют подчинительную связь между компонентами.

Отмечаются следующие типы связи компонентов в исходном словосочетании: чистое согласование, чистое управление, различного рода комбинации согласования и управления в сложных конструкциях.

С позиции грамматических характеристик компонентов исходного словосочетания для процесса универбализации актуальны следующие параметры: частеречная принадлежность компонента; падежная форма (для изменяемых слов); парадигматическая активность. В рассмотренных исходных конструкциях нами были отмечены существительные, прилагательные, глаголы, числительные, предлоги.

Модель структуры универба указывает на порядок следования и способ представленности эквивалентов компонентов исходного словосочетания (конструкции) в универбе. При этом нельзя забывать, что конструктами отдельного универба являются основа и аффикс; в каждом из этих конструктов реализуется значение того или иного компонента (компонентов) соответствующего словосочетания.

Анализ моделей исследуемых единиц показал, что при универбализации различаются *базовые конструкты* (основа слова, часть основы, наращенная основа), реализующие в универбе полнозначные элементы исходных словосочетаний, и *вспомогательные конструкты* (интерфиксы, асемантические элементы и флексии), привносимые извне и выполняющие функцию оформителей универба.

Особое внимание привлекло определение статуса таких конструктов, как суффиксы и конфиксы универбов. По форме они напоминают вспомогательные конструкты, оформляя грамматические особенности универбов и их частеречную принадлежность, а по содержанию – базовые, поскольку конденсируют значение одного из компонентов (чаще – главного) исходного словосочетания. Данные конструкты могут быть квалифицированы как синкретичные.

Мы пришли к выводу, что нельзя считать вспомогательными конструктами интерфиксы, отмечаемые в составе базовых конструктов, поскольку они не выполняют дополнительной функции соединения частей при образовании универба.

Отдельного описания потребовала также ситуация, когда в эквивалентный универб переносится флексия компонента исходного словосочетания, что чаще всего отмечается при универбализации нумеративных конструкций.

Формальным конструктом мы считаем парадигму новообразованного конструкта, которая в рассмотренных нами примерах указывает на значения рода, числа и падежа. В данном случае следует различать две ситуации: сохранение в универбе парадигмы главного слова исходного словосочетания и получение им новой парадигмы. Это связано с соответствием / несоответствием грамматического рода главного слова словосочетания и универба.

Таким образом, на основе установления типов конструктов универбов и их соответствия моделям исходного словосочетания возможно построение

моделей формального преобразования словосочетаний в универбы, то есть моделей универбализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В. И. О подаче омонимов в словаре / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1957. – № 3. – С. 31 – 43.
2. Абаев А. И. Выступление на дискуссии по омонимии / А. И. Абаев // Лексикографический сборник. – Вып. IV. – М. : Наука, 1960.
3. Авакова А. С. Наименования спортсменов в русском языке (словообразовательная и историко-лексикологическая характеристика) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. С. Авакова. – М., 1971. – 27 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурологический аспект когнитивной семантики / Н. Ф. Алефиренко // Русистика : сб. научн. тр. – М.-К., 2002. – № 2. – С. 16 – 22.
5. Аликаева Г. В. Единицы деривационного уровня, состоящие из словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов / Г. В. Аликаева // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1999. – № 1. – С. 35 – 40.
6. Алпатов В. М. О двух подходах к выделению основных единиц языка / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1982. – № 6. – С. 66 – 74.
7. Алпатов В. М. История лингвистических учений : учебн. пособие [для студ. высш. уч. завед.] / В. М. Алпатов. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 368 с.
8. Аничков И. Е. Идиоматика и семантика / И. Е. Аничков // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С. 140 – 148.
9. Аничков И. Е. Труды по языкознанию / И. Е. Аничков. – СПб. : Наука, Санкт-Петербургское отд-ние, 1997. – 511 с. – (АН РФ, Ин-т языкознания).
10. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

11. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учебник [для студ. высш. уч. завед.] / И. В. Арнольд. – М. : Высшая школа, 1986. – 296 с.
12. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1965. – № 2. – С. 59-68.
13. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований : сб. научн. тр. – М. : Наука, 1980. – С. 156 – 249.
14. Архангельська А. М. До питання про засади побудови загальної ономасіологічної моделі номінації / А. М. Архангельська // Мовознавство. – 2007. – № 4-5. – С. 20 – 35.
15. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М. : Госуд. учебно-пед. изд-во Министерства просв. РСФСР, 1957. – 296 с.
16. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 606 с.
17. Аюпова Е. И. К вопросу о тождестве слова / Е. И. Аюпова // II Международные Бодуэновские чтения [«Казанская лингвистическая школа : традиции и современность»] : труды и материалы : в 2 т. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 118 – 120.
18. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. университета, 1996. – 104 с.
19. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; [пер. с фр. К. А. Долинина]. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
20. Бартошевич А. К определению системы словообразования / А. К. Бартошевич // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 83 – 89.

21. Баскаков А. Н. Словосочетания в современном турецком языке / А. Н. Баскаков. – М. : Наука, 1974. – 184 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
22. Белый В. В. К вопросу о словосочетании / В. В. Белый // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1960. – № 4. – С. 108 – 117.
23. Беляевская Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова / Е. Г. Беляевская // Структуры представления знаний в языке : сб. научн. тр. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – С. 87 – 110.
24. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; [пер. с франц. Ю. Н. Караулова и др.]. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
25. Березин Ф. М. История русского языкознания / Ф. М. Березин. – М. : Наука, 1979. – 223 с.
26. Березин Ф. М. История лингвистических учений / Ф. М. Березин. – М. : Высшая школа, 1984. – 319 с.
27. Білецький А. О. Програма курсу “Загальне мовознавство” / А. О. Білецький. – К. : Вид-во КДУ, 1962. – 50 с. – (Київський держ. ун-т.)
28. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88 – 125.
29. Блауберг И. В. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1969. – 48 с.
30. Блинова О. И. О тождестве слова в диалектном языке / О. И. Блинова // Вестник Амурского университета. – 2003. – № 3. – С. 117 – 126.
31. Блумфильд Л. Ряд постулатов для науки о языке / Л. Блумфильд // История языкознания XIX и XIX веков в очерках и извлечениях : в 2 т. – М. : Учпедгиз 1960. – Т. 2. – С. 144 – 152.
32. Блумфильд Л. Язык / Л. Блумфильд ; [пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат]. – М. : Прогресс, 1968. – 608 с.

33. Блюмина О. В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке : дисс. ... к. филол. наук : 10.02.02 / Блюмина Ольга Валентиновна. – Горловка, 2011. – 180 с.
34. Богословская З. М. Диалектная вариантология : лексикологический и лексикографический аспекты : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / З. М. Богословская. – Томск, 2006. – 39 с.
35. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Наука, 1963. – Т. 1-2. – 224 с.
36. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М : Большая российская энциклопедия, 2000. – 686 с.
37. Бондаренко В. С. Предлоги в современном русском языке : учебн. пособие [для студ. высш. уч. завед.] / В. С. Бондаренко. – М. : Учпедгиз, 1961. – 243 с.
38. Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков / Р. Бошкович. – М. : Высшая школа, 1984. – 304 с.
39. Бровко А. С. О синтаксическом статусе слова как единицы языка / А. С. Бровко [Электронный ресурс] // Вісник Запорізького національного університету. – 2002. – № 1. – Режим доступу до журналу : <http://www.zsu.zp.ua/herald/articles/1932.pdf>. – Заголовок з екрану.
40. Будагов Р. А. Введение в науку о языке : учебн. пособие [для студ. филологич. фак-тов ун-тов] / Р. А. Будагов. – 2-е изд. – М. : Наука, 1965. – 492 с.
41. Будагов Р. А. Закон многозначности слова / Р. А. Будагов // Человек и его язык : статьи. – М. : Изд-во МГУ, 1974. – С. 117 – 123.
42. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии : пособие [для учителей] / Л. Л. Буланин. – М. : Просвещение, 1976. – 208 с.

43. Булаховский Л. А. Дезтимологизация в русском языке / Л. А. Булаховский // Труды ин-та русского языка АН СССР. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. I. – С. 147 – 209.
44. Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей / Т. В. Булыгина. – М. : Наука, 1977. – 287 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания)
45. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебн. пособие [для студ. вузов] / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
46. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес ; [пер. с франц. П. С. Кузнецова]. – 3-е изд. – М. : УРСС, 2004. – 408 с.
47. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учебн. пособие [для лингвистов] / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
48. Вахек Й. Лингвистический словарь пражской школы / Й. Вахек ; [пер. с фр., нем., англ. и чеш. И. А. Мельчука и В. В. Санникова]. – М. : Прогресс, 1964. – 359 с.
49. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; [пер. с англ. М. А. Кронгауз]. – М. : Русские словари, 1997. – 411 с.
50. Величко Л. М. Системно-функциональные корреляции в экономической лексике : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Л. М. Величко. – Краснодар, 2007. – 18 с.
51. Венжинович Н. Ф. Концептуальна й мовна картини світу як похідні етнічних менталітетів / Н. Ф. Венжинович // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. – Вип. 14. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – С. 8 – 12.
52. Верещагина В. С. Активные процессы образования имен существительных в русской разговорной речи : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 “Русский язык” / В. С. Верещагина. – Алма-Ата, 1980. – 28 с.

53. Верещака В. И. Словообразовательные поля корней с полногласным сочетанием *-оро-* в современном украинском языке : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01. “Украинский язык” / В. И. Верещака. – Ужгород, 1978. – 22 с.
54. Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы / А. А. Ветров. – М. : Политиздат, 1968. – 264 с.
55. Виноградов В. В. О формах слова / В. В. Виноградов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1944. – Том 3. – С. 31 – 44.
56. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ : Секция филологических наук. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1946. – С. 45 – 69.
57. Виноградов В. В. Русский язык : Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.-Л. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
58. Виноградов В. В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1964. – № 3. – С. 7 – 15.
59. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 560 с.
60. Виноградов В. В. Фразеология. Семасиология / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М. : Наука, 1977. – С. 118 – 161.
61. Виноградова В. Н. Словообразовательные омонимы разговорной речи / В. Н. Виноградова // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972. – 300 с.
62. Вихованець І. Р. Прийменникова система української мови / І. Р. Вихованець. – К. : Наукова думка, 1980. – 288 с. – (АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні).

63. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті / І. Р. Вихованець. – К. : Наукова думка, 1988. – 256 с. – (АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні).

64. Воробьева Э. А. К вопросу о классификации языковых вариантов / Э. А. Воробьева [Электронный ресурс] // Сборник научн. тр. Северо-Кавказского государственного технического университета : Серия «Гуманитарные науки». – 2005. – № 1 (13). – Режим доступа к журн. : <http://www.ncstu.ru>. – Заголовок с экрана.

65. Всеволодова М. В. Предлог как грамматическая категория : проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики / М. В. Всеволодова // Лінгвістичні студії : Збірник наукових праць. – Вип. 9. – Донецьк : ДонНУ, 2002. – С. 8 – 15.

66. Всеволодова М. В. Материалы к словарю «Предлоги и средства предложного типа в русском языке. Функциональная грамматика реального употребления / М. В. Всеволодова, Е. Н. Виноградова, Е. В. Клобуков. – Вып. 1. – М. : Изд-во МГУ, 2005. – 462 с. – (Московский гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова)

67. Газизова Р. Ф. Сложные слова и исходные словосочетания с глагольными компонентами в русском и сербохорватском языках / Р. Ф. Газизова. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1989. – 174 с.

68. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация : общие вопросы. – М. : Наука, 1977. – С. 230 – 293.

69. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология : на материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с.

70. Гак В. Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 3 – 16.

71. Гамкрелидзе Т. В. К проблеме произвольности языкового знака / Т. В. Гамкрелидзе // Вопросы языкознания. – 1972. – № 6. – С. 33 – 39.

72. Гафарова Р. И. Суффиксальные универбы русского языка: семантика, деривационные отношения : дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : 10.02.02 / Гафарова Р. И. – Харьков, 2009. – 178 с.
73. Гвоздарев Ю. А. Современный русский язык. Лексикология и фразеология / Ю. А. Гвоздарев. – М.-Ростов-на-Дону : МарТ, 2008. – 348 с.
74. Георгиев В. И. Езикознание / В. И. Георгиев, И. Дуриданов. – София : Наука и изкуство, 1972. – 336 с.
75. Гинзбург Е. Л. Синтаксическая типология сложных слов («Внутренний синтаксис сложенных») / Е. Л. Гинзбург // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1968. – С. 202 – 240.
76. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1979. – 264 с.
77. Глинских Г. В. Введение в языкознание : учебн. пособие [для студ. вузов] / Г. В. Глинских, О. В. Петрова. – Н. Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1999. – 251 с.
78. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику / Г. Глисон ; [пер. с англ. В. А. Звегинцева]. – М. : Прогресс, 1959. – 486 с.
79. Глотова И. П. К вопросу об универбации (о функционально-стилевом и общелитературном употреблении) / И. П. Глотова // Вопросы стилистики : сб. научн. трудов. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1977. – С. 3 – 17.
80. Глущенко В. А. К вопросу о структуре лингвистического метода / В. А. Глущенко // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : научно-методический сборник. – Славянск, 2001. – Вып. VIII. – С. 3 – 6.
81. Глущенко В. А. К вопросу о концепциях лингвистического метода / Глущенко В. А. // Система і структура східнослов'янських мов : до ювілею проф. Іванової Л. П. : зб. наук. праць / редкол.: В. І. Гончаров (відп. ред.) та ін. – К. : Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. – Вип. 4. – С. 31 – 38.

82. Глущенко В. А. Лінгвістичний метод і його структура / В. А. Глущенко // Мовознавство. – 2010. – № 6. – С. 32 – 44.
83. Глущенко В. А. Лінгвістичний метод: сучасні концепції / Глущенко В. А. // Наукові праці : науково-методичний журнал. – Т. 195. Вип. 183. Філологія. Мовознавство. – Миколаїв : Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2012. – С. 17 – 20.
84. Глущенко В. А. Лінгвістичний метод як складне структурне утворення / В. А. Глущенко // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : научно-методический сборник. – Славянск, 2010. – Вып. XX. – С. 3 – 12.
85. Глущенко В. А. Мова як система : навч. посіб. / В. А. Глущенко, Ю. В. Ледняк, В. М. Овчаренко, І. М. Рябініна. – К. : ЦУЛ, 2011. – 132 с.
86. Глущенко В. А. Об узкой и широкой трактовках лингвистического метода / В. А. Глущенко // Образ мира в зеркале языка : сб. науч. статей / отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. – М. : Флинта, 2011. – С. 71 – 77.
87. Годер Н. М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием / Н. М. Годер // Логико-грамматические очерки : сб. научн. трудов. – М. : Высшая школа, 1961. – С. 49 – 58.
88. Голанова Е. И. О “мнимых сложных словах” / Е. И. Голанова // Лики языка : к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской : сб. научн. трудов. – 1998. – № 6 – С. 31 – 39.
89. Голев Н. Д. Спецификация и деривационное слово в системе понятий деривационной лексикологии / Н. Д. Голев // Вестник Барнаульского госпедуниверситета : Гуманитарные науки. – Вып. 2. – Барнаул, 2002. – С. 13 – 18.
90. Гомас О. М. Варіантність і синонімія в словосполученні й реченні : автореф. дис. на здоб наук. ступеня кандидата філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / О. М. Гомас. – Київ, 2000. – 19 с.

91. Горбачевич К. С. Зоны вариативности слов и нормы русского литературного языка / К. С. Горбачевич // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 77 – 86.
92. Горбачевич К. С. Варианты слова на разных языковых уровнях / К. С. Горбачевич // Восточнославянское и общее языкознание : сб. научн. трудов. – М. : Наука, 1978. – С. 245 – 250.
93. Горбачевич К. С. Вариативность слова и языковая норма / К. С. Горбачевич. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1978. – 237 с.– (АН СССР, Ин-т языкознания).
94. Горпинич В. О. Сучасна українська літературна мова. Морфеміка. Словотвір. Морфонологія : навч. посібник [для студ. філол. спец. вищих закл. освіти] / В. О. Горпинич. – К. : Вища школа, 1999. – 208 с.
95. Грамматика русского языка : в 2 т. / [под ред. В. В. Виноградова]. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 1 : Фонетика и морфология. – 720 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
96. Грамматика русского языка : в 2 т. / [под ред. В. В. Виноградова]. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – 440 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
97. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи : стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М. : АСТ ; Астрель, 2004. – 555 с.
98. Григорьев В. П. О границах между словосложением и аффиксацией / В. П. Григорьев // Вопросы языкознания. – 1956. – № 4. – С. 38 – 52.
99. Григорьев В. П. О взаимодействии словосложения и аффиксации / В. П. Григорьев // Вопросы языкознания. – 1961. – № 5. – С. 71 – 78.
100. Губанова В. А. Некоторые вопросы глагольной полисемии / В. А. Губанова // Актуальные вопросы глагольной полисемии : сб. научн. трудов. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 1969. – С. 40 – 53.
101. Гугунава Д. В. Словообразовательный гендиадис / Д. В. Гугунава // Материалы межд. научно-практич. конф., посвящ. 80-летию акад. РАО

Н. М. Шанского [«Филологическое образование в школе : проблемы и перспективы»]. – М., 2002. – С. 86 – 87.

102. Гудилова С. В. Структура морфолексического поля сложных слов и продуктивные типы строения сложных слов-неологизмов со связанными компонентами [Электронный ресурс] / С. В. Гудилова // II Междунар. конгресс исследователей русского языка [«Русский язык : исторические судьбы и современность»], (18-21 марта 2004 г.): тезисы докладов. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=12514>. – Заголовок с экрана.

103. Гудилова С. В. Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке : на материале неологизмов второй половины XX века : дисс. ... к. филол. наук : 10.02.01 / Гудилова Светлана Валентиновна. – М., 2005. – 306 с.

104. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; [пер. с нем. Г. В. Рамишвили]. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с.

105. Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частного и полного слова / М. М. Гухман // Вопросы грамматического строя : сб. научн. трудов. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 322 – 361.

106. Даниленко В. П. Общая типология языков в концепции В. Гумбольдта [Электронный ресурс] / В. П. Даниленко // Электронная библиотека Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева. – Режим доступа : http://www.tgpi.tob.ru/info/kaf/an_yaz/s_tipolog/tipolog_gumbold.doc. – Заглавие с экрана.

107. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт системного описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 248 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

108. Даниленко В. П. Ономаσιологическое направление в истории грамматики / В. П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 108 – 131.
109. Дегтярев В. И. Основы общей грамматики / В. И. Дегтярев – Ростов : Изд-во Ростовского университета, 1973. – 256 с. – (Ростовский гос. ун-т.).
110. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк – М. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 310 с.
111. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В. З. Демьянков. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 172 с. – (Московский гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова).
112. Демьянков В. З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование / В. З. Демьянков. – М. : МГУ, 1994. – 206 с. – (Московский гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова).
113. Десницкая А. В. К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках / А. В. Десницкая // Ученые записки ЛГУ. – 1949. – № 14. – С. 11 – 16.
114. Дмитриева О. А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков) : дисс ... кандидата филол. наук : 10.02.20 / Дмитриева Ольга Александровна. – Волгоград, 1997. – 202 с.
115. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский ; [пер. с польск. В. Ф. Коновой]. – М. : Прогресс, 1973. – 287 с.
116. Думчак І. М. Універбація в українській мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / І. М. Думчак. – Івано-Франківськ, 1998. – 19 с.
117. Дьяченко В. В. Новые слова-сложения со связанными корневыми компонентами интернационального характера в современном русском языке /

В. В. Дьяченко // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2003. – № 11. – С. 168 – 170.

118. Дьячок Н. В. Этимолого-словообразовательное гнездо с вершиной-глаголом «речи». Принципы описания : дис. ... к. филол. наук : 10.02.02 / Дьячок Наталья Васильевна. – Днепропетровск, 2004. – 205 с.

119. Дьячок Н. В. К вопросу о разграничении понятий «словообразовательная перифраза», «словообразовательное значение» и «базовое словосочетание» для номинатем типа «словосочетание + универб» / Н. В. Дьячок // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : Научно-методический сборник. – Вып. XV, Ч. 1. – 2007. – С. 111 – 118.

120. Дьячок Н. В. Вопрос о семантических и формальных границах номинатем типа „словосочетание + универб” / Н. В. Дьячок // Вісник Дніпропетровського університету. Мовознавство. – № 4/1. – Дніпропетровськ : ДНУ, 2007. – С. 104 – 109.

121. Дьячок Н. В. О структурных классах номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб» / Н. В. Дьячок // Актуальні проблеми слов'янської філології. Вип. XXII. – Бердянськ : БДПУ, 2009. – С. 500 – 506.

122. Дьячок Н. В. Лексикологический аспект исследования номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб». Полисемия / Н. В. Дьячок // Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. Сер. «Лінгвістика». Вип. 10. – Херсон : ХДУ, 2009. – С. 184 – 187.

123. Дьячок Н. В. Особливості номінатем типу «словосполучення + еліптичний универб» в російській мові: лексико-семантичні та тематичні групи универбів / Н. В. Дьячок // Наукові записки КДПУ. Сер. : Філологічні науки (Мовознавство). Вип. 89 (4). – Кіровоград : КДПУ, 2010. – С. 21 – 25.

124. Дьячок Н. В. Новое в вопросе об особенностях омонимии номинатем типа «словосочетание + универб» / Н. В. Дьячок // Мова. – Одеса : Астропринт, 2011. – С. 108 – 113.

125. Дьячок Н. В. О трансформации типов мотивированности в рамках номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб». Объем понятия лексикализации / Н. В. Дьячок // Научный часопис НПУ ім. М. П. Драгоманова. Серія 9 Сучасні тенденції розвитку мов. Вип. 5. – Київ : НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2011. – С. 99 – 104.

126. Дьячок Н. В. Критерии определения понятия «ономасиологическая модель» для номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб» / Н. В. Дьячок // Наукові записки. Серія «Філологічна». Вип. 26. – Острог : Національний університет «Острозька академія», 2012. – С. 96 – 99.

127. Дьячок Н. В. Еще раз об особенностях лексикализации вербальных реализаций номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб» / Н. В. Дьячок // Мова і культура. Научный журнал. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011. – Вип. 14. – Т. VIII (154). – С. 110 – 115.

128. Дядечко Л. П. Структурные изменения при формировании крылатых выражений / Л. П. Дядечко // На терені юридичної та філологічної наук : зб. наук. праць, присвячений 50-річчю від дня народження і 25-річчю науково-педагогічної діяльності професора Ю. Ф. Прадіда. – Сімферополь : Елінь, 2006. – С. 145 – 151.

129. Ефремов Л. П. Основы теории лексического калькирования : учебн. пособие [для студентов филол. фак-тов вузов] / Л. П. Ефремов. – Алма-Ата : Изд-во КазГУ, 1974. – 191 с.

130. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ : типы фреймов / С. А. Жаботинская // Вісник Черкаського ун-ту : Серія «Філологічні науки». – 1999. – № 11. – С. 12 – 25.

131. Жаналина Л. К. Номинация и словообразовательные отношения : Спецкурс / Л. К. Жаналина. – Алматы, 1993. – 49 с.

132. Жарина О. А. Когнитивные основы высказывания: экономия речи в русском и английском языках / О. А. Жарина // Известия Южного

федерального университета : «Филологические науки». – 2011. – № 1. – С. 165 – 171.

133. Жирмунский В. М. О границах слова / В. М. Жирмунский // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 3 – 21.

134. Журавлев А. П. Аспекты значения слова и их восприятие / А. П. Журавлев // Восприятие языкового значения : межвузовский сборник. – Калининград : Изд-во Калининградского университета, 1980. – С. 3 – 11.

135. Загнітко А. П. Основи українського теоретичного синтаксису : навч. посібник [для студентів вищих навчальних закладів] / А. П. Загнітко. – Горлівка : Вид-во ГДПШМ, 2003. – Ч. 1. – 228 с.

136. Загнітко А. П. Прийменники у структурі тексту : первинні і вторинні вияви / А. П. Загнітко // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. – Вип. 15. – Донецьк : ДонНУ, 2007. – С. 120 – 131.

137. Загнітко А. П. Синтагматика прийменників зі значенням мети / А. П. Загнітко, Н. Г. Загнітко // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. – Вип. 15. – Донецьк : ДонНУ, 2007. – С. 131 – 142.

138. Загнітко А. П. Теоретичні аспекти семантичної типології прийменників / А. П. Загнітко // Филология в пространстве культуры : К 75-летию Е. С. Отина. – Донецьк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2007. – С. 113 – 121.

139. Загнітко А. П. Сучасні лінгвістичні теорії : [монографія] / А. П. Загнітко. – Донецьк : «Юго-Восток», 2007. – 219 с.

140. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение / А. А. Зализняк. – М. : Наука, 1967. – 369 с. – (АН СССР, Ин-т русского языка).

141. Зализняк А. А. О понимании термина падеж в лингвистических описаниях / А. А. Зализняк // Проблемы грамматического моделирования : сб. научн. трудов. – М. : Наука, 1973. – С. 53 – 88.

142. Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии : проект «Каталога семантических переходов» / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13 – 25.

143. Звегинцев В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во МГУ, 1957. – 322 с. – (Московский гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова).
144. Зверев А. Д. Словообразование в современных восточнославянских языках / А. Д. Зверев. – М. : Высшая школа, 1981. – 212 с.
145. Зеленин А. В. Компрессивное словообразование в эмигрантской прессе (1919-1939 гг.) / А. В. Зеленин // Вопросы языкознания. – 2007. – № 4. – С. 98 – 128.
146. Земская Е. А. Интерфиксация в современном русском словообразовании / Е. А. Земская // Развитие грамматики и лексики современного русского языка : сб. научн. трудов. – М. : Наука, 1964. – С. 36 – 62.
147. Земская Е. А. Современный русский язык : словообразование : [учебн. пособие для студентов пед. ин-тов] / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.
148. Земская Е. А. Проблемы словообразования на современном этапе / Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1978. – № 6. – С. 112 – 123.
149. Земская Е. А. Проблема регулярности в языкознании / Е. А. Земская // Международная научная конференция [«Деривация и история языка»]: тезисы докладов. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 1985. – С. 4 – 5.
150. Земская Е. А. Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
151. Земская Е. А. Словообразование и текст / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 17 – 30.
152. Зенков Г. С. Введение в языкознание : учебн. пособие [для студентов дистанционного обучения КГНУ] / Г. С. Зенков, И. А. Сапожникова. – Бишкек : ИИМОП КГНУ, 1998. – 218 с.

153. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 350 с. – (АН СССР, Ин-т русского языка).
154. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с. – (АН СССР, Ин-т русского языка).
155. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с. – (АН СССР, Ин-т русского языка).
156. Зубкова Л. Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языка (К проблеме произвольности языкового знака) / Л. Г. Зубкова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 55 – 66.
157. Зусман В. Т. Концепт в культурологическом аспекте / В. Т. Зусман // Межкультурная коммуникация : сб. научн. трудов. – Н. Новгород : Изд-во НГУ, 2001. – С. 38 – 53.
158. Іваненко С. В. Одиначне та особливе в лексико-семантичних групах на позначення кольору в сучасній російській мові : автореф. дис. на здоб наук. ступеня кандидата філол. наук : спец. 10.02.02 “Російська мова” / С. В. Іваненко. – Дніпропетровськ, 2001. – 20 с.
159. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. – М. : Просвещение, 1990. – 400 с.
160. Ильина В. А. К проблеме словообразовательного значения / В. А. Ильина // Исследование словообразования и лексики русского языка : Сб. науч. тр. – Фрунзе, 1985. – С. 20 – 27.
161. Ильина И. И. Универбаты – названия одежды в русском языке // Функционально-семантический и стилистический аспекты изучения лексики / И. И. Ильина. – Куйбышев, 1989. – С. 80 – 85.
162. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // Slavia. – 1958. – Roč. 27. – Seš. 3. – S. 334 – 352.

163. Исаченко А. В. О грамматическом значении / А. В. Исаченко // Вопросы языкознания – 1961. – № 1. – С. 28 – 43.
164. Искусственный интеллект машинного перевода : Интервью с профессором Г. Г. Белоноговым // Chip. – 2002. – № 5. – С. 142 – 145.
165. Ищенко И. Г. Особенности семантики и грамматики производного слова [Электронный ресурс] / И. Г. Ищенко // Вестник Амурского университета. – 2003. – № 3. – Режим доступа к журн. : <http://www.amursu.ru/vestnik/3/>. – Заголовок с экрана.
166. Калишан Е. Процессы семантической конденсации в современном русском языке / Е. Калишан // Przegląd rusycystyczny. Rocznik IV. Zeszyt 2 (14). – Warszawa, 1981. – S. 43 – 50.
167. Калишан Е. Семантическая конденсация в ее отношении к процессам универбации (на материале русского языка) / Е. Калишан // Przegląd rusycystyczny. Rocznik VIII. Zeszyt 1-2 (29-30). – Warszawa, 1986. – S. 95 – 102.
168. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность : культурные концепты : сб. научн. трудов. – Волгоград-Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3 – 16.
169. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. трудов. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75 – 80.
170. Карпенко Ю. О. Проблема нульових афіксів у слов'янських мовах / Ю. О. Карпенко // Восточноукраинский лингвистический сборник : сб. научн. трудов. – Вып. 8. – Донецк : Донеччина, 2002. – С. 326 – 334.
171. Карпіловська Є. А. Суфіксальна підсистема сучасної української літературної мови : будова та реалізація : автореф. дис. на здоб. наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Є. А. Карпіловська. – К., 2000. – 36 с.

172. Карпіловська Є. А. Кореневий гніздовий словник української мови : гнізда слів з вершинами – омографічними словами / Є. А. Карпіловська. – К. : Видавництво "Українська енциклопедія" ім. М. П. Бажана, 2002. – 912 с.
173. Касаткин Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант. – М. : Высшая школа, 1991. – 384 с.
174. Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики / В. Б. Касевич. – М. : Наука, 1977. – 183 с. : ил., сх., табл.
175. Касевич В. Б. Связанные словосочетания / В. Б. Касевич // Востоковедение : филологические исследования. – Вып. 9. – Л. : Наука, 1984. – С. 49 – 57.
176. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М.-Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1965. – 112 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
177. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 216 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
178. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. – 189 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
179. Керимов Э. А. Лингвистическая литература о проблеме русского слогаделения [Электронный ресурс] / Э. А. Керимов, Х. М. Тагиева // Язык и литература. – Баку, 2003. – № 4. – Режим доступа : <http://yazikiliteratura.boom.ru/linq4.htm>. – Заголовок с экрана.
180. Кияк Т. Р. Мотивированность лексических единиц / Т. Р. Кияк. – Львов : Изд-во ЛГУ, 1988. – 163 с. : сх. – (Львовский гос. ун-т).
181. Кияк Т. Р. О видах мотивированности лексических единиц / Т. Р. Кияк // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 98 – 107.

182. Клименко Л. П. ЛСГ в структуре связного текста / Л. П. Клименко, В. А. Симхович // Коммуникативные аспекты значения : сб. научн. трудов. – Волгоград : Изд-во Волгоградского пед. ин-та, 1990. – С. 90 – 91.

183. Клименко Н. Ф. Словотворна морфеміка сучасної української літературної мови / Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловська. – К., 1998. – 161 с. : табл. – (НАН України. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні).

184. Клименко Н. Ф. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові / Н. Ф. Клименко. – К. : Наукова думка, 1984. – 252 с. : табл., сх. – (НАН України. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні).

185. Кобрин Р. Ю. Еще раз о словосочетании / Р. Ю. Кобрин, К. Я. Авербух // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1979. – № 5. – С. 86 – 90.

186. Коваль А. Н. О субстантивации и прономинализации в свете данных языка с многоклассной системой / А. Н. Коваль // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 96 – 108.

187. Коваль Л. М. Інформативно недостатні слова української мови : семантика, функції : автореф. дис. на здоб наук. ступеня кандидата філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Л. М. Коваль. – К., 2004. – 23 с.

188. Кокшарова А. Н. Табу и аргю : к вопросу об общности словообразовательных процессов / А. Н. Кокшарова // Филологические исследования : сб. научн. трудов. – Вып. 7. – Донецк : Юго-Запад, 2004. – С. 212 – 218.

189. Колодяжний А. С. Прийменник : [мат-ли до лекцій з курсу суч. укр. літ. Мови] / А. С. Колодяжний. – Харків : Вид-во ХДУ, 1960. – 162 с.

190. Колшанский Г. В. Категория семантики в синтаксисе / Г. В. Колшанский // Вопросы Романо-германской филологии : синтаксическая семантика : научн. труды МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 122. – М., 1977. – С. 5 – 11.

191. Колшанский Г. В. О языковом механизме порождения текста / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 44 – 51.
192. Конюшкевич М. И. Предлог как синтаксемообразующий формант и структура синтаксемы / М. И. Конюшкевич // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – № 14. – С. 73 – 79.
193. Копоть Л. В. Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке : дисс. ... к. филол. наук : 10.02.01 / Копоть Лилия Владимировна. – Майкоп, 2005. – 210 с.
194. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость / Н. З. Котелова. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. – 164 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
195. Кочерга Г. Асоціативно-термінальна мотивація відіменникових дієслів у сучасній українській мові / Г. Кочерга // Вісник Львівського університету : Серія «Філологія». – 2004. – № 34. – С. 88 – 94.
196. Кочерган М. П. Загальне мовознавство : підручник [для філологічних спеціальностей вищих навчальних закладів] / М. П. Кочерган. – К. : «Академія», 2003. – 464 с.
197. Краснобаєва-Чорна Ж. В. Інтегральний підхід до інтерпретації концепту : філософський та лінгвокультурологічний вектори / Ж. В. Краснобаєва-Чорна // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – № 14. – С. 19 – 26.
198. Красухин К. Г. О загадке слова (слово как узел лингвофилософских проблем) / К. Г. Красухин // АРХЭ : ежегодник культурологического семинара. – Вып. 2. – М., 1996. – С. 382 – 386.
199. Кротевич Е. В. О связях слов : навч. посібник [для студентів філологічних факультетів вузів] / Е. В. Кротевич. – Львів : Вид-во Львівського державного університету, 1959. – 265 с.
200. Крысенко Т. В. Коннотация как часть прагматического значения слова / Т. В. Крысенко // Русская филология : украинский вестник :

республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 2005. – № 3. – С. 25 – 27.

201. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование? / Е. С. Кубрякова. – М. : Высшая школа, 1965. – 80 с.

202. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 64 – 76.

203. Кубрякова Е. С. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа / Е. С. Кубрякова, З. А. Харитончик // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С.17 – 23.

204. Кубрякова Е. С. Об основной единице словообразовательной системы языка / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1978. – С. 36 – 39.

205. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

206. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 199 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

207. Кубрякова Е. С. О номинативном аспекте речевой деятельности / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 13 – 22.

208. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 158 с. : ил. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

209. Кубрякова Е. С. Словоупотребление как процесс номинации и его отличительные формальные и содержательные характеристики / Е. С. Кубрякова // Теоретические основы словоупотребления и вопросы создания сложных лексических единиц : межвузовский сб. научн. трудов. – Пятигорск : Пятигорский пед. ин-т иностр. языков, 1988. – С. 3 – 23.

210. Кубрякова Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 90 – 93.

211. Кубрякова Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения : роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
212. Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. – К. : ИПЦ «Киевский университет», 2004. – 208 с. – (Киевский нац. ун-т.).
213. Кудрявцева Н. Г. О термине "концепт" в лингвокультурологии / Л. А. Кудрявцева // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 54. – С. 31 – 35.
214. Кузнецов П. С. Опыт формального определения слова / П. С. Кузнецов // Вопросы языкознания. – 1964. – № 5. – С. 75 – 77.
215. Кузнецова О. Д. О принципах лексикализации в русских говорах / О. Д. Кузнецова // Вопросы языкознания. – 1977. – № 1. – С. 109 – 114.
216. Кузнецова О. Д. О понятии лексикализации. Лексикализация фонетических явлений в говорах / О. Д. Кузнецова // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 113 – 118.
217. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка : учебн. пособие [для филол. фак-в] / Э. В. Кузнецова. – М. : Высшая школа, 1982. – 152 с.
218. Кузьмина Х. Х. О некоторых принципах изучения лексики тюркских письменных памятников / Х. Х. Кузьмина // Международная научная конференция [«Бодуэновские чтения : Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика»], (11-13 декабря 2001 г.) : труды и материалы : в 2 т. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 135 – 137.
219. Курилович Е. Р. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике : статьи / Е. Р. Курилович. – М. : Издательство иностранной литературы, 1962. – С. 237 – 250.
220. Кучеренко И. А. Лексичне значення прийменника / И. А. Кучеренко // Мовознавство. – 1973. – № 3. – С. 12 – 23.
221. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б. А. Ларин // История

русского языка и общее языкознание : статьи. – М.: Просвещение, 1977. – С. 125 – 149.

222. Левицкий В. В. Семасиология / В. В. Левицкий. – Вінниця : Нова книга, 2006. – 512 с.

223. Левковская К. А. Именное словообразование в современной немецкой общественно-политической терминологии и примыкающей к ней лексике / К. А. Левковская. – М. : Изд-во Акад. наук СССР 1960. – 163 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

224. Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала / К. А. Левковская. – М. : Высшая школа, 1962. – 296 с.

225. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века : научное издание. – М. : Наука, 1981. – 359 с.

226. Летюча Л. П. Дери́ваційна репрезентація категорії оцінки у сучасній російській мові : автореф. дис. на здоб наук. ступеня кандидата філол. наук : спец. 10.02.01 “Російська мова” / Л. П. Летюча. – К., 2004. – 20 с.

227. Лещак О. В. Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики : учебн. пособие [для студ. філол. фак-тов] / О. В. Лещак. – Тернополь : Підручники & посібники, 1996. – 445 с.

228. Лингвистический энциклопедический словарь / [глав. ред. В. И. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

229. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность : от теории словесности к структуре текста : антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280 – 287.

230. Ломоносов М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. – Л., 1952. – Т. 7 : Труды по филологии 1739-1758 гг. – С. 389 – 578.

231. Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка : [учебн. пособие] / Т. П. Ломтев. – М. : Учпедгиз, 1958. – 166 с.

232. Лопатин В. В. Нулевая суффиксация в системе русского словообразования / В. В. Лопатин // Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. – С. 76 – 82.
233. Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке / В. В. Лопатин // Русский язык : Грамматические исследования. – М. : Наука, 1967. – С. 205 – 233.
234. Лопатин В. В. О значении словообразовательного аффикса / В. В. Лопатин // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания : тезисы докладов секционных заседаний. – М. : МГУ, 1974. – С. 8 – 10.
235. Лопатин В. В. Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке / В. В. Лопатин // Вопросы языкознания. – 1975. – № 4. – С. 24 – 37.
236. Лопатин В. В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов / В. В. Лопатин // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, 1978. – С. 72 – 80.
237. Лопатин В. В. Новое в русском языке советской эпохи / В. В. Лопатин // Русский язык в школе. – 1987. – № 5. – С. 79 – 77.
238. Лукин М. Ф. Единство содержания и формы в категории падежа / М. Ф. Лукин // Русское языкознание : сб. научн. трудов. – Вып. 22. – К. : Лыбидь, 1991. – С. 59 – 65.
239. Луценко Н. А. Введение в лингвистику слова / Н. А. Луценко. – Горлівка : Вид-во ГДПШМ, 2003. – 141 с. – (Горлівський держ. пед. ін-т іноземн. мов).
240. Луценко Н. А. Грамматические категории в системе и узусе (глагол и имя) / Н. А. Луценко. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2003. – 202 с. – Библиогр. : с. 184 – 200.
241. Лучик А. А. Відображення еквівалентів слова в базових словниках української мови / А. А. Лучик // Бібліотечний вісник. – 2000. – № 3. – С. 35 – 38.

242. Лучик А. А. Еквіваленти слова в українській і російській мовах : автореф. дис. на здоб наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова”; 10.02.02 “Російська мова” / А. А. Лучик. – Київ, 2001. – 34 с.
243. Лучик А. А. Семантика прислівникових еквівалентів слова української і російської мов / А. А. Лучик. – К. : Довіра, 2001. – 218 с.
244. Лучик А. А. Російсько-український та українсько-російський словник еквівалентів слова / А. А. Лучик. – К. : Довіра, 2003. – 495 с. – (НАН України; Український мовно-інформаційний фонд).
245. Лучик А. А. Природа і статус еквівалентів слова в мовній системі / А. А. Лучик // Мовознавство. – 2006. – № 5. – С. 95 – 99.
246. Лыков А. Г. Слово как смежная единица языка / А. Г. Лыков // Единицы разных уровней в языке и речи : межвузовский сборник. – Краснодар, 1976. – Часть 3. – С. 41 – 49.
247. Лыков А. Г. Слово и предложение как единицы языка / А. Г. Лыков // Современная лингвистика : теория и практика : сб. научн. трудов. – Краснодар, 2002. – Часть 1. – С. 84 – 89.
248. Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц / Э. А. Макаев // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С. 47 – 53.
249. Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике / М. М. Маковский. – М. : Наука, 1980. – 212 с.
250. Максимов В. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке / В. Максимов. – Л. : Изд-во ЛУ, 1975. – 120 с.
251. Максим'юк О. В. Кореперентність нерозкладних компонентів у структурі речення : автореф. дис. на здоб наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / О. В. Максим'юк. – Чернівці, 2006. – 22 с.

252. Малаховский Л. В. Омонимическая группа как лексическая микросистема / Л. В. Малаховский // Вопросы строя индоевропейских языков. – М. : АН СССР, 1975. – С. 184 – 193.

253. Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии / Л. В. Малаховский. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. – 240 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

254. Мамедова Э. С. Существительное – первый, исходный компонент сложений в русском языке [Электронный ресурс] / Э. С. Мамедов // II Междунар. конгресс исследователей русского языка [«Русский язык : исторические судьбы и современность»], (18-21 марта 2004 г.): тезисы докл. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=12514>. – Заголовок с экрана.

255. Марков В. М. О семантическом способе образования слов / В. М. Марков // Русское семантическое словообразование. – Ижевск : Изд-во УдГУ, 1984. – С. 3 – 21.

256. Марков В. М. Избранные работы по русскому языку / В. М. Марков. – Казань : ДАС, 2001. – 275 с.

257. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М. : Прогресс, 1963. – С. 347 – 566.

258. Маслов Ю. С. Введение в языкознание : учебник [для филологических специальностей вузов] / Ю. С. Маслов. – М. : Высшая школа, 1975; 1987. – 272 с.

259. Маторина Н. М. Состав и структура словообразовательного гнезда с вершиной *десять* в современном русском языке / Н. М. Маторина // Язык, стиль, культура : сб. научн. трудов. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 1992. – С. 80 – 90.

260. Медведева Л. М. Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова / Л. М. Медведева // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 86 – 97.

261. Мельников Г. П. Типы мотивированности языковых знаков / Г. П. Мельников // Материалы семинара по проблемам мотивированности языкового знака. – Л. : Наука, 1969. – С. 3 – 6.
262. Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И. А. Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 73 – 80.
263. Мельчук И. А. Морфологический анализ при машинном переводе (преимущественно на материале русского языка) / И. А. Мельчук // Проблемы кибернетики : сб. научн. трудов. – Вып. 6. – М., 1961. – С. 207 – 276.
264. Мельчук И. А. О супплетивизме / И. А. Мельчук // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1972. – С. 396 – 438.
265. Мецлер А. А. Прагматика коммуникативных единиц / А. А. Мецлер. – Кишинев : Штиинца, 1990. – 103 с.
266. Милославский И. Г. Синтез словосочетания и производного слова / И. Г. Милославский // Вопросы языкознания. – 1977. – № 5. – С. 53 – 61.
267. Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза : [монография] / Игорь Григорьевич Милославский. – М. : МГУ, 1980. – 296 с.
268. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка / И. Г. Милославский. – М. : Просвещение, 1981. – 254 с.
269. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский ; [пер. с англ. О. Н. Гринбаума]. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
270. Моисеев А. И. Некоторые вопросы теории словосочетания / А. И. Моисеев // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1977. – № 2. – С. 54 – 60.
271. Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке : учебн. пособие [для студ. филол. фак-тов вузов] / А. И. Моисеев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 207 с.
272. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : учебн. пособие [для студ. филол. фак-тов] / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.

273. Молошная Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках / Т. Н. Молошная. – М. : Наука, 1975. – 240 с. : табл. – (АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики).

274. Моррис Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика : [сост. Ю. С. Степанов]. – М. : Акад. Проект, 2001. – С. 45 – 97.

275. Москальская О. И. Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка / О. И. Москальская // Норма и социальная дифференциация языка : доклады симпозиума. – М. : Наука, 1969. – С. 57 – 68.

276. Москович В. А. Статистика и семантика / В. А. Москович. – М. : Наука, 1969. – 304 с. : черт. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

277. Мугу Р. Ю. Полисемантизм соматической лексики (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык”; 10.02.20 “Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание” / Р. Ю. Мугу. – Майкоп, 2003. – 24 с.

278. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии / Л. Н. Мурзин. – Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та, 1984. – 56 с. – (Пермский гос. ун-т).

279. Мурысов Р. З. Словообразование и теория номинации / Р. З. Мурысов // Вопросы языкознания. – 1989.– № 2. – С. 39 – 53.

280. Мусорин А. Ю. Основы науки о языке : [учебн. пособие] / А. Ю. Мусорин. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2004. – 196 с.

281. Нагель О. В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики : когнитивно-функциональный аспект : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / О. В. Нагель. – Томск, 2005. – 18 с.

282. Назарова И. В. Лексика женских головных уборов в говорах юга нижегородской области : автореф. дисс. на соискание учен. степени

кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / И. В. Назарова. – Киров, 2008. – 23 с.

283. Науменко Ю. М. Ритмо-вокалическая структура русского и арабского слова в лингводидактическом аспекте : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.20 “Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание” / Ю. М. Науменко. – М., 2003. – 16 с.

284. Нелюба А. М. Осново- і словоскладання в контексті словотвірної номінації [Электронный ресурс] / А. М. Нелюба. – Режим доступа : http://www.philology.univer.kharkov.ua/Nauka_files/naukovi_konferencii/naukovi_konferencii.files/dopovidi/neluba.htm. – Заголовок с экрана.

285. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование : пособие [для филолог. спец. ун-тов] / В. Н. Немченко. – М. : Высшая школа, 1984. – 256 с.

286. Немченко В. Н. Супплетивизм как грамматическое явление (понятие и термины) / В. Н. Немченко // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского : Серия «Филология». – 2001. – № 1(2). – С. 163 – 173.

287. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Вышэйшая школа, 1985. – 158 с.

288. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании / В. М. Никитин. – Владимир : Изд-во ВГУ, 1974. – 160 с. – (Владимирский гос. ун-т).

289. Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) : учебн. пособие [для пед. вузов] / В. М. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983. – 127 с.

290. Никитин М. В. О тождествах с когнитивных позиций [Электронный ресурс] / В. М. Никитин // Научно-практическая конференция [«Англистика в XXI веке»], (22 – 24 ноября 2001 г, СПб) : материалы. –

Режим доступа : http://www.phil.pu.ru/depts/02/anglistikaXXI_01/43.htm. – Заголовок с экрана.

291. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование / Г. А. Николаев. – Казань : КГУ, 1987. – 224 с.

292. Николаева Т. М. Диахрония или эволюция (об одной тенденции развития языка) / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1991. – № 2. – С. 12 – 25.

293. Никонов В. А. Длина слова / В. А. Никонов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 6. – С. 104 – 111.

294. Новиков Л. А. Лексикализация форм числа существительных в русском языке (к вопросу о формах слова) / Л. А. Новиков // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1963. – № 1. – С. 77 – 90.

295. Новиков Л. А. Семантика русского языка : учебн. пособие [для университетов] / Л. А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.

296. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / [под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина]. – М., 1971.

297. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / [под ред. Н. З. Котеловой]. – М., 1984.

298. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / [под ред. Е. А. Левашова]. – СПб., 1997.

299. Образное мышление [Электронный ресурс] // Социально-гуманитарное и политологическое образование. – М. : РУДН, 2004. – Режим доступа : <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/70066>. – Заголовок с экрана.

300. Общее языкознание : формы существования языка / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. – М. : Наука, 1970. – 604 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

301. Оглезнева Е. А. Метафоричное словообразование как опыт номинации (на материале производных имен существительных амурских

говоров) / Е. А. Оглезнева // Вестник Амурского государственного университета. – 2003. – № 3. – С. 64 – 73.

302. Ожегов С. И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) / С. И. Ожегов // Лексикологический сборник. – Вып. 2. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 38 – 46.

303. Ольшанський О. Ю. Про слова, генетично співвідносні з словосполученнями (на матеріалі російської мови) / О Ю Ольшанський // Мовознавство. – 1989. – № 3. – С. 24 – 27.

304. Осипова Л. И. Суффиксальные универбы с непредметной семантикой в русском языке / Л. И. Осипова // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1991. – № 5. – С. 61 – 69.

305. Осипова Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании : суффиксальная универбация, усечение : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Осипова Людмила Ивановна. – Москва, 1999. – 506 с.

306. Осипова Л. И. Суффиксальная универбация как продуктивный способ образования новых слов в русской разговорной речи [Электронный ресурс] / Л. И. Осипова // Русский язык : исторические судьбы и современность : II Международный конгресс исследователей русского языка, (18-21 марта 2004 г) : тезисы докладов – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=12514>. – Заголовок с экрана.

307. Отин Е. С. Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм) / Е. С. Отин // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации : сб. науч. статей. – Донецк : ДонГУ, 1993. – С. 83 – 94.

308. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования / Ю. В. Откупщиков. – Л. : ЛГУ, 1967. – 206 с.

309. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
310. Панов М. В. О слове как единице языка / М. В. Панов // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. – М., 1956. – Т. 51. – С. 128 – 167.
311. Панов М. В. Русская фонетика / М. В. Панов. – М. : Просвещение, 1967. – 438 с. : ил.
312. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов. – М. : Наука, 1982. – 357 с.
313. Пастушенков Г. А. Структура русского слова в ее отношении к структурно-семантическому и функциональному уровням членения / Г. А. Пастушенков // Ученые записки Калининского пединститута. – Калинин : КГПИ, 1968. – Т. 53. – С. 56 – 62.
314. Перцова Н. Н. К проблеме семантических отношений между частями сложного слова / Н. Н. Перцова // Сб. научн. трудов. Московского лингвистического университета. – 2001. – № 452. – С. 48 – 55.
315. Петерсон М. Н. Русский язык : [пособие для преподавателей] / М. Н. Петерсон. – М.; Л. : Госиздат, 1925. – 123 с.
316. Петров А. В. Отфразеологическая деривация сквозь призму базовых понятий словообразования / А. В. Петров // Восточноукраинский лингвистический сборник : сб. научн. трудов. – Вип. 9. – Донецк : Донеччина, 2004. – С. 242 – 264.
317. Петров А. В. Деривационный аспект ЛСГ глаголов речи : гнезда сложных слов / А. В. Петров // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 60. – Т. 3. – С. 65 – 81.
318. Петров А. В. Гнезда сложных слов с функционально соотносительными компонентами *-лечить* и *-терапия* / А. В. Петров // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2006. – № 4 : Филология. – Том 19 (58). – С. 145 – 152.

319. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
320. Пешковский А. М. В чем, наконец, сущность формальной грамматики / А. М. Пешковский // Избранные труды. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 74 – 100.
321. Покровский М. М. Семантические исследования в области древних языков / М. М. Покровский. – М., 1896. – 123 с.
322. Поливанов Е. Д. Избранные работы : Труды по восточному и общему языкознанию / [Редколлегия: И. Ф. Вардуль (предс.), В. М. Алпатов, Ф. Д. Ашнин, Вяч. Вс. Иванов, Л. Р. Концевич, А. А. Леонтьев; Институт востоковедения АН СССР]. – М. : Наука, 1991. – 624 с.
323. Пономарева М. Н. К вопросу о разграничении омонимии и полисемии / М. Н. Пономарева // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений : межвуз. сб. научн. трудов. – Выпуск 12. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2006. – С. 163 – 167.
324. Попова З. Д. Лексическая система языка : [учебн. пособие] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1984. – 145 с.
325. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. – 186 с.
326. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
327. Попова З. Д. Общее языкознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 412 с.
328. Попова М. А. Определение понятия «номинативная единица» в контексте исследования лексико-фразеологических инноваций / М. А. Попова // Новое в славянской филологии. – Вып. 4. – Севастополь, 2009. – С. 173 – 178.
329. Постникова С. В. К вопросу о референциально-прагматической природе языковых знаков / С. В. Постникова // Вестник Нижегородского

государственного университета им. Н. И. Лобачевского : Серия «Филология». – 2001. – № 1(2). – С. 202 – 207.

330. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике : в 4 т / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1958.

331. Потебня А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1988. – 623 с.

332. Потебня А. А. Полное собрание трудов : мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.

333. Потиха З. А. Современное русское словообразование : учебн. пособие [для студ. пед. вузов] / З. А. Потиха. – М. : Просвещение 1970. – 384 с.

334. Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке / Н. Н. Прокопович. – М. : Просвещение, 1966. – 400 с.

335. Прохоров Ю. Е. Еще раз о концепте : лингвокультурологические рассуждения [Электронный ресурс] / Ю. Е. Прохоров // Известия Уральского гос. ун-та. – № 35(2005) : Гуманитарные науки. – Выпуск 9. – Режим доступа : [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0035\(01_09-2005\)&xsl=showArticle.xslt&id=a21&doc=../content.jsp/](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0035(01_09-2005)&xsl=showArticle.xslt&id=a21&doc=../content.jsp/). – Заголовок с экрана.

336. Ракова А. А. Стилистические особенности производных на *-ник* в современном русском языке / А. А. Ракова // Словообразование и стилистика современного русского языка. – Казань : КГУ, 1991. – С. 74 – 79.

337. Реформатский А. А. Введение в языковедение : учебник [для вузов] / А. А. Реформатский. – М. : Просвещение, 1967. – 542 с.

338. Рогова В. Н. Словообразовательная система русского языка в XVI веке (по материалам публицистических произведений) / В. Н. Рогова. – Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1972. – 528 с.

339. Рогожникова Р. П. Варианты слова в русском языке / Р. П. Рогожникова. – М. : Просвещение, 1966. – 116 с.

340. Рогожникова Р. П. Об эквивалентах слова в русском языке / Р. П. Рогожникова // Вопросы языкознания. – 1977. – № 5. – С. 110 – 117.

341. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976; 1985. – 400 с.
342. Рохлина Л. А. Вербиальная объективация и репрезентация логико-мыслительной категории локальности (на материале русского и французского языков) : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / Л. А. Рохлина. – Ульяновск, 2006. – 21 с.
343. Руделев В. Г. Слово / В. Г. Руделев // Лингвистика : взаимодействие концепций и парадигм : межведомственная научно-теорет. конф. : материалы. – Вып. 1. – Харьков, 1991. – С. 70 – 72.
344. Рудницька Л. І. Аббревіатури як особливий клас засобів номінації в сучасній українській мові / Л. І. Рудницька // Матеріали III Міжнародної конференції [«Лексико-грамматические инновации в современных восточнославянских языках»]. – Днепропетровск : Пороги, 2007. – С. 54 – 56.
345. Русанівський В. М. Вчення О. Потебні про внутрішню форму / В. М. Русанівський // Творча спадщина О. О. Потебні й сучасні філологічні науки : зб. наук. праць. – Харків, 1985. – С. 3 – 6.
346. Русанівський В. М. Поняття семантичного і стилістичного інваріанта / В. М. Русанівський // Мовознавство. – 1981. – № 3. – С. 9 – 20.
347. Русанівський В. М. Структура лексичної і граматичної семантики / В. М. Русанівський. – К. : Наукова думка, 1988. – 240 с. – (АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні).
348. Русская грамматика / [под ред. Н. Ю. Шведова]. – М. : Наука, 1970. – 768 с.
349. Русская грамматика : в 2 т. / [гл. ред. Н. Ю. Шведова]. – М. : Наука 1980.– Т. 1. – 784 с.
350. Русский язык : энциклопедия / [гл. ред. Ф. П. Филин]. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – 431 с.

351. Русский язык : энциклопедия / [гл. ред. Ю. Н. Караулов]. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. – 703 с.

352. Рымарь Р. М. Лексическая и грамматическая деривация имен существительных категории субъективной оценки в языке фольклора (на материале русских частушек) / Р. М. Рымарь. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 1990. – 190 с.

353. Ряшенцев К. Л. Сложные слова и их компоненты в современном русском языке : [учебн. пособие] / К. Л. Ряшенцев. – Орджоникидзе : Изд-во СОГУ, 1976. – 285 с.

354. Сахарный Л. В. Словообразование как синтаксический процесс / Л. В. Сахарный // Проблемы структуры слова и предложения : сб. науч. трудов. – Пермь : Изд-во ПГУ, 1974. – С. 27 – 37.

355. Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования / Л. В. Сахарный. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 97 с. – (Ленинградский гос. ун-т).

356. Сахибгареева Л. Ф. Проблема аббревиации в разноструктурных языках : деривационно-номинативные аспекты [Электронный ресурс] / Л. Ф. Сахибгареева, Т. М. Гарипов // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – Режим доступа : <http://iz.bspu.ru/index.php?in=vestnik/saxib.html>. – Заголовок с экрана.

357. Сегаль М. М. О некоторых типах этимологических дублетов в современном английском языке / М. М. Сегаль // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1958. – Т. 114. – С. 115 – 128.

358. Сегаль М. М. Аббревиатуры в современном английском языке / М. М. Сегаль // Вопросы английской филологии : сб. научн. трудов. – Л. : Изд-во ЛГПИ, 1962. – С. 216 – 288.

359. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.

360. Селіванова О. О. Субстантивні композити в українській та російській мовах / О. О. Селиванова // Мовознавство. – 1992. – № 6. – С. 19 – 22.
361. Селіванова О. О. Складне слово : мовні моделі світу (основи зіставної композитології російської та української мов) / О. О. Селиванова. – Черкаси : Черкаський державний університет ім. Б. Хмельницького, 1996. – 299 с.
362. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : напрями та проблеми / О. О. Селіванова. – Довкілля-К, 2008. – 712 с.
363. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
364. Селіванова О. О. Світ свідомості в мові / О. О. Селіванова. – Черкаси : Ю. Чабаненко, 2012. – 488 с.
365. Селищев А.М. Старославянский язык / А. М. Селищев. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – Ч. 2. – 206 с.
366. Семенюк Н. Н. Некоторые вопросы изучения вариантности / Н. Н. Семенюк // Вопросы языкознания. – 1965. – № 1. – С. 48 – 55.
367. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи. – М. : Прогресс, 1980. – 228 с.
368. Сергеева Г. Н. Лексикализованные предложно-падежные словоформы как одна из структурных разновидностей эквивалентов слова / Г. Н. Сергеева // Лингвистический вестник Сибири : сб научн. трудов. – Вып. 2. – Красноярск : Изд-во КрасГУ, 2000. – С. 60 – 67.
369. Серебренников Б. А. О сущности процессов изменения слов и словосочетаний и о природе и характере структуры слова в тюркских и финно-угорских языках / Б. А. Серебренников // Морфологическая структура слова в языках разных типов : сб. научн. трудов. – М.-Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1963. – С. 213 – 222.
370. Сидоренко Е. Н. Лингвистика ономотологических единиц как одно из направлений развития языкознания в XXI веке / Е. Н. Сидоренко //

Зб. лінгв. праць : до 60-річчя проф. О. А. Колеснікова. – Ізмаїл, 2000. – С. 72 – 79.

371. Сидоренко Е. Н. Ономатологические единицы в современном русском языке : типология, структура, грамматические особенности / Е. Н. Сидоренко, Т. Б. Гирская, Е. А. Пономаренко // Русская филология : украинский вестник. – Харьков, 2001. – № 1-2(18). – С. 11 – 14.

372. Сидоренко Е. Н. Единицы именования в современном русском языке / Е. Н. Сидоренко // Лексикология. Семасиология : межрегиональный сб. научн. статей. – Белгород, 2001. – С. 8 – 11.

373. Сидоренко Е. Н. Функциональная ономазиология и проблемы развития современной лингвистики / Е. Н. Сидоренко // Международная конференция [«Функциональная лингвистика : итоги и перспективы»], (30 сентября – 4 октября 2002 г. г. Ялта). – Симферополь, 2002. – С. 243 – 244.

374. Сидоренко Е. Н. Морфология современного русского языка (части речи и контаминанты) : [учебн. пособие для студентов-филологов] : в 2-х ч. / Е. Н. Сидоренко. – Симферополь : Еліньо, 2003. – Ч. 2. – 165 с.

375. Сидоренко Е. Н. От понятийных категорий – к языковым смыслам и средствам их выражения / Е. Н. Сидоренко // На терені юридичної та філологічної наук : зб. наук. праць, присвячений 50-річчю від дня народження і 25-річчю науково-педагогічної діяльності проф. Ю. Ф. Прадіда. – Симферополь : Еліньо, 2006. – С. 272 – 277.

376. Сидоренко О. М. Про поняття універбізації в сучасному слов'янському мовознавстві / О. М. Сидоренко // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 42 – 47.

377. Сидоренко Е. Н. К вопросу о мотивационной базе универбов (на материале словацкого и украинского языков) / Е. Н. Сидоренко // Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. – М., 1993. – С. 110 – 124.

378. Сидоренко Е. Н. Языковые смыслы в современном русском языке : типология, средства выражения / Е. Н. Сидоренко // Русистика :

сборник научных трудов. – Вып. 11. – К. : «Київський університет», 2011. – С. 41 – 47.

379. Симакова О. Б. Лексико-семантическая группа "Орнитонимы" (На материале русского и французского языков) : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 "Русский язык"; 10.02.19 "Теория языка" / О. Б. Симакова. – Пенза, 2003. – 23 с.

380. Ситянина Н. В. Структурно-семантическое исследование наименований объектов и явлений природы в современном английском языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Наталия Викторовна Ситянина. – Санкт-Петербург, 2003. – 146 с.

381. Скляревская Г. Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания / Г. Н. Скляревская // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 58 – 65.

382. Словарь иностранных военных сокращений / [сост. Г. А. Судзиловский]. – М. : Воениздат, 1961. – 896 с.

383. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х - середина 80-х годов) / [под ред. Н. З. Котеловой]. – СПб., 1995.

384. Словообразование современного русского языка. – М. : Наука, 1968.

385. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») / А. И. Смирницкий // Вопросы теории и история языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 15 – 37.

386. Смирницкий А. И. Образования типа stone wall, speech sound в английском языке / А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. – Вып. 2. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 99 – 103.

387. Смирницкий А. И. Так называемая конверсия и чередования звуков в английском языке / А. И. Смирницкий // Иностр. яз. в школе. – 1953. – № 5. – С. 20 – 31.

388. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема тождества слова) / А. И. Смирницкий // Труды ин-та языкознания АН СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 4. – С. 3 – 50.

389. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове / А. И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя : сб. научн. трудов. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 11 – 53.

390. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка : учебн. пособие [для студентов] / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1956. – 364 с. – (Библиотечка филолога).

391. Смирницкий А. И. Значение слова и его семантика / А. И. Смирницкий // Вопросы языкознания. – 1960. – № 3. – С. 112 – 116.

392. Снитко Е. С. Деривация и ее виды в русском языке / Е. С. Снитко // Русское языкознание. – 1982. – Вып. 4. – С. 84 – 89.

393. Снитко Е. С. Внутренняя форма в процессах номинации (на материале русского языка) : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Е. С. Снитко. – Киев, 1990. – 35 с.

394. Соболева А. П. Исследование словообразовательной системы на основе аппликативной порождающей модели / А. П. Соболева // Ученые записки Тартусского университета. – Тарту : ТГУ, 1969. – С. 156 – 178.

395. Соболевский А. И. Труды по истории русского языка : в 2 т. / А. И. Соболевский. – М. : Языки славянских культур, 2006. – Т. 2 : Статьи и рецензии. – 688 с.

396. Современный русский литературный язык : учебник [для вузов] / [под ред. П. А. Леканта]. – М. : Высшая школа, 1982. – 399 с.

397. Современный русский язык. Морфология : курс лекций / [под ред. В. В. Виноградова]. – М. : Изд-во МГУ, 1952. – 520 с.

398. Современный русский язык : [учебн. пособие для вузов / сост. В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов] : в 3 ч. – М. : Просвещение, 1981. – Ч. 3 : Синтаксис. Пунктуация. – 271 с.

399. Современный русский язык : [учебник для вузов / под ред. В. А. Белошапковой]. – М. : Высшая школа 1981. – 800 с.
400. Соколов О. М. Имплицитная морфология русского языка / О. М. Соколов. – Нежин : Гідромакс, 2010. – 183 с.
401. Соколовская Ж. П. Проблема многозначности в лингвистической концепции А. А. Потебни / Ж. П. Соколовская // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1989. – № 2. – С. 46 – 51.
402. Соколовская Т. Д. Нормативные сокращения в современном русском языке / Т. Д. Соколовская. – М. : Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2000. – 75 с.
403. Солнцев А. В. Виды номинативных единиц / А. В. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 133 – 137.
404. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование (к проблеме онтологии языка) : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / В. М. Солнцев. – М., 1970. – 36 с.
405. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1977. – 344 с. – (АН СССР, Ин-т востоковедения).
406. Солодуб Ю. П. Типология значений языковых единиц докоммуникативного уровня (функциональный аспект анализа) / Ю. П. Солодуб // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1988. – № 5. – С. 37 – 46.
407. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка : 30-90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. – М.-Л., 1965.
408. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. ; [пер. с фр. А. А. Холодовича] // Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 30 – 269.

409. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб : Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1890-1909.
410. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский. – М., 1989.
411. Степанов Ю. С. Основы языкознания : [для студ. филол. фак-тов пед. ин-тов] / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1966. – 272 с.
412. Степанов Ю. С. Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР . – 1973. – № 4. – С. 340 – 355.
413. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания : учебн. пособие. [для студ. филол. фак-тов пед. ин-тов] / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
414. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40 – 76.
415. Степанова М. Д. К вопросу о синтаксической природе словосложения / М. Д. Степанова // Ученые записки МГПИИЯ. – М., 1959. – Т. 19. – С. 305 – 341.
416. Степанова М. Д. Вопросы лексико-семантического тождества (на материале современного немецкого языка) / М. Д. Степанова // Вопросы языкознания. – 1967. – № 2. – С. 89 – 97.
417. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики / М. Д. Степанова. – М. : МГУ, 1968. – 84 с.
418. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1976. – 156 с.
419. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – 171 с.
420. Стернин И. А. Национальная специфика мышления и проблема лакунарности / И. А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и

реализации : сб. научн. тр. – Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного университета, 1998. – С. 22 – 31.

421. Стішов О. А. Відфраземні деривати-неологізми в сучасній українській мові / О. А. Стішов // Мовознавство. – 1990. – № 2. – С. 64 – 66.

422. Столярова Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – Киев : Изд-во гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.

423. Стукало І. Проблема варіантності у мовознавстві / І. Стукало // Вісник Львівського нац. ун-ту : Серія «Філологія». – Вип. 38. – Львів, 2006. – С. 24 – 31.

424. Суняйкина С. Д. Поэтические варианты слов в немецком языке / С. Д. Суняйкина // Международная научная конференция [«Бодуэновские чтения : Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика»], (11-13 дек. 2001 г.) : в 2 т. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 121 – 123.

425. Сусов И. П. История языкознания / И. П. Сусов. – М. : Восток-Запад, 2006. – 296 с.

426. Сусов И. П. Введение в языкознание / И. П. Сусов. – М. : Восток-Запад, 2007. – 384 с.

427. Сэпир Э. Язык / Э. Сэпир ; [пер. с англ. А. М. Сухотин]. – М.-Л. : Соцэкгиз, 1934. – 223 с.

428. Тазетдинова Р. Р. Языковой концепт как базовый термин лингвокультурологии [Электронный ресурс] / Р. Р. Тазетдинова // Международная научная конференция [«Межкультурный диалог на евразийском пространстве»], (30 сентября – 2 октября 2002 г.). – Режим доступа : http://www.bashedu.ru/evrazia/f_s/f_tazetdinova.rtf. – Заголовок с экрана.

429. Тараненко А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах / А. А. Тараненко. – К. : Наукова думка, 1989. – 254 с. – (АН УССР, Ин-т языковедения им. А. А. Потебни).

430. Телия В. Н. Что такое фразеология? / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1966. – 87 с. – Библиогр. в пристр. сносках.
431. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация : виды наименований : сб. научн. тр. – М. : Наука, 1977. – С. 129 – 221.
432. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 143 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
433. Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
434. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Люсьен Теньер ; [пер. с фр. И. М. Богуславського]. – М. : Прогресс, 1988. – 653 с.
435. Теркулов В. И. Этимологические дублеты латино-романского происхождения в русском языке : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.19 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Донецк, 1994. – 202 с.
436. Теркулов В. И. К вопросу о «нулевой флексии» / В. И. Теркулов // Нариси досліджень у галузі гуманітарних наук в педвузі. – Горлівка : ГДПШМ, 1995. – С. 353 – 355.
437. Теркулов В. И. Лексикалізація як спосіб словотвору (на матеріалі російської та української мов) / В. И. Теркулов // Лінгвістичні дослідження : зб. наук. праць. – Вип. 1. – Донецьк : Лебідь, 2002. – С. 37 – 48.
438. Теркулов В. И. Структура лексемы как система межглоссовых отношений / В. И. Теркулов // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : научно-методический сборник. – Вып. 11. – Славянск : СГПУ, 2003. – С. 98 – 104.
439. Теркулов В. И. О понятии «номинатема» / В. И. Теркулов // Східнослов'янська філологія : зб. наук. праць. – Вип. 4. – Горлівка : Вид-во ГДПШМ, 2004. – С. 45 – 52.

440. Теркулов В. И. О средствах выражения падежного значения (к проблеме “нулевой” флексии) / В. И. Теркулов // Филологические исследования : сб. научн. трудов. – Вып. 6. – Донецк : Юго-восток, 2004. – С. 262 – 271.

441. Теркулов В. И. О разграничении процессов лексикализации и вербализации / В. И. Теркулов // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии : научно-методический сборник. – Вып. 12. – Славянск : СГПУ, 2005.

442. Теркулов В. И. Особенности заимствования композитивно-номинатом / В. И. Теркулов // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка : «Філологічні науки» : зб. наук. праць. – Луганськ : Альма-матер, 2005. – № 15 (95). – Ч. 1. – С. 72 – 78.

443. Теркулов В. И. Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луганського національного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка : «Філологічні науки» : зб. наук. праць. – Луганськ : Альма-матер, 2006. – № 11 (106). – С. 127 – 137.

444. Теркулов В. И. Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. – Горловка : ГГПИИЯ, 2007. – 240 с.

445. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 404 с.

446. Теркулов В. И. Параметры ономаσιологической классификации универбализационных композитов / В. И. Теркулов // Вісник Луганського нац. пед. ун-ту ім. Тараса Шевченко: «Філологічні науки». – 2008. – № 13 (152). – С. 183 – 191.

447. Теркулов В. И. Номинатема: опыт определения и описания / В. И. Теркулов. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 228 с.

448. Теркулов В. И. Основы ономаσιологической классификации русских и украинских композитов со значением «процессуальность» / В. И. Теркулов, О. В. Блюмина // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы. – Волгоград : ВГУ, 2010. – С. 216 – 231.
449. Теркулов В. И. Реэтимологизация композитов / В. И. Теркулов // Современные подходы к исследованию ментальности : сборник статей. – СПб : СПбГУ, 2011. – С. 119 – 125.
450. Тер-Минасова С. Г. Можно ли опровергнуть учение о словосочетании / С. Г. Тер-Минасова, Н. Б. Гвишиани // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1977. – № 2. – С. 61 – 67.
451. Тимофеев В. П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке : учебн. пособие [для студ. пед. ин-тов] / В. П. Тимофеев. – Свердловск : Изд-во Свердловского пединститута, 1971. – 185 с.
452. Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка : курс лекций / А. Н. Тихонов. – Самарканд : Изд-во СГУ, 1973. – 387 с.
453. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – 576 с.
454. Тишківська Н. Я. Структурно-семантичні зв'язки в словотвірному гнізді кореня *-рад-* у сучасній українській мові / Н. Я. Тишківська // Українське мовознавство. – Вип. 10. – К., 1982. – С. 56 – 60.
455. Толковый переводоведческий словарь / [под ред. Л. Л. Нелюбина]. – М. : Флинта, 2003. – 320 с.
456. Толковый словарь русского языка конца XX столетия. Языковые изменения / [под ред. Г. Н. Складневской]. – СПб., 1998.
457. Торопцев И. С. Лексическая мотивированность (на материале русского литературного языка) / И. С. Торопцев // Ученые записки Орловского педагогического института. – Орел, 1964. – Т. 22. – С. 21 – 27.

458. Троицкий В. Н. Основные принципы словообразования / В. Н. Торопцев // Уч. зап. первого Ленинградского гос. пед. ин-та иностр. языков. – Ленинград, 1940. – Т. 14. – С. 290 – 302.
459. Тропина Н. П. Семантическая деривация в современном русском языке / Н. П. Тропина // Материалы межвузовской научной конференции [«Лингвистические / психолингвистические проблемы усвоения второго языка»], (25 – 28 ноября 2002 г.). – Пермь, 2003. – С. 190 – 192.
460. Тропина Н. П. Семантическая деривация : мультипарадигмальное исследование / Н. П. Тропина. – Херсон : Изд-во ХГУ, 2003. – 336 с.
461. Тропіна Н. П. Семантична деривація в сучасній російській мові : автореф. дис. на здоб наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.02 “Російська мова” / Н. П. Тропіна. – Київ, 2004. – 36 с.
462. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой ; [пер. с нем. А. А. Холодовича]. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 372 с.
463. Трубецкой Н. С. Отношение между определяемым, определением и определенностью / Н. С. Трубецкой // Избранные труды по филологии. – М. : Наука, 1987. – С. 37 – 43.
464. Труевцева О. Н. Английский язык : особенности номинации / О. Н. Труевцева. – Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1986. – 248 с. – (АН СССР, Каф. иностр. языков).
465. Тукова Т. В. Антиномия кода и текста в современном русском языке / Т. В. Тукова // Восточноукраинский лингвистический сборник : сб. научн. трудов. – Вып. 9. – Донецк, 2004. – С. 346 – 358.
466. Тукова Т. В. Морфологическая вариативность как языковая проблема / Т. В. Тукова // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. – Донецьк : ДонНУ, 2007. – № 15. – С. 204 – 209.
467. Тулина Т. А. Особенности семантической структуры атрибутивных словосочетаний в русской разговорной речи / Т. А. Тулина // Русское языкознание. – Вып. 1. – К. : Изд-во при Киевском ун-те, 1980. – С. 70 – 78.

468. Турыгина Л. А. Моделирование языковых структур средствами вычислительной техники : учебн. пособие [для студ. филол. фак-тов вузов] / Л. А. Турыгина. – М. : Высшая школа, 1988. – 176 с.

469. Тышлер И. С. О проблемах омонимии в английском языке : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / И. С. Тышлер. – М., 1966. – 20 с.

470. Українська мова : енциклопедія / [за ред. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін.]. – К. : «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2007. – 854 с.

471. Улуханов И. С. Компоненты значения членимых слов / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2 – С. 73 – 75.

472. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М. : Наука 1977. – 256 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

473. Улуханов И. С. О степенях словообразовательной мотивированности слов / И. С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С. 74 – 89.

474. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка : [монография] / Игорь Степанович Улуханов. – М. : ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 313 с.

475. Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М. : Прогресс, 1970. – С. 250 – 299.

476. Успенский Б. А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий / Б. А. Успенский // Избранные труды. – М. : Школа «языки русской культуры», 1997. – Т. III : Общее и славянское языкознание. – С. 58 – 77.

477. Устименко И. А. Ономаσιологический аспект семантической конденсации / И. А. Устименко // Лексикология. Семасиология. – Белгород : БелГУ, 2001. – С. 19 – 25.

478. Устименко И. А. Словарь семантических конденсатов русского языка / И. А. Устименко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2004. – 272 с.

479. Устименко И. А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании : [монография] / И. А. Устименко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 132 с.

480. Уфимцева А. А. Структурная организация лексики и ее единиц / А. А. Уфимцева // Общее языкознание : внутренняя структура языка. – М. : Наука, 1972. – С. 394 – 454.

481. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1974. – 206 с.

482. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация : виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 5 – 85.

483. Уфимцева А. А. Семантика слова / А. А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований : сб. научн. трудов. – М. : Наука, 1980. – С. 5 – 80.

484. Уфимцева А. А. Лексическое значение : принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.

485. Уханов Г. П. Об отношении сложносокращенных слов к словосочетаниям с той же предметной отнесенностью / Г. П. Уханов // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1961. – № 1. – С. 187 – 196.

486. Ушкова Н. В. Аналитическая репрезентация концепта в языке : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / Н. В. Ушкова. – Тамбов, 2006. – 44 с.

487. Фадеева Ю. А. К определению понятия «концепт» / Ю. А. Фадеева // Русская филология : украинский вестник. – Харьков, 2005. – № 3. – С. 41 – 43.

488. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер – М. : Прогресс, 1986. – С. 274.
489. Федорова М. В. О типах номинации в русском языке / М. В. Федорова // Вопросы языкознания. – 1979. – № 3. – С. 132 – 137.
490. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Езиковедски исследования в чест на акад. Стефан Младенов. – София, 1957. – С. 536 – 539.
491. Филин Ф. П. О слове и вариантах слова / Ф. П. Филин // Морфологическая структура слова в языках различных типов : сб. научн. трудов. – М.-Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1963. – С. 131 – 140.
492. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Зарубежная лингвистика. – М. : Прогресс, 1999. – С. 127 – 258 .
493. Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко]. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 574 с.
494. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология / М. И. Фомина. – М. : Высшая школа, 2001. – 415 с.
495. Фомина Т. Г. О роли ударения в русском словообразовании / Т. Г. Фомина // Словообразование и стилистика современного русского языка. – Казань : КГУ, 1991. – С. 116 – 125.
496. Форменко Ю. В. Является ли словосочетание единицей языка? / Ю. В. Форменко // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1975. – № 6. – С. 60 – 65.
497. Фрей А. Сосюр против Соссюра? Статьи разных лет / Фрей Анри ; [пер. с фр. В. Д. Мазо]. – М. : КомКнига, 2006. – 208 с. – (Женевская лингвистическая школа).
498. Хамидуллина А. М. Лексико-семантическая характеристика аффиксальных дериватов с включением / А. М. Хамидуллина, Л. А. Самохина // Исследование по семантике. Лексическая и

фразеологическая семантика. – Уфа : Изд-во Башкирского у-та, 1982. – С. 23 – 31.

499. Харченко С. Ю. Реализация активных словообразовательных типов и моделей в лексических новообразованиях начала XXI века / С. Ю. Харченко // Язык региона : Лексика. Грамматика. Функциональное пространство. – Волгоград, 2009. – С. 139 – 158.

500. Хидекель С. С. Семантические особенности основных единиц словообразовательной модели / С. С. Хидекель // Иностр. языки в школе. – 1977. – № 4. – С. 12 – 16.

501. Хлебникова И. Б. Основы английской морфологии : учебн. пособие / И. Б. Хлебникова. – М. : Высшая школа, 1994. – 124 с.

502. Цыганенко Г. П. Русский язык. Морфемика. Словообразование. Этимология : учебн. пособие [для студентов филологических специальностей] / Г. П. Цыганенко. – Донецк : КИТИС, 1999. – 316 с.

503. Чепасова А. М. Импликация и ее следствия во фразеологии / А. М. Чепасова // Проблема тождества фразеологических единиц : сб. научн. трудов. – Челябинск, 1990. – С. 45 – 56.

504. Черемухина Т. К. К проблеме сопоставления языковой и речевой номинаций : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.05 “Романские языки” / Т. К. Черемухина. – М., 1980. – 24 с.

505. Чуешкова О. В. Аналітичні номінації в економічній терміносистемі (структурно-типологічний аспект) : автореф. дис. на здоб наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / О. В. Чуешкова. – Харків, 2003. – 18 с.

506. Чумак Л. М. Складні та складнопохідні одиниці в словотворі сучасної англійської мови / Л. М. Чумак // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка. – 2004. – № 17. – С. 265 – 266.

507. Чурилова Н. А. Композиты в составе русских глагольных гнезд (Механизмы слово- и семообразования) : автореф. дисс. на соискание учен.

степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. А. Чурилова. – Арзамас, 2005. – 26 с.

508. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию : учебн. пособие [для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература»] / Н. М. Шанский. – М. : Изд-во МГУ, 1966 – 1968. – 310 с.

509. Шанский Н. М. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху / Н. М. Шанский // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 155 – 166.

510. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка : учебн. пособие [для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература»] / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 327 с.

511. Шанский Н. М. Современный русский язык : учебн. пособие [для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература»] : в 3 частях / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – 2-е изд. – Ч. 2. Словообразование. Морфология. – М. : Просвещение. 1981. – 270 с.

512. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учебн. пособие [для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература»] / Н. М. Шанский. – М. : Высшая школа, 1996. – 160 с.

513. Шаповалова А. П. Опыт построения общей теории аббревиации (На материале французских сокращенных лексических единиц) : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.19 / Шаповалова Александра Петровна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 421 с.

514. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Учение о предложении и о словосочетаниях / А. А. Шахматов. – Вып. 1. – Л., 1925. – 437 с.

515. Шведова Н. Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова. – М. : Изд-во Института русского языка им. В. В. Виноградова, 1995. – 120 с.

516. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими пространства / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.

517. Шевелева А. Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (На материале современного английского языка) : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / А. Н. Шевелева. – СПб, 2003. – 23 с.

518. Шигапова С. М. К трактовке понятия синтаксического варианта в плане решения дихотомии “инвариант-вариант” [Электронный ресурс] / С. М. Шигапова // Вестник АмГУ. – 1999. – № 4. – Режим доступа к журналу : <http://www.amursu.ru/vestnik/4/>. – Заголовок с экрана.

519. Шигапова С. М. Вариантность слова и проблема типологии вариантов [Электронный ресурс] / С. М. Шигапова // Вестник АмГУ. – 2000. – № 3. – Режим доступа к журналу : <http://www.amursu.ru/vestnik/3/>. – Заголовок с экрана.

520. Ширшов И. А. Теоретические проблемы гнездования / И. А. Ширшов // Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря современного русского языка : сб. научн. работ. – Грозный, 1991. – С. 5 – 76.

521. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1964. – 260 с.

522. Шмелев Д. Н. Введение / Д. Н. Шмелев // Способы номинации в современном русском языке. – М. : Наука, 1982. – С. 25 – 44.

523. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 278 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).

524. Шмелев Д. Н. Современный русский язык : Лексикология : учебн. пособие. [для студ. пед. ин-тов по спец. «Русский язык и литература»]. – М. : Просвещение, 1977. – 253 с.

525. Штейнберг Н. М. Словосочетание, сложное слово или суффиксальное слово / Н. М. Штейнберг // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1977. – № 2. – С. 88 – 96.

526. Шумагер А. И. К проблеме универбации в лингвистике // Лексические категории (на материале немецкого языка) / А.И. Шумагер. – Калинин, 1984. – 146 с.

527. Шумарин С. И. Компрессивные способы словообразования в современном русском языке / С. И. Шумарин // Проблемы русского языка и методики его преподавания. – Балашов, 2004. – С. 81 – 87.

528. Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие / Л. В. Щерба. – СПб., 1915. – 194 с.

529. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. – 188 с.

530. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 432 с.

531. Языковая номинация : общие вопросы / [под ред. Л. Л. Уфимцевой, Б. Л. Серебrenикова]. – М. : Наука, 1977. – 360 с.

532. Янко-Триницкая Н. А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие современного русского языка. – М. : АН СССР, 1963. – С. 3 – 12.

533. Янко-Триницкая Н. А. К системности русского словообразования / Н. А. Янко-Триницкая // Научные доклады высшей школы : «Филологические науки». – 1976. – № 5. – С. 44 – 54.

534. Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексике и словообразовании / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М. : Наука, 1964. – С. 18 – 35.

535. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Индрик, 2001. – 504 с.

536. Янценецкая М. Н. О терминах «словообразовательное значение» и «значение словообразовательного типа» / М. Н. Янценецкая // Актуальные вопросы русского словообразования. – Тюмень, 1984. – С. 8 – 21.
537. Ярмашевич М. А. Знаковость аббревиатурных единиц / М. А. Ярмашевич // Вестник ОГУ. – 2002. – № 6. – С. 106 – 110.
538. Ярмашевич М. А. Универбация как разновидность аббревиации / М. А. Ярмашевич // Вестник ОГУ. – 2003. – № 5. – С. 4 – 8.
539. Ярмашевич М. А. Номинативная способность аббревиатур [Электронный ресурс] / М. А. Ярмашевич // Language and Literature. – Вып. 16. – Режим доступа к журналу : <http://frgf.utmn.ru/journal/No16/journal.htm>. – Заглавие с экрана.
540. Ярмашевич М. А. Аббревиация в современных европейских языках : структурный, семантический и функциональный аспекты : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.19 / Ярмашевич Марина Аркадьевна. – Саратов, 2004. – 480 с.
541. Ярошенко Н. О. Місце складних слів у словотвірному гнізді в контексті заставної композитології // Восточноукраинский лингвистический сборник : сб. научн. трудов. – Вып. 9. – Донецк : Донеччина, 2004. – С. 265 – 279.
542. Ярцева В. Н. Диахроническое изучение системы языка / В. Н. Ярцева // Тезисы докладов на открытом расширенном заседании ученого совета, посвященном дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 16 – 20.
543. Ярцева В. Н. Проблема универсалий и классификация языков / В. Н. Ярцева // Универсальные и типологические исследования : Мещаниновские чтения. – М. : Наука, 1974. – С. 5 – 29.
544. Ярцева В. Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка / В. Н. Ярцева // Семантическое и формальное варьирование : сб. научн. трудов. – М. : Наука, 1979. – С. 7 – 27.

545. Bartoszewicz A. К вопросу о так называемой семантической конденсации в русском и чешском языках / A. Bartoszewicz // *Slavia occidentalis*. – Warszawa-Poznan, 1973. – Т. 30.
546. Bybee J. Morphology : A study of the relation between meaning and form / J. Bybee. – Amsterdam : Benjamins, 1985. – 234 p.
547. Cuyckens H. Polysemy in Cognitive Linguistics / H. Cuyckens, B. Zawada // *Selected Papers from the International Cognitive Linguistics Conference*. – Amsterdam : Benjamins 1997. – P. 9 – 28.
548. Dokulil M. Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozování slov / M. Dokulil. – Praha : CAV, 1962. – 263 s.
549. Egg M. Hochgradige Polysemie und ihre Repräsentation / M. Egg / Arbeitspapier Nr. 63 der FG Sprachwissenschaft, Universität Konstanz. – Konstanz, 1994. – S. 27.
550. Finck F. N. Die Haupttypen des Sprachbaus / F. N. Finck. – Berlin und Leipzig, 1909.
551. Glushchenko V. Method Structure in Russian and Ukrainian Linguistic Tradition / Glushchenko V. // *Collected Articles of the 3rd International Linguistics Conference (Taganrog, Russia)* / edited by G. T. Polenova and T. G. Klikushina. – Newcastle upon Tyne, 2014. – P. 293–300.
552. Gramatyka współczesnego języka polskiego : morfologia / [red. R. Grzegorzczkovej, R. Laskowskiego, H. Wrybla]. – Warszawa : PWN, 1984. – 312 s.
553. Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing / E. Haugen // *The Ecology of Language*. – Stanford : Stanford University Press, 1972. – P. 79-109.
554. Jackson H. Words and their Meaning / H. Jackson. – London and New York : Longman, 1995. – 279 p.
555. Jespersen O. Monosyllabism in English / O. Jespersen // *Proc. of Brit. Acad.* – London, 1928. – Vol. 14. – P. 344–368.
556. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation / H. Marchand. – Wiesbaden : O. Harrassowitz, 1960. – 360 p.

557. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale / A. Meillet. – Ed. 2. – Paris : Champion, 1926. – 355 p.
558. Nida E. A. Componential analysis of meaning / E. A. Nida. – The Hague-Paris, Mouton, 1975. – 272 p.
559. Paul H. Das Wesen der Wortzusammensetzung / H. Paul // Wortbildung. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. – S. 3 – 43.
560. Pustejovsky J. Lexical Semantics : the Problem of Polysemy / J. Pustejovsky, B. Boguraev. – Oxford : Language Arts & Disciplines – 1996 – 214 p.
561. Ravin Y. Polysemy : theoretical and Computational Approaches / Y. Ravin, C. Leacock. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 227 p.
562. Rozwadowski J. O dwusłonowości wyrazów // Język polski. – 1921. – № 5.
563. Słownik języka polskiego / Red. naczelny W. Doroszewski. – Warszawa, 1963. – 464 p.
564. Schank R. C. Dynamic Memory / R. C. Schank. – Cambridge : Cambridge Univ. Press., 1982. – 234 p.
565. Schank R. C. Reading and Understanding : Teaching from the Perspective of Artificial Intelligence / R. C. Schank. – Hillsdale, N.Y. : Lawrence Erlbaum Ass., 1982. – 196 p.
566. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Ann Arbor Karoma publishers, 1985. – 368 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

а) Словари и энциклопедии

1. Большая медицинская энциклопедия : современное популярное иллюстрированное изд. : Более 1500 заболеваний, симптомов и синдромов : [Авт. кол. : Елисеев А. Г., Шилов В. Н., Гитун Т. В. и др.]. – М. : ЭКСМО, 2007. – 800 с.
2. Большой энциклопедический словарь : [под ред. А. М. Прохорова]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 863 с.
3. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка / А. А. Зализняк. – М. : Русский язык, 1977. – 880 с.
4. Кудрявцева Л. А. Обратный деривационный словарь русских новообразований / Л. А. Кудрявцева. – К. : ИСДО, 1993. – 156 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов : [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – 20-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1988. – 750 с.
6. Петров А. В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов / А. В. Петров. – Симферополь : Изд-во ТНУ, 2003. – 286 с.
7. Складаревская Г. Н. Словарь сокращений современного русского языка / Г. Н. Складаревская. – М. : ЭКСМО, 2004. – 445 с.
8. Складаревская Г. Н. Толковый словарь современного русского языка : языковые изменения конца XX столетия / Г. Н. Складаревская. – М. : АСТ, 2005. – 894 с.
9. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) : в 10-ти томах / [Глав. ред. Р. И. Аванесов]. – Т.3. – М. : Русский язык, 1990. – 512 с.
10. Словарь живого русско-советского языка // Русский журнал. – 2003. – № 12. – С. 33 – 46.
11. Словарь русского языка : В 4-х т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – (РАН, Ин-т лингвистич. исследований).

12.Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. – М.-Л. : Наука, Ленингр. отд., 1948-1966. – (Академия Наук СССР. Институт русского языка).

13.Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков : [под ред. Татьянченко Н. Ф.]. – М. : Альта-Пресс, 2005 – 1216 с.

б) Периодические издания

14.Аргументы и Факты. – (АиФ).

15.Бизнес для всех.

16.Бизнес за рубежом.

17.Болельщик.

18.Бульвар Гордона.

19.Ведомости.

20.Вечерний Харьков.

21.Вечерний Минск.

22.Вечерний Новосибирск.

23.Вечірній Київ.

24.Взгляд.

25.Вокруг света.

26.Газета по-киевски.

27.Газета по-украински.

28.Деловая неделя.

29.Деловая столица.

30.Днепр вечерний.

31.Домострой.

32.Дружба народов.

33.Жизнь.

34.За рулём.

35.Зеркало недели.

36.Знамя.

37. Известия.
38. Коммерсантъ-Daily.
39. Комсомольская правда. – (КП).
40. Комсомольская правда в Украине – (КПвУ).
41. Крестьянские вести.
42. Литературная газета.
43. Любимая дача.
44. Маркетинг и консалтинг. – (МиК).
45. Московский комсомолец. – (МК)
46. Независимая газета.
47. Никольский благовест.
48. Новая газета.
49. Новая политика.
50. Новое русское слово. – (НРС).
51. Политический журнал.
52. Православная газета.
53. Совершенно секретно.
54. Советский спорт.
55. Спорт-экспресс.
56. Труд.
57. Факты.
58. Хрещатик.
59. Эксперт Украины.
60. Экспресс-К.
61. Элитный персонал.
62. Юность.

в) Интернет-ресурсы

63. 24.ua : информационный портал. – Режим доступа : <http://24.ua>.
64. АльянсМедиа : информационный портал. – Режим доступа :
<http://allmedia.ru>.

65. АПК-информ on-line. – Режим доступа : <http://www.apk-inform.com>.
66. БелГазета : информационно-аналитический еженедельник. – Режим доступа : <http://www.belgazeta.by>.
67. Валаам : официальный сайт Валаамского монастыря. – Режим доступа : <http://valaam.ru>.
68. Википедия : интернет-энциклопедия. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org>.
69. Диагональный мир : туристический Интернет-журнал. – Режим доступа : <http://tag.spb.ru>.
70. Домострой : информационный портал. – Режим доступа : <http://dom-s.org>.
71. Живой журнал : портал. – Режим доступа : <http://livejournal.com>.
72. Издательство «Нестор» : официальный сайт. – Режим доступа : <http://www.nestor.minsk.by>.
73. Кругосвет : интернет-энциклопедия. – Режим доступа : <http://www.krugosvet.ru>.
74. Курилка : интернет-форум. – Режим доступа : <http://kurilka.citforum.ru>.
75. Мир климата : интернет-журнал. – Режим доступа : <http://mir-klimata.apic.ru>.
76. Национальный корпус русского языка : www.ruscorpora.ru.
77. Обозреватель : информационный портал. – Режим доступа : <http://www.obozrevatel.com>.
78. Онлайн-библиотека. – режим доступа : <http://lib.profi.net.ua>.
79. Портал гуманитарного образования. – Режим доступа : <http://www.humanities.edu.ru>.
80. Харьковское небо : сайт. – Режим доступа : <http://skykharkov.h10.ru>.